

Э. ПИМЕНОВА

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ВОЖДИ

современной

АНГЛИИ и ИРЛАНДІИ

Биконсфильдъ. — Чэмберленъ. — Сесиль Родсъ. — Гладстонъ. — Джонъ Морлей. — Розберри. — Парнелль. — Джонъ Редмондъ. — Лабушеръ. — Джонъ Бёрнсъ.

Съ 10 портретами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-литографія „Герольдъ“ (Вознесенскій пр. № 3)

1904

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ВОЖДИ

СОВРЕМЕННОЙ

АНГЛІИ И ИРЛАНДІИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ автора	VII
I. Лордъ Биконсфильдъ	1
II. Джозефъ Чэмберленъ	25
III. Сесиль Родсъ	59
IV. Гладстонъ	95
V. Джонъ Морлей	156
VI. Лордъ Розберри	169
VII. Чарльзъ Стюартъ Парнелль	183
VIII. Джонъ Редмондъ	242
IX. Генри Лабушеръ	250
X. Джонъ Вёрнсъ	261

ОТЪ АВТОРА.

Англія является единственнымъ государствомъ, въ которомъ глубокія измѣненія политической жизни въ теченіе XIX столѣтія и переходъ отъ аристократическаго режима къ демократическому произошли безъ всякихъ потрясеній, путемъ медленнаго и мирнаго превращенія политическихъ учрежденій и при сохраненіи неприкосновенности внѣшнихъ формъ. Избирательныя реформы превратили палату общинъ, которая была аристократическимъ законодательнымъ корпусомъ, въ собраніе представителей націи, и понемногу это собраніе отнимало власть у короля и лордовъ и превращалось въ верховное собраніе, а министерство, бывшее королевскимъ совѣтомъ, становилось исполнительнымъ комитетомъ палаты. Такимъ образомъ возникъ новый порядокъ, сохранившій и королевскую власть, и наследственныхъ преровъ, и привилегированную государственную церковь, но въ которомъ остатки старыхъ учрежденій соединились съ новыми, представляя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ странную и удивительную комбинацію, подчасъ затемняющую истинный характеръ политической эволюціи, которой подвергается Англія. Но подъ нетронутыми формами политической жизни движеніе не прекращается, хотя оно очень часто ускользаетъ отъ глазъ посторонняго наблюдателя, замѣчающаго порою только его конечные результаты, выражающіеся обновленіемъ соціального строя.

Въ прилагаемыхъ очеркахъ заключается рядъ политическихъ портретовъ тѣхъ лицъ, которыя воплощаютъ въ себѣ главныя идеи, руководящія эволюціей современнаго англійскаго общества. Мы имѣли въ виду изобразить въ образѣ главныхъ дѣятелей возникновеніе и развитіе идей имперіализма, ростъ и упадокъ либеральныхъ идей, эволюцію англійскихъ политическихъ партій, зарожденіе рабочаго движенія и борьбу Ирландіи съ Англійей. Въ нашихъ очеркахъ мы остановились на портретахъ лишь такихъ дѣятелей современной Англии, которые являются представителями соціальныхъ группъ и интеллектуальныхъ силъ, дѣятельность которыхъ вызвала къ жизни новыя формулы или же выдвинула новыя политическія проблемы, разрѣшенныя или требующія своего разрѣшенія.

Э. П.

15 апрѣля 1904 г.

С.-Петербургъ.

Биконсфилдъ.

(Съ фотографіи).

I.

Лордъ Биконсфильдъ.

Отецъ современнаго англійскаго имперіализма.

19-го апрѣля 1901 года огромная толпа народа, съ букетами бѣлой буквицы въ рукахъ, направилась къ памятнику лорда Биконсфильда въ Лондонѣ, чтобы убрать его любимыми цвѣтами покойнаго англійскаго государственнаго дѣятеля, сдѣлавшимся эмблемою бѣлой политической партіи. Двадцать лѣтъ прошло со смерти Биконсфильда, однако, основанная имъ политика имперіализма не только не исчезла вмѣстѣ съ нимъ, но, продолжая развиваться, достигла своего апогея въ послѣдніе годы, что и выразилось въ грандіозномъ чествованіи памяти ея основателя. Тогда еще Англія не очнулась отъ своего увлеченія «культутомъ славы», и хотя тяжелое бремя южно-африканской войны уже давало себя чувствовать, но еще не наступилъ моментъ подведенія итоговъ и трезвой критики положенія вещей. Пятидесятитысячная толпа, положившая цвѣты къ подножію памятника Биконсфильда, видѣла въ немъ олицетвореніе великой патріотической идеи, человѣка, положившаго начало величію имперіи. Когда Биконсфильдъ сталъ во главѣ англійскаго правительства, имперіализмъ былъ еще пустымъ звукомъ. Въ политикѣ существовали два теченія. Либералы настаивали на отдѣленіи колоній, которыя обходились слишкомъ дорого метрополии и только обременяли ея бюджетъ, консерваторы же стояли за цѣльность британской имперіи и укрѣпленіе связи между колоніями и Англіей. Это теченіе восторжествовало, когда Биконсфильдъ сдѣлался его руководителемъ. Королева Викторія была провозглашена императрицею Индіи въ 1877 году, и этотъ титулъ далъ свое

название цѣлому политическому теченію, новой «империалистской» политикѣ, отцомъ которой считаютъ Биконсфильда.

Венъяминъ Дизраели, лордъ Биконсфильдъ, происходилъ изъ еврейской семьи. Его предки бѣжали изъ Испаніи, спасаясь отъ инквизиціи, и укрылись въ Венеціи, гдѣ, несмотря на совѣтъ десяти, все-таки, существовали еще остатки свободы. Тамъ они занялись финансовыми операціями и скоро стали замѣтны среди выдающихся банкировъ венеціанской республики. Въ 1748 году одинъ изъ нихъ отправилъ своего младшаго брата, Венъямина Дизраели, въ Англію, попытать счастья на берегахъ Темзы, такъ какъ Англія, по прекращеніи внутреннихъ религіозныхъ распрей, начала прилагать всѣ усилія, чтобы занять первенствующее мѣсто въ міровой торговлѣ. Венъяминъ Дизраели, прадѣдъ будущаго англійскаго перваго министра, остался вѣренъ традиціямъ своей расы. Онъ гордился своимъ именемъ и, благодаря успѣшнымъ финансовымъ операціямъ, могъ бы занять выдающееся мѣсто среди европейскихъ финансистовъ, но ему помѣшала жена. Мечтою всей ея жизни было попасть въ высшее англійское общество, сдѣлаться его признаннымъ членомъ. Но напрасно она стучалась во всѣ двери. Ее впускали, когда находили, что она можетъ быть полезна своимъ богатствомъ и положеніемъ въ финансовомъ мірѣ, но на каждомъ шагѣ ей давали чувствовать, что не считаютъ ее равной. Она страдала отъ такого высокомерія и презрѣнія англійской аристократіи, и желая во что бы то ни стало завоевать себѣ мѣсто въ ея рядахъ, отреклась отъ религіи своихъ предковъ, и думая, что банкъ служитъ препятствіемъ ея честолюбивымъ замысламъ, она заставила своего мужа прекратить банкирскую дѣятельность и реализовать свое состояніе. Однако, все было тщетно; она не могла измѣнить имени, а этого одного было достаточно, чтобы подвергнуть ее остракизму.

Ея внукъ, Венъяминъ Дизраели, осуществилъ ея мечту. Онъ, также какъ она, былъ проникнутъ честолюбивыми стремленіями, но мѣтилъ гораздо выше. Ему мало было того, чтобы англійская аристократія признала его своимъ равноправнымъ членомъ, онъ хотѣлъ стать ея главой, заставить ее повиноваться своей волѣ. Неустанно и неуклонно добивался онъ своей цѣли и, въ концѣ концовъ, достигъ ея. Въ

этомъ заключался весь интересъ его жизни. Умирая, онъ могъ сказать, что достигъ алогоя своихъ желаній. Крещенный еврей, но вовсе не отрекшійся отъ своей религіи, Дизраели-Биконсфильдъ сдѣлался оракуломъ и протекторомъ христіанской церкви, наиболѣе ревниво оберегающей свою независимость. Чужестранецъ, купческаго происхожденія, онъ тѣмъ не менѣе заставилъ самую высококомѣрную расу на свѣтѣ признать созданную имъ націоналистскую формулу и училъ англичанъ, какъ надо любить свою родину. Онъ достигъ того, что лондонскій народъ съ триумфомъ вынесъ его на своихъ плечахъ, а городъ Лондонъ поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго гражданина, когда онъ вернулся въ Англію послѣ берлинскаго конгресса.

Однако, на первыхъ порахъ Венъямину Дизраели, также какъ и его прабабкѣ, пришлось испытать не мало затрудненій, и самолюбіе его не разъ сильно страдало отъ высококомѣрія англійскаго общества. Его отецъ, Исаакъ Дизраели, желая избавить сына отъ тяготѣвшихъ въ то время надъ евреями соціальныхъ и политическихъ ограниченій, окрестилъ его, когда ему было 13 лѣтъ.

Венъяминъ Дизраели, однако, выросъ уже въ совершенно другой обстановкѣ. Его отецъ питалъ инстинктивное отвращеніе къ любимой профессіи всѣхъ своихъ предковъ и, вернувшись изъ Голландіи, куда его послали изучать банкирское дѣло, онъ привезъ съ собою вмѣсто всякихъ финансовыхъ познаній написанную имъ поэму, осуждавшую притомъ торговля спекуляціи, какъ занятіе, принижающее духъ человѣка; ничего подобнаго никогда еще не случалось въ старинномъ домѣ банкировъ Дизраели.

Исаакъ Дизраели посвятилъ всю свою жизнь литературѣ. Онъ проводилъ всѣ дни въ библіотекахъ или лавочкахъ букинистовъ. Но первые его шаги на литературномъ поприщѣ были неудачны, и тогда онъ бросилъ писать плохіе романы, занявшись спеціальнымъ изученіемъ исторіи литературы, преимущественно англійской. Онъ издалъ нѣсколько литературно-историческихъ изслѣдованій, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе.

Само собою разумѣется, что Исаакъ Дизраели не могъ имѣть намѣренія сдѣлать изъ своего сына финансиста, какими были всѣ его предки. Скорѣе онъ могъ мечтать для

сына о литературной славѣ, такъ какъ къ практической дѣятельности онъ и самъ не чувствовалъ ни малѣйшей склонности. Однако, въ началѣ воспитаніе будущаго государственнаго дѣятеля было не особенно тщательнымъ, и онъ росъ, предоставленный самому себѣ. Только послѣ того, какъ онъ былъ принятъ въ лоно англиканской церкви, отецъ занялся его воспитаніемъ. Онъ хотѣлъ даже опредѣлить его въ итонскую школу, а затѣмъ отправить въ Оксфордъ, но мысль, что онъ будетъ неизбежно подвергаться тамъ оскорбленіямъ и насмѣшкамъ своихъ аристократическихъ товарищей, благодаря имени, которое носилъ, остановила Исаака Дизраели. Бенъ — какъ его называли въ семьѣ, поступилъ въ частную школу, и, кромѣ того, отецъ самъ занимался съ нимъ. Не разъ потомъ Бенъ сожалѣлъ, что онъ не посѣщалъ ни одной высшей школы и не прошелъ черезъ университетъ. Это обстоятельство сильно затрудняло его карьеру вначалѣ, такъ какъ въ глазахъ его соотечественниковъ ему не хватало того лоска, который придаетъ специальнымъ воспитаніемъ англійскому джентльмену.

Но у Бена была своя цѣль въ жизни, къ которой онъ началъ упорно стремиться съ 18-ти лѣтъ. Онъ рѣшилъ покорить себѣ чопорное и напыщенное англійское общество, которое заставило его прабабку вынести столько униженій и его самого лишило возможности получить надлежащее воспитаніе. Онъ поступилъ клеркомъ въ контору одного адвоката и очень добросовѣстно занимался въ теченіе пяти лѣтъ, такъ что отецъ думалъ, что онъ выберетъ адвокатуру своей профессіей. Но молодой Дизраели вовсе не стремился къ такой карьерѣ, хотя и могъ разсчитывать на успѣхъ и хорошіе доходы. Онъ мечталъ о другомъ и, находясь въ конторѣ адвоката, старался завязать знакомства въ свѣтскомъ и литературномъ кругу. Ему удалось снискать дружбу нѣсколькихъ литераторовъ и политическихъ дѣятелей, а у своего крестнаго отца, поэта-милліонера, Самуэля Роджерса, онъ встрѣчалъ разныхъ выдающихся людей и прислушивался къ ихъ разговорамъ о разныхъ великихъ современныхъ проблемахъ и вопросахъ, волновавшихъ тогдашнее общество.

Велико было изумленіе не только лондонскаго общества, но и всѣхъ домашнихъ Веньямина Дизраели, когда

«Вдругъ въ книжныхъ магазинахъ появился романъ «Вивіанъ Грей», подписанный его именемъ. Это была ѣдкая сатира на современное англійское общество, нравы и образъ мыслей котораго были изображены въ романѣ. Авторъ не поспешилъ на краски и даже намѣренно сгустилъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выхвативъ прямо изъ жизни своихъ дѣйствующихъ лицъ и съ необычайною смѣлостью рисуя современныя событія. Романъ произвелъ сенсацію въ Лондонѣ и при дворѣ, гдѣ имъ зачитывались. Подъ вымышленными именами героевъ романа искали живыхъ личностей и старались угадать, гдѣ происходили рассказанныя событія. Однимъ словомъ, романъ имѣлъ настолько блестящій успѣхъ, что авторъ его сразу сдѣлался героемъ дня и получилъ литературную извѣстность. Въ нѣсколько дней разошлось восемь изданій.

Такимъ образомъ въ 22 года Дизраели позналъ уже всю сладость успѣха. Слава манила его, и ему хотѣлось поскорѣе достигнуть ее. Лихорадочное возбужденіе, которое овладѣло имъ, вредно отразилось на его здоровьи. Съ нимъ сдѣлалось нервное разстройство, и ему временами казалось, что онъ чувствуетъ движеніе круговращенія земли. Врачи посоветовали ему развлеченія и путешествія, и онъ отправился на Востокъ, посѣтилъ Турцію, Малую Азію и Палестину. Онъ вернулся въ Англію послѣ двухлѣтняго отсутствія и сразу ринулся въ политику, не оставляя, впрочемъ, и литературныхъ занятій. Но ему хотѣлось непременно проникнуть въ свѣтскіе салоны, и онъ смѣло принялся форсировать двери, закрытыя для людей его расы, такъ какъ въ то время въ Англійи трудно было попасть въ аристократическое общество, нося такое имя, какое носилъ онъ. Однако, ему удалось это, благодаря первому литературному успѣху, умѣнью говорить, остроумію, ѣдкости и сарказму, которые укрѣпили за нимъ репутацію блестящаго и интереснаго человѣка. Дамы-аристократки въ особенности интересовались молодымъ писателемъ, который обладалъ прекрасными манерами и всегда былъ изысканно одѣтъ. Такимъ образомъ будущему лорду Виконсфилдѣ удалось попасть въ самые замкнутые салоны англійской аристократіи и завоевать ея вниманіе. Первый шагъ былъ сдѣланъ, и Дизраели смѣло пошелъ къ намѣченной цѣли. Чтобы

достигнуть ея, ему нужна была политика, которая должна была служить для него трамплиномъ, чтобы при ея помощи онъ могъ прыгнуть на желаемую высоту; ему надо было попасть въ парламентъ. Онъ смѣло выступилъ кандидатомъ на парламентскихъ выборахъ, выставивъ вполнѣ демократическую программу. А такъ какъ его связи въ лондонскомъ обществѣ и отношенія къ консервативной партіи еще недостаточно установились, и онъ не могъ быть увѣреннымъ въ поддержкѣ консерваторовъ, то онъ примкнулъ къ либеральной партіи, сблизился съ О'Коннелемъ и даже выказалъ сочувствіе рабочимъ-чартистамъ. Несмотря на это, онъ три раза потерпѣлъ неудачу на выборахъ. Но онъ уже не былъ прежнимъ пылкимъ юношей, безъ оглядки устремлявшимся впередъ, онъ научился выжидать и не сгоралъ больше лихорадкою нетерпѣнія, которая разстроила уже однажды его здоровье. Вѣря въ свою звѣзду, въ свой талантъ и въ свою твердую волю, онъ упорно добивался успѣха и получилъ его. Но раньше онъ порвалъ со своими прежними друзьями либеральной партіи, О'Коннелемъ и другими, разочаровавшись въ ихъ поддержкѣ, и сталъ искать сближенія съ противоположною партіей — торіями. Съ этою цѣлью онъ опубликовалъ открытое письмо къ лорду Ленгорсту, въ которомъ проповѣдовалъ союзъ торіевъ съ демократіей, доказывая необходимость для правительства опираться на монархію, церковь и народъ. Своего прежняго союзника — О'Коннеля, котораго онъ раньше называлъ «великимъ передовымъ бойцомъ», онъ заклеилъ въ этомъ письмѣ именемъ «измѣнника и поджигателя». О'Коннель, однако, не остался въ долгу и назвалъ Дизраели «лжецомъ» и «низкимъ созданіемъ». Между бывшими друзьями и союзниками возникла ожесточенная полемика, и Дизраели вызвалъ на дуэль О'Коннеля, но тотъ съ презрѣніемъ отнесся къ этому вызову и такъ какъ вмѣшалась полиція, то дуэль не состоялась.

Въ это время произошла перемѣна царствованія и новые общіе выборы. Такъ или иначе, Дизраели, все-таки, обратилъ на себя вниманіе торіевъ и могъ рассчитывать на ихъ содѣйствіе. На помощь ему пришла женщина, внезапно полюбившая его. Это была жена вліятельнаго консервативнаго депутата, Виндгэма Льюиса, пользовавшагося большимъ

вліяніемъ въ Мэдстонскомъ избирательномъ округѣ. Мистрисъ Льюисъ рѣшила во что бы то ни стало помочь молодому Дизраели сдѣлать политическую карьеру и уговорила мужа поддержать его кандидатуру. Такимъ образомъ въ іюнѣ 1837 года, въ первый годъ царствованія королевы Викторіи, Веңьяминъ Дизраели попалъ, наконецъ, въ парламентъ, какъ консервативный депутатъ Мэдстона.

Парламентскіе дебюты Дизраели, однако, не ознаменовались ожидаемымъ успѣхомъ. Извѣстно, какое важное значеніе имѣеть въ англійскомъ парламентѣ первая рѣчь новаго депутата, такъ называемая «Maiden speech». Это въ нѣкоторомъ родѣ академическое торжество; согласно традиціи, обѣ партіи привѣтствуютъ вступленіе новаго оратора въ парламентъ и поздравляютъ его. На этотъ разъ традиція была нарушена. Дизраели не сумѣлъ попасть въ тонъ парламента. Его смѣлыя метафоры и сравненія, порою довольно рискованныя, произвели крайне невыгодное впечатлѣніе на корректныхъ джентльменовъ палаты общинъ, тѣмъ болѣе, что большинство этихъ джентльменовъ не могло ему простить сатиры его первыхъ романовъ. Дизраели пришлось говорить объ ирландскихъ дѣлахъ. У власти стояла либеральная партія, и первый министръ старался примирить либеральные принципы своей партіи съ ультрамонтанскими притязаніями ирландской клерикальной партіи, которую онъ считалъ нужнымъ щадить, вслѣдствіе нѣкоторыхъ политическихъ соображеній. Это дало поводъ Дизраели сдѣлать нѣсколько ѣдкихъ замѣчаній по адресу перваго министра, который, по его словамъ, «одною рукою бряцаетъ ключами св. Петра, а другою показываетъ колпакъ свободы». Своими саркастическими выводами и рѣзкими нападками на О'Коннеля и др. Дизраели сразу вооружилъ противъ себя парламентъ. Образовалась цѣлая коалиція, поминутно прерывавшая его рѣчь, но это не смущало молодого оратора, и онъ, все-таки, продолжалъ говорить. Однако, шумъ настолько усилился, что онъ долженъ былъ прекратить рѣчь. Онъ сѣлъ на свое мѣсто, предварительно бросивъ палатѣ слѣдующее гордое замѣчаніе: «Много разъ мнѣ приходилось начинать сначала,—сказалъ онъ, подчеркивая каждое свое слово,—но я всегда почти достигалъ цѣли. На сегодня я кончилъ, но придетъ пора, когда вы будете меня слушать».

Въ этотъ періодъ времени Дизраели пришлось испытать много затрудненій въ финансовомъ отношеніи. Путешствія, выборы, свѣтская жизнь, поглотили скромное состояніе, оставленное ему отцомъ, и онъ запутался въ долгахъ. Онъ не хотѣлъ примѣшивать какія-либо финансовыя соображенія къ своей политикѣ и во всю жизнь никогда не занимался никакими финансовыми спекуляціями. Онъ, однако, рассчитывалъ поправить свои обстоятельства женитьбой. Это удалось, и, кромѣ того, женитьба доставила ему возможность заплатить долгъ благодарности, такъ какъ онъ женился на вдовѣ своего парламентскаго коллеги, Льюиса, той самой, которая помогла ему пройти первыя ступени лѣстницы политической жизни. Мистриссъ Виндгемъ Льюисъ было тогда уже около 50-ти лѣтъ, а Дизраели только 35, и, конечно, такой неравный бракъ вызвалъ ироническія улыбки въ англійскомъ обществѣ. Но онъ не смутился этимъ и сумѣлъ такъ поставить себя, что скоро насмѣшки умолкли. Даже враги Дизраели должны были признать, что онъ былъ прекраснымъ мужемъ и никому не давалъ повода заподозрить свою честность по отношенію къ женѣ. Впрочемъ, Дизраели и раньше заявлялъ, что онъ никогда не женится по любви; онъ не хочетъ ставить бракъ въ зависимость отъ любовнаго каприза! Онъ мечталъ о спокойномъ домашнемъ очагѣ, гдѣ бы онъ могъ всегда найти нужные ему отдыхъ и поддержку. И, дѣйствительно, мистриссъ Льюисъ всегда была его неизмѣнною помощницею, и какъ послѣ триумфа, такъ и послѣ пораженія въ палатѣ общинъ, онъ всегда сѣвшилъ къ себѣ домой, гдѣ его ожидали неизмѣнная дружба и преклоненіе его жены, восхищавшейся гениемъ своего мужа.

Вначалѣ, когда Дизраели только-что выступилъ на политическое поприще, его политическіе взгляды не вполне опредѣлились, но затѣмъ, когда онъ рѣшительно всталъ на сторону консервативной партіи, онъ выработалъ для себя программу, которая, все-таки, нѣсколько отличалась отъ программы консерваторовъ. Онъ объявилъ, что консервативная партія должна охранять національную церковь, неприкосновенность имперіи и заботиться объ улучшеніи положенія народа. Народъ, въ свою очередь, долженъ поддерживать церковь и престоль, и за это церковь постарается улучшить

нравственныя условія его жизни, а король—матеріальныя. Дизраели напалъ на либеральную партію, обвиняя ее въ лицемѣріи. «Демократическіе аристократы,—говорилъ онъ,—расширили свои привилегіи и узурпировали власть монарха, увѣривъ народъ, что они защищаютъ его интересы». Открыто объявивъ войну либераламъ, Дизраели уже не сходилъ съ этой позиціи и упорно боролся съ ними, добываясь власти.

Въ Англіи, между тѣмъ, произошли довольно важныя событія. Избирательная реформа произвела переворотъ въ учрежденіяхъ, а расширение промышленности вызвало глубокія перемѣны въ жизни и нравахъ англійскаго народа. Кромѣ того, XVIII-й вѣкъ остался не безъ вліянія на англиканскую церковь, также какъ и на церкви европейскаго континента. Повсюду парламенты начали вмѣшиваться въ догматическіе вопросы, епископы покидали свои приходы, а церковныя доходы расхищались придворными. Но во Франціи, Испаніи и Германіи церковь имѣла защитника и опору въ лицѣ папы, въ Англіи же она занимала изолированное положеніе, и въ глазахъ министровъ духовенство было такими же чиновниками, но только обязанными молиться Богу, тогда какъ другіе чиновники обязаны были заниматься другими дѣлами. И, дѣйствительно, огромное большинство церковныхъ прелатовъ нисколько не отличалось своимъ образомъ жизни отъ другихъ джентльменовъ англійскаго общества, также участвовало во всѣхъ увеселеніяхъ свѣтскихъ людей, и только костюмъ ихъ носилъ болѣе строгій характеръ. Протестъ противъ такого положенія вещей выразился въ такъ называемомъ оксфордскомъ движеніи, во главѣ котораго находился молодой священникъ Ньюмэнъ, получившій воспитаніе въ оксфордскомъ университетѣ и сохранившій съ нимъ связь послѣ того, какъ сдѣлался священникомъ. Вмѣстѣ съ кружкомъ другихъ церковныхъ дѣятелей, онъ началъ издавать церковныя памфлеты. Въ этихъ памфлетахъ онъ напалъ на критицизмъ въ религіи и обнаруживалъ явную склонность къ римско-католической церкви. Но вначалѣ многіе этого не замѣтили и только видѣли въ этомъ движеніи пробужденіе религіознаго чувства и реакцію противъ нравовъ англиканскаго духовенства. Дизраели также обманулся насчетъ истиннаго характера этого движенія и, такъ какъ видѣлъ въ немъ нарождающуюся силу, то рѣ-

шилъ примкнуть къ нему и сдѣлаться его руководителемъ, придавъ ему политическій характеръ. Однако, вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться въ своей ошибкѣ. Ньюмэнъ сложилъ съ себя священническое званіе, потому что его привлекала къ себѣ католическая церковь, и въ концѣ концовъ перешелъ въ католичество. Другіе также отпали, и тогда, на обломкахъ оксфордскаго движенія, Дизраели создалъ настоящую политическую партію — «молодую Англію», принципы которой онъ изложилъ въ своихъ произведеніяхъ, проповѣдывавшихъ союзъ между престоломъ и рабочими классами народа. Церкви же Дизраели отводилъ особое мѣсто, выше государства, такъ какъ она являлась представительницею духовныхъ интересовъ человѣчества. Идеи и стремленія «молодой Англіи» Дизраели изложилъ въ трехъ романахъ, написанныхъ въ 1844—47 годахъ: «Conningsby», «Sybil» и «Tancred», въ послѣднемъ въ особенности ярко выразились его политическіе взгляды, стремленіе къ Востоку и склонность къ Турціи. Въ этомъ романѣ королева Викторія получаетъ титулъ императрицы, и ей предлагается перенести свой тронъ въ Дели. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ появленія своего романа Дизраели привелъ въ исполненіе это предсказаніе, и королева Викторія была провозглашена императрицею Индіи.

Занимаясь планами будущаго, Дизраели, однако, не упускалъ изъ виду настоящаго. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ въ парламентѣ, предвидя скорое измѣненіе положенія партій. Онъ предугадывалъ, что Робертъ Пиль, достигшій власти въ 1841 году, вслѣдствіе довольно сильнаго реакціонернаго движенія въ обществѣ, вынужденъ будетъ пойти на уступки, тѣмъ болѣе, что партія его носила довольно сборный характеръ. Притомъ же Пиль не былъ упорнымъ консерваторомъ, что онъ доказалъ, между прочимъ, признавъ необходимость эмансипаціи католиковъ, которой онъ самъ противился вначалѣ, и открывъ доступъ католикамъ въ палату общинъ и на государственную службу. Все это вызвало противъ него сильное раздраженіе среди его прежнихъ сторонниковъ. Когда же онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ налѣво, провель отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ, возстановилъ подходный налогъ и, наконецъ, отказался отъ прежней системы строгаго протекціонизма, вопреки ожесточенному

противодѣйствию консерваторовъ, — эти послѣдніе окончательно отвернулись отъ него. Тогда Дизраели выступилъ яркимъ противникомъ этихъ мѣропріятій и, защищая интересы аграріевъ и протекціонистовъ, обрушился въ парламентѣ на Пиля, обвиняя его въ томъ, что онъ не выполнилъ своихъ обязательствъ относительно партіи и націи и что онъ возвелъ оппортунизмъ въ правительственную систему. «Хитрость не составляетъ еще осторожности, — сказалъ онъ, — а коварство, вошедшее въ привычку, не можетъ быть названо великимъ искусствомъ управлять!»

Съ этого момента Дизраели привлекъ къ себѣ сердца англійскихъ сельскихъ джентльменовъ, протекціонистовъ, которыхъ въ особенности возмущала отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ. Чѣмъ рѣзче Дизраели нападалъ на Пиля, тѣмъ болѣе онъ упрочивалъ свое положеніе въ консервативной партіи. Но онъ, все-таки, понималъ, что ему, чужестранцу, еще рано выступать главой англійскихъ аристократовъ, интересы которыхъ онъ защищалъ въ парламентѣ, и поэтому онъ присоединился къ тогдашнему лидеру протекціонистовъ, Джорджу Бентинку, сдѣлавшись его помощникомъ. Джорджъ Бентинкъ очень былъ доволенъ такимъ сотрудникомъ, какъ Дизраели, который своимъ ѣдкимъ остроуміемъ и ироніей сильно досаждалъ первому министру. Бентинкъ въ послѣднее время больше занимался своими лошадьми, нежели политикой, — у него была лучшая конюшня въ Англии, и только то, что онъ называлъ «вѣроломствомъ Пиля», заставило его снова вступить въ парламентъ, распродать своихъ лошадей и заняться политической дѣятельностью. Между нимъ и первымъ министромъ возникла ожесточенная борьба, и въ этой-то борьбѣ Дизраели и былъ ему очень полезенъ. Однако, несмотря на ожесточенное сопротивленіе консерваторовъ, ненавистная для нихъ мѣра была, все-таки, проведена въ парламентѣ, и это привело къ совершенно неожиданному результату. Пилъ видѣлъ, что его партія раздѣлилась безвозвратно и что довольно значительная фракція тори ни за что не согласится слѣдовать за нимъ въ вопросѣ о свободѣ торговли. Въ сущности, у него не было другого выбора, и онъ долженъ былъ или прибѣгнуть къ распущенію парламента, или вступить въ переговоры съ оппозиціей. Онъ избралъ послѣднее, и въ парламентѣ, такимъ образомъ, прои-

зошла странная перемена; глава правительства, отвергнутый тѣми, кто его избралъ, сталъ управлять страной при помощи тѣхъ, борющихся противъ кого онъ торжественно обѣщаль въ парламентѣ. Тори, очутившіеся въ оппозиціи противъ избраннаго ими правительства, сгруппировались около Бентинка и Дизраели. Хотя они и составляли меньшинство въ палатѣ общинъ, но это меньшинство было настолько сплоченное, дисциплинированное и объединенное общими интересами и общею ненавистью, что подъ руководствомъ такого ловкаго парламентскаго стратега, какимъ былъ Дизраели, оно могло рассчитывать на побѣду.

Вначалѣ, однако, Пиль хорошо выдерживалъ натискъ своихъ враговъ, но тутъ на помощь имъ пришла Ирландія, которую не даромъ кто-то сравнилъ съ минотавромъ, пожирающимъ англійскихъ государственныхъ людей. Въ Ирландіи попрежнему царилъ голодъ, и обычные законы оказались недостаточными, чтобы заглушить жалобы голоднаго населенія. Пиль прибѣгнулъ къ мѣрамъ строгости, чтобы подавить волненіе въ Ирландіи, и предложилъ палатѣ ввести тамъ принудительные законы и осадное положеніе. Дизраели рѣшилъ, что этого нельзя допустить, и поэтому Бентинкъ, вотировавшій въ первомъ чтеніи въ пользу билля, предложеннаго Пилемъ, вдругъ объявилъ, «что хотя онъ и стоитъ въ принципѣ за принудительныя мѣры противъ ирландцевъ, но не считаетъ тѣмъ не менѣе возможнымъ возложить подобныя экстренныя полномочія на человѣка, два раза измѣнившаго своей партіи, самое присутствіе котораго во главѣ правительства подвергаетъ опасности парламентскій режимъ въ Англій».

Благодаря такому ловкому обороту, внутреннему Дизраели своему союзнику, консервативная оппозиція могла вотировать противъ принудительныхъ законовъ, предложенныхъ Пилемъ, не измѣняя въ то же время своимъ принципамъ. Когда наступило голосованіе во второмъ чтеніи, то за правительственный проектъ оказалось только 219 голосовъ противъ — 292. Коалиція либераловъ съ консерваторами провалила его, и Пиль тотчасъ же подалъ въ отставку.

Смерть Бентинка, внезапно умершаго отъ апоплексическаго удара въ 1848 году, открыла Дизраели дорогу къ власти.

Мечта его жизни начала исполняться, онъ сдѣлался лидеромъ англійскихъ аристократовъ, которые волей-неволей должны были официально признать его своимъ главой въ палатѣ. Карьера его была упрочена, и сынъ Исаака Дизраели, внукъ той, которая такъ тщетно добивалась попасть въ высшее общество, приобрѣлъ въ этомъ обществѣ силу и вліяніе. Протекціонисты сначала относились сдержанно къ Дизраели, не имѣвшему ни имени, ни помѣстій, но со смертью Бентинка они остались безъ лидера, которому могли бы поручить свои интересы, къ тому же роль самого Дизраели въ парламентѣ достаточно выяснилась къ этому времени, и тори понимали, что имъ трудно найти болѣе способнаго вождя, чѣмъ этотъ чужестранецъ, принадлежащій къ униженной расѣ. Дизраели отлично зналъ также, что, защищая интересы могущественнаго въ то время класса въ Англии, онъ, хотя медленно, но вѣрно, прокладываетъ себѣ дорогу вверхъ. Его выдающійся проницательный умъ помогалъ находить именно тотъ путь, который навѣрняка велъ къ цѣли. Онъ искусно лавировалъ между препятствіями и ловко избѣгалъ подводныхъ камней. Однако, онъ видѣлъ, что консервативная партія ослаблена, благодаря возникшему въ ней расколу, вызванному политикою Пиза, и не можетъ рассчитывать на достиженіе власти въ странѣ, тѣмъ болѣе, что большинство англійскаго дворянства продолжало, все-таки, смотрѣть на Дизраели, какъ на авантюриста, а не какъ на признаннаго главу своей партіи. Надо было не только приучить торіевъ къ своему вліянію, но и заставить ихъ признавать его. Этимъ и занялся Дизраели. Ловкіе удары, которые онъ постоянно наносилъ въ парламентѣ либераламъ, сторонникамъ Пиза и министерству, возвышали его престижъ въ глазахъ консерваторовъ и, когда въ 1852 году либеральное министерство Лорда Росселя распалось, то графъ Дерби увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться къ содѣйствию Дизраели, которому онъ предложилъ портфель канцлера казначейства въ своемъ министерствѣ и правительственнаго лидера въ палатѣ общинъ.

Однако, какъ этотъ, такъ и другой консервативный кабинетъ въ 1859 году отличались недолговѣчностью. Дизраели, такъ нападавшій на Пиза за его измѣну партіи, самъ отказался отъ протекціонистской системы, рассчиты-

вая такимъ образомъ удержать власть въ рукахъ консервативнаго министерства, но это не помогло. Отмѣна протекціонистской системы доставила Англїи годы безпримѣрнаго матеріальнаго благосостоянія, и англійскіе политики, ученые и философы прославляли свободу торговли, доказывая, что для Англїи наступилъ теперь золотой вѣкъ. Дизраели, убѣжденный въ томъ, что неизбѣжно должна наступить реакція, не присоединялся къ этому общему хору и выжидалъ момента, когда ему можно будетъ снова стать у власти. Этотъ моментъ наступилъ со смертью Пальмерстона. Новое либеральное министерство Росселя Гладстона внесло проектъ избирательной реформы, такъ какъ вопросъ этотъ, послѣ смерти Пальмерстона, снова выдвинулся на первый планъ. Въ парламентѣ два равныхъ противника, Дизраели и Гладстонъ, помѣрялись между собою силами, и Дизраели побѣдилъ. Либеральное министерство вышло въ отставку и замѣнено было консервативнымъ министерствомъ Дерби, въ которомъ Дизраели снова получилъ портфель канцлера казначейства.

Однако, Дизраели, нападавшій на проектъ Гладстона о реформѣ со всею тяжестью своей діалектики и бичующаго сарказма, самъ воспользовался этимъ проектомъ, когда испугался грозныхъ размѣровъ агитаціи въ пользу этой реформы. Онъ увидѣлъ, что для сохраненія своего положенія, ему необходимо сдѣлать широкія уступки общественному мнѣнію, и онъ ихъ сдѣлалъ, не колеблясь, вопреки сопротивленію многихъ членовъ своей партіи. Опять-таки онъ поступилъ, какъ Пиль, котораго онъ такъ бичевалъ за «измѣну» принципамъ консервативной партіи. Но Дизраели передѣлалъ проектъ о реформѣ въ еще болѣе радикальномъ духѣ и съ необыкновеннымъ искусствомъ провелъ эту мѣру въ парламентѣ. Реформа увеличила на 50 % число избирателей въ графствахъ, на 200 % въ мѣстечкахъ. Благодаря ей, большая часть рабочихъ получила право голоса на выборахъ, и въ Англїи воцарился демократическій порядокъ.

Изумительное искусство и настойчивость, которыя проявилъ Дизраели въ борьбѣ за реформу, настолько упрочили его положеніе въ парламентѣ, что всѣ уже видѣли въ немъ будущаго перваго министра. Ему оставалось только сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы пройти послѣднюю ступень власти, и мечта его жизни была осуществлена. Тяжелая болѣзнь

графа Дерби вынудила его сложить съ себя званіе перваго министра. Кто же могъ быть его преемникомъ, какъ не Дизраели? И никто не удивился, когда королева Викторія обратилась къ этому «геніальному авантюристу и иношленнику» и предложила ему постъ перваго министра. По странной случайности, посланнымъ королевы къ Дизраели былъ генераль Грей, тотъ самый, который въ 1832 году выставялъ свою кандидатуру въ Уойкомбъ противъ Дизраели и побѣдилъ его на выборахъ.

Благодаря популярности, которую прибрѣлъ Дизраели своею избирательною реформою, страна отнеслась сочувственно къ его возвышенію на постъ перваго министра. Отъ него ожидали дальнѣйшей дѣятельности въ этомъ же духѣ. Когда, возвращаясь послѣ аудіенціи у королевы, Веньяминъ Дизраели, ставшій съ этого момента главою англійскаго правительства, появился на площади около парламента, онъ увидѣлъ огромную толпу, привѣтствовавшую его восторженными криками. Сопровождаемый этими проявленіями народнаго энтузіазма, Дизраели прошелъ въ палату общинъ, въ ту самую залу, гдѣ за тридцать лѣтъ передъ этимъ была такъ жестоко осмѣяна его первая рѣчь и гдѣ онъ бросилъ въ лицо депутатамъ свои гордые слова: «Придетъ время, и я заставлю васъ себя слушать», такъ блестяще подтвердившіяся теперь.

Въ парламентѣ Дизраели имѣлъ достойнаго соперника и противника въ лицѣ Гладстона. Парламентская борьба между этими двумя, столь различными государственными дѣятелями Англій, представляетъ одну изъ наиболѣе интересныхъ страницъ парламентской исторіи. Дизраели опередилъ Гладстона, хотя и началъ послѣ него свою карьеру, да и трудности, которыя ему пришлось преодолевать при этомъ, были гораздо значительнѣе. Происхожденіе Дизраели и стѣсненныя финансовыя обстоятельства затрудняли ему первые шаги. Гладстону же не пришлось вынести никакой упорной борьбы, форспровать двери парламента. На его сторонѣ были все преимущества рожденія, воспитанія, богатства, но разница между нимъ и Дизраели заключалась не въ одномъ только характерѣ. Дизраели былъ честолюбецъ, и, намѣтивъ себѣ цѣль въ жизни, онъ неуклонно стремился къ ея достиженію, разчитывая каждый свой выходъ, какъ

искусный и опытный игрокъ. Онъ не увлекался въ сторону никакими идеалистическими соображеніями, какъ Гладстонъ, душу котораго возмущала всякая несправедливость, и который весь горѣлъ любовью къ челоуѣчеству. Забота объ интересахъ угнетенныхъ національностей заставляла его подчасъ забывать интересы своей собственной страны, когда онъ выступалъ ихъ защитникомъ. Само собою разумѣется, что взвѣшивающій свой каждый шагъ Дизраели, имѣвшій въ своей жизни вполне опредѣленную цѣль и программу, долженъ былъ взять верхъ надъ Гладстономъ, который всегда увлекался порывами своей души и со страстностью неопита преслѣдовалъ какую-нибудь гуманитарную идею въ политикѣ и вообще ставилъ вопросы внутренняго культурнаго развитія страны впереди вопросовъ иностранной политики и культа славы.

Кромѣ избирательной реформы, которую Дизраели, въ сущности, заимствовалъ у противоположной партіи, его управленіе не ознаменовалось никакими прогрессивными законодательными мѣрами.

Въ своей внутренней политикѣ Дизраели придерживался скорѣе отрицательной программы, которую можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: защита старо-англійскихъ учрежденій, палаты лордовъ, королевской власти и англійской церкви. Онъ велъ войну съ радикалами, нападавшими на эти учрежденія, и энергично воспротивился предложенію либераловъ относительно уничтоженія государственной церкви въ Ирландіи. Рожденный и воспитанный въ израильской вѣрѣ до 13-тилѣтняго возраста, Дизраели выступилъ энергичнымъ защитникомъ англійской церкви. Дизраели, повидимому, почиталъ религію, но только какую?—спрашивали его противники. Въ сущности, какъ бы онъ ни относился въ глубинѣ души къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, онъ видѣлъ въ національной церкви такое учрежденіе, котораго нельзя касаться, не поколебавъ самыхъ основъ государства, поэтому онъ и былъ однимъ изъ самыхъ дойальныхъ служителей англійской церкви. Въ этой роли Дизраели не посчастливилось на первыхъ порахъ. Положеніе въ Ирландіи настолько обострилось, что вопросъ объ отдѣленіи ирландской церкви отъ государства настоятельно требовалъ своего разрѣшенія. Ложное положеніе

ирландской церкви, не имѣющей паствы и живущей на счетъ населенія, отвергающаго ея ученіе и придерживающагося другого культа, бросалось въ глаза всѣмъ, и даже такіе религіозные люди, какъ Гладстонъ, находили, что церковь въ Ирландіи не выполняетъ своего соціальнаго назначенія и что такое положеніе вещей не можетъ продолжаться. Но крещеный еврей, Дизраели, оказался «plus anglicain que les anglicains» и своею преданностью англиканской церкви заткнулъ за поясъ своего противника Гладстона. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, онъ шелъ навстрѣчу желаніямъ королевы Викторіи, которая никакъ не могла примириться съ нанесеніемъ такого удара англиканской церкви и всячески старалась удержать кабинетъ Дизраели у власти. Министерство продержалось кое-какъ до конца 1868 года. Но Дизраели надѣялся, все-таки, на побѣду и поэтому, не взирая на либеральное большинство, объявилъ, что уступить только волѣ націи. Парламентъ былъ распущенъ и объявлены новые выборы, но на этотъ разъ политическая проницательность Дизраели измѣнила ему. Диссиденты всѣхъ отбѣнковъ, католики, квакеры, христіане и нехристіане, вѣрующіе и агностики, либералы и радикалы, — словомъ, всѣ оказали поддержку Гладстону, рѣшившему покончить съ религіозною системою, которую ирландскій народъ давно уже переносилъ съ трудомъ. Получилось огромное либеральное большинство, и какъ только результаты выборовъ сдѣлались извѣстны, то Дизраели, даже не дожидаясь созыва новаго парламента, сложилъ съ себя власть. Онъ вручилъ королевѣ отставку и отказался при этомъ отъ званія пэра, которое она предложила ему въ награду за его «лояльныя и безкорыстныя» услуги государству и коронѣ. Тогда королева предложила Дизраели титулъ для его жены, и онъ съ удовольствіемъ принялъ это. Но мистриссъ Дизраели недолго проносила этотъ титулъ: она умерла 4 года спустя, въ 1872 году.

Гладстонъ заступилъ мѣсто Дизраели во главѣ англійскаго правительства, а Дизраели сдѣлался предводителемъ всей консервативной партіи. Онъ властвовалъ надъ всѣми англійскими аристократами, которые признали въ немъ своего главу. Между либеральнымъ министерствомъ Гладстона и консервативною оппозиціей Дизраели завязалась ожесточенная борьба. Дизраели всю свою дѣятельность направилъ

на то, чтобы противодѣйствовать великимъ преобразовательнымъ мѣрамъ, прославившимъ министерство Гладстона. Удаленный насильственнымъ образомъ отъ должности, Дизраели посвятилъ свои досуги литературѣ. Онъ написалъ новый романъ «Lothair», въ которомъ выступилъ защитникомъ англиканской церкви. Между тѣмъ Гладстонъ провель, все-таки, реформу, которую Дизраели называлъ «святоотечествомъ». Государственная церковь въ Ирландіи была уничтожена, были отклонены ея судебная власть и право взимать «десятину». Она была также лишена своихъ обширныхъ владѣній, которыя были раздѣлены на три части, но наибольшая часть все же осталась въ рукахъ англиканской церкви, превратившейся въ корпорацію, не носившую официального характера. Двѣ другія меньшія части церковныхъ владѣній были отданы двумъ другимъ ирландскимъ церквямъ—католической и пресвитеріанской.

Наступила пора широкихъ реформъ, противъ которыхъ такъ возставалъ Дизраели. Вторая ирландская реформа (поземельный билль), билль о народномъ образованіи, военная реформа (отмѣна системы продажи должностей въ арміи) и введеніе тайной подачи голосовъ—все это вызывало ожесточенныя нападки Дизраели, который въ это время всѣ свои заботы направилъ къ организаціи своей партіи. Онъ устраивалъ митинги, конференціи и всячески старался утвердить свою популяриность въ народѣ. Для этого онъ рѣшилъ вступить въ непосредственныя сношенія съ рабочими въ городахъ, которые были обязаны ему полученіемъ политическихъ правъ, распространенныхъ на нихъ его избирательною реформою. Многіе изъ выдающихся членовъ партіи тори находили опаснымъ такое поведеніе ихъ главы, но онъ былъ увѣренъ въ цѣлесообразности своего плана. И дѣйствительно, онъ нашелъ секретъ популяриности. «Dizzy» — какъ его фамилярно называли въ публикѣ—привлекалъ къ себѣ массы своимъ краснорѣчіемъ, умѣньемъ отгадывать ихъ настроеніе и искусно внушалъ имъ свои взгляды, заставляя ихъ служить своимъ цѣлямъ. Онъ рисовалъ имъ соблазнительныя картины власти и могущества Англіи, которая должна стать поведительницею міра, и увлеченныя имъ народныя массы видѣли въ немъ олицетвореніе національной идеи. Вездѣ онъ осуждалъ политику своего противника, Глад-

стона, и такъ какъ тотъ, увлеченный своею жаждою реформъ, начиналъ уже нѣсколько утомлять общество, которое не могло послѣдовать за нимъ, то Дизраели ловко воспользовался этими признаками наступавшей реакціи. Въ Манчестерѣ и Глазго, куда онъ пріѣхалъ для произнесенія рѣчей, ему оказали самый восторженный пріемъ, и оваціи повторялись въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Энтузіазмъ заразителенъ: дѣло дошло даже до того, что толпа выпрягла лошадей изъ экипажа и повезла его на себѣ. Имя Дизраели было у всѣхъ на устахъ, его идеи стали проникать во всѣ слои, и торжество было обезпечено. Дѣйствительно, послѣ новыхъ выборовъ въ 1874 году Дизраели очутился во главѣ такого же громаднаго большинства, какъ и Гладстонъ за шесть лѣтъ передъ этимъ. Ирландія снова послужила подводнымъ камнемъ, о который разбилося министерство Гладстона, уже раньше оттолкнувшее отъ себя диссидентовъ тѣмъ, что создало общественныя школы, въ которыхъ преподавалась библейская исторія. Гладстонъ хотѣлъ основать въ Ирландіи свѣтскій университетъ; внесенный имъ по этому поводу билль былъ отвергнутъ большинствомъ палаты. Гладстонъ подалъ въ отставку, но такъ какъ Дизраели отказался руководить выборами, то онъ остался до объявленія результатовъ выборовъ, которые должны были происходить въ январѣ 1874 года.

Дизраели ни мало не сомнѣвался въ побѣдѣ. Не было ни одного политическаго вопроса, около котораго могли бы группироваться интересы, и, слѣдовательно, не было данныхъ для образованія такихъ коалицій, которыя въ 1868 году обусловили побѣду Гладстона. Избирательная борьба должна была совершиться на почвѣ принциповъ. Дизраели ловко воспользовался настроеніемъ общества, напуганнаго реформаторскимъ рвеніемъ Гладстона. Въ манифестѣ къ своимъ избирателямъ въ Уайкомбѣ Дизраели говорилъ между прочимъ: «Разумѣется, перваго министра нельзя назвать ни врагомъ нашихъ національныхъ учрежденій, ни противникомъ неприкосновенности британской имперіи. Но, къ несчастью, среди его приверженцевъ есть такіе, которые относятся враждебно къ монархіи. Другіе изъ его сторонниковъ угрожаютъ независимости палаты лордовъ, а третьи хотѣли бы отнять у парламента право какого бы то ни было

участія въ управленіи нѣкоторыми областями соединеннаго королевства. Есть и такіе, которые побуждаютъ его къ секуляризаціи англиканской церкви, какъ это онъ уже сдѣлалъ съ ирландскою церковью, которую онъ лишилъ всѣхъ ея правъ и владѣній, а рядомъ съ нимъ, въ самомъ кабинетѣ, тѣ изъ его коллегъ, которымъ онъ отдаетъ предпочтеніе, сгораютъ нетерпѣніемъ изгнать религію съ того мѣста, которое она должна занимать въ національномъ воспитаніи»).

Такимъ образомъ Дизраели прямо поставилъ вопросъ избирателямъ, которымъ приходилось выбирать между консервативною и радикальною политикою. Они высказались въ пользу первой, и Дизраели увидалъ себя во главѣ прочнаго большинства въ палатѣ, совершенно независимаго отъ голосовъ ирландской партіи и либеральныхъ диссидентовъ. Это было его триумфомъ, такъ какъ указывало на восстановленіе единства консервативной партіи, расколъ въ которой былъ произведенъ Пилемъ въ 1846 году.

Очень вѣроятно, что этотъ триумфъ Дизраели сильно поразилъ Гладстона. Такое сплоченное, хорошо дисциплинированное большинство, какимъ располагалъ Дизраели въ палатѣ, вполне обезпечивало его министерству власть, по крайней мѣрѣ, на все время существованія новаго парламента, т.-е. на шесть лѣтъ. Англійскій парламентъ выбирается на семь лѣтъ, но, согласно обычаю, онъ распускается обыкновенно раньше законнаго срока. Гладстонъ подумывалъ даже удалиться съ арены политической жизни и въ письмѣ къ лорду Гранвилло заявилъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ обязанностей лидера либеральной партіи. Онъ считалъ свою политическую карьеру законченной и говорилъ своимъ друзьямъ, что вообще послѣ 60-ти лѣтъ трудно рассчитывать совершить что-нибудь выдающееся.

До 1874 года политика Дизраели не носила рѣзко выраженнаго имперіалистскаго характера. Въ его рѣчахъ и произведеніяхъ проскальзывала имперіалистская идея, которая должна была возвести его въ апогей славы, но онъ понималъ, что еще не наступило время для ея торжества. Прежде надо было упрочить свое собственное положеніе въ странѣ и тогда уже осуществить свою идею міровой имперіи, которою онъ, бывшій отверженникъ, будетъ управлять. Но

въ 1874 году онъ почувствовалъ уже такую твердую почву подъ ногами, что могъ уже не опасаться никакихъ превратностей судьбы. Поэтому онъ не провелъ ни одной сколько-нибудь важной внутренней реформы, за исключеніемъ законовъ о рабочихъ и нѣкоторыхъ частныхъ реформъ въ области школьнаго дѣла, общественнаго здравія и призрѣнія, и все свое вниманіе сосредоточилъ на внѣшней политикѣ. Въ своей программѣ онъ заявилъ, что въ отношеніи внѣшней политики, онъ будетъ «придерживаться болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій, чтобы поднять престижъ Англіи, которому либералы нанесли ущербъ». Колоніи и восточный вопросъ, главнымъ образомъ, привлекали его вниманіе. Балканская агитація казалась ему удобнымъ случаемъ вернуть Англіи преобладающее положеніе въ восточныхъ дѣлахъ. Первыми признаками наступленія періода энергичной внѣшней политики была поѣздка въ Индію наслѣднаго принца, покупка акцій Суэзскаго канала и провозглашеніе королевы Викторіи императрицей Индіи. Дизраели достигъ тогда кульминаціоннаго пункта своей славы и популярности. Ему оставалось только одно: восторжествовать надъ предразсудками двора и, вопреки своему происхожденію, сдѣлаться *persona grata* при самомъ чопорномъ и высокоомѣрномъ дворѣ, какой только существуетъ въ Европѣ. И это было послѣднею побѣдой Дизраели. Онъ не только достигъ своего, но сдѣлался приближеннымъ королевы Викторіи, которая приѣзжала къ нему въ гости, сидѣла за его столомъ и своими собственными руками посадила кедръ подъ окнами его скромнаго рабочаго кабинета, въ его помѣстьи Гагенденѣ. По настоянію королевы, онъ принялъ титулъ, отъ котораго раньше отказывался, и сдѣлался лордомъ Биконсфильдомъ, занявъ мѣсто въ палатѣ пэровъ.

Между тѣмъ, восточная политика Дизраели, теперь лорда Биконсфильда, возбудила живѣйшее негодованіе Гладстона и заставила его вернуться къ активному участию въ политической жизни. Онъ занялся организаціей широкаго общественнаго движенія противъ Биконсфильда. Онъ устроилъ въ различныхъ городахъ «митинги негодованія» и издалъ свой знаменитый памфлетъ о болгарскихъ ужасахъ, такъ что намѣреніе Биконсфильда выступить въ пользу Турціи съ оружіемъ въ рукахъ разбилось о могущественную оппо-

зицію. Тѣмъ не менѣе парламентъ, все-таки, одобрилъ политику Биконсфильда, сочувствующую Турціи, и съ этого момента Англія стала держаться воинственной политики и играть активную роль въ европейскихъ дѣлахъ.

Когда русско-турецкая война окончилась побѣдою Россіи, и войска ея очутились подъ стѣнами Константинополя, Биконсфильдъ выдвинулъ на сцену призракъ захвата Россіей всего Балканскаго полуострова. Это подѣйствовало на общественное мнѣніе, находившееся до этой минуты подъ обаяніемъ рѣчей Гладстона и его яркихъ картинъ болгарскихъ ужасовъ, и Биконсфильдъ могъ добиться желаемаго. Когда турки обратились къ посредничеству Англіи, онъ, принявъ вызывающее положеніе, послалъ въ январѣ 1878 года англійскій флотъ въ Дарданеллы и началъ готовиться къ войнѣ съ Россіей, еслибъ она не пошла на предлагаемыя ей уступки: созваніе европейскаго конгресса въ Берлинѣ для обсужденія условій мирнаго договора.

Биконсфильдъ вмѣстѣ съ лордомъ Сольсбѣри, который былъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, отправились въ Берлинъ, а Биконсфильдъ, прямо съ поѣзда, уже поздно вечеромъ, поѣхалъ къ Бисмарку, которому категорически заявилъ: или миръ такою цѣною, или война съ Россіей! «Честный маклеръ» не медлил своимъ согласіемъ на такое предложеніе, и въ четверть часа между ними все уже было рѣшено, дальнѣйшія же пренія въ конгрессѣ происходили только для глазъ публики.

Говорять, Бисмаркъ съ этого момента проникся величайшимъ восхищеніемъ къ Биконсфильду, въ которомъ онъ увидѣлъ равнаго себѣ по силѣ честолюбца. Онъ даже повѣсилъ въ своемъ кабинетѣ его портретъ, рядомъ съ Вильгельмомъ I и своею женою.

По возвращеніи изъ Берлина, гдѣ онъ заставилъ князя Горчакова принять свои условія, Биконсфильдъ встрѣченъ былъ въ Англіи общимъ ликованіемъ. Въ немъ видѣли спадателя англійскихъ интересовъ и британскаго престижа и гордости. Биконсфильдъ самъ увѣровалъ въ полное торжество своей политики. Свою славу онъ отождествлялъ со славою Англіи и хотѣлъ, чтобы послѣдняя имѣла преобладающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ міра, чтобы она стала все-

могущей. И чтобы упрочить ее могущество въ Центральной Азіи, гдѣ онъ опасался соперничества Россіи, Биконсфильдъ затѣялъ войну съ Афганистаномъ, которая, однако, не была популярной въ Англіи. Еще менѣе популярна была война съ зулусами въ Южной Африкѣ, стоившая Англіи огромныхъ жертвъ. Первое присоединеніе Трансваала также было произведено имъ. Но несмотря на то, что воинственная политика дорого стоила Англіи, вызвала застой въ дѣлахъ и приостановила всякія внутреннія реформы, Биконсфильдъ не сомнѣвался, что идея имперіализма пустила достаточно глубокіе корни, и, полагаясь на избирателей, распустилъ парламентъ въ 1880 году, чтобы упрочить за собою власть на новый законодательный періодъ.

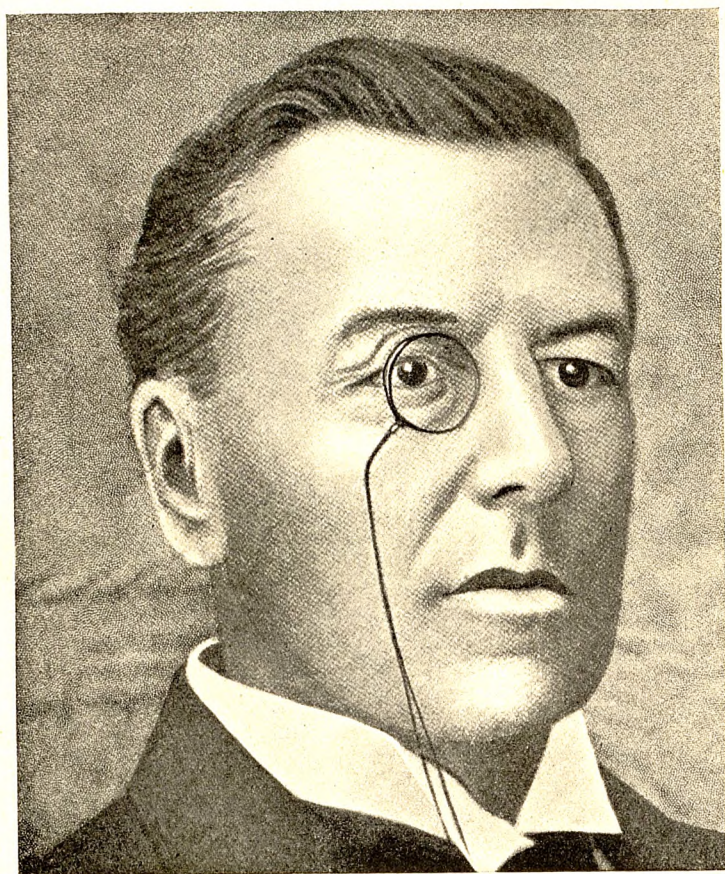
Но надежды его были обмануты. Оппозиція не дремала, и изумительная по энергіи и блеску рѣчей избирательная кампанія, организованная Гладстономъ, подготовила паденіе министерства Биконсфильда. Часть англійскаго общества, проникнутая гуманитарными чувствами, не могла, все-таки, простить Биконсфильду, что онъ защищалъ султана — «этого великаго убійцу болгаръ», и совѣмъ не подумалъ на берлинскомъ конгрессѣ о грекахъ, заботясь исключительно объ оттоманской имперіи. Что при этомъ онъ старался возвеличить престижъ Англіи, заставилъ Европу прислушиваться къ ея голосу, не оправдывало его въ глазахъ тѣхъ, кто опасался, что онъ вовлечетъ Англію въ рискованныя предпріятія, и страна выступить на путь политики завоеваній, престижа и имперіализма, и англійскіе солдаты будутъ отправлены въ далекія экспедиціи, исходъ которыхъ представляется, все-таки, крайне сомнительнымъ. Однимъ словомъ, общественное мнѣніе было напугано, а рядъ плохихъ урожаевъ вызвалъ и еще большее недовольство избирателей, равнодушныхъ, повидимому, къ иностранной политикѣ, и обезпечилъ либераламъ блестящую побѣду на выборахъ 1880 года. Новый парламентъ представлялъ прямую противоположность старому: либеральная партія получила громадное большинство — 349 противъ 243 консерваторовъ. Биконсфильдъ тотчасъ же подалъ въ отставку, и Гладстонъ съ триумфомъ занялъ его мѣсто.

Политическую карьеру Биконсфильда съ этого момента можно считать оконченной. Онъ уже не принималъ участія

въ парламентскихъ дѣлахъ, хотя вліяніе его все еще было довольно велико. Но онъ достигъ всего, къ чему стремился въ жизни, и въ своемъ прекрасномъ помѣстьи Гагенденѣ принималъ представителей самыхъ старинныхъ фамилій Англіи и королевскаго дома. Не разъ онъ долженъ былъ вспоминать при этомъ свою прабабку, которая готова была принести великія жертвы, чтобы быть принятой въ этомъ обществѣ, и тѣ уколы самолюбія, которые ему самому пришлось претерпѣть въ началѣ своей карьеры. Но все это было въ прошломъ; теперь, достигнувъ зенита славы, онъ испытывалъ затрудненіе только въ одномъ — въ финансахъ. Надо отдать ему справедливость, онъ никогда не заботился о матеріальныхъ выгодахъ, никогда не участвовалъ въ финансовыхъ операціяхъ, которыя могли бы обогатить его, и когда ему захотѣлось, по выходѣ изъ министерства, купить домъ въ Лондонѣ, близъ парламента, то оказалось, что у него нѣтъ на это денегъ. И тогда, въ 77 лѣтъ, Биконсфильдъ снова, какъ въ дни молодости, взялся за перо, но на этотъ разъ уже не для того, чтобы стяжать литературные лавры или распространять въ обществѣ свои идеи, а чтобы получить деньги. Его послѣдній романъ «Eudymion» вполне оправдалъ ожиданія, доставивъ 250.000 фр. чистаго дохода. Биконсфильдъ купилъ себѣ домъ, въ которомъ и умеръ.

Онъ недолго прожилъ послѣ паденія своего министерства, хотя, навѣрное, не считалъ свою карьеру оконченной, что доказываетъ, впрочемъ, и его послѣдняя рѣчь объ англійской политикѣ въ Афганистанѣ. Вскорѣ послѣ этой рѣчи онъ заболѣлъ, и 19-го апрѣля 1881 года его не стало. Онъ умеръ бездѣтнымъ, вмѣстѣ съ нимъ угасло и пожалованное ему званіе пэра.

Королева, англиканская церковь и аристократія, буржуазія и народъ почтили память этого иноплеменника, въ жилахъ котораго не было ни одной капли англійской крови, но который воплотилъ въ себѣ идею англійскаго націонализма и первый положилъ начало имперіалистской политики, приведшей Англію путемъ естественной эволюціи къ трансваальской войнѣ и породившей глубокій кризисъ, отражающійся во всѣхъ проявленіяхъ національной жизни.

Чамберленъ.

(Съ фотографин).

II.

Джозефъ Чэмберленъ.

Радикаль, имперіалистъ и протекціонистъ.

Чэмберленъ, однажды, съ нѣскольکو презрительнымъ высокомеріемъ, самъ назвалъ себя «человѣкомъ, наиболѣе оскорбляемымъ во всей Англій». Дѣйствительно, со времени его отпаденія отъ либеральной партіи, въ 1886 году, его прежніе друзья и сторонники не скупились на всевозможныя оскорбленія и упреки, расточаемыя по его адресу. Его называли измѣнникомъ, Іудой, упрекали въ частыхъ перемѣнахъ фронта — слишкомъ частыхъ, чтобы имъ могли соответствовать искреннія перемѣны въ убѣжденіяхъ. Чэмберленъ отвѣчалъ на это болѣе ловко, чѣмъ правдиво: «Я не измѣнился. Я остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ — старымъ радикаломъ!» Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ указывалъ на то, что его главною работою было всегда увеличеніе благосостоянія народныхъ массъ... А на упреки въ непостоянствѣ и перемѣнчивости возражалъ: «Обвиненіе въ непостоянствѣ меня не трогаетъ. Мнѣ кажется, что абсолютное постоянство не составляетъ добродѣтели, безусловно необходимой для государственнаго дѣятеля. Я даже скорѣе готовъ допустить, что долгъ государственнаго человѣка — мѣнять свои мнѣнія, когда мѣняются обстоятельства».

Откровенно заявляя это, Чэмберленъ отчасти былъ выразителемъ мнѣнія огромнаго большинства англичанъ, для которыхъ слово «*versatility*» не имѣетъ такого дурнаго значенія, какое оно имѣетъ на континентѣ. «*I am a practical man*» (Я практическій человѣкъ), сказалъ про себя Чэмберленъ, и это, быть можетъ, наиболѣе справедливое опредѣленіе. Какъ практическій человѣкъ, Чэмберленъ всегда имѣлъ

въ виду, прежде всего, выгоду и цѣли, къ которымъ онъ стремился, не раздумывая о средствахъ къ ихъ достиженію и о жертвахъ, которыхъ онъ потребуютъ. Въ этомъ отчасти, но только отчасти, можно искать объясненія его политической эволюціи.

Прослѣдить эту эволюцію интересно уже потому, что съ нею связана и эволюція демократической Англiи, созданной избирательными реформами 1867 и 1884 гг., которыя увеличили число избирателей и лишили высшіе классы ихъ прежняго преобладанія. Исчезла аристократическая олигархія, управлявшая Англiей въ теченіе столькихъ вѣковъ, и парламентъ, т. е. палата общинъ, дѣйствительно, сдѣлался выразительницею воли народа въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

Чэмберленъ выступилъ на политическомъ поприщѣ, когда эта демократическая эволюція Англiи только начиналась. Отецъ его, банмачный фабрикантъ въ Сити, считался зажиточнымъ человѣкомъ, но, такъ какъ онъ былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ (Чэмберленъ былъ старшимъ изъ девяти дѣтей), то и счелъ лишнимъ отправлять сына въ университетъ для окончанія образованія, тѣмъ болѣе, что онъ предназначалъ его для торговой профессіи. Конечно, ему и въ голову тогда не приходило, что его сынъ будетъ когда-нибудь засѣдать въ совѣтѣ министровъ и будетъ даже фактическимъ главою англійскаго правительства.

Чэмберленъ былъ отданъ отцомъ въ Лондонскую «University College», но даже не кончилъ тамъ курса и съ шестнадцати лѣтъ занялся изученіемъ торговаго дѣла, которое велъ его отецъ, а съ восемнадцати лѣтъ уже находился въ Бирмингэмѣ, гдѣ его отецъ и дядя приобрѣли фабрику деревянныхъ болтовъ, и юный Чэмберленъ занялся эксплуатаціей новаго изобрѣтенія, купленнаго у одного американца. Начало промышленной дѣятельности Чэмберлена было неудачно, и въ первое время онъ терпѣлъ большія потери, но, постепенно приобретаая опытность, онъ развивалъ дѣло и мало-по-малу поглотилъ всѣ соперничавшія фирмы во всемъ округѣ, маленькія и большія, и весьма быстро началъ подвигаться по пути къ богатству, котораго вскорѣ и достигъ, такъ что въ 1874 году онъ

могъ уже совершенно удалиться отъ дѣлъ, составивъ себѣ крупное состояніе. Съ этого года онъ уже окончательно посвятилъ себя политической дѣятельности.

Пробѣлы своего школьнаго образованія Чэмберленъ старался пополнить чтеніемъ, насколько позволялъ ему досугъ. Любознательный и способный отъ природы, онъ все свободное время проводилъ за книгами и, такимъ образомъ пополнилъ свое образованіе, познакомившись съ теченіемъ современныхъ идей въ политикѣ и политической экономіи и изучилъ исторію, но литература и философія, мало интересовавшія его, такъ и остались для него закрытою книгой.

Чэмберленъ, слѣдовательно, не вышелъ ни изъ Оксфордскаго, ни изъ Кэмбриджскаго университета, подобно большинству выдающихся англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Среди нихъ онъ былъ и остался homo novus, со всѣми преимуществами и недостатками этого положенія. Не связанный идеями и традиціями, онъ тѣмъ свободнѣе могъ развить тѣ свои свойства, которыя завоевали ему положеніе, и проявлять смѣлость мысли, подчасъ граничившую съ безразсудствомъ, и рѣшительность — съ опрометчивостью.

Въ настоящее время Чэмберленъ считается однимъ изъ лучшихъ ораторовъ Англій, но эти лавры достались ему не легко. Въ первый разъ онъ испробовалъ свои ораторскія способности, когда ему было 23 года, въ одномъ изъ «debating Society» (Дебатирующее Общество), которыхъ въ Англій существуетъ не мало. Разумѣется, тогда онъ былъ далеко не блестящимъ ораторомъ, и та легкость, съ которою онъ говоритъ теперь, гибкость и элегантность языка, которыя онъ обнаруживаетъ въ своихъ рѣчахъ, обращенныхъ порой къ десятитысячной аудиторіи, достигнуты были имъ только путемъ долговременныхъ упражненій. Онъ выказалъ въ этомъ отношеніи большія упорство и настойчивость, также какъ и во всѣхъ своихъ стараніяхъ усвоить вѣншій доскъ и всѣ атрибуты, необходимые для политической карьеры.

Чэмберленъ дебютировалъ въ качествѣ политическаго оратора и дѣятеля въ 1870 году, въ Бирмингэмѣ, гдѣ онъ былъ избранъ президентомъ радикальной «National Education

League» — союза, поставившаго на своемъ знамени обязательное, даровое и свѣтское обученіе.

Тогда Чэмберленъ всецѣло примыкалъ къ передовымъ радикаламъ, и его политическое credo состояло главнымъ образомъ изъ двухъ пунктовъ: всеобщей подачи голосовъ, которая до избирательной реформы 1867 года, однимъ казалась опасною утопійей, а другимъ — отдаленною мечтой и стала достижимой лишь послѣ этой реформы, и введенія обязательнаго обученія. Послѣдній вопросъ тогда уже начиналъ волновать умы англійскаго общества, причемъ въ либеральной партіи существовали на этотъ счетъ нѣкоторыя разногласія. Въ качествѣ президента, лишь Чэмберленъ горячо защищалъ ея взгляды и съ чрезвычайною пылкостью набросился на законъ Форстера, вотированный либералами, который былъ извѣстенъ подъ именемъ «закона компромисса». Этимъ закономъ вводилось, правда, «обязательное обученіе», учреждались свѣтскія школы, но за религіозными школами удерживалось право получать субсидіи, при чемъ фондъ для нихъ долженъ былъ образовываться изъ школьнаго налога, непосредственно уплачиваемаго отцами семействъ. Чэмберленъ критиковалъ учрежденіе этого налога. «Я не успокоюсь, пока мы не избавимся отъ этого безчестнаго налога», говорилъ онъ и старался собрать какъ можно больше такихъ фактовъ, когда школьный учитель или инспекторъ, требуя уплаты школьнаго налога, наталкивались на полную нищету въ семействахъ. Въ одномъ домѣ не было ни одного пени, въ другомъ — дѣти питались только сухимъ хлѣбомъ и голодали, въ третьемъ — даже теплыя одѣяла и самая необходимая одежда были заложены для уплаты налога. Одна женщина отвѣтила школьному учителю: «мой мужъ слишкомъ бѣденъ, чтобы платить налогъ, но слишкомъ гордъ, чтобы обращаться къ приходу. Скорѣе, онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ». Чэмберленъ набралъ цѣлую коллекцію подобныхъ фактовъ и, подкрѣпляя ими свою рѣчь, доказывалъ, что необходимо ввести «дѣйствительно даровое обученіе», и принять мѣры къ тому, чтобы школьный налогъ не ложился всею тяжестью на бѣдныхъ. Кромѣ того Чэмберленъ возставалъ противъ субсидій конфессіональнымъ школамъ и обвинялъ Форстера и Гладстона въ

томъ, что они обманули нонконформистовъ, всегда поддерживавшихъ либеральную партію и считавшихъ ее своею союзницей. Онъ даже грозилъ либераламъ полнымъ разрывомъ отъ имени всѣхъ «несогласныхъ» съ англійскою господствующею церковью.

Еще раньше, чѣмъ сдѣлаться президентомъ Лиги національнаго воспитанія Чэмберленъ зарекомендовалъ себя въ качествѣ члена муниципальнаго совѣта Бирмингэма, гдѣ онъ обратилъ на себя вниманіе, какъ хорошій знатокъ вопросовъ мѣстнаго самоуправления и рѣзкостью своихъ рѣчей, а также своими передовыми взглядами и пылкою защитой либеральныхъ идей, стяжалъ себѣ не мало враговъ. Онъ требовалъ, чтобы интеллигентнымъ дѣтямъ бѣдняковъ былъ облегченъ доступъ въ высшія школы, настаивалъ на открытіи въ воскресные дни музеевъ и публичной библіотеки, чтобы доставить рабочимъ классамъ полезныя развлеченія въ часы отдыха. Тогда всѣ эти мѣры, которыя теперь осуществлены, казались выраженіемъ опаснаго радикализма, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что за Чэмберленомъ упрочилась репутація радикала, и на новыхъ муниципальных выборахъ, происходившихъ въ 1872 году, возникла ожесточенная борьба между его сторонниками и противниками.

Однако, ему удалось, все-таки, добиться своего избранія, а затѣмъ, при помощи особой тактики, даже и совершенно побѣдить консервативное большинство, въ теченіе столькихъ лѣтъ управлявшее городомъ, замѣнивъ его либеральнымъ. Въ первый разъ муниципальные выборы велись на почвѣ борьбы политическихъ партій: каждому консервативному кандидату либералы противопоставляли своего. Побѣжденная партія горько жаловалась на это вмѣшательство партійной политики въ муниципальныя дѣла, утверждая, что такое нововведеніе грозитъ серьезными опасностями въ будущемъ. Но на Чэмберлена эти упреки не дѣйствовали. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ открыто защищалъ свою новую тактику, доказывая, что управление съ помощью партіи прямо вытекаетъ изъ духа представительныхъ учреждений, и что если избиратели не будутъ руководствоваться на выборахъ политическою программой, то выборы будутъ производиться на основаніи

личнаго предпочтенія, мѣстныхъ предразсудковъ и т. д. Но допуская политику и партійные вопросы въ избирательную борьбу, Чэмберленъ въ то же время горячо возставалъ противъ воздѣйствія ихъ на пренія совѣта, который долженъ былъ вѣдать только муниципальные интересы. Тутъ всѣ политическіе вопросы, по его мнѣнію, должны были уступать мѣсто вопросамъ чисто дѣлового характера.

Горячность избирательной борьбы пробудила Бирмингэмъ отъ спячки и возбудила живой интересъ къ муниципальнымъ вопросамъ, къ которымъ большинство избирателей раньше относилось вполне равнодушно. Чэмберленъ не замедлил воспользоваться этимъ оживленіемъ, чтобы осуществить реформы, о которыхъ мечталъ уже нѣсколько лѣтъ. Весьма кстати для этихъ его цѣлей либеральное большинство новаго муниципального совѣта выразило свою благодарность Чэмберлену, избравъ его почти единогласно мэромъ въ 1873 году.

Бирмингэмъ въ то время очень отсталъ отъ другихъ городовъ—Глазгова, Манчестера и Бредфорда—въ смыслѣ благоустройства, хотя въ промышленномъ отношеніи онъ развивался быстро, и въ 35 лѣтъ его населеніе болѣе чѣмъ удвоилось. Въ самомъ центрѣ города красовались старые полуразрушенные дома, гдѣ ютилось рабочее населеніе. Они были настоящимъ разсадникомъ эпидемій, ежегодно производившихъ страшныя опустошенія въ городѣ. Грязь всюду была ужасная, а о какихъ-либо санитарныхъ мѣропріятіяхъ никто не заботился. Во всемъ городѣ не было ни одного публичнаго сада; ни одного свободнаго пространства, куда бы рабочее населеніе города могло приходиться, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ дневной работы.

Новый мэръ тотчасъ же по своемъ избраніи энергично принялся за дѣло. Онъ рѣшилъ вновь перестроить цѣлый кварталъ съ 15 тысячами жителей, расширить водопроводъ и т. д. Эти широкіе планы многихъ искугали: единственный способъ достать необходимыя средства былъ — сильно увеличить прямыя городскіе налоги. На всѣ возраженія Чэмберленъ отвѣчалъ: «не забывайте, что это не только вопросъ о налогахъ, но также вопросъ о жизни и смерти!».

Чэмберленъ побѣдилъ по всей линіи. Его практическій дѣловой умъ указалъ способы согласовать гигиеническіе интересы съ интересами финансовыми. Онъ даже нашелъ источники дохода тамъ, гдѣ его сограждане ожидали одиѣхъ потерь. Такимъ образомъ, ему удалось сломить сопротивленіе оппонентовъ. Бирмингэмъ преобразовался. На мѣстѣ ужасныхъ лачугъ—«slums»—пролегаеть теперь великолѣпная улица «Corporation Street», на которой въ настоящее время возвышается фонтанъ въ готическомъ стилѣ, украшенный портретомъ Чэмберлена и воздвигнутый благодарнымъ городомъ въ его честь. Изъ первой своей борьбы Чэмберленъ вышелъ съ репутаціей «бирмингэмскаго Наполеона».

Въ эту эпоху (въ 1874 г.) радикализмъ Чэмберлена получилъ нѣсколько болѣе яркую окраску—«a bit of Red», какъ говорили его сотоварищи въ совѣтѣ. Онъ даже до нѣкоторой степени примкнулъ къ коммунистической программѣ, выработанной въ Парижѣ три года назадъ, и раздѣлялъ мнѣніе многихъ радикаловъ, что въ Англіи должна быть республика. Тогда, впрочемъ, было довольно-таки распространено убѣжденіе, что все надвигающаяся волна демократіи непременно должна снести въ Англіи престолъ, англиканскую церковь и палату лордовъ—эти остатки феодализма. Неудивительно, что и Чэмберленъ проникся этими взглядами, хотя надо сказать, что даже въ эпоху «зеленой молодости»—«saladdays», какъ говорятъ англичане,—Чэмберленъ никогда не увлекался крайностями и не былъ сторонникомъ революціи, а только—постепенной политической эволюціи.

Въ Бирмингэмѣ, сдѣлавшемся его второю родиной, Чэмберленъ стяжалъ себѣ самую почтенную репутацію. Городъ, дѣйствительно, ему многимъ обязанъ, и благодарные бирмингэмцы отплачиваютъ ему за это горячею преданностью и любовью, и какъ ни измѣнилась его политическая дѣятельность, для нихъ онъ попрежнему остается «Our Joe» (нашъ Джо), какъ его прозвало населеніе этого промышленнаго города. Лордъ Рандольфъ Черчилль даже однажды подшутилъ, сказавъ, что «Бирмингэмъ и Чэмберленъ—синонимы». Привязанность бирмингэмцевъ къ Чэмберлену нисколько не похожа на ту хрупкую связь, которая часто вы-

зывается политическою популярностью. Заговорите-ка съ любимъ бирмингэмцемъ о Чэмберленѣ, вы увидите, какъ у него заблестятъ глаза! Надо, впрочемъ, прибавить, что и Чэмберленъ оплачиваетъ бирмингэмцамъ тѣмъ же. Имъ всегда овладѣваетъ какое-то странное волненіе и трогательное чувство, когда онъ попадаетъ въ свой родной городъ и стоитъ передъ толпою его жителей. «Даже если я не знаю всѣхъ по именамъ, то все же лица ихъ мнѣ знакомы», говоритъ онъ и, дѣйствительно, чувствуетъ себя въ своей семьѣ, среди самыхъ близкихъ людей, когда бываетъ окруженъ бирмингэмцами, и ему кажется, что онъ живетъ ихъ жизнью, что онъ чувствуетъ, какъ бьются ихъ сердца въ унисонъ съ его собственнымъ, и какая горячая преданность воодушевляетъ ихъ.

За три года управленія Бирмингэмомъ Чэмберленъ обнаружилъ далеко недюжинный административный талантъ. Онъ муниципализировалъ водопроводъ и газовое освѣщеніе и такимъ образомъ удешевилъ то и другое для жителей, а городскому управленію доставилъ крупный доходъ. Онъ позаботился объ устройствѣ жилищъ для рабочихъ, и, благодаря его санитарнымъ мѣропріятіямъ, смертность въ городѣ очень понизилась, несмотря на приливъ бѣднаго рабочаго люда, вслѣдствіе расширенія промышленныхъ предпріятій. Само собою разумѣется, что такая дѣятельность Чэмберлена должна была содѣйствовать его популярности, и въ провинціи онъ быстро сдѣлался великимъ человѣкомъ, но его смѣлые взгляды, которые онъ проповѣдывалъ, между прочимъ, и въ журналѣ Морлея, «Fortnightly Review», гдѣ онъ писалъ статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ, — увеличивалъ кругъ его противниковъ, а сатирическіе листки уже тогда наполнялись карикатурами на его счетъ. Консерваторы считали его самымъ отчаяннымъ атеистомъ, республиканцемъ, и въ карикатурахъ онъ часто изображался въ видѣ страшилища, которымъ няньки пугаютъ дѣтей.

Однако, арена муниципальной дѣятельности скоро перестала удовлетворять Чэмберлена. Честолюбіе его требовало другого, болѣе широкаго поприща. Его влекло въ Вестминстерскій дворецъ, и онъ не замедлилъ добиться своей цѣли, хотя въ первый разъ и потерпѣлъ поражение, когда выступ-

пиль на парламентскихъ выборахъ кандидатомъ Шеффилдскаго округа. Но черезъ два года, какъ только открылась вакансія въ самомъ Бирмингэмѣ, вѣрные бирмингэмцы поторопились выбрать его своимъ представителемъ.

Сорока лѣтъ Чэмберленъ вступилъ въ парламентъ министерства Дизраели. Нельзя сказать, чтобы тамъ ему былъ оказанъ радушный пріемъ. Вѣдь, онъ былъ первою величиной только въ провинціи, въ столицѣ же не пользовался хорошей репутаціей, да и слухи, которые ходили о немъ, были не такого рода, чтобы снискать ему расположеніе большинства. Для виговъ, какъ и для торіевъ, Чэмберленъ былъ слишкомъ радикаленъ, и ему приписывали стремленія къ разрушенію существующаго строя, сначала трона, потомъ церкви или наоборотъ, такъ какъ порядокъ тутъ не играетъ большой роли. Всѣ смотрѣли съ предубѣжденіемъ на «свирѣпаго радикала», хотя этотъ самый радикалъ принималъ въ Бирмингэмѣ, въ качествѣ мэра, принца Уэльскаго и даже сказалъ такую привѣтственную рѣчь, которая вызвала полное одобреніе консервативной газеты «Times». Говорили даже, что принцъ Уэльскій, пожимая руку Чэмберлену, подумалъ о томъ, что онъ пожимаетъ руку будущему первому министру. Если, дѣйствительно, принцу Уэльскому, теперешнему королю, могло прійти въ голову нѣчто подобное, то, безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ также подумать и о тѣхъ соціальныхъ превращеніяхъ, которымъ должна будетъ подвергнуться аристократическая Англія, прежде чѣмъ это случится.

Неувѣренно и робко вступилъ Чэмберленъ въ залы Вестминстерскаго дворца. Въ Бирмингэмѣ онъ игралъ первую роль, считался лучшимъ ораторомъ, но здѣсь онъ чувствовалъ себя на чужбинѣ. Впрочемъ, неудивительно, что онъ испыталъ робкое чувство и сначала даже не рѣшался говорить. Величественный и чопорный англійскій парламентъ, гдѣ такъ часто раздаются краснорѣчивые голоса и обсуждаются такіе важные интересы, долженъ внушать каждому новичку почтительный страхъ. Однако, Чэмберленъ скоро побѣдилъ свою робость и, какъ «practical man», прежде всего старательно изучилъ парламентскіе обычаи, строго соблюдаемые всѣми депутатами и имѣющіе силу закона. Надо было познакомиться съ регламентомъ, который нигдѣ не

записанъ, но который надо знать наизусть каждому парламентскому дѣятелю, узнать всѣ «Standing orders» — старинныя правила, изъ которыхъ нѣкоторыя относятся еще ко времени Эдуарда I, но никогда не были занесены ни въ одинъ парламентскій уставъ. Чэмберленъ долженъ былъ освоиться съ проходами, устроенными для голосованія, запомнить, когда надо надѣвать шляпу и когда надо снимать ее. Онъ долженъ былъ заучить наизусть названія всѣхъ округовъ и профессій всѣхъ своихъ 670 коллегъ, такъ какъ въ палатѣ строго воспрещается называть по имени депутата, а надо обозначить его лишь по имени округа, котораго онъ служитъ представителемъ, т. е. говорить: «депутатъ отъ такого-то округа». Онъ не долженъ былъ забывать прибавлять эпитетъ «learned», когда обращался къ профессору или юристу, «reverend» — если говорилъ съ лицами духовнаго званія и «gallant» — если обращался къ офицеру. Надо было запомнить также, кого слѣдовало называть «Right honourable» и кого просто «honourable». Когда Чэмберленъ все это тщательно изучилъ, то рѣшился, наконецъ, выступить въ качествѣ оратора. Но когда онъ въ первый разъ поднялся, чтобы произнести свою «maiden speech» по поводу билля лорда Сандона о народномъ просвѣщеніи, то всѣ были поражены. Репутація Чэмберлена какъ «свирѣпаго радикала» заставляла предположить, что онъ явится въ парламентъ въ небрежномъ костюмѣ, а между тѣмъ, когда онъ всталъ съ своего мѣста, всѣ увидѣли передъ собою истаго британскаго джентльмена, съ моноклемъ въ глазу и орхидеей въ петлицѣ. Этотъ монокль и орхидея сдѣлались впоследствии достояніемъ карикатуры, доставившей имъ огромную извѣстность въ Англии. Почтенные торіи не скрывали своего удивленія по поводу разницы между «дѣйствительнымъ» и «воображаемымъ» Чэмберленомъ, т. е. тѣмъ, какимъ они себя представляли его. Въ рядахъ торіевъ слышались разныя замѣчанія по его адресу. «Онъ похожъ на дамскаго доктора» сказалъ одинъ, а другой замѣтилъ, что у него наружность клэрка изъ Вестэнда. Тѣмъ не менѣе его рѣчь произвела впечатлѣніе. Политическіе взгляды, высказанные имъ въ этой первой рѣчи, конечно были такіе, какіе только можно было ожидать отъ демократа, каковымъ тогда былъ Чэмберленъ, но всѣ рассчитывали скорѣе увидѣть народнаго,

а не парламентскаго оратора и ожидали, что онъ надѣлаетъ множество промаховъ; но ничего подобнаго не случилось, и положеніе Чэмберлена въ парламентѣ укрѣпилось послѣ первой же его рѣчи.

Консервативное министерство Дизраели, смѣнившее либеральное министерство Гладстона, управляло страной въ теченіе шести съ половиною лѣтъ. Какъ мы уже говорили, программу этого министерства составляло охраненіе всѣхъ учреждений старой Англіи: королевской власти, англиканской церкви и палаты лордовъ, и поэтому, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ частныхъ реформъ да законовъ о рабочихъ, правительство Дизраели ничѣмъ особеннымъ не ознаменовало своей дѣятельности въ области внутренней политики, за то въ области внѣшней министерство стремилось поднять чувство національной гордости и чести. Либеральная партія категорически высказывалась противъ распространенія колоній и стояла за ихъ отдѣленіе, ибо онѣ только обременяли бюджетъ, но консерваторы ставили своимъ девизомъ неразрывность британской имперіи и, какъ было указано выше, положили начало имперіалистской политики, плоды которой Англія пожинаетъ теперь.

Однако, Чэмберленъ, хотя уже въ немъ сказывался будущій имперіалистъ, не сочувствовалъ политикѣ Дизраели, называя ее «политикой авантюръ», такъ какъ колоніальныя предпріятія интересовали его лишь тогда, когда они могли привести къ развитію англійской иностранной торговли и расширенію англійскаго рынка. Конечно для этого нужно было и увеличеніе политическаго могущества Англіи, но еще болѣе было необходимо, по мнѣнію Чэмберлена, увеличеніе ея производительной силы, улучшеніе путей сообщенія и укрѣпленіе отношеній между рабочими и работодателями на почвѣ взаимныхъ уступокъ. Поэтому Чэмберленъ въ парламентѣ занялъ мѣсто въ рядахъ либеральной партіи, такъ какъ постоянно рѣзко критиковалъ внутреннюю, а отчасти и внѣшнюю политику Биконсфильда.

Несмотря на успѣхи Биконсфильда во внѣшней политикѣ, увеличеніе блеска англійскаго престижа за границей и торжественную встрѣчу, устроенную ему въ Лондонѣ послѣ возвращенія съ берлинскаго конгресса, онъ, все-таки, потерпѣлъ пораженіе на выборахъ 1880 г., и на смѣну его

министерству явилось снова министерство Гладстона. Для Чэмберлена эта перемѣна послужила первымъ шагомъ къ достиженію намѣченной цѣли, такъ какъ Гладстонъ предложилъ ему портфель министра торговли (the Board of Trade) въ своемъ кабинетѣ.

Многихъ удивило такое быстрое возвышеніе Чэмберлена, такъ недавно, не болѣе четырехъ лѣтъ назадъ, вступившаго въ палату общинъ. Въ парламентской жизни Англіи существовалъ только одинъ примѣръ такого быстрого возвышенія. Питтъ, послѣ четырехлѣтней парламентской дѣятельности, занялъ мѣсто перваго министра. Но тотъ, кому была извѣстна закулисная сторона дѣла, не долженъ былъ изумляться назначенію Чэмберлена. Въ самомъ дѣлѣ, либеральная партія была ему обязана благодарностью. Сообразивъ, что онъ недалеко уйдетъ, если будетъ сражаться, какъ рядовой въ рядахъ либераловъ, Чэмберленъ рѣшилъ создать себѣ власть и вліяніе, которыхъ ему не хватало, внѣ парламента. Одинъ онъ, конечно, не могъ итти въ счетъ, но сдѣлавшись главою группы или политической ассоціаціи, онъ становился человѣкомъ, съ которымъ нужно было считаться, который могъ быть опасенъ, какъ врагъ, и нуженъ, какъ другъ.

Съ этою цѣлью онъ создалъ въ своемъ миломъ Бирмингэмѣ «Национальную федерацію либеральныхъ ассоціацій» и превратилъ ее въ могущественное орудіе борьбы. Когда произошли выборы, давшіе большинство либеральной партіи, то это большинство было получено благодаря поддержкѣ Чэмберлена и его федераціи. Такимъ образомъ Чэмберлену удалось ясно показать будущему правительству, на что онъ способенъ, и внушить ему желаніе заручиться его содѣйствіемъ.

Когда Чэмберленъ вступилъ въ министерство Гладстона, то многіе припомнили, что еще въ 1873 и 1874 гг. онъ называлъ Гладстона, въ своихъ статьяхъ въ «Fortnightly Review», «лидеромъ безъ программы и государственными человѣкомъ безъ принциповъ», обвиняя его въ слабости, трусости и эгоизмѣ. Конечно, Чэмберленъ съ тѣхъ поръ сталъ болѣе осторожнымъ и осмотрительнымъ въ своихъ рѣчахъ и сужденіяхъ, и рѣзкость его взглядовъ и мнѣній смягчалась, но въ защиту его слѣдуетъ сказать, что

тогда далеко не онъ одинъ такъ относился къ Гладстону, и многіе изъ тѣхъ, кто потомъ сдѣлался его самымъ горячимъ приверженцемъ, нисколько не мягче отзывались о немъ. Въ 1885 году Чэмберленъ уже совсѣмъ иначе оцѣнивалъ Гладстона. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ сказалъ: «Гладстонъ останется знаменитымъ въ потомствѣ, не столько благодаря своему замѣчательному краснорѣчію, политическому таланту и созидательной энергіи, сколько благодаря своему личному характеру, благородству и возвышенности тѣхъ нравственныхъ принциповъ, которые онъ ввелъ въ свою политику».

Пребываніе Чэмберлена въ кабинетѣ Гладстона не прошло безслѣдно. Съ его именемъ связано нѣсколько весьма полезныхъ законовъ и, главнымъ образомъ, двухъ: о патентахъ и о банкротствахъ. Кромѣ того, онъ предпринялъ энергичный походъ противъ возмутительныхъ злоупотребленій, чрезвычайно распространенныхъ среди кораблевладѣльцевъ. Онъ доказывалъ необходимость закона, который долженъ былъ бы препятствовать отправленію въ море никуда негодныхъ судовъ, такъ какъ это является преступною спекуляціей со стороны кораблевладѣльцевъ, за которую многія тысячи моряковъ расплачиваются своею жизнью. Многіе изъ кораблевладѣльцевъ заранѣе строятъ свои расчеты на «счастлиvomъ крушеніи», которое дастъ имъ возможность получить страховую премію и возобновить свой флотъ, не развязывая кошелекъ. Чэмберленъ потребовалъ такихъ законовъ, которые бы прекратили подобную безсовѣстную спекуляцію. Разумѣется, всѣ кораблевладѣльцы ополчились на него, и результатомъ ихъ оппозиціи было то, что билль провалился въ палатѣ общинъ. Возмущенный этимъ, Чэмберленъ хотѣлъ тотчасъ же подать въ отставку, но Гладстонъ успокоилъ своего черезчуръ пылкаго коллегу, и тотъ остался. Вслѣдъ затѣмъ была организована коммиссія для болѣе подробнаго разслѣдованія этого вопроса, и въ концѣ-концовъ законопроектъ, благодаря настойчивости Чэмберлена, былъ, все-таки, вотированъ палатой.

Вліяніе Чэмберлена въ министерствѣ очень возросло за это время. Хотя въ нѣкоторыхъ вопросахъ общей политики онъ и вступалъ въ оппозицію со старыми либералами, но въ общемъ, все-таки, мало расходился съ Глад-

стономъ. Его демократическіе взгляды также еще не подверглись измѣненіямъ. Его ближайшимъ другомъ и союзникомъ былъ тогда сэръ Чарльзь Дилькъ, вступившій въ парламентъ нѣсколько раньше Чэмберлена. Дилькъ всегда былъ самымъ передовымъ радикаломъ и такимъ остается и до сихъ поръ. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, раздѣлявшимъ популярность Чэмберлена въ радикальной партіи, но онъ былъ вынужденъ на время покинуть политическую сцену по той же самой причинѣ, которая сгубила карьеру и жизнь Парнелля. Нѣкій Крауфордъ обвинилъ его въ сожителствѣ съ своей женой, съ которою началъ по этому случаю бракоразводный процессъ, и, какъ всегда, фарисейское англійское общество отвернулось отъ парламентскаго дѣятеля, обвиненнаго въ любовной связи съ замужнею женщиной, а англійская демократія лишилась хорошаго союзника, который долженъ былъ покинуть парламентскую скамью, между тѣмъ, какъ кораблевладѣльцы, про которыхъ завѣдомо было извѣстно, что они обогатились путемъ «счастливыхъ крушеній», оставались возсѣдать въ стѣнахъ парламентскаго дворца.

Чэмберленъ остался одинъ на посту, когда вышелъ Дилькъ, и продолжалъ съ неустанною энергіей поддерживать свою программу реформъ. Въ этотъ промежутокъ времени, вниманіе министерства было поглощено двумя предметами: избирательною реформой и ирландскимъ вопросомъ. Этотъ роковой вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ и постоянно напоминалъ о себѣ. Положеніе Ирландіи было безвыходнымъ. Народъ бѣдствовалъ и волновался, и такъ какъ единственнымъ его средствомъ къ существованію была земля, то ирландскіе фермеры оспаривали другъ у друга каждый ея клочекъ, повышая арендную плату. Но при первомъ же неурожаѣ наступало бѣдствіе; фермеры не могли уплатить арендной платы, и ихъ выселяли. Эти «выселенія» вызывали возмездіе со стороны населенія, покушенія на жизнь землевладѣльцевъ и т. п. Въ 1870 г. Гладстонъ провелъ въ палатѣ аграрный законъ, который, однако, какъ всѣ полумѣры, не могъ разрѣшить положенія. Неурожаи 1879 г. усилили бѣдствіе, и къ концу этого несчастнаго года была основана въ Дублинѣ «аграрная лига», которая такъ много заставила говорить о себѣ впоследствии. Второе министерство

Гладстона, вступившее во власть въ 1880 году, было привѣтствовано съ радостью въ Ирландіи, такъ какъ всѣ ожидали отмѣны принудительныхъ мѣръ и репрессій, введенныхъ консервативнымъ правительствомъ. Дѣйствительно, Гладстонъ выказалъ готовность провести дальнѣйшія аграрныя реформы въ Ирландіи и умиротворить ирландцевъ, но ирландская партія, во главѣ которой сталъ тогда Парнелль, не пошла на уступки и требовала болѣе радикальной реформы. Агитація, а вмѣстѣ съ нею и аграрныя преступленія усилились, такъ что статсъ-секретарь Ирландіи, Форстеръ, заявилъ о невозможности управлять страной обыкновенными средствами. Снова, несмотря на отвращеніе Гладстона къ принудительнымъ мѣрамъ, министерство рѣшилось бороться, конечно, неравнымъ оружіемъ. Палата вотировала «принудительный билль» въ засѣданіи, которое длилось безъ перерыва съ четырехъ часовъ понедѣльника до утра среды.

Борьба завязалась не на шутку. На мѣропріятія Гладстона, Парнелль, съ своей стороны, отвѣчалъ воззваніями къ ирландскому народу, которому онъ совѣтовалъ не платить арендной платы до тѣхъ поръ, пока ему не будутъ возвращены его конституціонныя права. «Противъ пассивнаго сопротивленія цѣлаго народа у военной силы нѣтъ оружія», говорилъ Парнелль. Арестъ Парнелля вмѣстѣ съ другими вожаками ирландскаго движенія не возстановилъ спокойствія въ странѣ; движеніе все продолжалось, и ирландскій вопросъ принималъ все болѣе и болѣе грозный характеръ. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ Чарльзомъ Дилькомъ Чэмберленъ поддерживалъ близкія сношенія съ ирландскою партіей. Онъ считалъ Парнелля выдающимся политическимъ дѣятелемъ и, вопреки мнѣнію своихъ коллегъ по министерству, доказывалъ, что съ нимъ можно и даже должно завязать политическія отношенія. Не разъ онъ доказывалъ также въ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ рѣчахъ, что Англія должна искупить свою роковую историческую несправедливость по отношенію къ Ирландіи. Онъ самымъ смѣлымъ образомъ возставалъ также противъ политики репрессій Форстера, своего товарища по министерству.

Наконецъ, Гладстонъ, уступая настояніямъ своихъ радикальныхъ коллегъ, и въ особенности Чэмберлена, да и самъ убѣдившись, что съ принудительными мѣрами далеко

не уйдешь, согласился вступить въ сношенія съ предводителями ирландскаго движенія, посаженными въ тюрьму въ Кильменгемъ, и переговоры эти привели къ заключенію такъ называемаго «Кильменгемскаго договора», послѣ котораго узникамъ была возвращена свобода. Переговоры происходили при посредствѣ Чэмберлена, выказывавшаго тогда самыя горячія симпатіи Ирландіи и настаивавшаго чтобы Англія удовлетворила ея законныя требованія. Онъ находился тогда въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ирландскою націоналистскою партіей и даже заслужилъ со стороны своихъ противниковъ проищеское прозвище «general solicitor» ирландской партіи.

Форстеръ тотчасъ же вышелъ въ отставку, какъ только состоялось соглашеніе Парнелля съ Гладстономъ, и Чэмберленъ надѣялся замѣнить его. Онъ былъ въ тѣ времена преданнымъ другомъ и союзникомъ ирландскихъ націоналистовъ и всегдашнимъ ихъ заступникомъ. Безъ сомнѣнія, они бы съ радостью встрѣтили его назначеніе и, быть можетъ, еслибъ оно состоялось, не было бы теперь кровопролитной войны въ южной Африкѣ, такъ какъ не только безпокойное честолюбіе Чэмберлена нашло бы удовлетвореніе, но и для его энергичной природы открылось бы болѣе широкое поле дѣятельности.

Чэмберленъ считалъ себя въ силахъ справиться съ трудною задачей умиротворенія Ирландіи — задачей, разрѣшить которую не удавалось ни одному изъ государственныхъ дѣятелей Англіи. Онъ даже совѣщался по этому поводу съ представителями ирландской партіи и вынесъ изъ этого совѣщанія самыя радужныя надежды. Но послѣднимъ не суждено было сбыться. Мѣсто государственнаго секретаря или министра по дѣламъ Ирландіи не было предложено Чэмберлену. Гладстонъ почему-то выбралъ преемникомъ Форстера лорда Кэвендиша, который вскорѣ и былъ убитъ среди бѣлаго дня въ Дублинскомъ паркѣ. На это убійство министерство Гладстона тотчасъ же отвѣчало введеніемъ исключительнаго режима, который господствовалъ въ Ирландіи въ теченіе трехъ лѣтъ. Чэмберленъ, хотя и уступилъ волѣ главы кабинета, но продолжалъ, все-таки, заявлять при всякомъ случаѣ о своей ненависти къ политикѣ репрессалій и о своемъ горячемъ желаніи необходимыхъ ре-

формъ, которыя однѣ только могли положить конецъ невозможному порядку вещей. Но и въ это время онъ, все-таки, отвергалъ всякую идею сепаратизма, выражая увѣренность, что она не только подвергла бы опасности Англiю, но оказалась бы роковой и для благосостоянiя самой Ирландiи.

Чэмберленъ продолжалъ сношенiя съ Парнеллемъ и его друзьями, но его новый проектъ «національныхъ совѣтовъ» былъ отвергнутъ кабинетомъ въ концѣ 1884 года, а въ июнѣ 1885 года министерство Гладстона вышло въ отставку, уступивъ свое мѣсто министерству лорда Сольсбери.

Получивъ свободу дѣйствiй, Чэмберленъ воспользовался ею, чтобы совершить политическую поѣздку въ Ирландiю и, чтобы обезпечить себѣ благопрiятный прiемъ, написалъ предварительно посланiе къ главнымъ вождямъ ирландскаго движенiя. Тамъ онъ излагалъ программу реформъ, которыя, по его мнѣнiю, должны быть проведены въ Ирландiи. Однако, расчеты его оказались ошибочными. Парнелль, требованiя котораго все возрастали, настаивалъ теперь на независимомъ ирландскомъ парламентѣ и не допускалъ никакихъ уступокъ въ этомъ отношенiи, въ увѣренности, что котораянибудь изъ англiйскихъ партiй дастъ ему то, что онъ требуетъ. Благодаря такой настойчивости Парнелля, соглашенiе между нимъ и Чэмберленомъ не могло просуществовать долго. На поставленныя Парнеллемъ категорическiя условiя, его бывший другъ и союзникъ отвѣтилъ самымъ формальнымъ отказомъ. «Если это требованiе будетъ выполнено,—сказалъ Чэмберленъ,—то мы должны будемъ отказаться отъ всякой надежды сохранить Соединенное королевство. Мы бы создали тогда, на разстоянiи какихъ-нибудь тридцати миль отъ нашихъ береговъ, чужую страну, глубоко враждебную намъ. Я твердо увѣренъ, что такая политика была бы пагубной для Ирландiи, опасной для государства, и мы должны принять все мѣры, чтобы предотвратить подобное бѣдствiе. Съ своей стороны, я готовъ былъ бы даровать ирландскому народу мѣстное управленiе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, совершенно такъ же, какъ я желалъ бы ввести его у англiчанъ и ирландцевъ».

Такимъ образомъ разрывъ между Чэмберленомъ и ирландскими націоналистами сталъ совершившимся фак-

томъ, обѣ стороны обвиняли другъ друга въ неискренности. Ирландскіе націоналисты открыто заявляли, нѣсколько времени спустя, что Чэмберленъ готовъ былъ пойти въ началѣ 1884 г., по крайней мѣрѣ, такъ же далеко, какъ пошелъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гладстонъ; они утверждали даже, что Чэмберленъ, по его собственному шутивому заявленію Парнеллю, «ничего не имѣлъ хотя бы противъ республики въ Ирландіи», — подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ ирландцы помогли ему разъединить старую либеральную партію, на развалинахъ которой онъ думалъ создать новую радикальную, подъ собственнымъ предводительствомъ. Комбинація не удалась, — и сейчасъ мы увидимъ нашего гибкаго политика тоже во враждѣ съ либералами, и тоже изъ-за ирландскаго вопроса, — только не на сторонѣ радикализма...

Консервативное министерство Сольсбѣри на этотъ разъ продержалось не долго, такъ какъ въ томъ же 1885 г. на общихъ выборахъ либералы вернули большинство, и въ февралѣ 1886 года Гладстонъ снова сдѣлался первымъ министромъ. Значеніе Чэмберлена настолько уже возросло, что Гладстонъ не могъ оставить его за флагомъ, тѣмъ болѣе, что именно его смѣлая программа социальныхъ реформъ содѣйствовала побѣдѣ либераловъ на послѣднихъ выборахъ. Чэмберленъ принялъ условно предложенный ему портфель министра внутреннихъ дѣлъ, хотя, въ письмѣ Гладстону и подчеркнул свое разногласіе съ нимъ относительно ирландскаго вопроса. Въ воззрѣніяхъ Гладстона на этотъ вопросъ произошелъ рѣшительный поворотъ въ сторону радикальной реформы. Онъ присоединился къ ирландцамъ, такъ какъ его собственное либеральное большинство было слишкомъ слабо, чтобы дать возможность либераламъ управлять; не опираясь на голоса ирландскихъ націоналистовъ. Къ тому же Гладстонъ былъ убѣжденъ, что дарованіе «Home rule» не только удовлетворитъ чувство справедливости, но въ то же время будетъ содѣйствовать больше всякихъ другихъ мѣропріятій умиротворенію Ирландіи. Чэмберленъ зналъ намѣренія Гладстона, но, очевидно, оба въ душѣ надѣялись повліять другъ на друга. Это не удалось ни тому, ни другому, и разрывъ сдѣлался неизбежнымъ. Сюда присоединились еще неудовольствія, возникшія между Джономъ Мор-

леемъ и Чэмберленомъ, и какъ ни старался Гладстонъ примирить ихъ, это ему не удалось.

Господство ирландскаго вопроса въ англійской политикѣ вызвало такимъ образомъ расколъ либеральной партіи. Часть ея, высказывавшаяся противъ «Home rule» и видѣвшая въ немъ первый шагъ къ раздробленію имперіи, настаивала на сохраненіи «уніи» съ Ирландіей, вслѣдствіе чего и получила названіе уніонистовъ. Это были диссиденты-либералы, составившіе оппозицію ирландскимъ реформамъ, къ которымъ примкнулъ Чэмберленъ, подавшій въ отставку тотчасъ же, какъ только Гладстонъ представилъ министерству свой проектъ ирландскаго самоуправленія. Общественное мнѣніе Англійи заволновалось. Въ газетахъ возникла страстная полемика, и даже въ самой Ирландіи, въ Ульстерѣ, такъ называемые *оранжисты*, начали самую яркую агитацію противъ гомруля. Королевѣ Викторіи была отправлена изъ Ульстера петиція, подписанная 30.000 женщинъ, умолявшихъ ее ни за что не давать своего согласія на законъ о гомрулѣ.

Пренія, возникшія въ палатѣ, когда Гладстонъ внесъ свой законопроектъ, носили такой же страстный характеръ, и законопроектъ былъ отвергнутъ 341 голосомъ противъ 311.

Это было въ іюнѣ 1886 г. Гладстонъ распустилъ парламентъ, и новые выборы произошли на почвѣ ирландскаго вопроса, причемъ борьба возникла не между либералами и консерваторами, какъ прежде, а между обѣими фракціями либеральной партіи и кончилась полнымъ пораженіемъ партіи Гладстона, такъ какъ Чэмберленъ, во главѣ уніонистовъ, оказалъ на выборахъ поддержку консерваторамъ.

Внезапная эволюція, которая произошла съ Чэмберленомъ, вызвала горячіе толки. Какъ, Чэмберленъ—радикаль, социалистъ, поддерживавшій самыя прогрессивныя реформы, стоявшій за подходящий налогъ, аграрный законъ и т. д., и т. д., вдругъ переходитъ на сторону консерваторовъ и идетъ въ хвостъ у лорда Сольсбѣри, того самого, про котораго онъ еще недавно говорилъ, что «лордъ Сольсбѣри—воплощенное невѣжество и предубѣжденность» и что онъ страдаетъ «политическою желтухой»? Это казалось просто невѣроятнымъ. «Ренегатъ!» клеймили его одни; «опрометчивый человѣкъ!» кричали другіе; «вы погубили свое политическое будущее; вы себя убиваете!» говорили ему друзья.

Но Чэмберленъ въ дѣйствительности не былъ ни ренегатомъ, ни опрометчивымъ политикомъ. Собственно, это было лишь первымъ яркимъ проявленіемъ той «versatility», которая составляетъ главное свойство его характера. Многіе изъ англійскихъ политическихъ дѣятелей измѣняли постепенно свою политическую окраску, превращаясь мало-по-малу изъ умѣренныхъ либераловъ въ умѣренныхъ тори и наоборотъ, а Гладстонъ, какъ извѣстно, началъ свою политику, какъ самый ярый консерваторъ и затѣмъ, мало-по-малу, превратился въ радикала. Съ Чэмберленомъ произошло обратное явленіе и притомъ онъ, вслѣдствіе пылкости своего темперамента, не способенъ на постепенный переходъ или шествованіе изъ одного лагеря въ другой, а совершаетъ свое политическое «salto mortale» на глазахъ у всѣхъ и такъ неожиданно, что даже трудно бываетъ прослѣдить тѣ причины, которыя побудили его сдѣлать подобный прыжокъ.

Новое министерство Сольсбѣри вступило въ коалицію съ уніонистами, соединившимися съ консерваторами, съ цѣлью сохранить зависимость Ирландіи отъ центрального правительства. Но зато Чэмберленъ не замедлил оказать давленіе на министерство въ пользу своихъ излюбленныхъ реформъ и добился административной децентрализаціи.

Какъ и слѣдовало ожидать, ирландское движеніе возобновилось съ возросшею силой. Снова въ Ирландіи начались выселенія при помощи вооруженной силы, вслѣдствіе отказа арендаторовъ платить аренду. Въ Ульстерѣ же происходили настоящія сраженія между оранжистами и націоналистами. Правительство возбудило судебныя преслѣдованія противъ вожаковъ движенія, но это не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ присяжные не соглашались выносить обвинительные приговоры. Введеніе аграрнаго закона, по которому арендаторы могли становиться собственниками, не успокоило, однако, движенія, а новыя репрессіи только усиливали борьбу.

Попытка достигнуть примиренія между гладстоновцами и уніонистами также не увѣнчалась успѣхомъ. Знаменитая «конференція за круглымъ столомъ», въ которой участвовали со стороны гладстоновцевъ — Уильямъ Гаркуръ и Морлей, а со стороны уніонистовъ — Чэмберленъ и Тревиліанъ, кончилась окончательнымъ разрывомъ. Въ іюнѣ 1887

года Чэмберленъ безповоротно отдѣлился отъ либеральной партіи, и новая фракція, соединившись съ консервативною партіей, образовала партію либераль-унионистовъ. Этотъ союзъ, съ теченіемъ времени, уже въ силу необходимости, скрѣпился еще больше, когда борьба разгорѣлась сильнѣе.

Такимъ образомъ совершился переходъ «радикала» Чэмберлена отъ либераловъ къ консерваторамъ. Конечно, главнымъ побужденіемъ при этомъ переходѣ было честолюбіе, но орудіемъ его была «радикальная» программа. Что сдѣлалось съ ней въ новомъ фазисѣ его политической карьеры?

Мы знаемъ, что Чэмберленъ давно уже выставилъ на своемъ знамени осуществленіе тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыя, по его мнѣнію, должны были обезпечить благосостояніе массъ. Онъ примкнулъ къ либеральной партіи именно потому, что надѣялся скорѣе добиться этихъ реформъ отъ нея, нежели отъ консерваторовъ. Однако, его программа реформъ, которую онъ съ истинно воинственнымъ жаромъ проповѣдывалъ на выборахъ 1885 г., напугала не только старыхъ либераловъ, но и нѣкоторыхъ изъ послѣдователей радикальной манчестерской школы. Чэмберленъ выставилъ свою программу отъ имени молодой англійской демократіи, и Гладстонъ отказался сначала присоединиться къ ней, но эта «неутвержденная» главою либераловъ программа, тѣмъ не менѣе въ значительной степени содѣйствовала побѣдѣ либеральной партіи на общихъ выборахъ, такъ какъ привлекла на ея сторону голоса рабочихъ въ городахъ и селахъ. Чэмберленъ имѣлъ такимъ образомъ право надѣяться, что его, не признанная официально, программа будетъ, все-таки, усвоена партіей съ теченіемъ времени, но ирландскій вопросъ разрушилъ его надежды, и это было толчкомъ, заставившимъ его обратиться въ другую сторону.

И такъ, какъ это ни странно, «радикализмъ» Чэмберлена оказалъ ему услугу, послуживъ ему мостомъ для перехода въ консервативный лагерь. Но здѣсь передъ честолюбивымъ политикомъ открылись новыя перспективы, передъ которыми поблѣднѣли и ступшевались его филантропически-соціальные затѣи.

Будущій имперіалистъ уже давно сказался въ Чэмберленѣ. Онъ стоялъ за самыя широкія реформы мѣстнаго

управленія, но не хотѣлъ раздробленія имперіи. «Если великая Великобританія будетъ нераздѣльной, то ни одна имперія въ мірѣ не превзойдетъ ее величіемъ, населенностью, богатствомъ и разнообразіемъ средствъ», говорилъ онъ впоследствии. Эта мысль была преобладающей еще тогда, когда онъ стоялъ рядомъ съ Гладстономъ, и вообще проходитъ красною нитью черезъ всю его политическую карьеру. Теперь старая идея получаетъ новую пищу.

Лордъ Сольсбѣри, сдѣлавшись главою кабинета послѣ пораженія либеральной партіи на выборахъ 1886 г., и понимая, что Чэмберлену неудобно тотчасъ же вступить въ торійское министерство, предложилъ своему новому союзнику отправиться, въ качествѣ представителя Великобританіи, въ Америку, чтобы разрѣшить старинный споръ о канадскихъ рыбныхъ промыслахъ. Чэмберленъ охотно согласился и прекрасно справился со своею задачей, но эта поѣздка, повидимому, имѣла рѣшающее вліяніе на его образъ мыслей. Въ немъ укрѣпилась идея объединенія всѣхъ народовъ англо-саксонской расы въ обширную федерацію, грандіозная мечта о созданіи такой великой Великобританіи, съ могуществомъ которой уже не въ состояніи была бы соперничать ни одна держава въ мірѣ.

«Великимъ имперіямъ принадлежитъ будущее, — говорилъ онъ, — а второстепенныя государства, которыя не прогрессируютъ, повидимому, обречены на подчиненное положеніе. Такова характерная черта и преобладающая тенденція современной эпохи».

Весною 1887 года Чэмберленъ посѣтилъ Шотландію и сосѣдніе острова, несмотря на то, что передъ тѣмъ постоянно получалъ угрожающія письма; онъ не испугался обѣщанныхъ враждебныхъ манифестацій, которыми угрожали ему, какъ измѣннику, и отправился. Въ Глазго онъ даже сказалъ рѣчь въ собраніи либераловъ и далъ понять, что «прежній Чэмберленъ все еще существуетъ» и что онъ вовсе не думаетъ отказываться отъ своихъ старыхъ теорій.

Но когда онъ поѣхалъ въ Канаду, чтобы выполнить миссію, возложенную на него лордомъ Сольсбѣри, то всѣ его бывшіе сторонники, сдѣлавшіеся теперь его противниками, стали громко кричать о томъ, что онъ нарочно скрывается, чтобы избѣжать борьбы, и что онъ, конечно, не по-

смѣтъ явиться въ Бирмингэмъ. Но Чэмберленъ тотчасъ же прѣхалъ въ свой родной городъ, какъ только вернулся въ Англiю, и притомъ онъ прѣхалъ туда не одинъ, а съ молодою женой. Отправившись улаживать дѣла съ Соединенными Штатами и достигнувъ съ ними соглашенiя, онъ самъ заключилъ союзъ съ Америкой, женившись на дочери военнаго министра Соединенныхъ Штатовъ. Чэмберленъ обѣхалъ со своею женой Шотландiю, и тамъ, какъ и въ Бирмингэмъ, его поѣздка была непрерывнымъ рядомъ овацiй, и онъ съ гордостью могъ показать своей молоденькой женѣ до какой степени популяренъ и какъ любимъ населенiемъ своей родины.

Чэмберленъ еще въ 1885 году предвидѣлъ, что консерваторы должны будутъ обратиться къ нему за помощью. Онъ говорилъ: «Тори—въ министерствѣ, но радикалы во власти», характеризуя такимъ образомъ отношенiя къ нему торiевъ. Не имѣя строго опредѣленной программы, консерваторы, фатальнымъ образомъ, должны были заимствовать его бирмингэмскую программу, такъ что онъ въ правѣ былъ воскликнуть: «Они у меня украли мою программу, теперь я совсѣмъ ограбленъ, лишень всего, пока не придумаю новой, которую они, опять-таки, украдутъ!» Въ другой разъ онъ спрашивалъ: «До какихъ поръ они дойдутъ? Если я потребую отдѣленiя церкви отъ государства, отмѣны наслѣдственнаго пэрства, свѣтскаго образованiя, дадутъ ли они мнѣ все это? Прoшлый разъ одинъ изъ членовъ палаты сказалъ: милый другъ, будьте осторожны въ своихъ требованiяхъ, потому что, если вы начнете критиковать заповѣди, то Бальфуръ немедленно внесетъ билль объ ихъ уничтоженiи».

Какъ мы видѣли, уже тогда угодливость Бальфура передъ Чэмберленомъ не составляла тайны; впоследствии же, когда Бальфуръ сдѣлался первымъ министромъ, она довела его даже до намѣреннаго обмана другихъ министровъ, своихъ коллегъ.

Тогда въ лондонскихъ салонахъ много смѣялись надъ этою мѣткою шуткой, но съ теченiемъ времени, когда диктатура Чэмберлена приняла вполне опредѣленный характеръ, онъ, конечно, остерегался говорить объ этомъ. И по отношенiю къ лорду Сольсбѣри Чэмберленъ дѣйствовалъ всегда очень осмотрительно и осторожно. Онъ не вступилъ въ его кабинетъ и, сохраняя свою независимость, часто

критиковалъ его дѣятельность, но въ общемъ, все-таки, энергично поддерживалъ его, стараясь принудить его къ радикальнымъ реформамъ, такъ что многія либеральныя по существу или даже радикальныя мѣропріятія были проведены министерствомъ Сольсбѣри, благодаря настойчивости Чэмберлена. Но главная идея, которой Чэмберленъ отдался со свойственною ему страстностью и которая заставляла его поддерживать съ такою же энергіей торійское министерство, съ какою онъ поддерживалъ прежде либеральное—это была идея имперіализма.

Несмотря, однако, на свое вліяніе и большую популярность, ему не удалось побѣдить «великаго старца», который въ 1892 г. въ четвертый разъ сдѣлался первымъ министромъ. Чэмберленъ вступилъ тогда въ ряды оппозиціи и горячо сражался противъ ирландскаго билля Гладстона. Билль былъ принятъ въ палатѣ общинъ большинствомъ 301 голоса противъ 267, но провалился въ верхней палатѣ, гдѣ лорды высказались противъ него подавляющимъ большинствомъ 419 голосовъ противъ 41. Чэмберленъ, горячо возстававшій прежде противъ палаты лордовъ, считавшій ее остаткомъ феодализма, который давно бы слѣдовало уничтожить безусловно, сказалъ тутъ, что «палата лордовъ, отвергнувъ ирландскій билль, заслужила неувидаемую благодарность современнаго поколѣнія Англіи».

Побѣжденный и измученный Гладстонъ не только удался съ поля битвы, но сошелъ и съ политической сцены, передавъ бразды правленія лорду Розберри. Впрочемъ, существованіе министерства Розберри было очень непрочное, и незначительное большинство, на которое оно опиралось, словно, таяло въ воздухѣ послѣ cadaго голосованія. Чэмберленъ, попрежнему, былъ въ оппозиціи и только разъ вотировалъ вмѣстѣ съ либералами, когда Асквитъ внесъ свой билль объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Уэльсѣ. Какъ нонконформистъ чистой крови, Чэмберленъ въ этомъ вопросѣ никогда не дѣлалъ никакихъ уступокъ своимъ новымъ союзникамъ, консерваторамъ, и всегда упорно боролся противъ привилегій государственной церкви. Въ 1895 г. министерство Розберри пало, вслѣдствіе недостатка единодушія, и новое министерство Сольсбѣри составилось изъ членовъ обѣихъ фракцій консерваторовъ и либераль-унионистовъ.

Чэмберленъ, вступившій въ торійское министерство, долженъ былъ, конечно, представить своимъ избирателямъ объясненіе, какимъ образомъ онъ, радикаль, превратился въ союзника главы партіи тори. Мы видѣли, что ему легко было найти эти объясненія. Вотъ что онъ сказалъ: «Въ послѣдніе годы я преслѣдовалъ только одну цѣль—сохраненіе уніи между Великобританіей и Ирландіей. Для этого я и поддерживалъ консервативное правительство съ 1886 г. по 1892 г., и еслибъ было возможно, то и продолжалъ бы его поддерживать, сохраняя свою независимость, но настало время, когда либералы-уніонисты должны нести свою долю отвѣтственности въ управленіи страной. Ихъ вступленіе въ уніонистскую администрацію, которая только что сформировалась, должно служить для васъ гарантіей, что, поддерживая величіе имперіи и обезпечивая ея вліяніе за границей, новое правительство не будетъ упускать изъ виду народныхъ желаній и не уменьшитъ своихъ усилій, направленныхъ къ улучшенію благосостоянія массъ. Если я согласился теперь вступить въ министерство, то изъ этого вы не должны выводить заключенія, что мои взгляды на соціальныя реформы сколько-нибудь видоизмѣнились. Я думаю, что въ своемъ новомъ положеніи я скорѣе буду въ состояніи достигнуть цѣли, нежели въ томъ случаѣ, если я останусь независимымъ членомъ». И его вѣрные избиратели ни на одну минуту не заподозрили въ неискренности. Не все ли равно, будетъ ли онъ сражаться рядомъ съ либералами противъ консерваторовъ или рядомъ съ консерваторами противъ либераловъ! Джо-радикаль не могъ быть поглощенъ ни тѣми, ни другими, онъ всегда останется самимъ собой и постарается доставить народу наибольшія выгоды!

Итакъ, Чэмберленъ, по его словамъ, вступилъ въ министерство Сольсбѣри въ надеждѣ, что оно будетъ болѣе либеральнымъ, нежели консервативнымъ, и въ особенности въ надеждѣ занимать въ немъ преобладающее мѣсто. Но всѣ были искренно удивлены, когда Чэмберленъ взялъ портфель министра колоній. До сихъ поръ эта должность считалась второстепенной, и никто не могъ понять, какъ это честолюбивый Чэмберленъ обратилъ на нее свои взоры. Конечно, никто еще не подозрѣвалъ тогда той эволюціи, которая совершилась во взглядахъ Чэмберлена, раньше, въ 1880 г.,

столь же рѣзко какъ и Гладстонъ нападавшаго на «авантюристскую политику» лорда Биконсфильда. Но то было время, когда онъ съ чувствомъ удовлетворенія взиралъ на проведенныя имъ крупныя реформы въ муниципальной администраціи Бирмингэма и со скептической улыбкой относился къ «результатамъ имперіалистской политики, которая наградила Англію Кипромъ и Трансваалемъ». Когда послѣ событій 1882 года Гладстонъ былъ поставленъ въ необходимость оккупировать Египетъ, то Чэмберленъ не менѣе другихъ своихъ коллегъ по министерству сожалѣлъ объ этой оккупаци и надѣялся, что вскорѣ Англій можно будетъ избавиться отъ этого «новаго бремени».

Такъ думалъ Чэмберленъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но по мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ государственными дѣлами, вопросы внѣшней политики, которымъ онъ раньше придавалъ второстепенное значеніе, стали занимать его больше, и онъ, мало-по-малу, началъ приходить къ заключенію, что между иностранною политикой какой-нибудь страны и ея внутреннимъ благосостояніемъ и развитіемъ существуетъ болѣе или менѣе тѣсная связь. Въ началѣ своей политической карьеры онъ думалъ, что смѣлыя законодательныя реформы, являющіяся необходимымъ результатомъ демократизаціи Англій, достаточны будутъ, чтобы обезпечить счастье массъ населенія. Но скоро ему пришлось убѣдиться въ тщетѣ этой надежды. Соціальное законодательство, апостоломъ котораго онъ сдѣлался, показалось ему недостаточнымъ, проведенныя реформы не уничтожили рабочихъ кризисовъ и являлись только слабымъ палліативомъ противъ многихъ соціальныхъ золъ. Онъ чувствовалъ, какъ его вѣра въ тѣ мѣропріятія, которыя онъ всегда такъ горячо защищалъ, постепенно слабѣетъ; что о реализаціи крупныхъ реформъ и думать нечего, по крайней мѣрѣ при существующихъ обстоятельствахъ, и что въ силу заключеннаго имъ компромисса, ему приходится довольствоваться только лишь частичными реформами, да и то въ искаженномъ видѣ. Тогда у него явилась мысль, улучшить судьбу рабочихъ классовъ и благосостояніе населенія посредствомъ другого рода способовъ. Англія, менѣе чѣмъ всякая другая страна, можетъ изолировать себя отъ внѣшняго міра, сношенія съ которымъ являются для нея не-

обходимымъ условіемъ существованія. Въ этомъ внѣшнемъ мірѣ она находитъ рынки, куда можетъ сбывать свои продукты, и поэтому ея благосостояніе тѣсно связано съ вопросомъ о рынкахъ. Придя же къ такому заключенію, Чэмберленъ объявилъ, что главною заботою правительства должно быть «пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ», а обратившись къ рабочимъ, началъ ихъ убѣждать въ необходимости обращать больше вниманія на вопросы иностранной политики. «Посмотрите на результаты нашей связи съ колоніями, послѣдствія нашего вліянія въ Египтѣ и могущества въ Индіи,—говорилъ онъ,—на громадныя усилія, дѣлаемыя нашими соотечественниками, чтобы развить еще неизвѣданныя и громадныя области африканскаго континента,—и вы убѣдитесь, что будущность трудящихся классовъ больше зависитъ отъ успѣха нашихъ заграничныхъ предпріятій, распространившихся по всей вселенной, нежели отъ какихъ-либо искусственныхъ мѣръ, направленныхъ къ поощренію производительности». Какъ видимъ, и на этотъ разъ хитроумный Джо сумѣлъ найти мостъ для своего новаго перехода отъ «радикализма» къ имперіализму.

Такова была перемѣна во взглядахъ на относительное значеніе внутренней и внѣшней политики, которая побудила Чэмберлена выбрать въ 1895 году министерство колоній. Теперь, въ противоположность прежнему, онъ отводилъ первое мѣсто колониальнымъ и иностраннымъ дѣламъ и даже порицалъ вождей радикальной партіи за то, что они болѣе обращаютъ вниманіе на разныя «домашнія пререканія», которыя имѣютъ во всякомъ случаѣ лишь второстепенное значеніе, чѣмъ бы ни разрѣшились они впослѣдствіи.

Со свойственной ему энергіей Чэмберленъ принялся теперь трудиться въ пользу осуществленія своей идеи объединенія имперіи «великой Великобританіи», какъ прежде онъ трудился надъ успѣхомъ своихъ социальныхъ реформъ. И мало-по-малу эти послѣднія, отодвинутыя на задній планъ, совершенно исчезли, поглощенные доминирующей идеей, которая овладѣла умомъ и дѣятельностью Чэмберлена.

Первымъ шагомъ къ осуществленію идеи «великой федераціи имперіи» (Imperial Federation), которая должна была обезпечить величіе и могущество еще «болѣе великой Великобританіи» (Greater Great-Britain), былъ проектъ колониаль-

наго таможеннаго союза. Чэмберленъ, вѣрный своимъ словамъ: «I am a practical man», и тутъ приступалъ къ вопросу съ практической, коммерческой стороны. Чтобы укрѣпить связь между колоніями и метрополіей, онъ предложилъ коммерческое соглашеніе — «British Customs Union», устанавливающее свободу торговли между колоніями и метрополіей, но вводящее пошлины для иностраннаго ввоза. Образцомъ для такого таможеннаго союза, повидимому, послужилъ германскій «Zollverein». Англія, по мнѣнію Чэмберлена, предоставивъ полную свободу и автономное правительство своимъ колоніямъ, неосторожно поступила, допустивъ ихъ создать нѣкоторыя препятствія для ввоза продуктовъ своего производства. Почти всѣ колоніи установили у себя протекціонистскую политику и учредили одинаковыя пошлины какъ для продуктовъ иностраннаго производства, такъ и для всѣхъ продуктовъ метрополіи, — и Англія никогда не заявляла противъ этого никакого протеста. Понимая, что измѣнить положеніе вещей невозможно, такъ какъ колоніи слишкомъ ревниво оберегаютъ свою независимость, Чэмберленъ и выдвинулъ на сцену свой проектъ. Но, противъ ожиданія, послѣдній не встрѣтилъ въ Англіи того приѣма, на который Чэмберленъ рассчитывалъ; колоніи же отнеслись къ нему несочувственно. Австралія, Канада, Новая Зеландія опасаются, что ихъ бюджеты сильно пострадаютъ, если англійскіе товары будутъ свободно допущены на рынки, и торговля ихъ не въ состояніи будетъ выдержать конкуренціи. Чэмберленъ, однако, не изъ тѣхъ людей, которые складываютъ оружіе послѣ первой же неудачи, но ему пришлось волей-неволей на время отодвинуть свой проектъ коммерческаго союза, въ виду сопротивления колоній и новыхъ событій, отвлекшихъ его вниманіе.

Знаменитый набѣгъ Джемсона, агента «Chartered Company», произошелъ въ концѣ 1895 г., вскорѣ послѣ того, какъ Чэмберленъ вступилъ въ управленіе дѣлами колоній. Какъ извѣстно, эта революціонная попытка была вызвана желаніемъ добиться насильственнымъ путемъ удовлетворенія требованій уитлэндеровъ. Попытка кончилась полнѣйшимъ пораженіемъ, потому что въ организациі этого набѣга англичане проявили свойственное имъ высокомѣрное отношеніе

къ противнику и не потрудились освѣдомиться о его способности дать отпоръ. Мы видимъ въ настоящее время, что фіаско, испытанное Джемсономъ, не послужило для нихъ урокомъ.

Какъ бы поступило правительство, если бы набѣгъ Джемсона увѣнчался успѣхомъ, рѣшать не беремся, но въ данномъ случаѣ оно сдѣлало то, къ чему вынуждали его обстоятельства, т.-е. отреклось отъ Джемсона и его предпріятія. Конечно, трудно было допустить, чтобы министр колоній не былъ своевременно освѣдомленъ о выступленіи Джемсона, — и Чэмберленъ не подумалъ отрицать этого; онъ заявилъ парламентской слѣдственной комиссіи, что немедленно телеграфировалъ въ Капштадтъ, чтобы были употреблены всѣ средства остановить Джемсона, но... вслѣдствіе роковой случайности телеграфъ между Капомъ и Питзани оказался перерѣзаннымъ!

Джемсона судили, посадили въ тюрьму и такимъ образомъ внѣшность была соблюдена, но трансваальскій вопросъ, вызванный открытіемъ въ Трансваалѣ богатѣйшихъ золотыхъ приисковъ, остался неразрѣшеннымъ. Чэмберленъ, мечтающій о «Greater Great Britain», не могъ не обратить взоры на Трансвааль и не примѣнуть къ Сесилю Родсу, основателю «южно-африканской компаніи», получившей привилегію (хартію) на разслѣдованіе и приобрѣтеніе земель въ южной Африкѣ, и къ его грандіознымъ планамъ. Развѣ же англійское владычество, объединивъ колоніи въ Южной Африкѣ, не должно было поставить эти послѣднія въ лучшія условія для прогресса и свободного культурнаго развитія?

Чэмберлена справедливо упрекаютъ въ томъ, что онъ подготавливалъ войну, т.-е. старался сдѣлать ее неизбежной, всѣми зависящими отъ него средствами, даже до подстрекательства, подлога и подтасовки фактовъ включительно. Насколько вѣрно то, что его и Родса побуждали къ этому финансовыя затрудненія и неизбежное банкротство южно-африканской компаніи, — это вопросъ пока открытый, такъ какъ трудно разобраться въ потокѣ обвиненій и упрековъ, которые посыпались теперь на Чэмберлена и всѣхъ его сподвижниковъ. Но несомнѣнно, все-таки, что идея южно-африканской федераціи играла тутъ не послѣднюю роль. Агрес-

сивная политика Чэмберлена встрѣтила сочувствіе во всѣхъ классахъ англійскаго общества. Онъ осмѣлился громко и рѣзко высказать то, что другіе думали или говорили втихомолку. Какъ бы тамъ ни было, но онъ указалъ на опасность, которую составляло для могущества Англии соперничество молодыхъ и сильныхъ націй, на необходимость пока еще не поздно, поставить ихъ въ извѣстныя границы, если Англія желаетъ сохранить въ своихъ рукахъ экономическое первенство, составляющее для нея источникъ богатства и политическаго господства. Это господство, которое Англія приобрѣла съ самаго начала вѣка, необходимо для ея существованія; потеря его была бы равносильна смерти. Безъ сомнѣнія, Чэмберленъ предпочелъ бы достигнуть своей цѣли, не прибѣгая къ кровопролитію, но если нѣтъ другого средства, то не слѣдуетъ упускать благоприятнаго момента, не дожидаясь, когда окрѣпнутъ силы молодыхъ соперничающихъ націй, и борьба окажется болѣе трудной.

Такъ разсуждалъ Чэмберленъ, поощряя набѣгъ Джемсона. Но онъ ошибся въ расчетахъ. Онъ мечталъ повысить обаяніе и престижъ англійскаго имени и обезпечить Великобританіи преобладаніе на морѣ еще на нѣкоторый промежутокъ времени. Онъ думалъ, что подчиненіе Трансваала обойдется недешево, но рѣшалась дѣйствовать смѣло и настойчиво въ этомъ вопросѣ, онъ, конечно, никогда не предполагалъ, что соперникъ окажется настолько сильнымъ, а Англія — настолько мало подготовленной къ войнѣ.

Пораженія англійскихъ войскъ, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, вызвали поворотъ въ общественномъ мнѣніи Англіи. Для всѣхъ было ясно, что Англія начала войну безъ достаточной подготовки, и протесты противъ войны, начатой такъ опрометчиво и обезславившей Англію, стали раздаваться громче, между тѣмъ, какъ джинго притихли. Особенно много способствовало такому повороту общественнаго мнѣнія то, что Англія понесла огромныя потери деньгами и людьми, и окончательное завоеваніе и присоединеніе обѣихъ республикъ уже не можетъ вознаградить ее за это. Побѣжденная страна такъ разорена, что врядъ ли въ состояніи будетъ скоро оправиться и превратиться въ доходное владѣніе. Пока же Англіи пришлось повысить налоги, и это вызываетъ сильное неудовольствіе, затѣмъ въ

либеральной печати появились разоблаченія жестоких поступковъ англійскихъ завоевателей и обвиненія въ корыстныхъ цѣляхъ тѣхъ, кто побуждалъ къ войнѣ. Нѣкоторые изъ этихъ разоблаченій задѣвали и доброе имя Чэмберлена, говорили, что онъ самъ и его близкіе родственники участвуютъ въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и состоятъ членами правленій различныхъ фирмъ, берущихъ подряды для войскъ и т. д., и результатомъ всѣхъ этихъ разоблаченій было внесеніе въ палату общинъ билля, запрещающаго министрамъ принимать какое-либо участіе въ такихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, которыя берутъ какія либо поставки для правительства. Пренія по поводу этого билля приняли очень рѣзкій характеръ. Чэмберленъ не отрицалъ, что онъ самъ и его семья обладаютъ акціями различныхъ фирмъ, получающихъ заказы отъ правительства, но при этомъ съ горячностью и негодованіемъ заявлялъ, что четверть вѣка вполнѣ честной и безкорыстной политической дѣятельности могли бы избавить его теперь отъ необходимости приводить доказательства въ парламентѣ, что онъ не воръ и не измѣнникъ! Такъ какъ билль носилъ характеръ инсинуаціи противъ честности политическаго дѣятеля, члена парламента, то онъ и былъ отвергнутъ большинствомъ голосовъ, хотя принципиально никто не высказывался противъ него.

Вообще, въ Англии имя Чэмберлена не возбуждаетъ такого взрыва негодованія, какъ это можно было бы ожидать. Страшныя обвиненія сыпались на генераловъ, на все военное вѣдомство, оказавшееся не на высотѣ своего долга, но главный виновникъ потоковъ крови въ южноафриканскихъ степяхъ какъ будто забывался при этомъ. Только либеральные ораторы не щадятъ его въ своихъ рѣчахъ, да сатирическіе листки наполняютъ свои страницы злыми карриатурами на его счетъ и подчасъ къ его имени прибавляютъ насмѣшливые, а иногда и оскорбительные эпитеты. Но въ общемъ англійскій народъ какъ будто прощаетъ ему всѣ ошибки, сдѣланныя имъ въ послѣдніе годы. Почва имперіализма оказалась не такою плодотворною, какъ почва соціальной дѣятельности, гдѣ Чэмберленъ уже связалъ свое имя съ цѣлымъ рядомъ демократическихъ реформъ. На новой почвѣ Чэмберленъ роковымъ образомъ

началь терпѣть пораженія одно за другимъ. Его пылкость тутъ особенно вредила дѣлу, мѣшала обдуманности его поступковъ. Его мечты о грандіозной федераціи, которая должна была бы объединить въ одно цѣлое Великобританію со всѣми ея колоніями, такъ и остались мечтами. Такая же участь постигла и его пресловутый «British Customs Union» (британскій таможенный союзъ) и идею союза всѣхъ народовъ англосаксонской расы, «противъ котораго никто въ мірѣ не могъ бы устоять!» Онъ не встрѣтилъ сочувствія въ Соединенныхъ Штатахъ, также какъ не нашелъ его и въ Германіи, съ которою хотѣлъ вступить въ соглашеніе. Но англійскій народъ обладаетъ способностью восхищаться тѣми, кто умѣетъ хотѣть. Чэмберленъ высказалъ неуклонную энергію и стремительность въ достиженіи своихъ цѣлей. Онъ властно завладѣлъ англійскою политикою и въ короткое время, безъ всякихъ связей, одною лишь силою воли и таланта, проникъ въ первые ряды, не дѣлая при этомъ никакихъ уступокъ и даже не подчиняясь формамъ, установленнымъ старинною британскою аристократіей.

Послѣднимъ фазисомъ политической эволюціи Чэмберлена былъ поворотъ его въ сторону протекціонизма. Какъ раньше онъ своимъ поворотомъ въ ирландской политикѣ вызвалъ распаденіе либеральной партіи, такъ и теперь, своимъ поворотомъ къ протекціонизму, онъ вызвалъ такое же распаденіе консервативной партіи, вслѣдствіе выхода изъ нея сторонниковъ свободы торговли.

Новая программа Чэмберлена носитъ рѣзко протекціонистскій характеръ. Она говоритъ, что огромная британская имперія, въ предѣлахъ которой никогда не заходитъ солнце, которая обнимаетъ всѣ поясы и климаты, можетъ вполне удовлетворять своимъ потребностямъ и не нуждаться въ произведеніяхъ другихъ странъ и народовъ. Она все можетъ добыть и все произвести у себя дома. Достигнуть этого, по мнѣнію Чэмберлена, можно только путемъ протекціонизма, и онъ мечтаетъ объ имперіи, совершенно независимой въ экономическомъ отношеніи отъ остального міра. Эта мѣра является уже крайнимъ выраженіемъ имперіализма, до котораго еще не дошли другіе приверженцы этой идеи.

Но годы не умѣрили пылкости Чэмберлена, и онъ смѣло устремляется впередъ и даже собственною властью устраи-

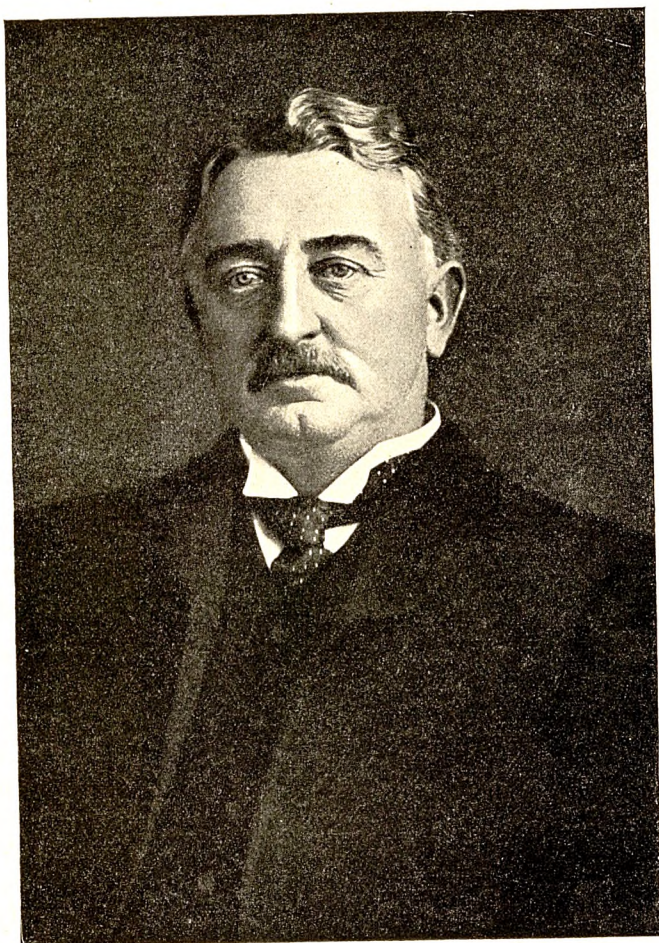
ваетъ комиссію, которая должна заняться пересмотромъ существующей таможенной системы. Эти пылкость и рѣшительность нѣсколько смущаютъ даже сторонниковъ Чэмберлена, а противники его восклицаютъ: «Гдѣ же это видано, чтобы простой депутатъ такъ говорилъ и поступалъ? До сихъ поръ назначеніе по предложенію отвѣтственныхъ министровъ различныхъ комиссій для изученія различныхъ вопросовъ и выработки различныхъ проектовъ, было прерогативою короны, но Чэмберленъ все это измѣнилъ. Собственною властью онъ создаетъ комиссію, становится ея предсѣдателемъ и заявляетъ, что результаты ея работъ по экономическому вопросу послужатъ основою для реформъ таможенной системы. Это неслыханная дерзость!»

Но Чэмберлена не смущаютъ такія сужденія, также какъ и всѣ выходки противъ него. Онъ говоритъ, что всѣ націи придерживаются протекціонистской системы и что Англія должна произвести разслѣдованія для выработки новаго тарифа, болѣе отвѣчающаго требованіямъ современнаго положенія вещей, а поэтому представители всѣхъ отраслей промышленности должны высказать свои мнѣнія по различнымъ вопросамъ, касающимся данной отрасли. Первый министръ Бальфуръ всегда былъ только игрушкою въ рукахъ Чэмберлена, и даже когда послѣдній вышелъ изъ состава кабинета, то, все-таки, онъ продолжалъ быть его вдохновителемъ и отчасти руководителемъ. Однако, даже противники Чэмберлена сознаютъ, что онъ организовалъ свою комиссію съ большимъ знаніемъ дѣла и что онъ дѣйствуетъ очень послѣдовательно. Но его чрезмѣрная стремительность, все-таки, вызываетъ нѣкоторую реакцію, тѣмъ болѣе, что Англія всегда неохотно отказывается отъ традиціонной политики да еще такой, которой она обязана своимъ благосостояніемъ. Самъ Чэмберленъ говоритъ уже, что онъ не рассчитываетъ на быстрое усвоеніе своихъ идей, и что на это нужно время. Но въ конечномъ торжествѣ ихъ онъ не сомнѣвается.

Директоръ парижской школы политическихъ наукъ удачно сравнилъ Чэмберлена съ кометою, которая насильственно вибрилась въ плеяду величественныхъ свѣтилъ и продолжаетъ въ ней свой путь, не теряя ни одного изъ присущихъ ей свойствъ. Какъ ни относиться къ Чэмбер-

лену, но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что это одна изъ самыхъ оригинальныхъ и сильныхъ личностей на современной политической сценѣ въ Англии, приковывающихъ къ себѣ въ данный моментъ вниманіе всего политическаго міра.

Родсѣ.

(Съ фотографіи).

III.

Сесиль Родсъ.

Капскій Наполеонъ.

Еще не успѣла кончиться англобурская война, еще продолжала литься кровь, обогряя почву, въ нѣдрахъ которой скрывается золото, когда въ могилу сошелъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ этой войны — Сесиль Родсъ, тотъ, котораго называли «Капскимъ Наполеономъ» или «Некоронованнымъ королемъ южной Африки». Онъ умеръ въ своемъ загородномъ домѣ около Капштадта, у подножія Столовой горы, окруженный преданными друзьями, ухаживавшими за нимъ съ величайшимъ самоотверженіемъ. Въ Капштадтѣ и въ Англійи вѣсть о его смерти была принята такъ, какъ принимаютъ извѣстіе о смерти какого-нибудь великаго человѣка и патріота. Капштадтъ одѣлся въ трауръ, увеселительныя заведенія закрылись, и даже концертъ, на которомъ присутствовало все лучшее общество Капштадта, немедленно прекратился, какъ только получено было извѣстіе о смерти Сесилия Родса. Въ Лондонѣ, въ соборѣ св. Павла, была отслужена торжественная панихида, и похороны Родса носили очень внушительный характеръ, какъ похороны великаго государственнаго дѣятеля.

Но былъ ли Сесиль Родсъ въ самомъ дѣлѣ великимъ англичаниномъ, какимъ его называютъ англійскія газеты? Что онъ былъ крупнымъ человѣкомъ, пожалуй, самымъ крупнымъ изъ всѣхъ современныхъ дѣятелей Англійи—въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Никогда еще ни одинъ человѣкъ не навлекалъ на себя столько проклятій и не возбуждалъ къ себѣ такую ненависть у всѣхъ народовъ, какъ Сесиль Родсъ, но въ то же время никто, какъ прежде, такъ и теперь, послѣ его смерти, не могъ упрекнуть его въ томъ, что онъ преслѣдовалъ узкія, своекорыстныя цѣли. Даже его враги признають, что онъ не былъ искателемъ денегъ

и что на богатство онъ смотрѣлъ лишь, какъ на средство, а не какъ на цѣль.

«Что пользы имѣть великія идеи, когда не имѣешь средствъ, чтобы осуществить ихъ!» сказалъ онъ однажды генералу Гордону. Поэтому, наживая миллионы, Сесиль Родсъ, не задумываясь, тратилъ ихъ не на роскошь и удобства, къ которымъ онъ былъ совершенно равнодушенъ, и не на удовлетвореніе своего тщеславія и другихъ страстей, которыхъ за нимъ никто не зналъ, а на осуществленіе своей мечты объ объединенной, сильной и могущественной южно-африканской федераціи, которую онъ хотѣлъ организовать подъ покровомъ британскаго флага. Онъ мечталъ о томъ, чтобы создать могущественную связь, которая соединила бы бѣлое населеніе южной Африки, разбросанное на огромномъ пространствѣ, и создала бы южно-африканскую политическую жизнь! Онъ понималъ трудность этой проблемы и стремился къ ней всѣми способами, руководствуясь іезуитскимъ правиломъ («цѣль оправдываетъ средства»); онъ практиковалъ подкупъ въ широкихъ размѣрахъ; не жалѣя своихъ миллиононовъ, онъ снаряжалъ войска и организовалъ знаменитый набѣгъ Джемсона; но когда его планы рушились и вся Европа злорадствовала и смѣялась надъ нимъ, то онъ не выказалъ ни малодушія, ни трусости; даже его враги признаютъ, что въ это трудное для него время онъ проявилъ мужество и величіе души и доказалъ, что былъ крупнымъ человѣкомъ. Потерпѣвъ неудачу, онъ не спрятался за чужую спину и не прибѣгалъ ни къ какимъ уверткамъ для своего оправданія, не взваливалъ вину и отвѣтственность на другихъ, а даже выгородилъ министра колоній, Чэмберлена, къ великому удивленію и негодованію своего адвоката, напрямикъ заявивъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду вызвать революцію въ Трансваалѣ и опрокинуть правительство, для чего и жертвовалъ миллионы собственныхъ денегъ. «Это была моя ошибка и въ этомъ моя вина!» заявилъ онъ вполне откровенно.

Сесиль Родсъ пріѣхалъ въ южную Африку совсѣмъ еще юнымъ, лѣтъ восемнадцати. Это былъ блѣдный и худой юноша, возбуждавшій во всѣхъ пассажирахъ парохода состраданіе своимъ болѣзненнымъ видомъ. Ему угрожала чахотка, и родители рѣшили отправить его, по совѣту

врачей, въ южную Африку, для поправленія здоровья, такъ какъ у его брата была тамъ небольшая хлопчатобумажная плантація. Эта поѣздка рѣшила его судьбу. Сынъ англійскаго пастора, обремененнаго семействомъ, Сесиль Родсъ не имѣлъ никакого состоянія, когда пріѣхалъ въ южную Африку, оказавшуюся для него обѣтованною землею. Климатъ этой страны вернулъ ему здоровье, а скрытыя въ ея недрахъ богатства превратили бывшаго бѣдняка въ миллионера.

Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ южной Африкѣ и подкрѣпивъ свое здоровье, Сесиль Родсъ вернулся въ Англию, чтобы продолжать свои занятія въ Оксфордскомъ университетѣ, но это оказалось невозможнымъ. Кашель и упадокъ силъ возобновились, и онъ долженъ былъ снова уѣхать въ южную Африку, и на этотъ разъ уже на болѣе долгое время.

Конечно, Сесиль Родсъ не мечталъ тогда ни о какихъ миллионахъ, а скромно занимался плантаторскими работами на фермѣ своего брата. Вскорѣ, однако, въ Наталѣ распространились странные слухи, что гдѣ-то, по близости Оранжевой рѣки, негры находятъ алмазы, и что ихъ особенно много въ той мѣстности, гдѣ въ настоящее время лежитъ городъ Кимберлей. Юный Сесиль сильно заинтересовался этими слухами и, разспросивъ объ этомъ подробно, рѣшилъ попытать счастья. Разумѣется, онъ не задавался тогда никакими грандіозными планами. У него не было для этого ни денегъ, ни здоровья, и онъ отлично сознавалъ, что не можетъ затѣять самостоятельнаго дѣла. Безъ особеннаго труда онъ склонилъ на это брата. Продавъ свою ферму въ Наталѣ, тотъ отправился вмѣстѣ съ Сесилемъ въ мѣста, гдѣ, по рассказамъ, находили алмазы. На деньги, вырученныя отъ продажи фермы, братья купили себѣ участокъ и принялись его разрабатывать. Однажды братъ Сесилия, отличавшійся особенною любовью къ приключеніямъ, отправился въ экскурсію на сѣверъ и былъ убитъ во время нападенія кафровъ, и двадцатилѣтній Сесиль сдѣлался единоличнымъ владѣльцемъ участка въ алмазныхъ коняхъ.

Въ 1873 году, среди диггеровъ въ Кимберлей можно было видѣть худого и блѣднаго юношу, лѣтъ двадцати, который, взобравшись на опрокинутую бочку около своего

участка, гдѣ работали кафры, усердно зубрилъ какую-нибудь греческую или латинскую книгу, посматривая въ то же время и на то, что дѣлають кафры. Это былъ владѣлецъ участка Сесиль Родсъ. Всѣ знали, что онъ готовится къ университетскому экзамену въ Оксфордѣ, что онъ прѣѣхалъ въ южную Африку для укрѣпленія своихъ легкихъ, но никто не подозрѣвалъ, конечно, какую роль суждено сыграть этому юношѣ въ исторіи южно-африканскихъ колоній.

Въ тѣ времена разработка алмазныхъ копей была очень не сложна и производилась самымъ первобытнымъ способомъ. Около дожины негровъ въ глубинѣ открытаго колодца отламывали куски алмазосодержащей каменной породы и наполняли ею корзины, которыя потомъ поднимались вверхъ по канату. Владѣлецъ участка, стоя на верху, принималъ нагруженную корзину и, вываливъ ея содержимое на длинный столъ, принимался отыскивать алмазы въ этой кучѣ земли и каменныхъ обломковъ. Ремесло тяжелое, но, тѣмъ не менѣе, оно доставляло, все-таки, средства къ жизни.

Нелегко жилось тогда Сесилу Родсу. Разумѣется, ни о какихъ удобствахъ, ни о какомъ comfortѣ нечего было и думать. Ему пришлось отказывать себѣ во всемъ, но, тѣмъ не менѣе, его здоровье, все-таки, поправлялось.

Извѣстіе объ открытіи алмазовъ привлекло, конечно, въ эту мѣстность массу разныхъ искателей приключеній и диггеровъ. Около двадцати тысячъ человекъ собрались тутъ на пространствѣ не болѣе пяти километровъ въ діаметрѣ, въ области, представлявшей настоящую безводную пустыню, лишенную всякой растительности. Ни одна капля дождя не выпадаетъ въ этой мѣстности, по крайней мѣрѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ и, конечно, еслибъ не алмазы, то никто бы не рѣшился селиться въ ней. Но надежда на возможность быстро разбогатѣть заставляла людей забывать всѣ лишнія, которыя выпадали на ихъ долю, и спросъ на участки все возрасталъ. Мало-по-малу, однако, оказалось далѣе невозможнымъ разрабатывать эти участки прежнимъ примитивнымъ способомъ, такъ какъ, по мѣрѣ углубленія копей, скалы начали грозить опасностью обвалиться; и тогда диггеры рѣшили сообща предпринять нѣкоторыя предохра-

тельные мѣры. Однако, работы для этой цѣли потребовали такихъ большихъ издержекъ, что многіе владѣльцы участковъ испугались и продали ихъ тѣмъ, которыхъ меньше пугало будущее. Родсъ, конечно, принадлежалъ къ числу этихъ послѣднихъ; онъ былъ убѣжденъ, что при помощи капиталовъ можно организовать болѣе правильную и цѣлесообразную разработку копей. Имѣя это въ виду, Родсъ скупилъ столько участковъ, насколько у него хватило денегъ, и основалъ свою первую акціонерную компанію «De Beers Mining Co», обнаруживъ при этомъ необыкновенныя финансовыя способности. Онъ такъ повелъ дѣло, несмотря на свою молодость, что созданная имъ компанія вскорѣ сдѣлалась главною владѣтельницею копей.

По примѣру Родса, образовалось еще нѣсколько промышленныхъ компаній, такъ что копи оказались во владѣніи семи компаній и трехъ частныхъ лицъ; замѣна эта не замедлила отразиться на эксплуатаціи копей, ежегодное производство которыхъ сильно возросло. Это вызвало, конечно, тотчасъ же паденіе цѣны на алмазы, и Родсъ сообразилъ немедленно, что необходимо принять противъ этого мѣры, т.-е. войти въ соглашеніе съ остальными промышленными компаніями и ограничить добычу алмазовъ такимъ образомъ, чтобы они всегда оставались въ цѣнѣ.

Черезъ три года Сесиль Родсъ достигъ своей цѣли: всѣ компаніи слились въ одну, которая получила названіе «De Beers Consolidates Co», и вскорѣ сдѣлалась однимъ изъ самыхъ могущественныхъ финансовыхъ обществъ въ южной Африкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Родсъ сразу обратилъ на себя вниманіе и приобрѣлъ репутацію финансиста. Онъ занялъ такое положеніе, что смѣло уже могъ разчитывать играть выдающуюся политическую роль.

Совершивъ эту финансовую операцію, Родсъ вернулся назадъ въ Англію. Его здоровье поправилось, отъ чахотки не осталось и слѣда, и онъ могъ бы остаться въ Англіи, но не захотѣлъ. Его тянуло въ южную Африку, которая стала для него второю родиной, и онъ уже тогда началъ помышлять о распространеніи господства англосаксонской расы въ этой области. Мало-по-малу эта идея превратилась для него въ символъ вѣры. Онъ говорилъ, что «только въ предѣлахъ владѣній англосаксонской расы человѣкъ чувствуетъ себя че-

ловѣкомъ, такъ какъ вездѣ, гдѣ развѣвается англійскій флагъ, царить свобода!»

Такимъ образомъ, въ мозгу Сесилия Родса постепенно зарождалась идея великой южно-африканской федераціи или южно-африканскихъ штатовъ. Онъ мечталъ о нихъ, когда въ теченіе пяти лѣтъ ежегодно уѣзжалъ на пароходѣ въ Англію, чтобы продолжать свое ученіе въ Оксфордѣ, и тратилъ на это все то, что добывалъ въ алмазныхъ копяхъ Кимберлея.

Въ молодые годы Сесиль Родсъ отличался крайне молчаливымъ, несообщительнымъ нравомъ. Онъ не пользовался особенною любовью въ университетѣ, но внушалъ къ себѣ уваженіе. Однако, и тогда уже онъ считался неисправимымъ мечтателемъ. Многіе изъ его прежнихъ товарищей вспоминаютъ, что всякій разъ, уѣзжая изъ Англіи на свою вторую родину, южную Африку и, возвращаясь оттуда въ Оксфордъ, онъ говорилъ какъ важно было бы утвердить господство англосаксонской расы на всѣхъ еще не занятыхъ территорияхъ южной Африки. Тогда имперіализмъ только еще зарождался, но двадцатипятилѣтній Сесиль Родсъ сдѣлался самымъ горячимъ адептомъ этого ученія и своимъ друзьямъ, которыхъ у него было немного, онъ излагалъ свой методъ и свою программу, говоря имъ, что англосаксонская раса владѣетъ территориями въ трехъ континентахъ, что это самая богатая, самая могущественная и самая счастливая изъ всѣхъ расъ и что она должна господствовать во вселенной.

Занятія въ Оксфордскомъ университетѣ не мѣшали Сесиллю Родсу преслѣдовать свой планъ и добиваться намѣченной цѣли. Онъ подготовлялся въ южной Африкѣ, въ промежуткѣ между своими финансовыми операціями и дѣлами, къ тѣмъ экзаменамъ, которые долженъ былъ сдавать въ Англіи. Въ тотъ годъ, когда онъ получилъ степень «Bachelor of Arts» Оксфордскаго университета, онъ основалъ свою первую финансовую компанію, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже засѣдалъ въ капскомъ парламентѣ, въ качествѣ депутата отъ Гриквалиндъ-Уэста—территоріи, гдѣ находились алмазные копи.

Южная Африка переживала тогда критическіе моменты своей исторіи. Англія проявляла большую нерѣшительность

и, утвердившись въ Капѣ съ 1806 года, а въ Наталѣ съ 1842 года, повидимому, не желала распространять далѣе внутрь страны свои владѣнія. Борьба съ воинственными туземными племенами не прельщала ее, ей и такъ не легко было охранять границы своихъ колоній и она съ трудомъ справлялась съ этою задачей. Притомъ же земли, простирающіяся къ западу отъ Драконовыхъ горъ, считались бесплодными и непригодными для культуры, а потому не привлекали ее. Послѣ того, какъ Англія заняла Оранжевую территорію, эта послѣдняя сдѣлалась для нея источникомъ разныхъ затрудненій, не вознаграждая ее за это ничѣмъ. Англіи постоянно приходилось вмѣшиваться въ распри между туземными племенами, между колонистами и туземцами и чувствовать, что тамъ существуетъ постоянная затаенная вражда, которая можетъ сдѣлаться, при случаѣ, опасной.

Въ 1852 г. Англія формально признала независимость колонистовъ, эмигрировавшихъ изъ Капа и основавшихъ общину по ту сторону Вааля, т.-е. трансваальскую республику, а черезъ два года такого же признанія добились колонисты, утвердившіеся между Оранжевой рѣкой и Ваалемъ. Англія мало-по-малу теряла интересъ къ этимъ странамъ, какъ вдругъ вѣсть объ открытіи алмазовъ въ 1870 г. заставила ее встрепенуться и сразу измѣнить свой взглядъ на территоріи, которыя представлялись ей лишенными всякаго значенія. Алмазныя россыпи находились виѣ английской территоріи, и какъ Оранжевая республика, такъ и Трансвааль заявляли на нихъ свои права. Но английское правительство нашло какого-то туземнаго князька и выдвинуло его на сцену, какъ владѣльца спорной территоріи. Англія поддержала его права, взявъ его подъ свое покровительство, а затѣмъ перекупила эти права у него, уплативъ Оранжевой республикѣ ничтожную сумму. Въ 1877 г. она сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ, и английскій флагъ взвился надъ Преторіей, столицей Трансвааля. Но спустя четыре года, послѣ возстанія буровъ, Англія перемѣнила формальное присоединеніе въ простой протекторатъ, а въ 1884 г. лондонская конвенція отмѣнила и его. Англія не рѣшилась итти далѣе. Правда, у нея были причины колебаться, такъ какъ ея капская колонія была населена голландцами, которые не скрывали своихъ симпатій къ трансваальскимъ бурямъ.

Таково было положеніе вещей въ южной Африкѣ, когда Сесиль Родсъ вступилъ въ капскій парламентъ. Тамъ онъ сдѣлался ярымъ защитникомъ и проповѣдникомъ «политики распространенія» (politic of expansion). Онъ мечталъ объ объединенной, сильной и могущественной южно-африканской федераціи подъ покровомъ британскаго флага. «Въ тотъ день, когда бѣлое населеніе южной Африки, разбросанное на громадномъ пространствѣ, соединитъ какая-нибудь могущественная связь, тогда народится южно-африканская политическая жизнь!» — говорилъ Сесиль Родсъ. Разумѣется, онъ не обманывалъ себя насчетъ трудностей проблемы, которую мечталъ разрѣшить.

«Посмотрите на карту южной Африки, — сказалъ онъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ одному изъ политическихъ дѣятелей, котораго хотѣлъ привлечь на свою сторону, — и вы увидите, что южно-африканскій вопросъ, повидимому, сотканъ изъ всевозможныхъ аномалій. Тутъ все перемѣшано: колоніи, подобныя Наталю, республики, какъ Трансвааль и Оранжевая, обширныя территоріи, населенныя туземцами, и такая колонія, какъ Капъ, имѣющая самоуправленіе, — все это существуетъ рядомъ, и задача объединить всѣ эти разнородные элементы представляется на первый взглядъ неразрѣшимой. Но, мнѣ кажется, я нашелъ къ ней ключъ... Чтобы господствовать въ южной Африкѣ, надо владѣть внутренними территоріями: Бечуаноляндомъ и Матабелеляндомъ».

Многимъ этотъ планъ Родса показался чрезчуръ смѣлымъ, но Родсъ съ величайшимъ жаромъ доказывалъ, что это единственное средство основать могущественную южно-африканскую федерацію. Главнымъ препятствіемъ къ этой федераціи служило недовѣріе голландскихъ республикъ, но когда эти республики будутъ окружены со всѣхъ сторонъ англійскими колоніями, то онѣ, волей-неволей, прекратятъ свое сопротивленіе.

Что касается территорій, оккупаціи которыхъ такъ добивался Сесиль Родсъ, то на ихъ счетъ существовали лишь весьма скудныя свѣдѣнія, доставленныя кое-какими путешественниками да миссіонерами. Однако, по такимъ рассказамъ эти территоріи представляли богатую, плодородную страну съ довольно сноснымъ климатомъ и удобную для

европейской колонизаціи. Нѣкоторые изъ путешественниковъ увѣряли даже, что тамъ находится золото, и они видѣли заброшенные рудники.

Родсъ, подкрѣпляемый этими разказами, настаивалъ на томъ, чтобы капская колонія по собственной инициативѣ заняла эти территоріи, не прибѣгая къ вмѣшательству метрополиі, не внушавшей ему довѣрія, вслѣдствіе своихъ постоянныхъ колебаній.

Въ 1884 г. въ капскомъ парламентѣ произошли очень горячія пренія по этому вопросу. Благодаря настойчивости Родса, ему удалось достигнуть цѣли, и британскій протекторатъ былъ объявленъ надъ Бечуаноляндомъ. Во главѣ экспедиціи въ эту страну по указанію Сесилия Родса, былъ поставленъ сэръ Чарльзъ Уорренъ, который познакомился съ нимъ еще въ то время, когда тотъ былъ слушателемъ Оксфордскаго университета. Это было въ 1877 году. Тогда еще не было желѣзной дороги изъ Капштадта въ Кимберлей, и почтовое сообщеніе совершалось первобытнымъ способомъ, при посредствѣ огромныхъ фургоновъ, запряженныхъ быками. Сесиль Родсъ ѣхалъ въ такомъ фургоноѣ вмѣстѣ съ какимъ-то другимъ англичаниномъ и, кромѣ ихъ, другихъ пассажировъ не было. Однако, несмотря на то, что они ѣхали уже въ теченіе четырехъ дней, сидя на одной скамейкѣ и вечеромъ пили чай за однимъ и тѣмъ же столомъ, оба англичанина другъ съ другомъ не разговаривали, находя это неприличнымъ, такъ какъ они не были другъ другу представлены. Родсъ, впрочемъ, не скучалъ, такъ какъ онъ не терялъ времени и, сидя въ фургоноѣ, усердно готовился къ экзамену, который ему предстояло сдать въ этомъ году.

Спутникъ Родса былъ очень заинтригованъ тѣмъ, что тотъ все время читалъ одну и ту же книгу и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ. Наконецъ, любопытство взяло верхъ надъ всѣми соображеніями о приличіяхъ,—молодой англичанинъ не выдержалъ и спросилъ Родса, что онъ учитъ.

— Тридцать семь параграфовъ постановленій англиканской церкви,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Англичанинъ чуть не подскочилъ отъ удивленія. Встрѣтить въ глуши африканскихъ пустынь человѣка, изучающаго законы церкви—это, во всякомъ случаѣ, представляло

нѣчто выходящее изъ ряда вонъ, и поэтому англичанинъ очень заинтересовался своимъ спутникомъ.

— Вы не клерджииментъ?—спросилъ онъ его.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ — я рудокопъ, но я теперь подготавливаюсь къ экзамену въ Оксфордѣ.

Еще большее изумленіе англичанина. Однако, въ концѣ концовъ, разговоръ наладился, и мало-по-малу рѣчь коснулась Кимберлея и того, что тамъ уже сдѣлано и что еще предстоитъ сдѣлать.

— Молодой человекъ, — сказалъ, наконецъ, англичанинъ, все болѣе и болѣе заинтересованный своимъ спутникомъ,—меня зовутъ Чарльзъ Уорренъ; я — правительственный комиссаръ по разграниченію территоріи оранжеваго государства. Чѣмъ могу служить вамъ?

— Меня зовутъ Сесиль Родсъ, — послѣдоваль отвѣтъ.

Послѣ этого взаимнаго представленія завязался разговоръ, во время котораго Родсъ увлекся и изложилъ собесѣднику свои взгляды на будущность южной Африки и свои грандіозныя мечты.

Чарльзъ Уорренъ съ интересомъ слушалъ его. Молодой энтузіастъ, Сесиль Родсъ, обладалъ удивительною способностью дѣйствовать на своихъ собесѣдниковъ. Можетъ быть, эта способность зависѣла отъ силы убѣжденія, которая жила въ немъ, но, во всякомъ случаѣ, сознательно или безсознательно, онъ, несомнѣнно, всегда умѣлъ подчинить своему вліянію окружающихъ. Какъ бы тамъ ни было, но Чарльзъ Уорренъ также увлекся его планами и съ этой минуты сталъ его приверженцемъ.

Сдѣлавшись членомъ парламента, Сесиль Родсъ быстро пріобрѣлъ сторонниковъ среди депутатовъ, раздѣлявшихъ его образъ мыслей. Сэръ Геркулесъ Робинзонъ, бывшій тогда губернаторомъ Капской колоніи и британскимъ верховнымъ комиссаромъ, волей-неволей покорялся Родсу, который, положительно, его гипнотизировалъ своими убѣжденными рѣчами и заставлялъ соглашаться съ собой, хотя Робинзонъ постоянно боялся, что молодой другъ завлечетъ его слишкомъ далеко. Между ними безпрестанно происходили горячіе споры, и вотъ однажды, въ пылу такого спора, Родсъ потащилъ сэра Геркулеса къ огромной картѣ южной Африки, висѣвшей на стѣнѣ, и, ткнувъ въ нее пальцемъ, сказалъ:

— Двѣсти лѣтъ тому назадъ, почтенные люди, поселившіеся здѣсь, довольствовались устройствомъ блокгауза на Столовой горѣ. Ну, а теперь гдѣ мы находимся? Вѣдь мы зашли далеко отъ рѣки Вааль, ну, а вы въ теченіе короткаго періода вашего пребыванія здѣсь, что вы сдѣлали? Вы, вѣдь, довели наши границы до 22 градуса широты!

— Увы! — возразилъ на это сэръ Геркулесъ, тяжело вздыхая.—А развѣ это было легко! Но скажите же, наконецъ, гдѣ вы хотите остановиться?

— Я остановлюсь только тамъ, гдѣ найду европейскія владѣнія,—отвѣчалъ Родсъ къ величайшему изумленію губернатора, показавъ ему на картѣ южныя границы озера Танганайки. Другія державы, вѣдь, стараются разрисовать карту южной Африки своими національными цвѣтами. Попытаемся же сдѣлать это и мы.

Сэръ Геркулесъ въ изнеможеніи опустился на диванъ словно, и въ самомъ дѣлѣ Родсъ заставилъ его проскакать вдоль всей Африки до границъ Танганайки.

— Я думалъ, что вы удовольствуетесь границей Замбезе!—пробормоталъ онъ въ отчаяніи, и, наконецъ, сознавая, что Родсъ, все-таки, заставитъ его дѣйствовать по-своему, и что ему придется покориться его энергичной волѣ, прибавилъ, что онъ предоставитъ его, Родса, собственнымъ силамъ и ни за что не послѣдуетъ за нимъ такъ далеко.

Родсъ не сталъ настаивать, но и не подумалъ отказаться отъ своихъ плановъ, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, нѣкоторыя европейскія державы ужъ начали предъявлять свои притязанія на южно-африканскую территорію. Прошелъ слухъ, что Германія отправляетъ къ Лобенгулѣ, королю метабеловъ и маглоновъ, уполномоченнаго, чтобы добиться отъ него привилегіи на эксплуатацію рудниковъ на всемъ пространствѣ его обширной территоріи. Поговаривали даже, что его хотятъ заставить подписать политическій договоръ. Родсъ находилъ поэтому, что терять время нельзя, и предложилъ сэру Геркулесу, который боялся дѣйствовать рѣшительно, слѣдующій компромиссъ: заставить Лобенгулу подписать обязательство не уступать никому ни одной частицы своей территоріи безъ согласія на то британскихъ властей. Такимъ образомъ была бы устранена, по крайней

мѣрѣ временно, опасность соперничества другихъ державъ, и въ то же время Англія была бы избавлена отъ затрудненій, сопряженныхъ съ учрежденіемъ протектората. Но въ глубинѣ души Родсъ, конечно, думалъ, что первый шагъ непременно повлечетъ за собою другіе.

Какъ всегда, ему удалось склонить сэра Геркулеса въ пользу своихъ взглядовъ. Къ Лобенгултѣ былъ немедленно отправленъ уполномоченный, и выгодный для Англіи договоръ былъ подписанъ. Едва это было сдѣлано, какъ въ крааль Лобенгулы явился трансваальскій агентъ съ такимъ же предложеніемъ, но онъ пришелъ слишкомъ поздно—Родсъ предупредилъ всѣхъ!

Не успѣлъ Лобенгула подписать требуемое обязательство, какъ Родсъ отправилъ къ нему эмиссаровъ, чтобы добиться отъ него исключительнаго права эксплуатаціи рудныхъ богатствъ, и, конечно, достигъ своей цѣли,—сдѣлка, которую онъ заключилъ съ негритянскимъ царькомъ, не была невыгодной для синдиката, учрежденнаго Родсомъ съ цѣлью разработки копей во владѣніяхъ Лобенгулы. Родсъ долженъ былъ уплачивать ему ежегодно сто фунтовъ стерлинговъ, затѣмъ снабдить его тысячею ружей Мартини-Генри съ приложеніемъ ста тысячъ патроновъ и доставить ему канонерку для навигаціи по Замбезе.

Однако, эта важная конвенція, на которую такъ сильно разсчитывалъ Родсъ, чуть-чуть не погибла на пути въ Капштадтъ. Одинъ изъ его посланныхъ, мистеръ Руддъ, преданный Родсу человѣкъ, зная, съ какимъ нетерпѣніемъ Родсъ ожидаетъ его возвращенія, поскакалъ верхомъ въ Капштадтъ, отдѣлившись отъ маленькаго каравана, съ которымъ онъ вмѣстѣ совершилъ это путешествіе. Но караванъ двигался медленно, а Рудда разбирало нетерпѣніе, и отъ этого чуть все не погибло. Руддъ заблудился и въ теченіе пяти дней блуждалъ по необозримой пустынной равнинѣ, испытывая страшныя мученія голода и жажды. Наконецъ, онъ совершенно изнемогъ и думалъ, что пришелъ его послѣдній часъ. Неожиданное спасеніе явилось къ нему въ образѣ какого-то кафра, который случайно проходилъ мимо и, увидавъ умирающаго путника, съжалился надъ нимъ, напоилъ его водой и далъ ему поѣсть. При помощи сострадательнаго кафра Руддъ поднялся на ноги и затѣмъ про-

должалъ свою дорогу въ Капштадтъ, который онъ не считывалъ больше увидѣть.

У Родса уже были въ рукахъ необходимые капиталы чтобы немедленно приступить къ эксплуатаціи полученной концессіи. Когда онъ основывалъ свою компанію «De Beers consolidated», то потребовалъ, чтобы въ уставъ этого общества былъ внесенъ параграфъ, позволявшій употреблять часть прибыли на приобрѣтеніе и эксплуатацію сѣверныхъ территорій. Въ теченіе цѣлой ночи онъ обсуждалъ этотъ вопросъ со своими компаньонами, Бейтомъ и Барнато, которыхъ онъ долженъ былъ склонить въ пользу своей идеи.

Бейтъ, впрочемъ, скоро уступилъ, сознавая, что Родсъ въ концѣ концовъ настоитъ таки на своемъ. Но Барнато, вовсе не желавшій превращать промышленную компанію въ колонизаціонное предпріятіе, спорилъ до четырехъ часовъ утра. Въ концѣ концовъ и Барнато долженъ былъ покориться, сказавъ Родсу, «что у всякаго свой конекъ, и его конекъ—это сѣверныя территоріи».

— Нечего дѣлать, приходится вамъ дать деньги для ихъ завоеванія,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

Такимъ образомъ статуты компаніи были составлены такъ, какъ этого желалъ Родсъ. Никогда еще ни одна промышленная компанія не пользовалась такими правами, какъ это дѣтище Родса. Онъ добился для нея хартіи отъ англійскаго правительства, предоставляющей ей самыя широкія полномочія разслѣдовать и приобрѣтать земли въ Африкѣ, содержать постоянное войско и предпринимать даже военныя операціи, въ случаѣ, если это признается необходимымъ. Такъ народилась знаменитая «Chartered Company», которую Родсъ сумѣлъ облечь въ глазахъ публики необыкновеннымъ престижемъ, постаравшись привлечь въ административный совѣтъ представителей высшей англійской знати, пэровъ Англій и родственниковъ королевы. Всѣ эти лица знали, конечно, что компанія преслѣдуетъ «имперіалистскую цѣль».

«Chartered Company» являлась настоящимъ государствомъ въ государствѣ и лишь de jure была подчинена въ весьма слабой степени контролю колониальнаго министерства. Сесиль Родсъ былъ тогда представителемъ административнаго совѣта въ южной Африкѣ, но въ дѣйствительности

онъ былъ душою этого предпріятія, и совѣтъ дѣлалъ только то, что онъ хотѣлъ.

Основной капиталъ «Chartered Company» былъ опредѣленъ въ одинъ миллионъ фунтовъ стерлинговъ, раздѣленный на акціи по одному фунту. Такая низкая цѣна акцій была назначена для того, чтобы ихъ могли пріобрѣтать небогатые люди, и чтобы это предпріятіе носило національный характеръ. Благодаря этому уменьшался и рискъ этого предпріятія. Несмотря на весь свой оптимизмъ, Родсъ, все-таки, сознавалъ, что предпріятіе это не имѣетъ вполне надежнаго характера съ финансовой точки зрѣнія, и не подумалъ скрывать этого отъ акціонеровъ. Но онъ надѣялся, что ему удастся упрочить это дѣло въ финансовомъ отношеніи. Планъ его былъ слѣдующій: огромная часть территорій «Chartered Company» вполне пригодна для европейской колонизаціи, и Родсъ рассчитывалъ, что компанія, произведя необходимыя работы въ этомъ направленіи, привлечетъ туда колонистовъ, и когда ихъ окажется достаточно, то они сами уже будутъ заботиться о своихъ интересахъ, а компанія предоставитъ имъ земли въ полное владѣніе, причемъ они только должны будутъ вернуть сдѣланныя затраты и расходы по администраціи съ причитающимся процентами. Родсъ, впрочемъ, заранѣе заявилъ, что «Chartered Company» не должна рассчитывать на барыши отъ полученія налоговъ, которые она имѣла право взимать, такъ какъ весь приходъ, полученный отсюда, предназначался на разныя полезныя учрежденія и улучшенія въ странѣ. Откуда же, слѣдовательно, акціонеры могли надѣяться получить свой дивидендъ? На этотъ вопросъ Родсъ отвѣчалъ, что доходы должна доставить исключительно только разработка минеральныхъ богатствъ страны. Если найдено будетъ въ достаточномъ количествѣ золото, то, разумѣется, компанія должна будетъ разбогатѣть.

Заручившись правами, Родсъ немедленно началъ приводить въ исполненіе свои планы. Прежде всего онъ позаботился о соединеніи Кимберлея съ Капштадтомъ желѣзною дорогою и телеграфомъ. Затѣмъ онъ продолжилъ далѣе желѣзную дорогу до Мэфкинга и Иренбурга. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позаботился о томъ, чтобы обезпечить оккупацію страны машоновъ, и съ этою цѣлью вступилъ въ соглаше-

ніе съ извѣстнымъ охотникомъ Зелусомъ, который прожилъ больше двадцати лѣтъ въ этой области. Зелусъ обязался снарядить экспедицію изъ 200 европейцевъ и 150 туземныхъ рабочихъ и провести ихъ въ Моунтъ Гэмденъ, въ центрѣ Машонолянда. Двѣсти европейцевъ, участвовавшихъ въ экспедиціи,—это были будущіе колонисты, которымъ компанія обѣщала выдать концессию на владѣніе землей и эксплуатацію рудниковъ.

Маленькій отрядъ отправился внутрь территоріи. Всѣ люди были вооружены и даже взяли съ собою четыре пушки Максима; кромѣ того, ихъ сопровождалъ обозъ изъ 65 фургоновъ съ разными припасами и палатками. Разумѣется, были приняты всѣ предосторожности, чтобы обезпечить себя отъ какихъ бы то ни было непріятныхъ сюрпризовъ. Отрядъ отправился въ концѣ іюня, а 12-го сентября онъ уже былъ у своей цѣли и занялъ Машоноляндъ, не выпустивъ ни одного выстрѣла.

Родсъ не удовлетворился этимъ успѣхомъ и тотчасъ же сдѣлалъ другую попытку — распространить сферу дѣятельности своей компаніи за предѣлы Замбезе. Онъ вытянулъ у вождя племени баротцевъ, Леваники, такую же концессию, какъ и отъ Лобенгулы, и перекунилъ права у другой компаніи, которая утвердилась тутъ уже раньше.

Такимъ образомъ, Родсу удалось привести въ исполненіе первую часть своего плана. Онъ распространилъ владѣнія Англіи далеко за предѣлы 22-й параллели, гдѣ они находились за пять лѣтъ передъ тѣмъ, и приобрѣлъ для нея, не причинивъ ей ни малѣйшихъ расходовъ, огромную территорію, въ четыре раза большую, нежели территорія самой Великобританіи.

Оккупация сѣверныхъ территорій составляла первый шагъ къ реализаціи его мечты о созданіи южно-африканской федераціи, такъ какъ ему удалось такимъ образомъ изолировать голландскія республики и окружить ихъ британскими владѣніями. Выполнивъ эту первую часть своей политической программы, Родсъ тотчасъ же приступилъ къ выполненію второй.

До этого времени Родсъ не игралъ никакой особенной выдающейся политической роли въ колоніи. Правда, онъ былъ членомъ капскаго парламента и разъ даже занималъ

должность министра финансовъ, но и то всего лишь въ течение шести недѣль, такъ какъ министерство вышло въ отставку. Однако, Родсъ понималъ, что для достиженія его плановъ, ему нужно политическое вліяніе и власть, и онъ сблизился съ «Africaner Bond» (союзъ африкандеровъ), который былъ основанъ въ 1880 году для защиты интересовъ голландскихъ колонистовъ, несмотря на свою численность, почти не имѣвшихъ своихъ представителей въ капскомъ парламентѣ, гдѣ доминировалъ англійскій элементъ, гораздо менѣе многочисленный. Незнаніе англійскаго языка, разбросанность на пространствахъ обширной территоріи и полупустышескій, полупустельжескій образъ жизни препятствовали колонистамъ принимать болѣе дѣятельное участіе въ политической жизни. Притомъ между ними не было никакой сплоченности и только когда былъ основанъ союзъ и во главѣ его сталъ Гофмейеръ — человекъ, обладающій большими способностями, то обстоятельства измѣнились въ пользу африкандеровъ. Онъ научилъ ихъ сознавать общность своихъ интересовъ и пользоваться политическими правами, которыя давалъ имъ законъ.

Родсъ сначала находился не совсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гофмейеромъ, который не сочувствовалъ его проектамъ распространенія, но придя къ заключенію, что для обезпеченія развитія южной Африки ему необходима помощь голландскаго населенія, составляющаго преобладающій элементъ среди всего бѣлаго населенія южной Африки, Родсъ тотчасъ же постарался сблизиться съ союзомъ африкандеровъ. Въ мысляхъ Родса англійскій элементъ долженъ былъ играть роль фермента, который ускоритъ развитіе отставшихъ африкандеровъ. Что же касается враждебности обѣихъ расъ, то Родсъ въ нее не вѣрилъ и находилъ, что она вызывается только разницею въ воспитаніи и легко со временемъ исчезнетъ.

Какъ всегда, Родсу удалось не только сблизиться съ союзомъ африкандеровъ, но и привлечь на свою сторону Гофмейера, своего прежняго оппонента. Родсъ убѣдилъ его и склонилъ въ пользу своей идеи, результатомъ чего было избраніе Родса министромъ-президентомъ колоніи. Соглашеніе съ африкандерами было важно для Родса, и, безъ сомнѣнія, это была очень искусная штука, такъ какъ теперь онъ опи-

рался на массу голландскаго населенія и могъ, наконецъ, осуществить свою мечту о южно-африканской федераціи. Онъ надѣялся при помощи союза побѣдить недовѣріе республикъ, въ особенности Трансваала, къ своей идеѣ. Родсъ сдѣлался очень популяренъ среди африкандеровъ и получилъ даже прозвище «англичанина съ африканскимъ сердцемъ». И въ самомъ дѣлѣ, Родсъ полюбилъ южную Африку, какъ свою вторую родину, она доставила ему все — здоровье, богатство, и онъ надѣялся, что она доставитъ ему также и славу. Ему нравились обширныя тихія равнины южной Африки и нѣсколько грубая, наивная простота пастушескаго народа, населившаго ее и внесшаго въ нее цивилизацію. Родсъ совершенно искренно говорилъ, что вовсе не добивается мѣста въ англійскомъ парламентѣ и никогда не намѣренъ покидать южной Африки. Онъ, такъ же какъ и «союзъ африкандеровъ, находилъ, что «южная Африка должна управляться южно-африканскимъ народомъ», а вовсе не англійскими министрами, не имѣющими никакого понятія ни о нуждахъ, ни о желаніяхъ населенія. Признавая необходимость общей связи съ имперіей ради внѣшней безопасности, онъ въ то же время находилъ, что въ томъ, что касается ея внутреннихъ дѣлъ, «южная Африка должна пользоваться самою абсолютною независимостью».

Счастье улыбалось Родсу; его финансовыя операціи удавались ему, и онъ быстро богатѣлъ, но, самое главное, — онъ видѣлъ, что подвигается къ осуществленію своей завѣтной мечты. Господство англосаксонской расы въ южной Африкѣ все болѣе укрѣплялось, и, въ концѣ концовъ, голландскія республики, Трансвааль и Оранжевая, оказались охваченными британскими владѣніями, словно желѣзнымъ кольцомъ. Но онъ мѣшали грандіознымъ планамъ Родса, врѣзавшись, какъ клинъ, въ сердцевину британскихъ владѣній. «Южно-африканская карта представляетъ цѣлый рядъ аномалій,—говорилъ Сесиль Родсъ, — такъ какъ въ ней перемѣшались разнородные элементы: колоніи, подобныя Наталю, республики, подобныя Трансваалю, Оранжевой и обширныя территоріи, населенныя туземцами и, наконецъ, Капская Колонія, имѣющая самоуправленіе».

Главная задача именно и заключалась въ томъ, чтобы объединить всѣ эти разнородные элементы.

Въ 1891 г. союзъ африкандеровъ устроилъ въ честь Родса свой годичный конгрессъ въ Кимберлеѣ, и Родсъ, предѣлательствовавшій на этомъ конгрессѣ, изложилъ въ своей рѣчи свою африканскую политику, вызвавъ восторженные аплодисменты всѣхъ слушателей, окончательно побѣжденныхъ его краснорѣчіемъ. Онъ говорилъ объ объединеніи южной Африки, основанномъ на соглашеніи англичанъ и голландцевъ. Для достиженія этого объединенія вовсе не нужно, чтобы исчезли обѣ республики и, самое главное, надо стремиться къ тому, чтобы всѣ общіе интересы улаживались бы сообща. Какія выгоды, на примѣръ, могъ бы доставить южной Африкѣ таможенный союзъ, который обезпечилъ бы свободное обращеніе южно-африканскимъ продуктамъ на пространствѣ отъ Капа до Замбезе! Какъ важно было бы достигнуть соглашенія относительно дальнѣйшаго развитія желѣзныхъ дорогъ и т. п.! Родсъ развернулъ передъ своими слушателями блестящую картину будущности объединенной южной Африки, и всѣ были ослѣплены и очарованы ею. Это было важною побѣдой, и престижъ Родса все возрасталъ. Въ теченіе шести лѣтъ онъ былъ настоящимъ диктаторомъ въ южной Африкѣ, руководителемъ общественнаго мнѣнія въ Капской колоніи и всей южноафриканской политики. Достигнувъ такого положенія, онъ началъ борьбу противъ политики изоляціи, которой придерживалась трансваальская республика, составлявшая единственное препятствіе къ осуществленію его грандіознаго проекта южно-африканской федераціи, но тутъ ему пришлось столкнуться съ наиболѣе опаснымъ изъ всѣхъ своихъ противниковъ, съ президентомъ Крюгеромъ.

Крюгеру было 70 лѣтъ, но, несмотря на такой почтенный возрастъ, онъ могъ противопоставить Сесилю Родсу такую же твердость воли, какою тотъ обладалъ самъ. Въ данномъ случаѣ коса нашла на камень. Крюгеру были известны планы и затѣи Родса, и онъ видѣлъ въ нихъ угрозу Трансваалу. Нѣсколько разъ старому президенту уже удавалось перейти дорогу Родсу, и между ними завязался настоящій поединокъ, но Родсъ, несмотря на свою способность дѣйствовать на людей, не могъ ничего сдѣлать съ упрямымъ старикомъ, который продолжалъ упорно стоять на своемъ, такъ что Родсъ убѣдился, что ему не удастся до-

биться отъ него никакихъ уступокъ, а о соглашеніи нечего и думать. Тогда Родсъ, со свойственною ему страстностью, рѣшилъ добиться ухода Крюгера, чего, однако, было не легко достигнуть, такъ какъ Крюгеръ былъ очень популярнымъ человѣкомъ.

Открытіе золота въ Трансваалѣ, вызвавшее большія переменны въ жизни республики, явилось какъ нельзя болѣе кстати, чтобы дать Родсу возможность вмѣшаться и воспользоваться затрудненіями трансваальскаго правительства для осуществленія своихъ плановъ.

Золото, въ самомъ дѣлѣ, принесло населенію несчастіе; оно должно было обогатить страну, но оказалось для нея роковымъ даромъ. Измѣнилась патріархальная жизнь населенія, мирно пасшаго свои безчисленныя стада въ безпредѣльныхъ равнинахъ южной Африки. Безмолвіе южно-африканскихъ степей было нарушено свистомъ локомотивовъ, шумомъ машинъ, и въ страну со всѣхъ сторонъ хлынули иностранцы, привлекаемые жаждою золота, которое, однако, кореннымъ жителямъ Фельдта внушало одно лишь презрѣніе.

Возрастаніе этого пришлаго населенія (уйтлендеровъ), состоящаго изъ очень разнородныхъ элементовъ, вызывало постоянныя столкновенія съ мѣстнымъ населеніемъ, съ неудовольствіемъ взиравшимъ на новые порядки. Фабрики росли, какъ грибы, и шумъ машинъ нарушалъ спокойствіе и тишину африканскихъ степей. Многіе владѣльцы фермъ, которые не могли примириться съ этимъ появленіемъ безпокойныхъ элементовъ, нарушившихъ обычный строй жизни, продавали за баснословно дешевую цѣну свою землю пришельцамъ, а сами, нагруживъ громадныя фургоны, запряженные быками, вѣзмъ своимъ домашнимъ скарбомъ, перекочевывали, вмѣстѣ со своими семьями, далѣе на сѣверъ, отыскивая такія территоріи, гдѣ бы они могли продолжать безъ помѣхи свою прежнюю патріархальную жизнь. Но весь народъ не могъ, вѣдь, переселиться и отдать свою землю пришельцамъ, оттого и начались всевозможныя затрудненія, возникшія вслѣдствіе того, что законы пастушеской страны, которая жила всегда изолированной жизнью, оказались непригодными для новыхъ условій, когда въ странѣ появилось въ большомъ количествѣ промышленное пришлое населеніе.

Родсъ, зорко слѣдившій за всѣмъ, что происходило въ Трансваалѣ, очень хорошо зналъ про недовольство уитлендеровъ трансваальскими законами и былъ убѣжденъ, что, рано или поздно, въ Йоганнесбургѣ непременно должна вспыхнуть революція, и тогда Англіи представится удобный случай вмѣшаться и, подъ предлогомъ защиты интересовъ своихъ подданныхъ, навязать бурамъ свою волю. Но Родса беспокоили заигрыванія Германіи съ президентомъ Крюгеромъ, и потому онъ рѣшилъ ускорить событія, пока Трансвааль не успѣлъ еще завязать серьезныхъ сношеній съ Германіей.

Не останавливаясь передъ препятствіями, Родсъ рѣшилъ организовать возстаніе въ Йоганнесбургѣ, чтобы дать предлогъ «Chartered Company» вмѣшаться. Въ успѣхъ своего дѣла Родсъ нисколько не сомнѣвался и совершенно серьезно обсуждалъ, вмѣстѣ со своими сообщниками, вопросъ о томъ, какія мѣры должны быть приняты послѣ революціи. Онъ заявлялъ, что добивается только таможеннаго союза въ южной Африкѣ, уничтоженія же независимости Трансваала ему вовсе не нужно. Судьба Трансваала можетъ быть рѣшена плебисцитомъ, который окончательно опредѣлитъ форму политическаго объединенія Трансваала съ остальною южною Африкой. «Трансвааль можетъ даже сохранить свою теперешнюю форму правленія, говорилъ онъ, но онъ долженъ будетъ вступить въ федеральный союзъ, находящійся, конечно, подъ покровительствомъ Англіи, такъ какъ, вѣдь, Англія занимаетъ главное мѣсто среди федеральныхъ государствъ Африки».

Родсъ, однако, слишкомъ поторопился рѣшать судьбу Трансваала! Между тѣмъ все уже было подготовлено къ возстанію, и оставалось только назначить день. Главный администраторъ «Chartered Company», докторъ Джемсонъ, отправился для этой дѣли въ Йоганнесбургъ. Джемсонъ познакомился съ Родсомъ въ Кимберлеѣ, гдѣ служилъ врачомъ на алмазныхъ коняхъ и сдѣлался его преданнѣйшимъ другомъ и союзникомъ. Въ южной Африкѣ Джемсонъ былъ очень популяренъ и извѣстенъ подъ прозвищемъ «доктора Джима». Въ войнѣ съ матабелами, въ 1892 г., онъ стяжалъ репутацію героя, и Родсъ вполне полагался на него; но именно торопливость Джемсона и была причиной полнѣйшей неудачи плановъ Родса.

Возстаніе было назначено на 28-е декабря. Джемсонъ долженъ былъ дожидаться извѣстій изъ Йоганнесбурга и для того, чтобы снять съ него отвѣтственность въ глазахъ англійскаго правительства, и по отношенію къ «Chartered Company», ему дано было письмо, заранее подписанное вождями революціоннаго движенія и безъ обозначенія числа. Въ этомъ письмѣ указывалось на критическое положеніе Йоганнесбурга, на возможность бунта, и выражалась просьба о помощи «въ видахъ обезпеченія порядка въ городѣ и защиты нѣсколькихъ тысячъ безоружныхъ гражданъ, женщинъ и дѣтей, которые такимъ образомъ могутъ оказаться во власти вооруженныхъ буровъ». Джемсонъ долженъ былъ выставить на этомъ письмѣ число въ моментъ своего отправления въ походъ.

Но въ самомъ Йоганнесбургѣ возникли разногласія. Многіе изъ капиталистовъ охотно согласились на вмѣшательство Родса, но огромное большинство, все-таки, возставало противъ призыва на помощь войскъ англійской компаніи, говоря, что это совершенно извращаетъ характеръ движенія, которое превращается такимъ образомъ въ комбинированное нападеніе на трансваальское правительство при помощи иностранныхъ войскъ. Въ самый послѣдній моментъ между двумя партіями образовался окончательный расколъ, такъ какъ распространился слухъ, что Джемсонъ подниметъ англійскій флагъ тотчасъ по прибытіи въ Йоганнесбургъ. Конечно, уитлендеры, подданные другихъ государствъ, вовсе не желали этого и, чтобы разрѣшить этотъ споръ, отправили въ Капштадтъ къ Родсу делегата. Родсъ отвѣчалъ, что онъ вовсе не стремится къ этому и предоставляетъ обстоятельствамъ разрѣшить щекотливый вопросъ о флагѣ. Но делегатъ привезъ Родсу совершенно неожиданное для него извѣстіе, что въ Йоганнесбургѣ вовсе не готовы къ возстанію, что тамъ нѣтъ ни достаточно оружія, ни военныхъ припасовъ. Джемсону была немедленно отправлена телеграмма, чтобы онъ ждалъ новыхъ приказаній, но пылкій «Джимъ» не захотѣлъ ждать. Храбрость йоганнесбургскихъ капиталистовъ ему не внушала довѣрія, и онъ полагалъ, что эти разговоры о неподготовленности представляютъ не болѣе, какъ предлогъ, и вызваны трусостью йоганнесбургскихъ гражданъ. Главное же, онъ узналъ о по-

явленіи на границѣ трансваальскихъ шпионовъ и не хотѣлъ дать время трансваальскому правительству преградить ему дорогу. Поэтому на телеграмму Родса Джемсонъ отвѣчалъ телеграммой: «я отправляюсь сегодня вечеромъ».

Но президентъ Крюгеръ былъ уже предувѣдомленъ обо всемъ, и къ величайшему и въ высшей степени неприятному изумленію Джемсона, онъ наткнулся на отрядъ буровъ въ Крюгерсдорпфъ, который преградилъ ему дорогу. Опрометчивый Джимъ до такой степени былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что даже не захватилъ съ собою бѣлаго флага, и когда дѣло приняло критическій оборотъ, то ему пришлось навязать на шомполь ружья свою собственную рубашку, замѣнившую такимъ образомъ парламентерскій флагъ. Эти крестьяне, къ которымъ онъ относился до сихъ поръ такъ пренебрежительно, побѣдили его, и послѣ нѣсколькихъ часовъ упорной битвы, Джимъ сдался и былъ отведенъ въ качествѣ плѣннаго въ Преторію, куда онъ рассчитывалъ войти побѣдителемъ!

Несмотря на свое умѣнье организовать всевозможныя промышленныя предпріятія, на свой финансовый умъ и дальновидность, Родсъ оказался въ данномъ случаѣ далеко не прозорливымъ человѣкомъ. Когда онъ получилъ извѣстіе о томъ, что въ Йоганнесбургѣ вовсе не готовы къ возстанію, что тамъ нѣтъ въ достаточномъ количествѣ ни оружія, ни военныхъ припасовъ, и что между двумя партіями уитлендеровъ произошелъ расколъ, то остановить ходъ событій было уже поздно. Получивъ телеграмму Джемсона: «Сегодня ночью я вступаю въ Трансвааль», Родсъ телеграфировалъ ему, чтобы удержать его, но Джемсонъ, предвидя, что можетъ получить приказаніе остановиться, перерѣзалъ телеграфную проволоку. Пылкій «Джимъ» не желалъ останавливаться на полдорогѣ и былъ увѣренъ, что найдетъ, все-таки, поддержку въ уитлендерахъ. Рассказываютъ, что Родсъ даже зашатался, прочтя телеграмму, и потомъ заперся въ своей библиотекѣ, въ своемъ имѣніи Гротшнурфъ. Домашніе слышали, какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи и только повторялъ самому себѣ; «Now just be cool, lit us think this thing out» (надо теперь быть хладнокровнѣе и хорошенько обдумать это). Наконецъ, онъ вышелъ, сѣлъ верхомъ на лошадь и ускакалъ въ горы. Когда

онъ вернулся вечеромъ, то уже былъ болѣе спокойнымъ, хотя и падалъ отъ усталости; онъ чувствовалъ, что въ этотъ моментъ рѣшалась его судьба, какъ политическаго дѣятеля и, какъ только было получено извѣстiе, что старый Кронъ взялъ въ плѣнъ Джемсона, Родсъ тотчасъ же подалъ въ отставку отъ должности перваго министра Капской колонiи и сложилъ съ себя званiе директора «Chartered Company».

Въ статьѣ, напечатанной вскорѣ послѣ его смерти въ газетѣ «Daily Telegraph» и подписанной: «One, who knew him» (тотъ, кто его зналъ), рассказывалось, между прочимъ, какъ Родсъ самъ отзывался объ этомъ событiи и своемъ участiи въ немъ. На одномъ банкетѣ, который Сесиль Родсъ устроилъ въ Гротшнурѣ, незадолго до набѣга, онъ снова заговорилъ на свою любимую тему о будущности южной Африки, которая, по его мнѣнiю, должна быть для Англiи тѣмъ, чѣмъ могли бы для нея сдѣлаться сѣверо-американскiя колонiи, еслибъ «глупая политика не вызвала ихъ отдѣленiя отъ метрополiи». «Худо ли это или хорошо, — сказалъ Родсъ, обращаясь къ своему гостю англичанину — но вы, господа, превратили старую Англiю въ обширную фабрику. Владѣнiе землей въ Англiи представляетъ теперь роскошь, а не профессiю, какъ прежде. Вамъ нужны для продажи вашихъ продуктовъ новые рынки, на которыхъ бы развѣвался британскiй флагъ,¹⁾ черезъ 50—60 или даже сто лѣтъ бѣлое населенiе въ южной Африкѣ будетъ еще многочисленнѣе населенiя Англiи, и тогда память Родса, котораго теперь называютъ флибустьеромъ и грабителемъ, будутъ благословлять, какъ память человѣка, который далъ выходъ избытку населенiя своей страны и обезпечилъ обширный рынокъ для сбыта промышленныхъ продуктовъ, производство которыхъ даетъ средства къ жизни населенiя».

Вскорѣ послѣ неудавшагося набѣга Джемсона, авторъ статьи въ «Daily Telegraph» встрѣтился съ Родсомъ въ Лондонѣ и заговорилъ съ нимъ объ этомъ.

¹⁾ Свой взглядъ на значенiе англiйскаго флага Родсъ высказалъ въ послѣдствiи въ Кимберлеѣ, тотчасъ послѣ снятiя осады. Онъ сказалъ, что „англiйскiй флагъ—это лучшiй коммерческiй активъ“, желая этимъ выразить, что тамъ, гдѣ развѣвается англiйскiй флагъ, больше правовой обезпеченности и нѣтъ административнаго произвола.

— Послушайте, — сказали Родсъ, — вѣдь, вы же не считаете Родса круглымъ дуракомъ?

— Конечно нѣтъ.

— Ну, такъ если онъ не круглый дуракъ, то зачѣмъ же онъ ставилъ бы на карту свою репутацію, жертвовалъ бы всѣ свои деньги и организовалъ бы такое безумно смѣлое предпріятіе, какъ набѣгъ Джемсона?

— Не знаю!

— Вотъ видите! Для этого существовали у меня три причины: во-первыхъ, я былъ убѣжденъ, что старый Крюгеръ представляетъ непреодолимое препятствіе къ объединенію южной Африки, хотя это объединеніе и имѣетъ цѣлью коммерческое процвѣтаніе и развитіе страны. Я пробовалъ дѣйствовать на него всѣми аргументами, становясь на африкандерскую почву, но безъ успѣха. Я видѣлъ, что, оставаясь во главѣ трансваальскаго правительства, онъ будетъ тормозить всякій прогрессъ въ южной Африкѣ. Второй причиной было то, что въ южной Африкѣ находится, все-таки, меньшинство, говорящее по-англійски и враждебное Крюгеру, но не желающее видѣть англійскій флагъ развѣвающимся надъ этой страной. Можно было опасаться, что это меньшинство, станетъ большинствомъ, а тогда конецъ всѣмъ моимъ стараніямъ превратить южную Африку въ часть великой британской Имперіи. Это было бы окончательною гибелью моей политики, которой я посвятилъ всю свою жизнь. Третья причина заключалась въ томъ, что въ наши дни нельзя сдѣлать революцію безъ денегъ, а у меня тогда былъ цѣлый синдикатъ милліонеровъ, готовыхъ поддерживать меня, которыхъ мнѣ, пожалуй, и не удалось бы собрать въ другой разъ. Вотъ вамъ въ двухъ словахъ объясненіе моихъ поступковъ, я ошибся, и въ этомъ моя вина!»

Это было, безъ сомнѣнія, совершенно искреннее изложеніе взглядовъ со стороны Сесилия Родса; онъ вообще не считалъ нужнымъ скрывать свои убѣжденія и всегда открыто высказывалъ ихъ. Его противники и враги отдають ему въ этомъ отношеніи полную справедливость. Онъ не задумывался никогда прямо вступать въ переговоры съ своими противниками, кто бы они ни были. Онъ открыто и чисто-сердечно высказывалъ имъ свои взгляды и пытался убѣдить ихъ своими аргументами, никогда не прибѣгая къ улов-

камъ. По приѣздѣ, послѣ набѣга, въ Лондонъ, онъ отправился къ Стэду, англійскому журналисту, принадлежавшему къ самымъ его яростнымъ противникамъ, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ, послѣ котораго Стэдъ поддался его обаянію и изъ противника превратился въ друга. Также было и съ Делареемъ, въ лагерь котораго Родсъ отправился для переговоровъ относительно нѣкоторыхъ территорій. Деларей встрѣтилъ его словами: «Кровь должна литься!» Родсъ отвѣчалъ: «Дайте мнѣ прежде позавтракать, а потомъ будемъ говорить о крови». Родсъ прожилъ у него цѣлую недѣлю и даже крестилъ его ребенка. Въ результатъ буры, находившіяся подъ командою Деларея, сохранили свои владѣнія и фермы, но территорія поступила подъ англійскій протекторатъ.

Когда въ Капштадтъ пришло извѣстіе о набѣгѣ Джемсона, произошло сильное смятеніе. Сэръ Геркулесъ Робинзонъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что готовится въ Йоганнесбургѣ, и ужасно встревожился. Онъ тотчасъ же опубликовалъ приказъ Джемсону немедленно вернуться и строго-настроено наказалъ англійскимъ подданнымъ не поддерживать такого «акта, представляющаго вооруженное вторженіе въ предѣлы территоріи дружественнаго государства». Вызванный въ Преторію, сэръ Геркулесъ Робинзонъ увидалъ, что ему больше ничего не остается, какъ просить Крюгера о помилованіи заговорщиковъ. Всю ночь продолжалось засѣданіе фольксраада, большинство котораго настаивало на смертной казни заговорщиковъ, но покойный Жуберъ и самъ Крюгеръ одержали, въ концѣ концовъ, побѣду надъ своими суровыми товарищами, и смертная казнь была отмѣнена.

Такъ кончилась затѣя Родса, послужившая прологомъ къ южно-африканской войнѣ. Старинная расовая ненависть, заглушенная, было, за послѣдніе годы, вспыхнула съ новою силой, и союзъ Родса съ африкандерами рушился.

Получивъ отставку, Родсъ отправился въ Англію, гдѣ пробылъ всего шесть дней, чтобы повидаться съ членами административнаго совѣта «Chartered Company» и Чэмберленомъ. Вернувшись назадъ въ Африку, онъ на время удалился со сцены политической жизни и занялся устройствомъ территоріи, принадлежащей «Chartered Company» и назван-

ной въ честь его «Родезіей». Эта колонія, площадь которой въ шесть разъ больше площади Англїи, простирается къ сѣверу, вплоть до нѣмецкихъ африканскихъ владѣній и къ озеру Танганайка, и въ ней основаны два европейскихъ городка: Булувайо и Сольсбери.

Однако, въ началѣ, Родезія развивалась плохо, и Родесу приходилось производить экономію въ бюджетѣ колоній, что онъ и поручилъ своему alter ego, Джемсону. Это было до организаціи трансваальскаго набѣга. Родесъ былъ въ Капштадтѣ, когда Джемсонъ телеграфировалъ ему, что матабелы взбунтовались. Что было дѣлать? Касса «Chartered Company» была пуста, а всѣ свои личныя средства Родесъ потратилъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Пораздумавъ немного, онъ отправилъ Джемсону слѣдующую коротенькую телеграмму: «Читайте Евангеліе отъ Луки XIV, 31». Джемсонъ такъ и сдѣлалъ и увидалъ, что долженъ вступить въ переговоры съ бунтовщиками. Онъ отвѣчалъ Родесу: «Прочелъ». — Противъ всякаго ожиданія возстаніе быстро успокоилось, и «Chartered Company» не пришлось тратить денегъ на снаряженіе военной экспедиціи. Однако, года черезъ полтора послѣ набѣга Джемсона, въ Родезіи снова возникли безпорядки. Матабелы возстали. Правительство послало для усмиренія ихъ полковника Каррингтона, во главѣ довольно сильнаго отряда, и матабелы снова были побѣждены но не были обезоружены, и можно было съ увѣренностью ожидать возобновленія враждебныхъ дѣйствій по окончаніи сезона дождей, во время котораго Каррингтонъ, со своимъ войскомъ удалился на зимнія квартиры, рассчитывая возобновить свою кампанію въ будущемъ году. Но такъ какъ главная часть военныхъ расходовъ падала на «Chartered Company», дѣла которой были не особенно хороши, то Родесъ опасался, что этому его финансовому дѣтищу грозитъ банкротство. Надо было придумать какое-нибудь средство заставить матабеловъ заключить настоящій миръ. Тогда онъ рѣшился на необыкновенно смѣлый поступокъ.

Въ Булувайо онъ получилъ извѣстіе, что племя идуна — одно изъ племенъ матабеловъ — держитъ большой военный совѣтъ. Не колеблясь ни одной минуты, онъ рѣшилъ, что ему надо быть на этомъ совѣтѣ, и въ сопровожденіи двухъ

друзей, изъ которыхъ одинъ былъ корреспондентомъ газеты «Саре Times», и двухъ проводниковъ-туземцевъ, Родсъ, безъ всякаго другаго конвоя, отправился въ горы Машоно, гдѣ сосредоточивались главныя силы матабеловъ и происходилъ военный совѣтъ; спутники его захватили съ собою револьверы, но у Родса въ рукахъ былъ только хлыстикъ.

Сойдя съ лошадей у подножія холма, всѣ четверо стали пробираться по узкой тропинкѣ, гдѣ очень удобно было бы устроить засаду, на самую вершину холма. Одинъ изъ проводниковъ былъ посланъ впередъ, чтобы предупредить идущихъ о приходѣ бѣлыхъ. Тотчасъ же вожди племени вышли къ нимъ навстрѣчу. Все это были старики, съ важною, величественною осанкой. Они поклонились Родсу и усѣлись, а сзади нихъ, полукругомъ, расположились чернокожіе воины. Тогда, на вершинѣ гранитнаго холма, подъ лучами африканскаго солнца, начались переговоры. Впереди вождей сидѣлъ совершенно безоружный Родсъ. Онъ объявилъ имъ, что пришелъ со словами мира и проситъ ихъ «открыть свои сердца». Несмотря на то, что онъ былъ одинъ, а ихъ было много и онъ не могъ не сознавать страшной опасности, онъ, все-таки, говорилъ съ ними повелительнымъ тономъ. Чувство страха, какъ будто, было совершенно ему незнакомо. Онъ властно потребовалъ у нихъ отвѣта за ихъ поступки, за избіеніе безоружныхъ женщинъ и дѣтей на фермахъ и гнѣвно объявилъ что такія дѣянія покрываютъ позоромъ ихъ племя. Онъ грозилъ своимъ мщеніемъ, если только они не положатъ оружіе, и въ заключеніе крикнулъ:

— Все это прошло. Ну, а теперь, что же у насъ будетъ—миръ или война?

Наступило молчаніе. Это была трагическая минута и, конечно, Сесиль Родсъ сознавалъ, что на карту поставлена его жизнь и будущее грандіозныхъ плановъ. Наконецъ, одинъ изъ самыхъ старыхъ вождей поднялся со своего мѣста и, бросивъ ружье къ ногамъ Родса, сказалъ:

— Вотъ мое ружье. Я бросаю его.

Его примѣру послѣдовали другіе, и миръ былъ заключенъ. Тотъ, котораго называли «Капскимъ Наполеономъ», одержалъ на холмѣ Машоно, гдѣ онъ теперь погребенъ, одну изъ своихъ величайшихъ побѣдъ.

Страна была замирена, и Родсъ могъ спокойно заняться приведеніемъ въ исполненіе своихъ плановъ, относительно дальнѣйшаго развитія Родезіи, но прежде ему надо было съѣздить въ Лондонъ, гдѣ онъ долженъ былъ предстать въ парламентской комиссіи, назначенной для разслѣдованія дѣла о набѣгѣ Джемсона. Замѣчательно, что африкандеры не устроили противъ него никакихъ враждебныхъ демонстрацій, и это объясняется тѣмъ, что его заслуги относительно южной Африки признавались даже его врагами, а своимъ личнымъ мужествомъ, энтузіазмомъ и глубокою преданностью своей идеѣ Родсъ внушалъ уваженіе даже людямъ, порицавшимъ его поступки.

Родсъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ во время допроса комиссіи. Онъ взялъ на себя всю отвѣтственность и не впуталъ ни одного человѣка, выгородивъ притомъ совершенно Чэмберлена. Но въ то же время онъ не захотѣлъ прибѣгнуть ни къ какимъ уловкамъ, чтобы выгородить себя и взвалить всю вину на Джемсона, которому, все равно, пришлось отсиживать въ тюрьмѣ, и не воспользовался, къ великому огорченію своего адвоката, ни одною лазейкой, которую тотъ предоставилъ ему.

Парламентская комиссія выразила Родсу порицаніе, и онъ былъ отставленъ отъ должности директора «Chartered Company», но, вернувшись въ свою милую Африку, объявилъ, что вовсе не отказывается отъ своей любимой мечты и успокоится только тогда, когда южно-африканская федерація увидитъ свѣтъ. Что касается высказаннаго ему порицанія, то оно мало трогало его. Онъ находилъ, что поступилъ правильно, но предпріятіе было плохо подготовлено—вотъ и все!

Какъ бы то ни было, но Родсъ понималъ отлично, что послѣ набѣга Джемсона его политическая карьера кончена. Онъ сознавалъ свою ошибку и, какъ извѣстно, съ 1899 года совершенно разошелся во взглядахъ съ Чэмберленомъ. Только исторія въ состояніи будетъ выяснитъ степень его участія въ великомъ преступленіи, которое именуется трансваальскою войной. Одно несомнѣнно, что активнаго участія Сесиль Родсъ въ этомъ не принималъ, хотя всѣ дальнѣйшія событія и явились естественнымъ послѣдствіемъ его политики и набѣга Джемсона. Какъ бы то ни было, но послѣ

этого набѣга Родсъ больше уже не игралъ выдающейся роли въ политикѣ и весь отдался приведенію въ исполненіе своихъ экономическихъ плановъ. Какъ по волшебству, территория южной Африки покрывалась телеграфною сѣтью, и черезъ два года послѣ набѣга уже можно было послать телеграмму изъ Капа въ Каиръ, черезъ нѣмецкія владѣнія. Но мечта Сесилия Родса о трансфриканской желѣзной дорогѣ, которую онъ лелѣялъ еще тогда, когда на приглашеніе Гордона въ 1884 году принять участіе въ экспедиціи въ Хартумъ, отвѣчалъ по телеграфу: «Я надѣюсь съ вами встрѣтиться въ Хартумѣ, но я долженъ придти туда съ юга»,— осуществлялась не такъ быстро, какъ онъ хотѣлъ. Вначалѣ капская колонія отказывалась даже провести дорогу до Кимберлея, а затѣмъ колониальное министерство упрашивало Родса остановиться у Замбезе. За предѣлами британскихъ владѣній Родсъ предполагалъ провести линію черезъ нѣмецкія земли Африки и для этого отправился въ Берлинъ, чтобы получить аудіенцію у императора Вильгельма и склонить его въ пользу своего плана Капо-каирской желѣзной дороги, которая должна будетъ пересѣчь вдоль весь африканскій материкъ.

Родсъ получилъ желаемую аудіенцію, которая продолжалась около часа и въ свое время заставила о себѣ много говорить. Какъ и на всѣхъ людей, съ которыми ему приходилось вступать въ сношенія, Родсъ и на германскаго императора произвелъ глубокое впечатлѣніе. Рассказываютъ, что когда, при прощаньи, Вильгельмъ II подалъ ему руку, то Родсъ пристально посмотрѣлъ ему въ глаза. Императоръ отвѣтилъ ему такимъ же взглядомъ. Это длилось одну минуту, но оба поняли другъ друга. Родсъ сказалъ ему, намекая на прошлое: «Три года тому назадъ я сдѣлалъ промахъ, но вѣдь мы все можемъ дѣлать ошибки и дѣлаемъ ихъ». Когда онъ ушелъ, то императоръ замѣтилъ: «Какъ жаль, что у меня нѣтъ такого министра!»

Родсъ пробылъ въ Берлинѣ только три дня, но въ это время онъ успѣлъ подписать соглашеніе относительно проведенія прямой телеграфной линіи черезъ нѣмецкія владѣнія въ Африкѣ. Въ Берлинѣ, гдѣ помнили знаменитую телеграмму императора Вильгельма Крюгеру, отправленную за три года передъ тѣмъ, были, конечно, не мало уди-

влены необыкновенно любезнымъ приемомъ, оказаннымъ Родсу.

Въ теченіе двухъ лѣтъ о Родсѣ и его дѣятельности было мало слышно, и только когда началась осада Кимберлея, его имя снова всплыло на сцену. Родса не было тамъ, когда началась война, но какъ только было получено извѣстіе, что буры вступили въ Наталь и что Кимберлей подвергается опасности, онъ немедленно отправился туда. Осада длилась четыре мѣсяца. Въ это время Родсъ принималъ самыя энергичныя мѣры къ защитѣ города, устроилъ для жителей убѣжище въ копияхъ, когда началась бомбардировка города, и отливалъ ядра для пушекъ, на которыхъ были выгравированы слова: «With C. R's Compliments». Его возмущала бездѣятельность военныхъ властей, съ которыми онъ вступалъ въ пререканія, и дѣйствовалъ, не обращая вниманія на ихъ приказанія. Между прочимъ онъ послалъ лорду Робертсу дерзкое письмо, въ которомъ заключалась слѣдующая фраза: «Ваши войска уже болѣе двухъ мѣсяцевъ стоятъ лагеремъ вблизи Кимберлея, всего на разстояніи какихъ-нибудь 20 миль. Если переходъ черезъ холмы Спитдунрейна кажется имъ утомительнымъ, то вѣдь существуетъ другая, болѣе удобная дорога по равнинѣ!»

Родсъ принадлежалъ къ числу людей, о которыхъ всего труднѣе высказать какое-нибудь категорическое сужденіе. Какъ качества, такъ и недостатки его были слишкомъ крупны, слишкомъ ярки. Это была, въ полномъ смыслѣ этого слова, большая сила, цѣльная и своеобразная натура, лишенная мелочности и своекорыстія, но именно поэтому-то, дѣйствуя подъ вліяніемъ ложнонаправленной идеи, Родсъ, болѣе чѣмъ всякій другой не столь крупный человекъ, могъ натворить бѣдъ, граничащихъ съ преступленіями, такъ какъ онъ, не задумываясь, опрокидывалъ препятствія, выдвигающіяся на его пути и мѣшающія достиженію цѣли, въ которой онъ видѣлъ благо страны. Не даромъ извѣстная южно-африканская писательница, Олива Шрейнеръ, не разъ бичевавшая въ своихъ произведеніяхъ англичанъ и ихъ поступки въ южной Африкѣ и даже попавшая въ тюрьму за свои симпатіи къ бурамъ, писала о немъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: «Я поясню свой взглядъ на Сесилия Родса слѣдующей притчей: представьте себѣ, что онъ умеръ и, конечно, черти

явились, чтобы увлечь его въ адъ, которому онъ принадлежалъ по праву. Но оказалось, что онъ такъ великъ, что не можетъ пролѣзть ни въ двери, ни въ окна, и тогда пришлось поневолѣ взять его на небо».

Олива Шрейнеръ, принадлежавшая къ числу враговъ Родса, какъ видно изъ этихъ словъ, считала его крупной величиной, хотя и большимъ преступникомъ, и поэтому находила, что обыкновенная мѣрка не можетъ быть примѣнима къ нему. Что это дѣйствительно такъ—онъ доказалъ своимъ завѣщаніемъ, которое произвело огромную сенсацію, и въ которомъ отразилось все міровоззрѣніе и всѣ особенности его личности. При жизни Родса его всегда обвиняли въ томъ, что онъ все оцѣниваетъ на деньги, на все смотритъ съ капиталистической точки зрѣнія и считаетъ, что все на свѣтѣ можно купить. Между тѣмъ, онъ именно смотрѣлъ на богатство вовсе не какъ на самодовлѣющую цѣль, а какъ на средство къ достиженію цѣли, къ осуществленію какой-нибудь великой идеи. Такою идеей для него была великая южно-африканская федерація, которая могла бы свободно процвѣтать и развиваться подъ покровомъ британскаго флага, такъ какъ Родсъ, какъ истый англичанинъ, считалъ англосаксонскую націю первой въ мірѣ. Онъ былъ имперіалистомъ, но его имперіализмъ былъ болѣе широкій, болѣе идеальный, нежели тотъ, представителемъ котораго служить Чэмберленъ. Онъ понималъ «Greatest Great Britain», какъ союзъ обширнѣйшихъ территорій, но вполне равноправный и свободный, благодаря которому могли бы осуществляться разныя грандіозныя предпріятія, весьма полезныя не только Англии, но и всему міру. Родсъ, хотя и былъ виновникомъ кровопролитія въ южной Африкѣ, но никогда не былъ милитаристомъ, не признавалъ рабства, а мечталъ о великомъ единеніи, въ которомъ и видѣлъ ту силу, которая должна двигать міромъ.

Всѣ эти его идеи ярко выразились въ завѣщаніи, которое явилось сюрпризомъ для огромнаго большинства, составлявшаго себѣ шаблонное сужденіе объ этомъ чловѣкѣ. Весь свой огромный капиталъ въ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ Родсъ завѣщалъ на «интеллектуальное развитіе британской имперіи». Онъ очень подробно изложилъ свою волю, перечисливъ тѣ учебныя заведенія,

которыя должны быть основаны въ Родезіи на оставленные имъ деньги. Онъ завѣщаль капиталъ Оксфордскому университету и коллегіи, въ которой учился, на расширеніе зданій, содержаніе репетиторовъ и улучшеніе столовой. Затѣмъ онъ основалъ 160 стипендій по 300 фунтовъ каждая и 15—по 250 фунтовъ, которыя предназначаются студентамъ Оксфордскаго университета, причемъ каждый можетъ быть стипендіатомъ только въ теченіе трехъ лѣтъ; 60 этихъ стипендій называются колониальными, такъ какъ онѣ предназначаются для уроженцевъ англійскихъ колоній. Родсъ поясняетъ, что ученіе въ Оксфордскомъ университетѣ расширяетъ кругозоръ молодыхъ людей и способствуетъ развитію у нихъ сознанія. Онъ особенно ставитъ на видъ, какъ важно для колоній, равно какъ и для Англій, сохранить взаимную связь, образующую единство имперіи. Но въ этомъ направленіи Родсъ пошелъ еще дальше: онъ учредилъ еще стипендіи для американцевъ, имѣя въ виду, что молодымъ американцамъ привьется такимъ образомъ привязанность къ странѣ, которая была колыбелью ихъ родины. Затѣмъ, имѣя въ виду, что школьныя связи самыя крѣпкія, Родсъ, желая скрѣпить узы дружбы съ Германіей, владѣнія которой прилегаютъ къ области будущей федераціи южной Африки, учредилъ еще пятнадцать стипендій для нѣмецкихъ студентовъ въ томъ же Оксфордскомъ университетѣ. Интересны, между прочимъ, тѣ требованія, которыя Родсъ считаетъ нужнымъ предъявить своимъ стипендіатамъ. Кромѣ литературныхъ и научныхъ успѣховъ, онъ требуетъ отъ нихъ, чтобы они обладали слѣдующими личными качествами: мужествомъ, преданностью долгу, честностью и мягкостью обращенія и чтобы они защищали слабыхъ и во всемъ проявляли товарищескій духъ и готовность всегда выступать впередъ ради интересовъ своихъ школьныхъ товарищей; кромѣ того, отъ нихъ требуется также твердость характера и любовь къ спорту. Всѣ эти качества должны быть подтверждены посредствомъ подачи голосовъ школьными товарищами стипендіата.

Глубокая увѣренность Родса, что его мечта осуществится, также отразилась и въ его завѣщаніи. Онъ завѣщаль похоронить себя на той самой горѣ Машоно, на вершинѣ которой происходило драматическое свиданіе

съ вождями матабеловъ. Онъ любилъ эту гору и говоритъ съ своемъ завѣщаніи: «Я люблю уединенность и величіе горы Машоно и поэтому желаю быть похороненнымъ на этой возвышенности, съ которой открывается видъ на міръ». Далѣе онъ выражаетъ желаніе, чтобы на этой горѣ вообще было устроено кладбище для тѣхъ лицъ, которыя окажутъ услуги южно-африканской федераціи, и которыхъ большинство народныхъ представителей признаетъ достойными тамъ покоиться. Всю же остальную свою землю въ Булувайо Родсъ завѣщалъ городу и ассигновалъ сумму на устройство парка и проведеніе желѣзной дороги отъ города для того, чтобы жители Булувайо могли тамъ проводить свое свободное время въ праздники.

Характерно также что своимъ родственникамъ Родсъ завѣщалъ только то помѣстье, которое онъ незадолго передъ тѣмъ купилъ въ Англии и при этомъ, все-таки, сдѣлалъ оговорку, что оно должно перейти по наслѣдству лишь тому изъ его родныхъ, кто докажетъ, что онъ въ теченіе десяти лѣтъ занимался какою нибудь полезною профессіей. Остальные деньги онъ завѣщалъ на образованіе фонда для организаціи разныхъ экспедицій, для изслѣдованія мало извѣстныхъ территорій, но ни единого шиллинга не пожертвовалъ на усиленіе военного могущества, постройку кораблей или организацію колониальнаго войска, хотя и не могъ не знать, что новое теченіе въ Англии стремится къ ея милитаризаціи, и образуются всевозможныя лиги, съ цѣлью увеличенія ея морского и военного могущества.

Родсъ не былъ тщеславенъ, и ему никогда не приходило въ голову пускать пыль въ глаза своимъ богатствомъ. Онъ жилъ очень просто и до такой степени мало заботился о своей наружности, что никто бы не призналъ въ немъ человѣка, вѣщающаго милліонами и держащаго въ рукахъ судьбы цѣлой страны. Одна англійская леди, восхищавшаяся Сесилемъ Родсомъ, но никогда не видѣвшая его раньше, съ удивленіемъ воскликнула, когда ей указали на него: «Это Сесиль Родсъ? Да мой садовникъ лучше одѣвается! Я разочарована».—Въ его собственной столицѣ, въ Кимберлеѣ, съ нимъ былъ такой случай: открылась какая-то выставка, и Сесиль Родсъ явился на нее въ своемъ обычномъ костюмѣ, но оказалось, что онъ забылъ взять съ собою

деньги. Онъ пошарилъ въ карманахъ, но ничего не нашелъ. Сторожъ же, не знавшій его въ лицо, не согласился повѣрить ему въ долгъ одинъ шиллингъ, замѣтивъ въ свое оправданіе: «Еслибъ еще вы были лучше одѣты!...»

Характерною чертою Родса была его потребность движенія. Онъ никогда не могъ долго пробыть на одномъ мѣстѣ, не могъ сидѣть спокойно и даже во время разговора постоянно вскакивалъ и начиналъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ. Иногда онъ совершалъ удивительно быстрыя путешествія, напр., отправлялся въ Лондонъ на три дня. Случалось, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ успѣвалъ побывать въ Каштадтѣ, Лондонѣ, на Мальтѣ, потомъ въ Каирѣ, Суэцѣ, Беирѣ и Булувайо. Совсѣмъ уже больной, онъ поѣхалъ изъ Англіи въ Италію, Египетъ и Суданъ и затѣмъ назадъ, черезъ Францію въ Англію, чтобы подписать тамъ какой-то контрактъ, и снова вернуться въ Капъ. На всѣ эти передвиженія ему понадобилось только четыре мѣсяца. Въ 1899 году, въ теченіе нѣсколькихъ дней, онъ успѣлъ повидаться въ Брюсселѣ съ бельгійскимъ королемъ, въ Берлинѣ съ германскимъ императоромъ и въ Каирѣ съ хедивомъ—все это по дѣлу о телеграфѣ и желѣзной дорогѣ изъ Капа въ Каиръ. Однажды ему пришло въ голову, что ему надо было бы лично повидаться съ султаномъ, и онъ тотчасъ же поѣхалъ въ Константинополь. Эта быстрота передвиженія ставила втупикъ даже его друзей и сторонниковъ, которые, иной разъ, съ удивленіемъ узнавали, что онъ уже находился на пути въ то время, когда они думали, что онъ сидитъ въ Каштадтѣ.

Родсъ не любилъ ни общества, ни общественныхъ развлеченій и въ особенности не любилъ лондонскаго общества. Въ Лондонѣ, гдѣ онъ, конечно, еслибы захотѣлъ, былъ бы львомъ сезона, его такъ и не удавалось заманить никуда. Своею рѣзкостью и привычкою говорить прямо то, что онъ думалъ, онъ часто отталкивалъ отъ себя людей и приводилъ въ отчаяніе своихъ горячихъ почитателей. Его считали также ненавистникомъ женщинъ, по крайней мѣрѣ бѣлыхъ, и, дѣйствительно, онъ никогда не былъ женатъ, и никто не слыхалъ про его любовныя приключенія.

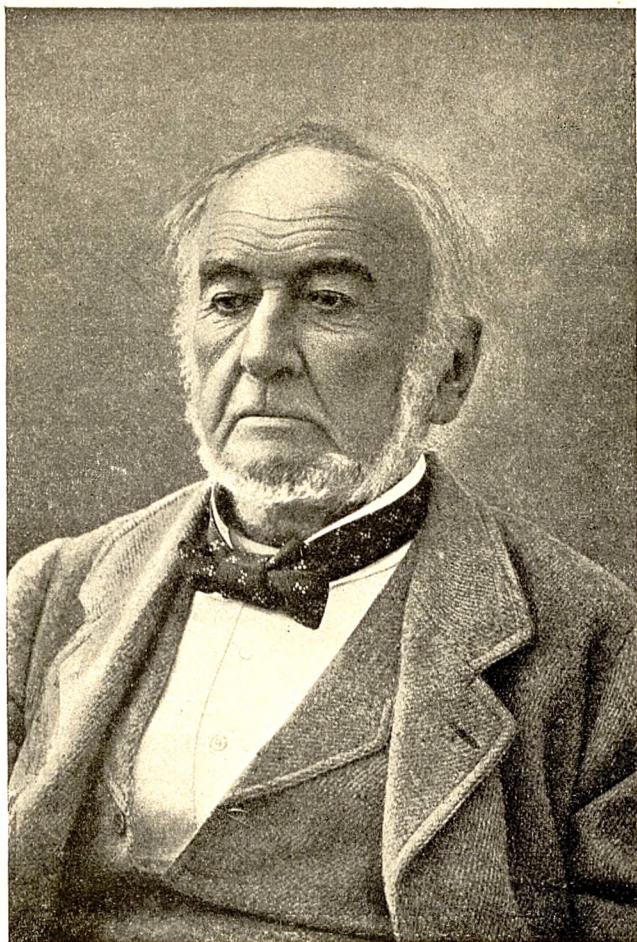
Родсъ не признавалъ деньги для денегъ и съ большимъ презрѣніемъ относился къ тѣмъ миллионерамъ, един-

ственное занятіе которыхъ заключалось въ накопленіи, называя ихъ «ходячими денежными сундуками». Какъ легко онъ разставался съ деньгами, доказываетъ напр., то, что онъ, не задумываясь, послалъ Парнеллю 10,000 фунтовъ на поддержку ирландской агитаціи, но когда Гладстонъ внесъ свой знаменитый билль о гомрулѣ, то Родсъ немедленно перешелъ въ оппозицію. Когда Гладстонъ, при свиданіи, высказалъ ему свое удивленіе по поводу того, что онъ такъ быстро измѣнилъ свои взгляды, то Родсъ съ жаромъ протестовалъ, доказывая, что онъ ни чуть не измѣнилъ своихъ взглядовъ, но что билль Гладстона сдѣлаетъ неминучымъ отпаденіе Ирландіи отъ Англіи. «Вы хотите превратить Ирландію въ республику, обложенную налогомъ,—сказалъ онъ. Ирландія будетъ уплачивать вамъ четыре милліона ежегодно, не имѣя ни малѣйшаго голоса въ распредѣленіи и контролѣ надъ расходованіемъ этой колоссальной дани, такъ какъ ирландскихъ членовъ не будетъ въ англійскомъ парламентѣ».—Родсъ же мечталъ о томъ, чтобы всѣ части обширной британской имперіи имѣли самоуправленіе, но посылали бы своихъ делегатовъ въ вестминстерскій имперскій парламентъ, который долженъ былъ бы заниматься общеимперскими дѣлами, а мѣстныя предоставлены были бы мѣстнымъ парламентамъ. Въ его схемѣ, однако, не было мѣста палатѣ лордовъ, такъ какъ, подобно многимъ колоніальнымъ жителямъ, онъ никакъ не могъ понять, какимъ образомъ случай и рожденіе могутъ давать право человѣку, хотя бы онъ былъ ограниченнымъ глупцомъ, издавать законы для Имперіи, которую онъ, въ сущности, не въ состояніи даже понять и оцѣнить!

Официальные церемоніалы, приемы и т. п. также были не по вкусу Родсу, и онъ всячески старался ихъ избѣгать. Однажды, когда онъ былъ канскимъ первымъ министромъ, должно было происходить какое-то торжество, на которомъ онъ обязанъ былъ присутствовать, но, отправляясь на это торжество по берегу, Родсъ вдругъ раздумалъ и вмѣсто этого раздѣлся и, сложивъ платье на берегу, бросился въ волны, которыя такъ и манили его своею прохладой. А между тѣмъ, тамъ, въ Канштадтѣ, собрались въ парадныхъ мундирахъ военныя и гражданскія власти и поджидали только Родса, но онъ такъ и не явился.

Почести въ глазахъ Сесиля Родса также имѣли мало значенія, и онъ къ нимъ не стремился. Что же, въ такомъ случаѣ, было двигателемъ его поступковъ? Этотъ вопросъ непременно долженъ явиться у каждаго, кто познакомился съ подробностями его жизненной карьеры. Жажда дѣятельности, которую онъ ничѣмъ не могъ заглушить, заставляла его расходовать свою энергію, свой умъ на достиженіе какой-нибудь цѣли, не заботясь о послѣдствіяхъ. Въ прежнія времена изъ такихъ именно людей выходили конквистадоры, завоеватели и т. п. Но теперь условія измѣнились, и Сесиль Родсъ вмѣсто этого долженъ былъ сдѣлаться политикомъ и финансистомъ. Его называли, между прочимъ, «Колоссомъ Родосскимъ». Это названіе въ особенности подходило къ нему, такъ какъ онъ, дѣйствительно, представлялъ гигантскую фигуру въ прямомъ смыслѣ этого слова. Изъ него можно было сдѣлать и героя, и бандита, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія взглянуть на него. Во всякомъ случаѣ, въ немъ заключалось обаяніе силы, хотя она зачастую представлялась грубою стихійною силой природы.

Финансистъ и имперіалистъ, казалось, во всемъ видѣвшій только практическую сторону, Родсъ обожалъ природу, цвѣты. Одному изъ своихъ друзей онъ сознался, что горячо любитъ свой садъ, потому что въ немъ такъ хорошо мечтать! О чемъ же онъ мечталъ, этотъ «Empire Maker», какъ его называли радикальныя англійскія газеты? О великой южно-африканской федераціи, конечно, о дорогѣ, которая перерѣжетъ вдоль всю Африку, отъ Мыса Доброй Надежды до Средиземнаго моря, о великомъ торжествѣ англосаксонской расы... Онъ не дожилъ ни до чего изъ этого, но умеръ въ твердомъ убѣжденіи, что все задуманное осуществится!

Гладстонъ.

(Съ фотографин).

IV.

Гладстонъ.

Великій старецъ.

Когда, 29 декабря 1809 года, въ Ливерпулѣ, Вильямъ Эвартъ Гладстонъ увидѣлъ свѣтъ, Англія и Европа переживали кризисъ. Наполеонъ стремился создать себѣ всемірный тронъ, проливая потоки крови и не встрѣчая нигдѣ стойкаго сопротивленія своимъ планамъ, угрожавшимъ свободѣ Европы и существованію ея государствъ. А въ Англіи въ это время, во главѣ соціальной системы, представлявшей удивительную комбинацію всевозможныхъ общественныхъ золь, стоялъ дряхлый, больной король и его расточительный и распутный наслѣдникъ. Деспотическая администрація поддерживалась парламентскою системою, превратившейся въ пустой звукъ, вслѣдствіе подкупа и испорченности своихъ представителей. Церковь, совершенно лишённая духовнаго начала, продавалась правящимъ классамъ, и даже правосудіе превратилось въ систему законнаго убійства. Претекціонистскіе законы парализовали всякую коммерческую предпримчивость въ странѣ, кредитъ ея пошатнулся, и цѣны на предметы первой необходимости были очень высоки. Нищета возростала, усиливаемая двумя бѣдствіями: голодомъ и войной, и народъ, изнемогая въ желѣзныхъ тискахъ нужды, не имѣлъ другой возможности заставить прислушаться къ своимъ стонамъ, кромѣ насильственныхъ способовъ, выражающихся въ заговорахъ и возмущеніяхъ.

Таково было, повторяемъ, положеніе Англіи, когда родился Вильямъ Гладстонъ, вся жизнь котораго была такъ тѣсно связана съ жизнью страны, что совершенно слилась съ нею. Біографія Гладстона является описаніемъ огромнаго и важнаго періода англійской исторіи XIX вѣка, постепеннаго измѣненія стараго порядка и демократической

эволюціи, которой Англія подверглась со вступленіемъ въ XIX вѣкъ. Эта эволюція совершалась такъ медленно, что не измѣнила внѣшнихъ политическихъ формъ, но, тѣмъ не менѣе, старый режимъ смѣнился новымъ, и съ этимъ преобразованиемъ тѣсно связана вся политическая дѣятельность Гладстона.

Вильямъ Гладстонъ выросъ въ такихъ условіяхъ, которыя не только способствовали расширенію его умственного кругозора, но и съ раннихъ лѣтъ должны были возбудить интересъ къ общественной жизни. Отецъ его былъ богатый торговецъ, очень образованный и принимавшій дѣятельное участіе въ политической жизни, какъ членъ парламента; онъ много занимался своимъ сыномъ который проявлялъ выдающіяся способности, и мальчику не было еще и двѣнадцати лѣтъ, когда отецъ началъ бесѣдовать съ нимъ о разныхъ политическихъ событіяхъ и разъяснять ему ихъ, стараясь возбудить въ мальчикѣ и воспитать въ немъ стремленіе къ общественной и политической дѣятельности. Отецъ Гладстона былъ членомъ консервативной партіи и другомъ Каннинга, что, конечно, имѣло вліяніе на взгляды молодого Гладстона, такъ что ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ началъ свою политическую карьеру, какъ консерваторъ. Брайсъ, въ своей характеристикѣ Гладстона особенно подчеркиваетъ три главныхъ фактора, которые должны были оказать свое вліяніе на его характеръ: шотландское происхожденіе матери, женщины чрезвычайно религіозной и вселившей своему сыну глубокое религіозное чувство и любовь къ поэзіи, воспитаніе, которое онъ получилъ въ Оксфордѣ, и, наконецъ, вступленіе его на поприще общественной дѣятельности при министерствѣ Роберта Пиля.

Гладстонъ былъ отданъ въ Итонскую школу послѣ тщательной домашней подготовки, когда ему минуло 12 лѣтъ. Учился онъ хорошо и особенно усердно занимался классическими науками, а праздники посвящалъ занятіямъ математикой. Въ школѣ онъ не былъ особенно популяренъ и держался только очень тѣснаго кружка товарищей и только тогда, когда онъ началъ принимать участіе въ дебатахъ итонскаго общества учениковъ, называемаго «The Litirati» и въ изданіи сборника «Eton Miscellany», на него обратили

особенное вниманіе, и онъ сдѣлался извѣстенъ среди товарищей, какъ очень хорошей ораторъ. Ученики итонской школы очень интересовались политикой и, хотя имъ было запрещено обсуждать въ своихъ собраніяхъ политическія злобы дня, но они ловко обходили это запрещеніе и подъ видомъ разсужденій о чисто историческихъ или академическихъ вопросахъ высказывали свои взгляды на современную политику и вопросы, интересовавшіе тогдашнее англійское общество. Въ своихъ преніяхъ на такія темы, какъ, напр., личность Оливера Кромвеля, характеръ Мильтона, «Contrat Social» Руссо и событія французской революціи, мальчуганы итонской школы обнаруживали уже совершенно определенное политическое направленіе: это были тори, и Гладстонъ, подготовленный своимъ домашнимъ воспитаніемъ, тотчасъ же примкнулъ къ нимъ. Пятнадцати лѣтъ онъ сдѣлался уже дѣйствительнымъ членомъ Итонскаго Общества и произнесъ вступительную рѣчь — «Maiden Speech» какъ говорятъ англичане—на тему о пользѣ воспитанія бѣднѣйшихъ классовъ. По словамъ современниковъ эта рѣчь была настолько блестяща, что тогда же поразила товарищей Гладстона, и онъ сразу занялъ первое мѣсто между ораторами школы.

Покинувъ Итонскую школу въ 1827 году, Гладстонъ занимался полгода съ частными учителями и затѣмъ поступилъ въ Оксфордскій университетъ. Пребываніе тамъ еще болѣе укрѣпило его въ консервативномъ образѣ мыслей, такъ что много лѣтъ спустя онъ самъ говорилъ, что Оксфордъ не научилъ его цѣнить какъ слѣдуетъ «великіе и вѣчные принципы человѣческой свободы», такъ какъ въ академической средѣ преобладало какое-то подозрительное отношеніе къ свободѣ. Насколько, въ самомъ дѣлѣ, Гладстонъ впоследствии долженъ былъ измѣнить свои взгляды, доказываетъ, между прочимъ, то, что въ Оксфордѣ, въ собраніи общества «Union», Гладстонъ произнесъ чрезвычайно горячую, блестящую и убѣдительную рѣчь противъ билля о реформѣ. Объ этой рѣчи Гладстонъ впоследствии самъ отзывался какъ объ ошибкѣ молодости, когда сдѣлался однимъ изъ самыхъ главныхъ поборниковъ избирательной реформы.

Такимъ образомъ, воспитанный въ политической атмосферѣ Оксфорда, Гладстонъ вышелъ на арену общественной

жизни во всеоружіи консервативныхъ принциповъ. Его научили бояться политическихъ нововведеній, какъ чего-то такого, что подрываетъ устой государства, и внушили глубокое почтеніе къ существующимъ учреждениямъ. Кромѣ того, такъ какъ церковный духъ въ Оксфордскомъ университетѣ былъ, очень силенъ, то, естественно, что онъ долженъ былъ еще болѣе развить заложенное въ юношѣ Гладстонѣ домашнимъ воспитаніемъ религіозное чувство, и онъ съ увлеченіемъ началъ заниматься богословіемъ и изучать всякіе теологическіе и богословскіе вопросы. Въ университетѣ не было ни одного человѣка, который бы также хорошо зналъ Библію, какъ онъ. Да и впослѣдствіи, въ самый разгаръ парламентской дѣятельности Гладстона, эти вопросы не переставали занимать его, и онъ трактовалъ ихъ, какъ настоящій ученый богословъ.

Оксфордъ приготовлялъ не однихъ только государственныхъ дѣятелей, но и представителей духовенства. Гладстонъ хотѣлъ выбрать послѣднюю карьеру, но отецъ рѣшительно воспротивился этому. Онъ, очевидно, предугадывалъ успѣхъ сына, какъ парламентскаго оратора, и поэтому хотѣлъ, чтобы онъ посвятилъ себя общественной дѣятельности. Молодой Гладстонъ отправился путешествовать въ Италію, гдѣ провелъ полгода, изучая языкъ и памятники искусства, а затѣмъ былъ внезапно призванъ въ Англію, чтобы принять участіе въ парламентскихъ выборахъ.

Англійская нація какъ разъ въ это время достигла поворотнаго пункта своей исторіи. Вслѣдствіе реформы 1832 года, палата общинъ, несмотря на сохраненіе прежнихъ формъ, стала играть болѣе дѣятельную роль въ политической жизни страны, такъ какъ число избирателей увеличилось, и они сдѣлались болѣе независимыми. Виги, соединившись съ радикалами, стали называться либеральной партией, а торіи—консервативной. Реформа, доставившая возможность пользоваться своими гражданскими правами всѣмъ классамъ населенія, возбудила, конечно, множество надеждъ и восторженныхъ ожиданій среди либераловъ, надѣявшихся, что нераздѣльному господству въ странѣ консерваторовъ, поддерживаемыхъ мелкимъ дворянствомъ и духовенствомъ, будетъ теперь положенъ конецъ. Но зато богатые и при-

вилегированные классы и вообще робкіе люди и приверженцы стараго порядка вещей чувствовали страхъ, политическій горизонтъ казался имъ покрытымъ грозными тучами, и они говорили о надвигающейся опасности, которая казалась имъ неизбѣжной въ виду сосѣдства съ Франціей, гдѣ только что произошла революція, и положенія Ирландіи, находившейся въ состояніи скрытаго броженія. Религіозные люди, изучавшіе Св. Писаніе и пророчества, видѣли даже приближающіеся признаки наступленія конца міра и съ ужасомъ говорили объ этомъ.

Въ такое-то время юноша Гладстонъ, воспитанный въ строго евангелическомъ духѣ, въ уваженіи къ установленнымъ государственнымъ учрежденіямъ, приглашенъ былъ герцогомъ Ньюкэстльскимъ выступить кандидатомъ въ парламентъ въ округѣ, который герцогъ держалъ совершенно въ своихъ рукахъ, благодаря своему вліянію и богатству. Герцогъ зналъ Гладстона по восторженнымъ отзывамъ своего сына, его товарища, и рѣшилъ, что онъ вполне удовлетворяетъ требованіямъ партіи какъ по своему образованію и выдающимся ораторскимъ способностямъ, такъ и по строго консервативнымъ взглядамъ.

Дѣйствительно, партія герцога не могла сдѣлать лучшаго выбора. Молодой Гладстонъ съ горячностью и увлеченіемъ, свойственными его шотландской природѣ, выступилъ борцомъ за принципы сохраненія существующаго порядка. Онъ обратился къ избирателямъ съ воззваніемъ, предостерегая ихъ противъ возрастающаго стремленія къ нововведеніямъ, къ перемѣнамъ, которое онъ считалъ очень опаснымъ. Онъ зашелъ такъ далеко, что даже защищалъ рабство, приводя цитаты изъ Библии, хотя и прибавлялъ при этомъ, что рабовъ-негровъ надо воспитывать въ христіанской вѣрѣ и, такимъ образомъ, освободивъ ихъ нравственно путемъ обращенія въ христіанство, постепенно надѣлять ихъ и гражданскими правами, и физическою свободою.

Если сравнить эту рѣчь Гладстона съ его позднѣйшими рѣчами, съ его пламенною защитой всѣхъ угнетенныхъ народностей и преданностью либеральнымъ принципамъ, то эволюція, происшедшая съ нимъ, дѣйствительно поражаетъ, и поэтому неудивительно, что заурядные люди,

привыкшіе держаться разъ установленныхъ Границъ, не могли понять его измѣнчивости и готовы были заподозрѣть его даже въ своекорыстныхъ цѣляхъ, упуская изъ вида, что въ странѣ, гдѣ все находится въ движеніи, гдѣ общественное мнѣніе постоянно эволюціонируетъ, и экономическія условія также постоянно мѣняются, ни одинъ государственный дѣятель не можетъ разсчитывать приносить пользу обществу, если только онъ будетъ упрямо держаться тѣхъ политическихъ доктринъ, съ которыми онъ выступилъ на арену политической дѣятельности. Онъ долженъ, волей-неволей, или подчинить свои собственные взгляды измѣнившимся взглядамъ и требованіямъ времени, или же подвергнуть тщательной провѣркѣ свои воззрѣнія и сопоставить ихъ съ требованіями современной жизни и новыми фактами, которые могутъ указать ихъ ошибочность. Гладстонъ былъ слишкомъ искренній человекъ и поэтому онъ не способенъ былъ защищать взгляды, которыхъ самъ не раздѣлялъ. Когда же соприкосновеніе съ новыми условіями современной жизни заставило его вникнуть въ нихъ глубже и почувствовать противорѣчіе, заключавшееся въ его собственныхъ взглядахъ на свободу человѣческой личности, то онъ немедленно приступилъ къ тщательной провѣркѣ принциповъ, которые онъ считалъ до тѣхъ поръ незыблемыми, и съ нимъ началась эволюція, превратившая Гладстона-консерватора, клерикала и протекціониста, въ Гладстона-либерала и защитника свободы торговли.

Но первые шаги Гладстона на парламентской аренѣ не обманули надеждъ партіи, избравшей его своимъ представителемъ. Онъ постоянно защищалъ клерикальныя и ретроградныя мѣры, въ которыхъ видѣлъ спасеніе страны и, благодаря своему выдающемуся ораторскому дарованію и искренности, производилъ впечатлѣніе. Свой взглядъ на рабство онъ уже высказалъ раньше, въ адресѣ къ избирателямъ, а въ парламентѣ только развилъ его, присоединивъ, кромѣ того, требованіе, чтобы, въ случаѣ эмансипаціи, рабовладѣльцы были бы вознаграждены за потерю своей «законно и честно» приобрѣтенной собственности. Въ вопросѣ объ Ирландіи, которой онъ впоследствии хотѣлъ даровать самоуправленіе, Гладстонъ также былъ на сторонѣ консерваторовъ. Правда, онъ молчалъ, когда дебатировался во-

прось объ отмѣнѣ личной неприкосновенности въ Ирландіи, но молчаніе было знакомъ согласія на эту мѣру, а когда рѣчь зашла объ ограниченія правъ англиканской церкви, то онъ горячо возсталъ противъ этого и ратовалъ за неприкосновенность государственной церкви. Что нужды, что процентъ протестантскаго населенія въ Ирландіи не великъ! Гладстонъ былъ увѣренъ въ конечномъ торжествѣ англиканской церкви и поэтому былъ противъ билля, ограничивающаго ея права. Также горячо возсталъ онъ и противъ отмѣны обязательнаго подписыванія при поступленіи въ университетъ параграфовъ англиканскаго катехизиса. Это постановленіе практически закрывало двери университета всѣмъ, не принадлежащимъ къ англиканской церкви, но молодой Гладстонъ доказывалъ, что это ничего не значить, и что нельзя допускать никакихъ исключеній въ этомъ отношеніи, такъ какъ главная цѣль университетскаго образованія — это формированіе нравственнаго характера, и поэтому необходимо, чтобы всѣ студенты подчинялись всѣмъ правиламъ преподаванія и предписаніямъ господствующей церкви. Любопытно, что когда Пальмерстонъ замѣтилъ, что ему не внушаетъ довѣрія такая университетская система, при которой студенты могутъ непосредственно переходить отъ вина къ молитвѣ и отъ молитвы къ вину, то Гладстонъ съ жаромъ возразилъ, что даже въ подобныя минуты студенты никогда не бываютъ въ такомъ видѣ, чтобы они не были достойны войти въ храмъ Божій.

Черезъ два года по вступленіи Гладстона въ парламентъ, были произведены новые выборы, такъ какъ палата была распущена, и Гладстону пришлось снова баллотироваться, но двухлѣтнее пребываніе въ парламентѣ уже оказало на него свое дѣйствіе. Въ своемъ обращеніи къ избирателямъ онъ высказался даже въ пользу разумной реформы государства и церкви, доказывая, что это отнюдь не можетъ противорѣчить принципамъ истиннаго консерватизма, тогда какъ раньше онъ горячо возставалъ противъ какихъ бы то ни было посягательствъ на установленный порядокъ. Кромѣ того, на него, видимо, оказала вліяніе точка зрѣнія главы консервативной партіи, Роберта Пила, который заявилъ, что правительству не слѣдуетъ настаивать на своемъ правѣ руководить дѣлами государства, если противъ него выска-

зывается палата общинъ, даже еслибъ самъ король и палата лордовъ были на его сторонѣ. Этимъ заявленіемъ Робертъ Пиль устанавливалъ новый принципъ парламентскаго режима, который и до сихъ поръ примѣняется въ Англии, гдѣ, съ того времени, установилась теорія равновѣсія между партіями, т.-е. партія, имѣющая въ палатѣ большинство, выбираетъ изъ своей среды министерство, которое и управляетъ страной, опираясь такимъ образомъ на большинство избирателей, до тѣхъ поръ, пока послѣднее не перейдетъ къ другой партіи. Когда на престолъ вступила королева Викторія, то этотъ новый порядокъ парламентскаго режима окончательно утвердился, и установилось чередованіе партій, основанное на принципѣ большинства.

Между тѣмъ кризисъ, переживаемый Англіей, все обострялся. Безработица, пониженіе заработной платы, все это вызывало сильное бѣдствіе народа, особенно ощутительное въ промышленныхъ городахъ. Рабочіе, пытавшіеся хоть нѣсколько улучшить свое положеніе, устраивали ассоціаціи или синдикаты, и это движеніе настолько напугало промышленниковъ, что они, въ свою очередь, образовали синдикатъ и обязались не принимать рабочихъ, принадлежавшихъ къ какой бы то ни было ассоціаціи. Между работодателями и рабочими возникла упорная борьба. Правительство стало на сторону промышленниковъ и объявило незаконными всякіе союзы рабочихъ. Начались преслѣдованія, ссылки; рабочіе, однако, пытались продолжать борьбу, организуя собранія и петиціи, причемъ устроили даже грандіозную процессію въ окрестностяхъ Лондона, руководимую однимъ духовнымъ лицомъ.

Убѣдившись, однако, въ невозможности добиться чего-нибудь собственными силами, рабочіе присоединились къ радикальной партіи, требовавшей всеобщей подачи голосовъ. Возникло чартистское движеніе, вызванное союзомъ между двумя партіями—радикальной политической и рабочей социалистической,— и въ окрестностяхъ Манчестера устраивались грандіозные митинги, происходившіе иногда ночью, при свѣтѣ факеловъ. Главнымъ агитаторомъ при этомъ явилось духовное лицо, диссидентъ, бывший священникъ, Стедникъ, который формулировалъ требованія чартистовъ въ слѣдую-

щихъ словахъ: «Всякій свободный человѣкъ, дышащій вольнымъ Божьимъ воздухомъ или ходящій по вольной Божьей землѣ, имѣеть право на свой «home» (домашній очагъ)». Консервативная партія въ парламентѣ требовала для чартистовъ исключительныхъ мѣръ, но на этотъ разъ либеральное министерство отказало. Лордъ Руссель объявилъ въ палатѣ, что народъ имѣеть право собираться и обсуждать свои дѣла, и даже въ тронной рѣчи 1838 года было сказано, что правительство отвергаетъ репрессивныя мѣропріятія, полагаясь на здравый смыслъ и разумныя намѣренія народа. Однако, когда «парламентъ рабочихъ» — такъ называлось собраніе уполномоченныхъ, организованное въ Лондонѣ чартистами и засѣдавшее одновременно съ палатою общинъ—подалъ свою петицію въ пользу всеобщей подачи голосовъ, носившую 1.200.000 подписей, то парламентъ отнесся къ ней съ насмѣшкой и отказался даже принять ее къ свѣдѣнію.

Одновременно съ чартистскою агитаціей, принимавшей все болѣе грандіозные размѣры, разросталось и ирландское движеніе, подъ руководствомъ замѣчательнаго оратора О'Коннеля, сплотившаго около себя все католическое ирландское населеніе, да, кромѣ того, партія свободы торговли вела очень усиленную агитацію въ пользу отмѣны протекціонизма.

Общественная жизнь Англіи находилась, такимъ образомъ, въ состояніи сильнаго броженія, и это, конечно, не могло не отразиться на молодомъ Гладстонѣ, дѣятельность котораго ограничивалась, впрочемъ, пока еще только парламентскою рутинной, хотя онъ и работалъ постоянно въ разныхъ комиссіяхъ по разсмотрѣнію законопроектовъ и принималъ участіе въ преніяхъ, всегда обращая на себя вниманіе, какъ чрезвычайно талантливый ораторъ, такъ что всѣ предсказывали ему блестящую карьеру. Но его самого главнымъ образомъ интересовалъ тогда вопросъ о положеніи церкви. Либеральная партія пыталась добиться отмѣны государственной церкви въ Ирландіи, этого же добивались и ирландцы съ О'Коннелемъ во главѣ, и тогда Гладстонъ снова выступилъ защитникомъ англиканской церкви, написавъ книгу «The State in its relations to the Church», въ которой рѣшительно становился на сторону государственной церкви, до-

казывая, что «государство имѣеть совѣсть» и въ силу этого можетъ налагать на всякаго гражданина обязанность поддерживать установленную церковь. Эта книга, между прочимъ, вызвала рѣзкую критику Маколея, который, однако, призналъ выдающійся талантъ ея автора и назвалъ его «восходящею звѣздой и надеждою суровыхъ непреклонныхъ торіевъ».

Консервативная партія, дѣйствительно, возлагала тогда большія надежды на Гладстона, и Робертъ Пиль даже возмутился, что молодой ораторъ занимается такими пустяками, какъ писаніе книгъ, когда впереди у него такая блестящая политическая карьера. Но Гладстонъ продолжалъ посвящать все свои досуги изученію Гомера, Данте и св. Августина, и никому не приходило въ голову, что въ его душѣ совершался въ это время переворотъ, результаты котораго и не замедлили обнаружиться, когда въ 1841 году Робертъ Пиль, снова сдѣлавшись первымъ министромъ, предложилъ Гладстону занять постъ вице-президента министерства торговли, а въ 1843 году Гладстонъ сдѣлался президентомъ и такимъ образомъ 33-хъ лѣтъ сталъ членомъ министерства.

Гладстона тогда уже начало тревожить будущее Англіи, и онъ видѣлъ, что трудности управленія страной все увеличиваются. Все усилія правительства поднять экономическое положеніе страны, оживить сельское хозяйство, ни къ чему не приводили; нищета увеличивалась, и народъ волновался. Тогда министерство Роберта Пила, поставленное въ необходимость считаться съ различными общественными теченіями, приступило къ пересмотру таможенныхъ тарифовъ, и эта колоссальная работа была возложена на молодого Гладстона, который взялся за нее съ большою энергіей и мало-по-малу превратился изъ протекціониста въ горячаго приверженца свободной торговли. Министерство отмѣнило вывозныя пошлины и понизило ввозныя, также какъ и пошлины на хлѣбъ, противъ чего особенно возставала одна фракція консервативной партіи, земельная аристократія, видѣвшая въ этомъ пониженіи ущербъ собственнымъ интересамъ, тогда какъ другая, промышленная аристократія, высказывалась за пониженіе, разчитывая на то, что, вслѣдствіе удешевленія хлѣба, оно вызоветъ и пониженіе заработной платы.

Пиль не былъ такимъ упорнымъ консерваторомъ, чтобы не сознавать безусловной необходимости итти навстрѣчу измѣнившимся требованіямъ современной жизни. Страшный голодъ, наступившій въ Ирландіи въ 1845 году, еще болѣе убѣдилъ его въ этомъ. Народъ, поддерживаемый лигой противъ хлѣбныхъ законовъ (Anti corn Law League), требовалъ отмены хлѣбныхъ пошлинъ и открытія портовъ. Пиль созвалъ кабинетъ и заявилъ ему о необходимости уничтоженія хлѣбной пошлины, но консервативные члены министерства не раздѣляли его точки зрѣнія, и онъ вышелъ въ отставку.

Любопытно, что какъ разъ въ самый разгаръ этой борьбы молодой Гладстонъ вышелъ изъ состава кабинета, вслѣдствіе разногласія по вопросу объ ирландской школѣ. Дѣло въ томъ, что министерство приняло мѣры, идущія въ разрѣзъ съ тѣми взглядами, которые онъ проповѣдывалъ раньше въ своей брошюрѣ, и хотя теперь Гладстонъ уже больше не придерживался этихъ взглядовъ и даже сочувствовалъ мѣропріятію, изъ-за котораго выходилъ въ отставку, но онъ, все-таки, находилъ, что не имѣетъ нравственнаго права оставаться членомъ кабинета, который становится на противоположную точку зрѣнія въ вопросѣ, по поводу котораго онъ публично высказался шесть лѣтъ тому назадъ. Конечно, такая аргументація Гладстона многимъ показалась очень странной, но она только указываетъ на его искренность. Онъ хотѣлъ бы придерживаться прежнихъ взглядовъ, но не могъ; совершавшаяся въ немъ эволюція не допускала этого, въ чемъ онъ открыто и сознавался, принося въ жертву своимъ прежнимъ воззрѣніямъ свое положеніе въ министерствѣ. Вопросъ о государственной церкви все еще стоялъ на первомъ планѣ въ глазахъ Гладстона, но онъ сознавался въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, что его не удовлетворяетъ дѣятельность государственной церкви въ Ирландіи и что его собственные аргументы въ защиту этой церкви ослабѣваютъ.

Выйдя въ отставку, Гладстонъ хотя и не принималъ прямого участія въ борьбѣ министерства съ протекціонистами, но поддерживалъ Пилья своими работами и, какъ говорятъ, совершенно обратилъ его на путь свободы торговли своею брошюрой, въ которой сгруппировалъ результаты

своихъ работъ по пересмотру тарифа. Тутъ онъ уже окончательно становился на точку зрѣнія манчестерской школы, и это, конечно, было большимъ шагомъ впередъ.

Брошюра надѣлала много шума, а когда сдѣлалось извѣстно, что и Робертъ Пиль присоединяется къ точкѣ зрѣнія Гладстона, то на него обрушилась вся партія. Тѣмъ не менѣе; такъ какъ либеральная партія не въ состояніи была образовать министерство, то королева Викторія опять обратилась къ Пилю, и въ тронной рѣчи, которая была произнесена ею при открытіи парламента въ январѣ 1846 года, было отведено много мѣста положенію Ирландіи и картофельному неурожаю и возвѣщалось о мѣрахъ, которыя правительство считаетъ нужнымъ принять для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ и для подъема финансовыхъ и коммерческихъ условій страны.

Когда въ палатѣ общинъ ожидались пренія по какому-нибудь особенно важному вопросу, то всѣ начинали волноваться, и въ залѣ царило необычайное оживленіе. Такое именно оживленіе господствовало при открытіи парламента въ январѣ 1846 года; министерскія скамьи, скамьи оппозиціи, галлерей для публики,—все было переполнено въ этотъ день, такъ какъ всѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали, что скажетъ министръ, какую реформу возвѣститъ онъ. И, дѣйствительно, на этотъ разъ ожиданія не были обмануты: первый министръ очень пространно и подробно разъяснилъ, какимъ образомъ онъ перешелъ отъ протекціонизма къ свободѣ торговли. Онъ доказывалъ пользу и выгоду, которую пріобрѣтетъ промышленность, освобожденная отъ налога, говорилъ объ увеличеніи доходовъ, оживленіи промышленности и торговли. Для всѣхъ стало ясно, что Пиль склонился въ пользу доктринъ манчестерской школы и что онъ пришелъ къ убѣжденію, что время протекціонизма въ Англіи миновало.

Конечно, эта измѣна министра вызвала противъ него цѣлую бурю. Въ палатѣ образовалась оппозиція протекціонистовъ, во главѣ съ Дизраели, который тогда выдвинулся, благодаря своей блестящей рѣчи о защитѣ интересовъ аграріевъ, сказанной въ отвѣтъ Пилю. Послѣдній даже снова попросилъ отставки у королевы, но не получилъ ее и тогда рѣшилъ идти напроломъ и провести свою реформу. Двое изъ

министровъ его кабинета вышли въ отставку, и онъ предложилъ портфель Гладстону. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ была проведена въ палатѣ большинствомъ 327 голосовъ противъ 229 и затѣмъ принята палатою лордовъ.

Вступивъ въ министерство, Гладстонъ, занялъ мѣсто въ промежуточной группѣ, образовавшейся влѣдствіе раскола консервативной партіи по экономическому вопросу. Члены этой партіи назывались «пилитами», по имени своего вождя, и постепенно сливались съ либералами. Это былъ періодъ колебанія Гладстона, который то возставалъ противъ пересмотра университетскаго устава, то заявлялъ, что нація должна признавать и поддерживать матеріально новыя исповѣданія, и поэтому бесполезно говорить о государственной церкви. Онъ вотировалъ за допущеніе евреевъ въ парламентъ, за восстановление дипломатическихъ сношеній съ Римомъ, за полное самоуправленіе колоній въ церковномъ отношеніи. Разумѣется, въ отношеніи торговли и промышленности, онъ всецѣло стоялъ на сторонѣ самыхъ прогрессивныхъ мѣропріятій, и это побудило его отказаться отъ представительства округа, депутатомъ котораго онъ былъ, такъ какъ округъ носилъ рѣзко протекціонистскій характеръ. Въ своемъ прощальномъ адресѣ къ избирателямъ Гладстонъ говорилъ, что повинется своему общественному долгу, который призываетъ его, и впервые заговорилъ о необходимости повиноваться требованіямъ страны.

На общихъ выборахъ 1847 года Гладстонъ былъ избранъ депутатомъ отъ оксфордскаго университета, что считалось большою честью. Это было уже послѣ паденія министерства Пиза, который потерпѣлъ поражение въ вопросѣ о примѣненіи новыхъ мѣръ строгости въ Ирландіи: либералы по принципу вотировали противъ него, а консерваторы, которые не могли ему простить перехода въ лагерь свободы торговли, также отказались его поддерживать. Образовалось новое либеральное министерство, съ лордомъ Русселемъ во главѣ, и Пиль сдѣлался лидеромъ немногочисленной, но богатой талантами группы оппозиціи, къ которой принадлежалъ и Гладстонъ. Впрочемъ, эта группа, раздѣлявшая экономическіе взгляды министерства, чаще поддерживала его, нежели боролась.

Гладстонъ все болѣе и болѣе отдалялся въ своихъ взглядахъ отъ консервативной партіи и приближался къ либераламъ, но открыто порвалъ съ торіями только въ 1852 году, когда отказался принять предложеніе вступить въ консервативный кабинетъ Дерби и Дизраели. Онъ даже содѣйствовалъ паденію этого кабинета и въ концѣ концовъ сдѣлался лидеромъ либеральной партіи. Однако, этотъ окончательный поворотъ Гладстона въ сторону либеральной политики совершился только послѣ его столкновеній съ Пальмерстономъ на почвѣ международной политики и путешествія въ Италію, куда Гладстонъ ѣздилъ для поправленія здоровья своей маленькой дочери.

1850-й годъ ознаменовался замѣчательными преніями въ парламентѣ, съ которыми было связано имя нѣкоего дона Пасифико. Это былъ незначительный еврей, британскій подданный, жившій въ Аѳинахъ. Его лавка и имущество были разграблены толпой, которая, какъ говорятъ, была очень раздражена тѣмъ, что полиція запретила сжигать во время празднованія Пасхи изображеніе Иуды Искаріота, что было въ обычаѣ въ греческихъ городахъ, и гнѣвъ свой обрушила на перваго попавшагося еврея, домъ котораго находился по близости того мѣста, гдѣ обыкновенно совершался воспрещенный теперь обрядъ. Не могло быть сомнѣнія, что нападеніе на дона Пасифико было незаконнымъ, и что греческія власти ничего не сдѣлали для защиты его имущества. Донъ Пасифико сосчиталъ всѣ свои потери и убытки и потребовалъ отъ греческаго правительства вознагражденія въ суммѣ 32,000 ф. стерлинговъ, при чемъ особенно дорого цѣнилъ свою кровать. Греція была тогда бѣдна, а греческое правительство отличалось медлительностью и безпечностью, поэтому и заявленіе дона Пасифико осталось безъ отвѣта. Однако, тутъ вмѣшался Пальмерстонъ, который потребовалъ, чтобы Греція уплатила требуемую сумму, и такъ какъ произошли еще другія недоразумѣнія съ Греціей, то Пальмерстонъ отправилъ въ Пирей англійскую эскадру, захватившую всѣ греческія суда, какія только находились въ греческихъ водахъ. Россія и Франція заявили протестъ, но лордъ Пальмерстонъ объявилъ, что это не ихъ дѣло, и остался стоять на своемъ. Тогда французскій посолъ былъ отозванъ изъ Лондона, и евро-

пейскій миръ подвергся серьезной опасности. Однако, мѣсяцъ спустя, блокада греческихъ береговъ была снята, хотя это, все-таки, привело къ охлажденію отношеній между Англіей и Франціей и Россіей.

Въ парламентѣ торіи напали на Пальмерстона, и въ палатѣ лордовъ была даже вотирована резолюція, порицающая его образъ дѣйствій. Пальмерстонъ произнесъ тогда замѣчательную рѣчь, которая продолжалась пять часовъ и въ которой онъ представилъ всѣ аргументы въ защиту своей политики, но главнымъ образомъ настаивалъ на томъ, что всякій британскій подданный долженъ имѣть право, подобно римскому гражданину, восклицавшему «*civis Romanus sum*», надѣяться, что бдительное око и сильная рука Великобританіи защищаютъ его, гдѣ бы онъ ни находился. Это «*civis Romanus sum*» одержало побѣду и разрѣшило всѣ затрудненія. Кто же въ палатѣ общинъ рѣшился бы высказаться противъ такого принципа! Поэтому всѣхъ удивило, когда Гладстонъ выступилъ съ возраженіями Пальмерстону и началъ доказывать безнравственность приведенной министромъ римской формулы. Онъ говорилъ, что римскій гражданинъ былъ членомъ привилегированной касты побѣдителей и завоевателей, державшихъ въ подчиненіи силою своего оружія другія націи и примѣнявшихъ одни законы къ себѣ, а другіе ко всему остальному міру, отказывая другимъ въ тѣхъ прерогативахъ, которыми они сами пользовались. Неужели же граждане цивилизованной, христіанской націи, подобно Англій, могли считать такое положеніе совмѣстимымъ съ понятіемъ объ истинномъ національномъ достоинствѣ, благородствѣ и справедливости? По мнѣнію Гладстона, Англія не должна была создавать для себя особые законы, особые принципы и особыя права, которыми не могъ бы пользоваться остальной міръ. Ея призваніе, наоборотъ, должно было бы заключиться въ поддержаніи среди всѣхъ народовъ уваженія къ международному закону, и въ одинаковомъ примѣненіи его ко всѣмъ какъ сильнымъ, такъ и слабымъ, слѣдуя принципамъ братства и независимости.

Несмотря на горячую, убѣдительную рѣчь Гладстона, на все его краснорѣчіе, побѣда, все таки, осталась за Пальмерстономъ, и послѣ жаркихъ преній, продолжавшихся че-

тыре ночи подрядъ, была вотирована резолюція, оправдывавшая политику министерства. Гладстонъ остался въ меньшинствѣ, и его попытка провести въ международную политику тѣ принципы, которыми мы обязаны руководствоваться въ своей частной и общественной жизни, не имѣла успѣха.

Въ томъ же году, зимой, Гладстонъ отправился въ Неаполь, гдѣ онъ провелъ около четырехъ мѣсяцевъ. Пребываніе въ Италіи оказало большое вліяніе на его образъ мыслей. Онъ впервые выступилъ тутъ въ защиту угнетенныхъ. Въ Неаполѣ, дѣйствительно, творились возмутительныя дѣла и совершались всевозможныя беззаконія. Болѣе половины депутатовъ палаты отправлены были въ изгнаніе за принадлежность къ оппозиціи, и около 20,000 гражданъ томнились въ тюрьмахъ за свои политическія убѣжденія. Впечатлительный Гладстонъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому положенію вещей и, вмѣсто того, чтобы осматривать неаполитанскія достопримѣчательности, онъ началъ посѣщать суды, тюрьмы, спускаться въ подземныя темницы и изучать судебныя дѣла и процессы несчастныхъ жертвъ беззаконія и несправедливости.

Результатомъ этихъ изслѣдованій были два открытыя письма первому министру, въ которыхъ Гладстонъ описывалъ ужасы неаполитанскаго режима. Эти письма онъ просилъ опубликовать, чтобы общественное мнѣніе «узнало о возмутительныхъ дѣйствіяхъ неаполитанскаго правительства, которое возвело въ систему поруганіе религіи, цивилизаціи, человѣчества и приличій». — «Въ Неаполѣ,—говоритъ Гладстонъ,—охранители порядка и общественнаго спокойствія первые нарушаютъ его. Префектъ и его слуги, попирая законы, выслѣживаютъ людей, врываются въ ихъ дома, часто даже ночью, захватываютъ бумаги, имущество, срываютъ, по своему усмотрѣнію, обои и полы, подъ предлогомъ розысковъ, и бросаютъ въ тюрьмы десятки, сотни, даже тысячи людей, безъ всякаго судебного приговора и даже, зачастую, не давая никакихъ объясненій относительно характера обвиненія. Арестуютъ не за совершеніе какого-нибудь проступка, а просто потому, что считаютъ удобнѣе для себя держать

такихъ людей взаперти. Въ странахъ, гдѣ есть правосудіе, считается несправедливымъ наказывать за мысли, но здѣсь за нихъ не только наказываютъ, но даже не останавливаются передъ поддѣлкою мыслей, лишь бы только можно было наказать».

Яркими красками описывалъ Гладстонъ неаполитанскія тюрьмы, ужаснѣе которыхъ трудно было что-нибудь представить, и съ жаромъ говорилъ о необходимости предпринять что-нибудь для уменьшенія этой гигантской суммы человѣческихъ страданій.

Въ Англіи эти письма произвели большую сенсацію и довольно таки сильно встревожили неаполитанскій дворъ. Несомнѣнно, они имѣли вліяніе на послѣдующія событія въ Италіи и на революціонный переворотъ, результатомъ котораго явилась свободная и объединенная Италія. Знакомство же съ неаполитанскими узниками, среди которыхъ было много очень даровитыхъ и очень образованныхъ людей, оставило свой слѣдъ и въ душѣ Гладстона, также какъ и знакомство и сближеніе съ членами общества «Молодой Италіи». Оно завершило эволюцію въ его душѣ и заставило окончательно перейти на сторону либераловъ и сдѣлаться защитникомъ тѣхъ самыхъ принциповъ, противъ которыхъ онъ раньше возставалъ. Порвавъ съ консерваторами, Гладстонъ сдѣлался главою либеральной партіи.

Гарибальди говорилъ потомъ, что пламенный протестъ Гладстона противъ злоупотребленій неаполитанскаго правительства былъ «первымъ трубнымъ звукомъ итальянской свободы». Но оказывая услугу дѣлу либерализма въ Европѣ, Гладстонъ оказалъ услугу и себѣ, окончательно освободивъ свой умъ отъ путъ нелѣпыхъ консервативныхъ традицій. Все болѣе и болѣе удаляясь отъ возрѣвній своей юности, Гладстонъ уже не возвращался назадъ и все выше поднимался по лѣстницѣ либерализма. Однако, хотя его и пробовали заклеить за перемену политическихъ возрѣвній, но это не удавалось, такъ какъ даже враги ставили его искренность вѣдъ сомнѣній и чувствовали, что его всегда воодушевляло одно только желаніе поступать правильно, дѣлать то, что требуютъ высшая справедливость и долгъ. Самое худшее, что можно было сказать про Гладстона, это то, что въ его характерѣ преобладала импульсивность, и что умъ его

былъ слишкомъ безпокоенъ. Его можно было упрекнуть въ томъ, что онъ слишкомъ разбрасывался. Въ самомъ дѣлѣ: онъ писалъ статьи и былъ критикомъ, изучалъ Гомера, былъ диллетантомъ въ искусствѣ и музыкѣ, пускался въ богословскіе диспуты и толковалъ священное писаніе, былъ политико-экономистомъ, финансистомъ, практическимъ администраторомъ, наконецъ, государственнымъ дѣятелемъ и ораторомъ. Ни одинъ человекъ не могъ бы безнаказанно заниматься такими разнообразными вещами и выступать въ такой разнообразной роли, не навлекая на себя насмѣшекъ. Но необычайная серьезность и степенность Гладстона спасали его отъ этого; въ противномъ случаѣ его постоянная измѣнчивость непременно сдѣлалась бы предметомъ осмѣянія.

Однако, консерваторы долго не могли отказаться отъ надеждъ, которыя ихъ партія возлагала на Гладстона, когда онъ вступилъ въ парламентъ. Вѣдь, самые солидные и серьезные консерваторы готовы были видѣть въ немъ будущаго вождя. Разочарованіе было полное, въ особенности, когда Гладстонъ, не пожелавшій вступить въ кабинетъ Дизраели, подвергъ самой безошадной критикѣ представленный имъ проектъ бюджета, въ которомъ предлагалось, между прочимъ, поддержать земледѣліе на счетъ городскихъ плательщиковъ и даже намекалось, что не мѣшало бы возстановить хлѣбные законы. Гладстонъ въ пухъ и прахъ разбилъ всѣ доводы министерства и доказалъ его полную несостоятельность въ финансовомъ отношеніи. Результатомъ этого его вмѣшательства было то, что министерство осталось въ меньшинствѣ, настолько значительномъ, что вынуждено было немедленно подать въ отставку.

Съ этого момента въ политическихъ и церковныхъ вопросахъ Гладстонъ уже явно придерживался точки зрѣнія либераловъ, поэтому на новыхъ выборахъ въ Оксфордѣ возникла сильная оппозиція его избранію, и Гладстону пришлось защищаться отъ обвиненія въ томъ, что онъ вступилъ въ союзъ съ врагами церкви. Но вскорѣ онъ еще болѣе возмущилъ противъ себя ортодоксальную партію, когда высказался за допущеніе въ парламентъ евреевъ наравнѣ съ христіанами.

Въ кабинетѣ лорда Эбердина, смѣнившемъ министерство Дерби въ 1853 году, Гладстонъ получилъ портфель министра финансовъ и, представивъ бюджетъ, сразу привлекъ на свою сторону даже оппонентовъ, увидѣвшихъ въ немъ первокласнаго финансиста. Къ тому же, благодаря освобожденію промышленности и торговли отъ ига протекціонизма, началось ихъ быстрое развитіе и процвѣтаніе, и это много способствовало успѣху финансовой программы Гладстона.

Между тѣмъ политическій горизонтъ началъ заволакиваться тучами. Почти сорокъ лѣтъ Англія пользовалась миромъ, если не считать мелкихъ войнъ съ азіатскими и африканскими племенами. Раза два, впрочемъ, когда обострялся споръ между Турціей и Египтомъ, можно было опасаться, что споръ этотъ перейдетъ въ вооруженный конфликтъ, въ который будетъ вовлечена Англія, но дѣло улаживалось, и миръ не нарушался. Молодое поколѣніе въ Англіи выросло такимъ образомъ въ атмосферѣ золотого вѣка и могло считать, что войны составляютъ для Англіи удѣлъ прошедшаго. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ такое время, когда во всѣхъ столицахъ континента происходили бурные безпорядки, и революціи нарушали обычное теченіе жизни другихъ странъ, Англія оставалась спокойной, и самое большее, что заставило ее выйти на время изъ этого спокойнаго состоянія, это была чартистская агитація, не вызвавшая, однако, никакихъ серьезныхъ волненій въ странѣ. Новая школа въ Англіи проповѣдывала съ большимъ краснорѣчіемъ, что методъ рѣшенія международныхъ споровъ посредствомъ оружія отжилъ свой вѣкъ, что это былъ варварскій, дорого стоящій и дурной способъ. Обычай дуэлей также совершенно исчезъ въ Англіи, и постепенно укрѣплялось убѣжденіе, что поединки между націями также должны скоро выйти изъ моды. Однако, скоро пришлось убѣдиться въ противномъ.

Коалиціонное министерство лорда Эбердина, составленное изъ либераловъ и пилитовъ, также вѣровало въ невозможность войны. Но когда наступилъ кризисъ и на сцену выдвинули восточный вопросъ, то горячій противникъ войны, лордъ Эбердинъ, рѣшилъ, что онъ выйдетъ въ отставку, если дѣло дойдетъ до вооруженнаго столкновенія.

Гладстонъ также былъ противъ войны и даже дѣлалъ все возможное, чтобы предупредить войну, но событія оказались сильнѣе его. Когда начался споръ между Турціей и Россіей, то англійское правительство сначала ничего не предпринимало ни за, ни противъ Турціи, но, все-таки, держало себя такъ, что Турція могла рассчитывать на поддержку Англии, или, по крайней мѣрѣ, считала себя въ правѣ рассчитывать на нее. Въ англійскомъ кабинетѣ произошелъ расколъ; часть министровъ, съ Пальмерстономъ во главѣ, была рѣшительно на сторонѣ Турціи и настаивала на оказаніи ей поддержки, а Гладстонъ, высказывавшійся въ принципѣ противъ войны, въ то же время порицалъ дѣйствія Россіи, хотя и находилъ, что съ христіанской точки зрѣнія поддерживать «умирающую Турцію» не слѣдуетъ. Разумѣется, всѣ эти теоретическіе споры и пререканія только распатывали положеніе министерства, которое и безъ того не пользовалось особенною популяренностью въ странѣ, а страна, между тѣмъ, неудержимо увлекалась теченіемъ къ войнѣ.

Гладстону выпали трудныя задачи. Въ качествѣ министра финансовъ онъ долженъ былъ изыскать способы покрытія военныхъ расходовъ, но, разумѣется, онъ не могъ предупредить всѣхъ бѣдствій, которыя являются неразлучными спутниками войны. Онъ не могъ спасти государство отъ потери 400 милліоновъ и 24,000 человѣческихъ жизней. Ко всѣмъ ужасамъ войны, кровопролитія и болѣзней присоединились еще необычныя лишенія, которыя, пришлось терпѣть англійскимъ солдатамъ, вслѣдствіе необыкновенно суровой зимы и недостатковъ организаціи. Они страдали отъ плохой пищи, отсутствія теплой одежды и помѣщеній. Гладстонъ съ отчаяніемъ говорилъ о такомъ положеніи англійской арміи. «Надо плакать и молиться о ней!» восклицалъ онъ, но молитва и слезы, конечно, не могли удовлетворить общественнаго мнѣнія, громко требовавшаго назначенія слѣдствія. Радикальный депутатъ Ребунъ внесъ въ палату предложеніе о назначеніи комиссіи для разслѣдованія положенія англійской арміи въ севастопольской кампаніи, и въ тотъ же день либеральный членъ министерства лордъ Руссельъ вышелъ изъ него, не предупѣдомивъ объ этомъ своихъ коллегъ. Разумѣется, это причинило министерству

очень большое затрудненіе, и какъ ни старался Гладстонъ защитить правительство, но его краснорѣчіе не привело ни къ чему. При голосованіи огромное и даже неожиданное большинство 157 голосовъ высказалось противъ правительства, и министерство Эбердина погибло, оправдывая своимъ паденіемъ слова Дизраели, что «Англія не любитъ коалицій».

Лордъ Дерби попробовалъ образовать министерство, но никто изъ пилитовъ не согласился вступить въ него. Тогда королева Викторія обратилась къ лорду Русселю, но и эта комбинація успѣха не имѣла. Оставался лордъ Пальмерстонъ. Ему удалось организовать кабинетъ, причемъ Гладстонъ оставался на своемъ прежнемъ посту министра финансовъ. Говорили, что кабинетъ не могъ бы обойтись безъ него, такъ какъ никто не рѣшался стать во главѣ финансоваго управленія, боясь беспощадной критики Гладстона. Однако, вступленіе Гладстона въ кабинетъ виговъ было сочтено за признакъ окончательнаго присоединенія къ либеральной партіи. Но Гладстонъ недолго оставался въ министерствѣ: онъ вышелъ въ отставку вмѣстѣ съ другими своими коллегами-пилитами, когда Пальмерстонъ согласился на назначеніе слѣдственной комиссіи. Это было въ самый разгаръ войны, и потому выходомъ въ отставку Гладстонъ сильно повредилъ своей популярности. Его обвиняли въ томъ, что онъ стоялъ на полдорогѣ и хотя не сочувствовалъ войнѣ, но не умѣлъ избѣжать ее и не отказался отъ нея наотрѣзъ, а продолжалъ морализировать, что, разумѣется, было уже не у мѣста, когда его согражданами овладѣлъ воинственный пылъ.

Выйдя изъ министерства, Гладстонъ очутился въ изолированномъ положеніи. Въ сущности, онъ не принадлежалъ еще ни къ какой партіи. Его симпатіи, какъ онъ самъ говорилъ, были на сторонѣ консерваторовъ, а его взгляды—на сторонѣ либераловъ. Такимъ образомъ, онъ занялъ мѣсто между двумя партіями, сохраняя связь съ обѣими, но не вступая окончательно ни въ ту, ни въ другую. Въ парламентѣ опасались его рѣзкой, бичующей критики, потому что знали, что перспектива непопулярности его не испугаетъ и что онъ, не задумываясь, выступитъ съ обвиненіемъ, если нравственное убѣжденіе заставитъ его высказаться. Онъ такъ и сдѣлалъ, когда выступилъ напр., съ заявле-

ніемъ, что пора прекратить войну, цѣль которой уже достигнута. Сражаться изъ-за одной только военной славы было, по его мнѣнію, безчеловѣчно и безнравственно и противорѣчило христіанскимъ чувствамъ! Разумѣется, такіа рѣчи не могли содѣйствовать усилению популярности, и противъ Гладстона сильно возстали даже его приверженцы. Его называли оппортунистомъ и вообще негодовали за то, что онъ никакъ не могъ рѣшиться занять вполне опредѣленное положеніе въ парламентѣ. Но Гладстону сильно въ этомъ мѣшали его клерикальныя воззрѣнія, которыя онъ примѣшивалъ ко всякимъ вопросамъ и государственнымъ дѣламъ. И дѣйствительно, во всѣхъ дѣйствіяхъ Гладстона въ этотъ періодъ времени замѣчается какое-то внутреннее противорѣчіе, ясно доказывающее, что онъ стоялъ на перепутьи. Такъ, напр., онъ самымъ энергичнымъ образомъ ратовалъ противъ налоговъ на предметы первой необходимости для народа, доказывая, что они несправедливы, и въ то же время столь же горячо возставалъ противъ свѣтскаго и обязательнаго народнаго образованія. Его клерикальныя взгляды особенно рѣзко выразились въ полемикѣ съ Пальмерстономъ относительно бракоразводнаго закона. На эту полемику онъ потратилъ не мало энергіи и силъ, такъ какъ писалъ въ журналахъ, произносилъ рѣчи на митингахъ, вездѣ доказывалъ, что бракъ есть таинство, что онъ не можетъ быть расторгимъ и т. д., и т. д. Учрежденіе бракоразводнаго суда должно было, по его словамъ, повести къ неизбѣжному упадку нравственности, семейной и общественной — однимъ словомъ, онъ находилъ, что Англіи грозитъ страшная опасность, и всѣми силами старался предотвратить ее. Но старанія его не помогли, и билль о бракоразводномъ судѣ, все-таки, прошелъ въ парламентѣ, а Гладстону пришлось въ концѣ концовъ убѣдиться, что основы англійскаго общества нисколько отъ этого не пострадали.

Лордъ Эбердинъ высказалъ около этого времени мнѣніе, что Гладстонъ имѣетъ намѣреніе сдѣлаться первымъ министромъ. «У него есть для этого всѣ данныя, и онъ обладаетъ крупными качествами, но въ то же время у него есть нѣсколько весьма серьезныхъ недостатковъ, изъ которыхъ главный тотъ, что если онъ убѣдилъ себя въ чемъ-ни-

будь, хотя бы путемъ абстрактныхъ разсужденій, то уже считаетъ, что каждый непремѣнно долженъ также разсуждать объ этомъ, какъ онъ, и не допускаетъ никакой разницы въ мнѣніяхъ. Я увѣренъ, впрочемъ, что его непопулярность въ данный моментъ чисто временная, въ палатѣ общинъ онъ, все-таки, занимаетъ первое мѣсто».

Предсказаніе лорда Эбердина, въ самомъ дѣлѣ, довольно скоро сбылось. Пальмерстонъ скомпрометировалъ себя, внеся, по случаю покушенія Орсини, поправку къ закону о заговорахъ, противъ которой возстали не только либералы и пилиты, но и консерваторы, къ которымъ и присоединился Гладстонъ. Законопроектъ провалили большинствомъ 19 голосовъ, и Пальмерстонъ вышелъ въ отставку. Ему смѣну явилось министерство Дерби съ Дизраели въ должности канцлера казначейства и лидера палаты общинъ.

Дерби очень хотѣлъ, чтобы Гладстонъ вступилъ въ его министерство. Настаивалъ на этомъ и Дизраели. Онъ писалъ епископу Уильберфорсу: «Я бы очень желалъ, чтобы вы уговорили Гладстона войти въ кабинетъ Дерби; не моя вина, что онъ ни за что не хочетъ согласиться. Я почти на колѣняхъ просилъ его».

Такая настойчивость Дизраели становится вполне понятной, если вспомнить, что Гладстонъ былъ самымъ вліятельнымъ и самымъ опаснымъ его противникомъ въ палатѣ общинъ. Вступивъ окончательно въ ряды либеральной партіи, Гладстонъ, конечно, занялъ бы высшее положеніе въ парламентѣ, тогда какъ, еслибы онъ вернулся къ тори, то поневолѣ долженъ былъ бы уступить первое мѣсто Дизраели, сдѣлавшемуся лидеромъ палаты, и поддерживать его политику. Поэтому-то Дизраели такъ и старался заполучить Гладстона, считая его такимъ же честолюбивымъ, какимъ былъ самъ, и опасаясь его честолюбія.

Но Гладстонъ не поддавался ни на какія приманки и сохранилъ за собою свободу дѣйствій въ парламентѣ. Онъ готовъ былъ оказывать поддержку правительству Дерби, но лишь тогда, когда находилъ, что оно этого заслуживаетъ. Около этого времени (1858 г.) между лордомъ Эбердиномъ и епископомъ Уильберфорсомъ произошелъ слѣдующій разговоръ: «Какъ вы думаете, спросилъ Уильберфорсъ, выдвинется ли Гладстонъ на первое мѣсто?»—«Да, я увѣренъ въ

этомъ,—отвѣчалъ лордъ Эбердинъ,—но только это произойдетъ постепенно. Онъ долженъ сначала превратить ненависть, которую питають къ нему нѣкоторые, въ расположеніе, и онъ, навѣрное, это сдѣлаетъ, какъ только представится случай. Кромѣ того, ему бы надо отдѣлаться отъ кое-какихъ недостатковъ. Онъ слишкомъ упрямъ и, если человѣкъ вообще можетъ быть «слишкомъ честнымъ», то я бы сказалъ про него, что онъ «слишкомъ честенъ». Онъ недостаточно думаетъ о томъ, о чемъ думаютъ другіе...».

Вотъ эта-то «слишкомъ большая честность» и дѣлала Гладстона неудобнымъ человѣкомъ для другихъ. Въ особенности же Дизраели съ трудомъ выносилъ его, да и министерству Дерби онъ былъ въ тягость, такъ какъ оно имѣло въ немъ друга, который во всякую минуту могъ превратиться въ безошаднаго врага и противника, и критики котораго министерству приходилось постоянно опасаться. Поэтому Дерби и Дизраели подумывали о томъ, какъ бы удалить Гладстона хотя на время, и случай къ тому скоро представился. Какъ разъ въ это время возникли затрудненія на Іонійскихъ островахъ. Съ 1815 года они находились подъ протекторатомъ Англій, но въ послѣднее время тамъ стали все громче и громче раздаваться голоса въ пользу присоединенія къ Греціи. Управлять островами становилось труднѣе, и это обстоятельство навело лорда Дерби на мысль, вѣроятно, впрочемъ, внушенную ему Дизраели, предложить Гладстону поѣхать туда, въ качествѣ экстраординарнаго верховнаго комиссара, для разслѣдованія причинъ неудовольствія іонійскаго населенія. Съ одной стороны, дѣйствительно, трудно было бы сдѣлать лучшей выборъ для такой миссіи, а съ другой—такимъ образомъ удалялся изъ палаты неудобный членъ и, конечно, Дизраели, придумавшій подобный благовидный способъ отдѣлаться отъ Гладстона, долженъ былъ потирать себѣ руки отъ удовольствія.

Гладстонъ съ восторгомъ взялся за исполненіе порученія. Онъ, вѣдь, любилъ Грецію и все греческое, начиная съ Гомера, и хорошо былъ знакомъ съ исторіей страны. Свою миссію онъ выполнилъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, объѣздивъ всѣ острова, принималъ множество депутацій, разговаривалъ съ гражданами, тщательно изслѣдо-

валъ всѣ жалобы и произнесъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ въ сенатѣ Корфу, въ которой говорилъ объ искреннемъ желаніи Великобританіи выполнить тѣ обязательства, которыя она взяла на себя ради общеевропейской пользы и выгоды онійскаго населенія. Какъ всегда, онъ закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы счастье іонійскаго народа было обезпечено двойнымъ союзомъ между свободой и общественнымъ порядкомъ и между христіанскою вѣрой и наукой. Онъ даже составилъ для іонійцевъ планъ конституціоннаго правительства, который лордъ Эбердинъ назвалъ химерическимъ. Но всѣ его старанія убѣдить іонійцевъ въ искренности желанія британскаго правительства составить счастье іонійскихъ острововъ оказались тщетны, и іонійцы стремились только къ одной цѣли—къ присоединенію къ Греціи. Законодательное собраніе въ Корфу вотировало петицію къ королевѣ Викторіи, въ которой заключалась просьба о присоединеніи іонійской республики къ Греціи. Гладстонъ долженъ былъ отправить эту петицію королевѣ, и такъ какъ миссія его была кончена, то онъ вернулся въ Англію.

Министерство было недовольно результатами его миссіи; и тутъ Гладстонъ оказался «слишкомъ честнымъ». Распространялись даже самые нелѣпые слухи по поводу приѣма, оказаннаго ему въ Аѳинахъ, куда онъ заѣхалъ на обратномъ пути, и въ Англіи его обвиняли въ томъ, что онъ поощрялъ претензіи іонійцевъ и ихъ стремленія къ присоединенію къ Греціи; поэтому на іонійскіе острова, по возвращеніи оттуда Гладстона, былъ отправленъ новый верховный комиссаръ, получившій инструкцію закрѣпить связь между Великобританіей и іонійцами. Однако, все же идея, что рано или поздно придется, все-таки, уступить желаніямъ іонійцевъ, мало-помалу пускала корни въ Англіи. Становилось ясно, что британское правительство не можетъ долго навязывать свой протекторатъ населенію, надъ которымъ Англія даже не имѣетъ никакихъ правъ побѣдителя. Но, разумѣется, нельзя было ожидать, чтобы Дизраели, который былъ тогда фактически главою правительства, согласился бы на такую уступку. Онъ самъ и его приверженцы находили, что для національной безопасности и славы британской имперіи необходимо сохранить эти острова. Идея имперіализма уже тогда давала себя чувствовать въ поступкахъ и взглядахъ Дизраели и

все рѣзче и рѣзче подчеркивала антагонизмъ между нимъ и Гладстономъ.

Въ это время въ Англии агитація въ пользу избирательной реформы приняла очень большія размѣры, и поэтому министерство рѣшило внести билль о реформѣ, чтобы нѣсколько успокоить общественное мнѣніе. Дизраели тутъ впервые примѣнилъ тотъ принципъ, которому впоследствии онъ былъ обязанъ многими удачами своей политики. Онъ находилъ, что гораздо выгоднѣе самому проводить либеральныя реформы, когда онѣ становятся неизбѣжными, нежели предоставлять это либераламъ. Такимъ путемъ, «играя въ либеральныя реформы», ему удавалось обманывать демократію и привлекать ее на свою сторону, а его партія, понимая, что онъ всегда ведетъ ее къ побѣдѣ, поддерживала эту игру. Но когда Дизраели впервые сдѣлалъ такой шагъ и представилъ свой билль о реформѣ, надѣясь такимъ образомъ «вырвать этотъ кусокъ у либераловъ», то его приверженцы не поняли его тактики, и хотя предлагаемая имъ реформа была очень далека отъ той, которую требовалъ народъ, и устанавливала довольно высокій имущественный и образовательный цензъ для избирателей, но, все-таки, тори возмутились, видя въ этомъ шагѣ поруганіе традицій своей партіи. Дизраели, впрочемъ, зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ, но ему ничего другого не оставалось, такъ какъ агитація въ пользу реформы подъ руководствомъ Брайта приняла такіе размѣры, что всегда можно было ожидать, что въ парламентѣ будетъ заявлено порицаніе правительству за то, что оно медлитъ съ реформой, которую требовала страна.

Билль, внесенный Дизраели, конечно, не могъ удовлетворить либераловъ, и они вошли въ соглашеніе съ радикалами, чтобы провалить его. Однако, Гладстонъ поддерживалъ Дизраели и краснорѣчиво доказывалъ, что билль необходимо принять, что недостатки его могутъ быть исправлены потомъ, при обсужденіи подробностей. Тѣмъ не менѣе билль провалился, такъ какъ лордъ Руссель предложилъ палатѣ высказаться за несоотвѣтствіе его требованіямъ страны. Предложеніе Русселя было принято большинствомъ 39 голосовъ, и тотчасъ же велѣдъ затѣмъ было объявлено распущеніе парламента. Общія выборы, однако, не вызвали ожидаемаго сильнаго возбужденія въ странѣ, такъ

какъ общественное вниманіе было поглощено событіями внѣшней политики, грозившими новыми осложненіями. Симпатіи народа находились на сторонѣ Италіи, стремившейся къ свободѣ. Между тѣмъ, какъ министерство склонялось, повидимому, въ сторону Австріи, и въ обществѣ возникли опасенія, что, несмотря на свои заявленія безпристрастія, торійское министерство можетъ, все-таки, вовлечь Англію въ войну для поддержанія австрійскаго абсолютизма. Эти опасенія заставили радикаловъ вступить въ коалицію съ либералами, и консервативное министерство было ниспровергнуто. Пальмерстонъ снова сдѣлался первымъ министромъ, а Гладстонъ занялъ постъ канцлера казначейства.

Министерство Пальмерстона вступило въ управление страной въ довольно смутное время. Политическій горизонтъ былъ полонъ тучъ, и изъ-за Атлантики долетали въ Европу звуки приближающейся грозы. Казнь Джона Броуна, пытавшагося помочь побѣгу невольниковъ, и избраніе Авраама Линкольна кандидатомъ на постъ президента Соединенныхъ Штатовъ были весьма характерными симптомами, иллюстрирующими положеніе дѣлъ въ заатлантической республикѣ. Въ Англіи не ошибались на счетъ значенія этихъ признаковъ, хотя собственныя запутанныя дѣла и отвлекали вниманіе страны. Правительство сознавало необходимость идти навстрѣчу требованіямъ общественнаго мнѣнія. Прежде всего надо было приступить къ экономическимъ реформамъ, тѣмъ болѣе, что въ бюджетѣ, оставшемся въ наслѣдство отъ предшествовавшаго министерства, оказался дефицитъ въ 50 милліоновъ. Гладстонъ, не колеблясь, прибѣгнулъ къ повышенію подоходнаго налога почти вдвое, находя, что при блестящемъ состояніи торговли и промышленности въ странѣ такое повышеніе не можетъ быть для нея обременительнымъ. Другая его экономическая реформа, вызвавшая сильное возмущеніе, касалась отмѣны налога на печатную бумагу, который ложился тяжелымъ бременемъ на журналистику и мѣшалъ ей свободно развиваться, такъ какъ изданіе газеты, благодаря штемпельному сбору, стоило очень дорого. Налогъ этотъ представлялъ остатокъ прежней финансовой системы и учрежденъ былъ съ цѣлью помѣшать развитію оппозиціонной журналистики. Вслѣдствіе этого налога, газеты стоили такъ дорого, что полученіе ихъ было доступно

только богатымъ людямъ, а менѣе зажиточные обыкновенно составляли компанію для выписки какой-нибудь газеты и читали ее по-очереди.

Гладстонъ, вообще склонявшійся въ этомъ отношеніи въ сторону радикальныхъ взглядовъ и стремившійся освободить отъ обложенія всѣ предметы широкаго народнаго потребления, рѣшительно возставалъ противъ налога, который считался налогомъ на знаніе. Но онъ наткнулся на очень упорную оппозицію со стороны торіевъ, тѣмъ болѣе, что въ англійскомъ высшемъ обществѣ господствовало убѣжденіе, что журналистика можетъ только тогда удержаться на извѣстной высотѣ, когда она будетъ стоить дорого, притомъ многіе были того мнѣнія, что дешевыя газеты непременно начнутъ проповѣдывать самыя возмутительныя ученія и будутъ содѣйствовать всеобщей безнравственности.

Несмотря на свои клерикальныя убѣжденія, Гладстонъ, однако, не вѣрилъ въ такую опасность. Распространеніе свѣта и знанія не могло, по его мнѣнію, способствовать усилению безнравственности. Но къ удивленію его, билль объ отмѣнѣ налога не встрѣтилъ сочувствія въ палатѣ. Бумажные фабриканты видѣли въ этомъ угрозу своимъ интересамъ да и газетные собственники, опасаясь свободной конкуренціи, возставали противъ билля, прикрываясь разными высшими соображеніями; самую же непримиримую оппозицію билль этотъ встрѣтилъ въ палатѣ лордовъ, которая, воспользовавшись тѣмъ, что онъ прошелъ въ третьемъ чтеніи лишь большинствомъ девяти голосовъ, окончательно отвергла его.

Поведеніе верхней палаты въ этомъ вопросѣ сильно возмутило Гладстона и было поводомъ къ его первому столкновенію съ аристократическимъ кругомъ. Въ горячей рѣчи, которую одинъ изъ его современниковъ назвалъ «блестящей и безумной», онъ доказывалъ, что палата лордовъ превысила свои законныя права, вмѣшиваясь въ финансовыя мѣропріятія палаты общинъ, не подлежащія ея вѣдѣнію. Онъ даже пригрозилъ, что сумѣетъ найти средство привести въ исполненіе рѣшеніе палаты общинъ. И, дѣйствительно, нашелъ его.

Наиболѣе пылкіе изъ либераловъ, поддерживавшіе билль Гладстона, обратились съ воззваніемъ къ народу для выра-

женія протеста противъ палаты лордовъ. Въ Лондонѣ и въ большихъ городахъ сѣверной Англїи устраивались многочисленные митинги и вотировались резолюціи, выражающія порицаніе палатѣ лордовъ. Газета «Morning Star» руководила агитаціей, причемъ она прибѣгла къ остроумному способу вычислять ежедневно сколько тысячъ фунтовъ палата лордовъ, вопреки основнымъ принципамъ конституціи, заставляетъ уплачивать англійскій народъ въ видѣ налога на бумагу. Результаты этихъ вычисленій печатались жирнымъ шрифтомъ на самомъ видномъ мѣстѣ, а организаторы митинговъ списывали ихъ, и огромные плакаты съ этими вычисленіями разносились процессіей по лондонскимъ улицамъ. Но эта агитація не имѣла, все-таки, большого политическаго значенія, и главный ея интересъ заключается лишь въ томъ, что она указываетъ, какъ быстро Гладстонъ увлекался либеральнымъ теченіемъ и какъ онъ отходилъ все дальше и дальше отъ взглядовъ своихъ прежнихъ консервативныхъ единомышленниковъ и даже отъ своихъ коллегъ въ либеральномъ министерствѣ. Глава этого министерства, лордъ Пильмерстонъ, совершенно не придавалъ значенія спору о налогѣ на печать, Гладстонъ же становился въ этомъ вопросѣ на точку зрѣнія радикаловъ, что еще разъ указываетъ, до какой степени трудно было наклеить на него извѣстный ярлыкъ и причислить его къ той или другой изъ политическихъ партій. Партійная точка зрѣнія для него не имѣла никакого значенія, и онъ никогда не руководствовался ею въ своихъ поступкахъ, признавая только одинъ принципъ: справедливость и пользу.

Палата лордовъ, быть можетъ, рассчитывавшая, что Гладстонъ, обидѣвшись на непринятіе его билля, выйдетъ въ отставку, обманулась въ расчетѣ: Гладстонъ ловко обошелъ ее. Онъ включилъ свою реформу въ одинъ билль съ другими финансовыми мѣропріятіями, которыя совершенно не подлежали вѣдѣнію палаты лордовъ и заставилъ ее проглотить эту пилюлю, такъ какъ она не могла, безъ явнаго нарушенія конституціи, отвергнуть этотъ билль. Конечно, это вызвало сильное негодованіе среди лордовъ, и нѣкоторые изъ нихъ, между прочимъ Сольсбѣри, всегдашній антагонистъ Гладстона, позволили себѣ даже личные нападки на него; но Гладстонъ не счелъ нужнымъ отвѣчать на нихъ.

Популярность его въ этотъ періодъ сильно возросла, въ особенности среди среднихъ классовъ и рабочихъ; высшіе же классы видѣли въ немъ чуть ли не измѣнника тѣмъ принципамъ, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ и которые проповѣдывалъ въ началѣ своей политической карьеры. Въ особенности же сильное негодованіе консерваторовъ онъ возбудилъ тогда, когда впервые открыто высказался въ палатѣ общинъ въ пользу распространенія избирательнаго права на рабочихъ. Это было по поводу внесенія въ парламентъ, въ 1864 году, однимъ частнымъ лицомъ предложенія понизить городской имущественный цензъ для того, чтобы въ число избирателей могли попасть рабочіе. Билль этотъ не прошелъ, но дебаты, имъ вызванныя, ознаменовались одною изъ самыхъ блестящихъ рѣчей Гладстона. Онъ сказалъ, что тотъ, кто хотѣлъ бы лишитъ рабочіе классы политическихъ правъ, долженъ прежде всего доказать ихъ неспособность пользоваться этими правами. Каждый человѣкъ, не обладающій завѣдомо дурными качествами, дѣлающими его вреднымъ членомъ въ политическомъ отношеніи, долженъ пользоваться всѣми правами, которыя даруетъ конституція страны. «Мнѣ возражаютъ, прибавилъ онъ, что среди рабочихъ не замѣчается агитаціи въ пользу расширенія ихъ политическихъ правъ. Но развѣ надо ждать, чтобы такая агитація наступила? По моему мнѣнію, политическая агитація среди рабочихъ классовъ вовсе нежелательна, и парламентъ не долженъ ее дожидаться, чтобы двинуться съ мѣста. Напротивъ, слѣдуетъ, по возможности, предупредить такую агитацію разумными мѣрами. При томъ же агитація среди рабочихъ вовсе не то, что агитація среди классовъ, располагающихъ свободнымъ временемъ. Такіе классы легко начинаютъ агитацію; время ихъ не имѣетъ денежной цѣнности, ихъ жены и дѣти не страдаютъ, если они сохраняютъ число своихъ рабочихъ часовъ. Если же рабочій находитъ нужнымъ покинуть свою дневную работу, отъ которой зависитъ его насущный хлѣбъ, то это несомнѣнно означаетъ, выражаясь желѣзнодорожнымъ языкомъ, что выкинуть «сигналь бѣдствія» и что онъ вынужденъ дѣйствовать, такъ какъ недовѣряетъ правителямъ, которые довели его до такой крайности. Нынѣшнее положеніе вещей не обнаруживаетъ такихъ тре-

вожныхъ признаковъ, но ждать ихъ мы отнюдь не должны»).

Конечно, такого рода рѣчи были не по вкусу тори, но не нравились они и Пальмерстону и всей партіи умѣренныхъ либераловъ, и хотя билль о реформѣ провалился въ парламентъ, но всѣ знали, что разъ Гладстонъ призналъ въ принципѣ необходимой такую реформу, то онъ уже добьется ея осуществленія.

Къ этому же времени принадлежитъ и тотъ шагъ, который долго лежалъ пятномъ на политической репутациі Гладстона—это его выраженіе сочувствія южанамъ въ сѣверо-американской гражданской войнѣ. Очевидно, эволюція политическихъ взглядовъ Гладстона еще не коснулась въ это время его прежней точки зрѣнія на рабство. Замѣчательно, что самые рѣзкіе нападки на сѣверянъ раздавались въ палатѣ общинъ не со скамей консервативной партіи, а со стороны либераловъ. Либеральный депутатъ Рѣбукъ горячо требовалъ вмѣшательства въ пользу южанъ, а лордъ Руссель, тоже либераль, въ своей рѣчи такъ представилъ дѣло, какъ будто сѣверяне стремились къ имперіи, а южане—къ независимости. Гладстонъ же торжественно объявилъ, что президентъ южной конфедераціи Джеферсонъ Дэвисъ создалъ армію, флотъ и, самое главное, — націю! Но впоследствии Гладстонъ сознавалъ, что сдѣлалъ ошибку въ оцѣнкѣ дѣйствій южанъ. Біографъ его — Морлей, рассказываетъ, что Гладстонъ самъ считалъ это величайшимъ промахомъ, какой онъ когда-либо сдѣлалъ въ своей жизни. Въ 1896 году онъ писалъ Морлею по этому поводу: «это была несомнѣнная ошибка, наиболѣе странная и очевидная, и тѣмъ менѣе извинительная, что она была совершена мною въ 1862 году, когда я прожилъ уже почти полвѣка»).

Далѣе Гладстонъ говорилъ, что, какъ это ни странно, но его заявленіе не было вызвано приверженностью къ югу или враждебностью къ сѣверу, оно просто основывалось на ложномъ выводѣ, неправильной оцѣнкѣ фактовъ. Подразумѣвая въ своемъ заявленіи окончаніе гражданской борьбы, онъ полагалъ, что выражаетъ этимъ дружелюбіе всей Америкѣ.

Какъ бы то ни было, но этотъ поступокъ Гладстона долгое время ставился ему въ вину его врагами, но, какъ

всегда, онъ и тутъ дѣйствовалъ вполне искренно, когда утверждалъ, что необходимо постепенное освобожденіе отъ рабства физическаго, вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ рабства нравственнаго, и что это освобожденіе должно произойти безъ всякаго давленія со стороны сѣвера. Въ 1865 году опять произошли общіе выборы, главный интересъ которыхъ сосредоточивался на очень жаркой борьбѣ, происходившей въ Оксфордѣ, гдѣ рѣшался вопросъ о томъ, быть или не быть Гладстону представителемъ Оксфордскаго университета въ парламентѣ. Несмотря на то, что Гладстонъ былъ преданнымъ приверженцемъ церкви и даже педантомъ въ вопросахъ христіанской морали, но оксфордскимъ клерикаламъ не понравились его либеральные взгляды и, главное, его взгляды на необходимость раздѣленія церкви и государства въ Ирландіи. Высшая торійская аристократія горячо возставала противъ избранія Гладстона въ Оксфордѣ и разсѣяла послѣднія колебанія оксфордскихъ клерикаловъ. Послѣ жаркихъ споровъ было рѣшено, что Гладстонъ не будетъ выбранъ, и ему пришлось, передъ самыми выборами, искать новый округъ. Многіе, однако, изъ прозорливыхъ политиковъ находили такое рѣшеніе торіевъ въ высшей степени близорукимъ. Лордъ Пальмерстонъ даже выразился такъ о Гладстонѣ: «О, это опасный человѣкъ! Его слѣдовало бы держать въ Оксфордѣ, это все же служить, до нѣкоторой степени, для него намордникомъ. Если же вы его отпустите на волю, то онъ взбѣсится». И самъ Гладстонъ сознавалъ, что Оксфордъ служить для него намордникомъ. Хотя ему больно было разставаться съ Оксфордомъ, порывать эту долговременную связь, но онъ, все-таки, былъ доволенъ, когда, силою обстоятельствъ, освободился изъ-подъ ига Оксфорда. Еще въ 1860 г. онъ писалъ Уильберфорсу, что для него тяжелы условія, на которыхъ онъ сохраняетъ свое мѣсто, какъ представитель Оксфорда, и ему становится все труднѣе согласовать свои взгляды съ этими условіями. Онъ почувствовалъ себя свободно, когда клерикалы и торійская аристократія окончательно отъ него отвернулись, и онъ могъ уже безъ всякихъ колебаній перейти на сторону демократіи. «Отнынѣ Гладстонъ принадлежитъ уже не Оксфорду, а Англій», говорили съ торжествомъ его приверженцы.

Смерть лорда Пальмерстона вызвала большія перемѣны. Гладстонъ сдѣлался лидеромъ палаты общинъ, сохранивъ свой постъ канцлера казначейства въ новомъ либеральномъ министерствѣ лорда Русселя. Какъ и слѣдовало ожидать, лордъ Руссель не замедлилъ выступить со своимъ излюбленнымъ проектомъ избирательной реформы. Разумѣется, Гладстонъ поддерживалъ его всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ. Горячими приверженцами Гладстона были крайнія фракціи либераловъ, умѣренные же побаивались его, находили слишкомъ радикальнымъ, а всѣ тѣ, кто былъ склоненъ къ консервативному образу мыслей, искреннимъ образомъ ненавидѣли его. Но самымъ сильнымъ противникомъ Гладстона былъ Дизраели. Въ новой палатѣ они были поставлены лицомъ къ лицу другъ противъ друга, такъ какъ одинъ былъ вождемъ палаты, а другой—оппозиціи и, несмотря на многочисленныя различія и даже контрасты, въ ихъ политическомъ положеніи было нѣкоторое сходство: оба возбуждали въ огромномъ числѣ своихъ послѣдователей сомнѣнія и боязнь, и при такихъ условіяхъ положеніе лидера оппозиціи было, конечно, болѣе выгоднымъ, ему не надо было брать на себя никакой инициативы, и самый наименѣе лойяльный изъ его послѣдователей, конечно, не поколебался бы поддержать его въ его усиліяхъ вызвать движеніе противъ министерства. Впрочемъ, консерваторы вообще отличались большею покорностью и легче дисциплинировались, нежели либералы.

Но избирательной реформѣ не везло. Одна фракція либеральной партіи, прозванная «адулламитами», такъ какъ Брайтъ сравнилъ ея образъ дѣйствій съ укрывательствомъ въ политическую пещеру Адуллама и приглашалъ всѣхъ недовольныхъ и опечаленныхъ удалиться туда—присоединилась къ консерваторамъ, желавшимъ какъ можно болѣе ограничить избирательное право. Адулламитовъ сначала было немного, но потомъ число этихъ отщепенцевъ либеральной партіи возросло, и оппозиція биллю все усиливалась.

Во время второго чтенія билля между Гладстономъ и Дизраели произошло словесное столкновение. Дизраели былъ настолько безтактенъ, что, желая уколоть Гладстона, намекнулъ на измѣнчивость его взглядовъ и на то, что онъ, въ своей рѣчи въ оксфордскомъ союзѣ, въ бытность свою

въ университетѣ, въ 1832 году, краснорѣчиво возставалъ противъ билля о реформѣ.—«Достопочтенный джентльменъ гордится воспоминаніемъ о собственномъ постоянствѣ,—замѣтилъ на это Гладстонъ,—поэтому онъ и считаетъ себя въ правѣ укорять меня ошибками моихъ юношескихъ лѣтъ. Однако, обращаясь къ другому достопочтенному члену Вестминстера, онъ высказалъ болѣе снисходительные взгляды и даже заявилъ, что не сталъ бы упрекать философа за то, что имъ было написано двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Но къ человѣку, который, тридцать шесть лѣтъ тому назадъ, едва выйдя изъ дѣтскихъ лѣтъ и будучи оксфордскимъ студентомъ, высказалъ мнѣніе, враждебное биллю о реформѣ, — въ чемъ онъ давно и горько раскаялся, — достопочтенный джентльменъ примѣняетъ уже совсѣмъ другую точку зрѣнія. Очевидно, онъ не чувствуетъ себя въ силахъ удержаться отъ искушенія. Впрочемъ, несмотря на то, что достопочтенный джентльменъ уже двадцать лѣтъ состоитъ лидеромъ палаты общинъ, онъ все же, повидимому, плохо ее знаетъ, полагая, что, выставивъ меня оппонентомъ билля о реформѣ, онъ достигъ какого-нибудь парламентскаго преимущества передо мною. Такъ какъ достопочтенный джентльменъ самъ заговорилъ объ этомъ, то позвольте мнѣ представить слѣдующія поясненія. Правда, и я глубоко сожалѣю объ этомъ, но я росъ и воспитывался подъ сѣнью великаго имени Каннинга. Все, что было связано съ этимъ именемъ, оказывало вліяніе на мои дѣтство и юность. Я радовался вмѣстѣ съ нимъ его удачамъ и тому обороту, который они придали нашей внѣшней политикѣ. Я радовался, что онъ установилъ свободныя коммерческія сношенія между націями, и сознаюсь, что подъ его вліяніемъ и подъ вліяніемъ другого, еще болѣе чтимаго имени—Берка, слагались всѣ мои юношескіе убѣжденія и взгляды, и я находился тогда подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, которое видимо вліяетъ теперь и на здравый умъ достопочтеннаго джентльмена. Въ дни моего студенчества билль о реформѣ возбуждалъ во мнѣ такую же тревогу, такой же страхъ, какой испытываетъ, повидимому, достопочтенный джентльменъ въ данную минуту. Единственная разница между нами заключается въ томъ — и я очень благодаренъ достопочтенному джентльмену, что онъ ее выдвинулъ—что я, имѣя такіе взгляды, открыто, рѣши-

тельно и ясно высказалъ ихъ англійскимъ языкомъ членамъ «Oxford Union», между тѣмъ, какъ достопочтенный джентльменъ вынужденъ скрывать ихъ подъ видомъ поправки къ биллю. Я нисколько не завидую тѣмъ полемическимъ преимуществамъ, которыя доставили ему скромное упоминаніе о дебатахъ оксфордскаго студенческаго общества 1831 года. Мое положеніе, сэръ, по отношенію къ либеральной партіи отличается во всѣхъ пунктахъ отъ положенія лорда Русселя... Я не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ правъ, которыми онъ обладаетъ. Я пришелъ къ вамъ, отверженный тѣми, съ кѣмъ раньше находился въ союзѣ, покинувшій ихъ среду подъ вліяніемъ медленно развивавшейся, но непреодолимой силы убѣжденія. Я пришелъ къ вамъ, если позволительно будетъ такъ выразиться, «in forma pauperis». Мнѣ нечего было предложить вамъ, кромѣ своей преданной и честной службы. Вы приняли меня, какъ Дидонъ принялъ потерпѣвшаго крушеніе Энея... Вы выказали мнѣ доброту, снисходительность, великодушіе и даже, я бы сказалъ, нѣкоторое довѣріе. И отношенія между нами приняли такую форму, что вы никогда не можете сдѣлаться моими должниками, но я всегда буду находиться у васъ въ долгу...»

Страстное краснорѣчіе Гладстона, однако, не спасло билля. Поправка, которая въ сущности уничтожала всякое значеніе реформы, была принята большинствомъ 315 голосовъ противъ 304, и министерство подало въ отставку.

Билль провалился благодаря расколу либеральной партіи, но зато отставка министерства сдѣлала его чрезвычайно популярнымъ въ странѣ. Въ своей заключительной рѣчи Гладстонъ сказалъ: «Вы не можете бороться съ будущимъ. Время на нашей сторонѣ. Никакіе шумные дебаты не могутъ помѣшать или разстроить, хотя бы на мгновеніе, движеніе великихъ и могучихъ соціальныхъ силъ, и эти великія силы противъ васъ. Онѣ выстроились на нашей сторонѣ, около знамени, которое мы несемъ, и хотя это знамя можетъ въ данный моментъ поникнуть надъ нашими склоненными головами, нѣтъ сомнѣнія, скоро оно снова будетъ развѣваться подъ небесами, и крѣпкія руки соединившагося народа трехъ королевствъ понесутъ его къ побѣдѣ, быть можетъ, къ не совсѣмъ легкой побѣдѣ, но зато вѣрной и недалекой».

Итакъ, «знамя, склонилось надъ поникшими головами лорда Русселя и Гладстона», и либеральное правительство сошло со сцены. Но когда это сдѣлалось извѣстно въ Лондонѣ, то десятитысячная толпа собралась на Трафальгарской площади и устроила митингъ, на которомъ были вотированы самыя ярыя резолюціи въ пользу реформы, затѣмъ вся эта толпа, съ пѣснями и гимнами въ честь Гладстона, отправилась къ его дому, требуя, чтобы онъ вышелъ на балконъ и показался народу. Гладстона, однако, не оказалось дома, и вмѣсто него вышла на балконъ его жена съ дѣтьми, и толпа устроила ей овацію. Съ этого момента Гладстонъ сдѣлался народнымъ героемъ, и на всѣхъ митингахъ, устраиваемыхъ въ большихъ городахъ сѣверной и средней Англій, его имя всегда вызывало шумные восторги. Всюду его называли лидеромъ либеральной партіи, хотя онъ еще не сдѣлался имъ официально. Впрочемъ, это не заставило себя ждать. Гладстонъ уже такъ далеко уклонился отъ своего первоначальнаго пути и такъ окончательно порвалъ всѣ свои связи съ консерваторами, изъ которыхъ нѣкоторые не могли даже равнодушно слышать его имени, что теперь онъ уже могъ открыто стать во главѣ либераловъ, тѣмъ болѣе, что и Оксфордъ больше его не связывалъ.

Политическая карьера лорда Русселя кончилась съ отставкою министерства, и онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для формальнаго заявленія, что передаетъ Гладстону руководство либеральной партіей. Лордъ Дэрби, къ которому обратилась королева, не очень охотно, но все же согласился составить кабинетъ, и, разумѣется, вручилъ портфель канцлера казначейства Дизраели. Не успѣло новое министерство прочно усѣсться на свои мѣста, какъ вся страна была уже охвачена агитаціей. Консерваторы и перебѣжчики либеральной партіи, прозванные адулламитами, постоянно утверждали въ парламентѣ, что рабочіе, вообще, равнодушно относятся къ вопросу о реформѣ, но масса организацій, распространившихся теперь въ англійскомъ народѣ, поставила себѣ цѣлью доказать міру противное. Лиги реформы, союзы реформы и т. п. ассоціаціи выросли, точно грибы, и ежедневно устраивались грандіозные народные митинги, чтобы доказать, какъ велики въ народѣ желанія реформы. Самый грандіозный изъ всѣхъ митинговъ подобнаго рода состоялся

въ Гайдъ-паркѣ. Полиція запретила его и расклеила объ этомъ извѣщеніе, но президентъ лиги реформы, довольно извѣстный адвокатъ, Эдмондъ Бильсъ, объявилъ, что власти поступили незаконно, запрещая собраніе, и поэтому стотысячная толпа, со знаменами и плакатами, отправилась процессіей въ Гайдъ-паркъ. Однако, по распоряженію министра, ворота парка были заперты. Толпа, своимъ натискомъ, поломала чугунныя рѣшетки и хлынула въ паркъ, гдѣ и состоялся митингъ безъ всякой дальнѣйшей помѣхи со стороны полиціи. Въ сущности, однако, никакого возмущенія и никакихъ беспорядковъ не было, но министерство было встревожено этою демонстраціей и, несомнѣнно, она содѣйствовала тому, что Дизраели рѣшилъ представить, наконецъ, билль о реформѣ, тѣмъ болѣе, что движеніе захватывало все большіе и большіе районы; въ Бирмингэмѣ, напр., происходили демонстраціи, въ которыхъ участвовало до 250,000 человекъ. Убѣдившись, что откладывать реформу было бы даже опасно, Дизраели изложилъ парламенту основы своего новаго билля, но его проектъ не удовлетворилъ никого, и тогда Дизраели объявилъ, что правительство внесетъ другой проектъ реформы. Трое недовольныхъ министровъ вышли въ отставку, но тѣмъ не менѣе билль о реформѣ былъ принятъ и, благодаря многочисленнымъ поправкамъ, внесеннымъ Гладстономъ, онъ оказался гораздо либеральнѣе того, который былъ представленъ раньше либеральнымъ министерствомъ Русселя и провалился, вслѣдствіе сильной оппозиціи консервативной партіи въ связи съ нѣкоторыми либералами. Новая реформа увеличила число избирателей въ графствахъ на 50⁰/₀, въ городахъ же на 200⁰/₀, и, благодаря ей, большинство рабочихъ стали избирателями, и въ Англіи установился демократическій порядокъ.

Избирательная реформа 1867 года, названная лордомъ Дэрби «скачкомъ въ темноту», существеннымъ образомъ измѣнила условія политической жизни страны. Число избирателей настолько увеличилось, что никакой магнатъ, желавшій держать въ своихъ рукахъ округъ, не могъ бы подкупить ихъ. Въ городахъ и пригородахъ рабочіе составляли большинство. «Народъ получилъ право, сказалъ одинъ изъ депутатовъ, и теперь мы должны позаботиться о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, воспитать своихъ новыхъ господъ».

Консервативное министерство, хотя и съ трудомъ, но продержалось, все-таки, до объявленія общихъ выборовъ, которые произошли по новымъ правиламъ и дали либеральное большинство. Гладстону пришлось приэтомъ снова перекочевать въ другой округъ. Въ прежнемъ округѣ его политику не находили слишкомъ радикальной, и поэтому онъ перешелъ въ другой, болѣе демократическій, гдѣ наибольшее число избирателей составляли рабочіе, съ энтузіазмомъ поддерживавшіе его кандидатуру.

Результаты выборовъ заставили, конечно, консервативное министерство выйти въ отставку. Составленіе новаго министерства было поручено Гладстону, который и сдѣлался первымъ министромъ, сохраняя свое прежнее мѣсто вождя палаты общинъ.

Въ этотъ періодъ своей дѣятельности Гладстонъ рѣшилъ серьезно заняться Ирландіей, которая давно уже привлекала его вниманіе. Послѣ страшнаго картофельнаго голода 1848 года и притѣсненій, вызвавшихъ усиленную эмиграцію, ирландцы временно притихли и не принимали никакого участія въ политической жизни Англій. Но мало-по-малу началось движеніе, образовалась новая національная партія, которая вскорѣ приняла форму тайнаго общества, со всѣми его атрибутами, и заимствовала свое названіе «феніевъ» изъ легендарной исторіи Ирландіи. Феніи начали усиленную агитацію; они хотѣли вызвать возстаніе въ Ирландіи и учредить республику. Ирландское населеніе втайнѣ сочувствовало движенію и поддерживало его. Въ Англій всполошились, и приняты были экстренныя мѣры противъ заговорщиковъ, въ особенности послѣ того, какъ распространилось извѣстіе, что въ Манчестерѣ феніи, среди бѣлаго дня, остановили карету, въ которой везли двухъ арестованныхъ феніанскихъ вождей, и освободили ихъ. Конечно, такая неслыханная дерзость феніевъ вызвала сильнѣйшее негодованіе въ англійскомъ правительствѣ, и вновь начались репрессаліи. Но это-то и заставило Гладстона особенно заняться Ирландіей. Онъ, однако, ничуть не стоялъ за отмѣну репрессивныхъ мѣръ противъ ирландскихъ революціонеровъ, но настаивалъ на необходимости произвести реформы, которыя могли бы умиротворить и успокоить сельское населеніе Ирландіи, а также католическое духовенство. На этомъ

основаніи онъ и предложилъ двѣ реформы: одна касалась ирландской церкви, другая — ирландскихъ крестьянъ. Гладстонъ, несмотря на свои клерикальныя воззрѣнія, на свою приверженность къ англиканской церкви, считалъ, какъ государственный человекъ, безусловно необходимой отмѣну ирландской государственной церкви, въ виду того, что $\frac{9}{10}$ ирландскаго населенія католики, и, слѣдовательно, несправедливо заставлятъ это населеніе нести повинности въ пользу англиканской церкви.

Другая реформа заключалась въ томъ, что землевладелецъ лишенъ былъ права выселять своихъ арендаторовъ, не вознаградивъ ихъ за сдѣланныя ими затраты для улучшения земли. Но, къ сожалѣнію, эта мѣра оказалась мало дѣйствительной, такъ какъ собственникъ земли могъ широко пользоваться своимъ правомъ свободно заключать арендныя условія на землю и въ состояніи былъ, такимъ образомъ, оказывать давленіе на своихъ арендаторовъ и заставлятъ ихъ отказываться отъ той выгоды, которую доставлялъ имъ новый законъ.

Въ одной изъ своихъ рѣчей, во время избирательной комиссіи, Гладстонъ выразился образно про Ирландію, что «ея затемняетъ дерево Уносъ», причѣмъ три главныя вѣтви этого дерева, заслоняющія свѣтъ, это: государственная церковь, система землевладѣнія и система народнаго образованія. Надо срубить эти вѣтви, чтобы дать доступъ свѣжему воздуху и свѣту! Гладстонъ и приступилъ къ этой операціи, когда оказался во главѣ министерства. Сначала онъ срубилъ первую вѣтвь, потомъ вторую, но, какъ мы только что сказали, — не совсѣмъ удачно, такъ какъ это были полумѣры. Съ третьей вѣтвью онъ думалъ справиться, вводя принципъ всеобщаго обязательнаго начальнаго обученія. Не останавливаясь на полдорогѣ, Гладстонъ провелъ еще нѣкоторыя очень важныя реформы; къ числу ихъ принадлежатъ введеніе тайной баллотировки на выборахъ и отмѣна покупки мѣстъ въ арміи. Разумѣется, всѣ эти реформы, быстро слѣдовавшія одна за другой и затрогивавшія интересы разныхъ лицъ, увеличивали число противниковъ Гладстона. Дизраели и его партія ожесточенно боролись противъ прогрессивныхъ стремленій Гладстона, но особенно сильный гнѣвъ возбудили ирландская церков-

ная реформа и отмѣна покупокъ высшихъ должностей въ арміи.

Приверженцы государственной церкви поносили Гладстона вездѣ, гдѣ было можно: съ кафедры проповѣдниковъ, на митингахъ и разныхъ общественныхъ собраніяхъ. Его называли отвратительнымъ безбожникомъ, измѣнникомъ страны, а его правительство — «Кабинетомъ разбойниковъ». Всѣ такія выходки не могли, конечно, поколебать Гладстона и сбить его съ позиціи, но популярность его, все-таки, страдала. Онъ вредилъ себѣ также и тѣмъ, что всегда держался поодаль отъ своихъ коллегъ въ палатѣ общинъ, строго отдѣляя дружескія отношенія отъ служебныхъ. Онъ былъ очень любезенъ и доступенъ въ официальныхъ отношеніяхъ, но не находилъ нужнымъ водить близкое знакомство и дружбу съ людьми только потому, что они были его коллегами, поэтому ограничивался лишь одними дѣловыми сношеніями. На него постоянно обижались за это. Никто изъ членовъ его кабинета не бывалъ приглашенъ къ нему, какъ знакомый, а только, какъ членъ либеральной партіи, когда у Гладстона назначалось собраніе ея представителей. Вообще про Гладстона говорили, что онъ понималъ «человѣка», но совершенно не понималъ людей, и многіе изъ его послѣдователей въ палатѣ общинъ, жертвовавшіе иногда деньгами, временемъ, здоровьемъ и даже своими взглядами для поддержанія его правительства, бывали разобижены тѣмъ, что Гладстонъ совершенно игнорировалъ ихъ присутствіе въ кулуарахъ палаты, а если бывалъ вынужденъ говорить съ ними, то непременно перепутывалъ ихъ имена. Если это могло оттолкнуть отъ него серьезныхъ либераловъ, то что же говорить о тори, которые вообще не могли его выносить, такъ какъ «этотъ ужасный реформаторъ посягалъ на ихъ самыя священныя привилегіи». Такимъ образомъ, Гладстонъ мало-по-малу возстановилъ противъ себя членовъ даже своей партіи, утомленныхъ слишкомъ быстрою скачкою за реформами и находившихъ, что онъ не даетъ даже перевести духъ никому, понуждая двигаться все впередъ и впередъ по пути прогресса. Но, страннымъ образомъ, самыми яркими врагами Гладстона — единственного англійскаго министра, котораго можно было назвать истиннымъ христіаниномъ и преданнымъ сыномъ церкви, было именно духовен-

ство, не могущее простить ему его церковныхъ мѣропріятій въ Ирландіи и учрежденія свѣтскихъ школъ.

Чрезмѣрная серьезность, которая составляла отличительную черту Гладстона, также не могла содѣйствовать привлеченію къ нему сторонниковъ, но онъ былъ такъ поглощенъ своею реформаторскою дѣятельностью, что не замѣчалъ сначала ни того, что наживалъ себѣ враговъ, ни того, что въ публикѣ начали обнаруживаться признаки утомленія. Наступила неизбежная реакція, а тутъ еще присоединились нѣкоторые вопросы иностранной политики, которые сильно повредили Гладстону. Вообще иностранная политика была у него всегда на второмъ планѣ, а если ему приходилось, волей-неволей, заниматься вопросами международной политики, то онъ, опять-таки, относился къ нимъ «слишкомъ честно», не допуская никакихъ уловокъ, которыя противорѣчили бы его искренней натурѣ, и не пытаясь провести никого насчетъ своихъ взглядовъ и намѣреній. Поэтому онъ не сталъ возставать противъ нарушенія Россіей стѣснительныхъ для нея условій парижскаго трактата, воспрепятствующихъ ей имѣть флотъ на Черномъ морѣ, и, конечно, это навлекло на Гладстона обвиненія въ недостатокѣ патриотизма, также какъ и то, что онъ согласился принять рѣшеніе третейскаго суда по дѣлу объ американскомъ крейсере «Алабама», присудившаго Англію къ уплатѣ вознагражденія Соединеннымъ Штатамъ за тѣ убытки, которые этотъ крейсеръ, спущенный съ англійскихъ верфей во время войны, причинилъ американской торговлѣ. Обращеніе къ третейскому суду, конечно, представляло очень смѣлое нововведеніе въ международной политикѣ и только усилило реакцію противъ реформы. Признакомъ сильнаго упадка популярности Гладстона можетъ служить демонстрація, которую ему устроили нѣкоторые изъ его избирателей. Они организовали митингъ, съ цѣлью потребовать отъ Гладстона выхода въ отставку. Какъ только Гладстонъ провѣдалъ объ этомъ, то въ немъ, несмотря на шестидесятилѣтній возрастъ (который, впрочемъ, никакъ нельзя было ему дать по виду), вспыхнула непобѣдимая энергія, и онъ пошелъ на проломъ. Явившись на митингъ, на который собралась шумная, двадцатитысячная толпа его недовольныхъ избирателей, Гладстонъ сталъ говорить и краснорѣчиво защищать шагъ за

шагомъ свою прогрессивную политику послѣднихъ пяти лѣтъ. Въ началѣ его встрѣтили свистомъ, криками, но потомъ его убѣдительно краснорѣчіе, его рѣшительность подѣйствовали; его стали слушать внимательно, число протестующихъ все уменьшалось, и кончилось тѣмъ, что Гладстону была устроена восторженная овація.

Но эта побѣда не спасла его министерства отъ неизбежнаго паденія, и когда Гладстонъ внесъ билль о самостоятельной организаціи ирландскаго университета въ Дублинѣ, для того, чтобы онъ могъ конкурировать съ другими высшими учебными заведениями Англій, то чаша терпѣнія его сторонниковъ переполнилась. Билль былъ отвергнутъ, и Гладстонъ рѣшилъ выйти въ отставку.

Королева обратилась къ Дизраели, но хитрый «Дизи», какъ его называли, отказался управлять страной при такомъ парламентѣ, въ которомъ было либеральное большинство. Гладстонъ, волей-неволей, долженъ былъ остаться первымъ министромъ еще около года, до выборовъ. Онъ остался неохотно; онъ усталъ отъ чрезмѣрной работы, здоровье его разстроилось, и онъ чувствовалъ себя разочарованнымъ. Онъ видѣлъ, что либеральный режимъ едва держится на ногахъ, и поэтому рѣшилъ ускорить его паденіе, распустивъ парламентъ. Это было неожиданностью для всѣхъ и вызвало, какъ всегда, самыя различныя сужденія. Одни Гладстона обвиняли, другіе оправдывали, но обвинителей, все же, было больше. Самъ же Гладстонъ, въ декретѣ, объявляющемъ о распущеніи, очень подробно излагалъ причины своего рѣшенія и называлъ главнымъ поводомъ паденіе своего авторитета такъ низко, что онъ уже болѣе не имѣетъ возможности продолжать свою дѣятельность на защиту общественныхъ интересовъ.

Такимъ образомъ либеральное правительство, ознаменовавшее свое краткое существованіе цѣлымъ рядомъ реформъ, кореннымъ образомъ измѣнившихъ многія условія англійской политической жизни, рушилось также внезапно, какъ французская имперія. Лихорадочная быстрота, съ которою совершались реформы, подточила его силы, какъ подтачиваетъ силы организма какая-нибудь острая лихорадочная болѣзнь. На выборахъ большинство оказалось на сторонѣ торіевъ, и Гладстонъ немедленно вышелъ въ отставку.

Разочарованіе, которое онъ испытывалъ, вѣроятно, и было причиною того, что онъ рѣшилъ вообще сойти съ политической сцены и удалиться отъ дѣлъ. Онъ говорилъ, что послѣ 60-ти лѣтъ ни одному министру не удавалось совершить что-нибудь великое. Однако, его дѣятельная и сильная натура не могла примириться съ насильственнымъ спокойствіемъ, и выборная горячка, все-таки, увлекла его до такой степени, что даже друзья недоумѣвали, а противники находили, конечно, что онъ забываетъ собственное достоинство, бѣгая такъ изъ одного мѣста въ другое и вездѣ ораторствуя, «гдѣ только можно найти пустую бочку, на которую можно влѣзть!»

Но когда, на выборахъ, онъ оказался стоящимъ ниже какого-то водочнаго заводчика, а его товарищи по кабинету даже и совѣмъ не были выбраны, то уязвленный Гладстонъ написалъ официальное письмо, въ которомъ слагалъ съ себя отвѣтственность вождя партіи и объявлялъ о своемъ удаленіи отъ дѣлъ.

Это письмо произвело большой переполохъ среди его партіи. Когда Гладстонъ стоялъ во главѣ, то большинство либераловъ было недовольно имъ, взводило на него разныя обвиненія и своею оппозиціей содѣйствовало его паденію. Теперь же, когда онъ сошелъ со сцены, всѣ поняли, что теряютъ въ немъ, но, не желая, конечно, сознать свою вину, съ жаромъ напали на Гладстона за то будто бы, что онъ покинулъ свою партію въ самое трудное время. Они оказались въ положеніи стада, лишеннаго пастуха и притомъ окруженнаго «готовыми поглотить ихъ волками торизма».

Однако, какъ ни твердо рѣшилъ Гладстонъ удалиться отъ дѣлъ, онъ не могъ, все-таки, удержаться, чтобы не принять участія въ преніяхъ, касающихся церковныхъ и теологическихъ вопросовъ, и снова, съ жаромъ, ринулся въ борьбу, писалъ памфлеты, защищающіе религіозную свободу, и произносилъ рѣчи. Но другого, болѣе активнаго участія въ политикѣ онъ не принималъ и большую часть времени проводилъ въ своемъ имѣніи, въ Говарденѣ, изучая различныя теологическіе вопросы, читая Гомера, а въ промежуткахъ, въ видѣ отдыха и ради упражненія своихъ физическихъ силъ, рубилъ деревья въ своемъ паркѣ.

Прошло два года. Въ это время консервативное министерство Дизраели мало-по-малу обнаруживало свои главныя тенденціи. Внутреннее законодательство не было на первомъ планѣ у Дизраели, его привлекала внѣшняя политика и честолюбивыя имперіалистскія стремленія. Въ палатѣ общинъ у него не было больше ни одного соперника, краснорѣчіе котораго могло бы быть для него опасно, такъ какъ Гладстонъ не принималъ участія въ активной политикѣ, а Брайтъ былъ боленъ. Идеи имперіализма начали пріобрѣтать почву въ англійскомъ обществѣ. Энтузіасты консервативной партіи съ напыщенной гордостью говорили о томъ, что будетъ сдѣлано министерствомъ Дизраели. Мирная эра реформъ приходила къ концу, и принципъ невмѣшательства въ международную политикѣ былъ признанъ вреднымъ для престижа британской политики, и каждый, кто только осмѣливался возражать противъ того, что британское вліяніе должно быть господствующимъ въ Европѣ и Азіи, тотчасъ же навлекалъ на себя обвиненіе, что онъ «плохой англичанинъ, космополитъ, членъ общества мира, приверженецъ Кобдена, сторонникъ невмѣшательства и чуть ли не измѣнникъ отечества»!

Многіе изъ серьезныхъ и вдумчивыхъ политиковъ этого періода не раздѣляли, однако, такихъ имперіалистскихъ увлеченій, но общественное теченіе было сильнѣе ихъ. Дизраели всячески старался доказать, что нейтральная политика Гладстона и его дѣйствія въ международныхъ отношеніяхъ компрометировали честь Англій, и что необходимо вернуться къ воинственной политикѣ. Либералы высказывались, какъ всегда, противъ колоній, обременявшихъ бюджетъ, и стояли за ихъ отдѣленіе, Дизраели же, наоборотъ, старался укрѣпить связь между колоніями и Англійей и добивался торговой и военной федераціи. Ему удалось, хотя и съ трудомъ, провести въ палатѣ билль о новомъ титулѣ королевы, которая была провозглашена «Императрицею Индіи», и такимъ образомъ имперіализмъ получилъ уже официальную санкцію.

Все эти дѣйствія кабинета Дизраели, которыхъ Гладстонъ не могъ, конечно, одобрять, не могли, однако, заставить его покинуть свою сдержанность и принять активное участіе въ дебатахъ. Для этого нуженъ былъ болѣе сильный

стимуль, и такимъ стимуломъ явилось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, когда въ печать проникли слухи о совершаемыхъ Турціей звѣрствахъ. Гладстонъ встрепенулся, въ особенности послѣ того, какъ Дизраели отнесся съ циническою усмѣшкой къ ужасающимъ фактамъ избіенія балканскихъ христіанъ, называя всѣ рассказы объ этомъ «бабьими сплетнями», причемъ шутливо замѣтилъ, что въ Турціи вовсе не считается жестокою сажаніе на колъ и что, слѣдовательно, все зависитъ отъ точки зрѣнія!

Это было лѣтомъ 1876 г. Въ августѣ же Дизраели пересталъ быть просто «мистеромъ Дизраели» и сдѣлался лордомъ Биконсфильдомъ, а въ сентябрѣ Гладстонъ выпустилъ свою знаменитую брошюру о болгарскихъ звѣрствахъ и восточномъ вопросѣ.

Гладстонъ не могъ оставаться спокойнымъ, либеральная партія была также недовольна медлительностью и апатіей лорда Гартингтона, заступившаго мѣсто Гладстона въ качествѣ лидера партіи, и обращала взоры въ сторону своего прежняго вождя. Гладстонъ былъ возмущенъ поведеніемъ правительства Биконсфильда. Кромѣ гуманнаго чувства и уваженія къ свободѣ, которое всегда было сильно у Гладстона, его религіозное чувство страдало отъ того, что «такая антихристіанская держава, какъ Турція, представляющая антитезу свободы и гуманности, занимаетъ мѣсто, которое ей не подобаешь занимать среди христіанскихъ государствъ». Онъ находилъ въ высшей степени несправедливымъ и противнымъ идеѣ гуманности и свободы, чтобы Англія поддерживала притѣснительницу христіанъ, Турцію, поэтому, вполне естественно, что, несмотря на свои годы, онъ ринулся въ агитацію со всею пылкостью своего темперамента, устраивалъ митинги негодованія, произносилъ рѣчи, писалъ безчисленныя статьи и открытыя письма въ газетахъ—словомъ, дѣлалъ все, чтобы вызвать движеніе общественнаго мнѣнія. Это удалось ему, но не къ своей выгодѣ. Общественное мнѣніе было возстановлено противъ него, такъ какъ онъ не желалъ дѣлать ему никакихъ уступокъ, не шелъ ни на какіе компромиссы и дѣйствовалъ, какъ всегда, искренно и прямо. Лордъ Биконсфильдъ, составлявшій во всемъ противоположность Гладстону, умѣлъ лучше его обойти общественное мнѣніе, ослѣпить его блескомъ величія импе-

рїи и напугать разными призраками, въ родѣ, напр., посягательства Россїи на гегемонїю и т. д. Поэтому печать и общественное мнѣніе были на сторонѣ лорда Биконсфильда, такъ «высоко держащаго знамя имперїи». Ни одна большая газета, за исключенїемъ «Daily News», дорожающая своею репутаціей, не рѣшалась высказаться противъ политики Биконсфильда. Только дешевыя газеты, распространенныя среди рабочаго населенїя, поддерживали, быть можетъ, другую точку зрѣнїя да въ провинціи еще либерализмъ не совсѣмъ потерялъ свое значенїе, но въ лондонскомъ обществѣ воцарились другїе взгляды, и однажды, въ Лондонѣ, проѣзжая по улицѣ со своею женой, Гладстонъ долженъ былъ искать убѣжища у одного прїятеля, чтобы не подвергнуться нападенїю разъяренной толпы. Это, однако, не остановило его, и онъ продолжалъ свою борьбу противъ имперіалистскихъ тенденцій Биконсфильда. Когда Биконсфильдъ съ триумфомъ вернулся вмѣстѣ съ маркизомъ Сольсбѣри, съ берлинскаго конгресса, то Гладстонъ, нисколько не колеблясь, разоблачилъ всѣ нечестыя продѣлки уполномоченныхъ министровъ на этомъ конгрессѣ и продолжалъ всюду протестовать противъ шовинистской политики правительства.

Въ то время, какъ правительство Дизраели было исключительно поглощено вопросами международной политики и стремленїемъ увеличить внѣшній блескъ британской имперїи, неурядицы въ Ирландїи все усиливались. Ирландскїй вопросъ, который періодически выдвигался на сцену, все еще не былъ разрѣшенъ. Англїйское правительство занималось ирландцами обыкновенно только тогда, когда бѣдствїя доводили ихъ до отчаянїя и заставляли прибѣгать къ манифестаціямъ, но какъ только ирландцы успокаивались, то въ Англїи о нихъ какъ будто забывали. При Биконсфильдѣ было то же самое: какъ ни старались нѣкоторые изъ депутатовъ обратить вниманїе консервативнаго правительства на положенїе дѣлъ въ Ирландїи, никто и слушать ничего не хотѣлъ; восточный вопросъ, афганская война и т. п. поглощали всеобщее вниманїе, между тѣмъ, въ Ирландїи образовалась новая оппозиціонная партїя гомрулеровъ, во главѣ которой сталъ Парнелль, и эта партїя, благодаря своей новой парламентской тактикѣ, приобрѣла рѣшительное вліяніе на внутреннюю политику страны.

Однако, и для консервативнаго министерства вскорѣ настали темные дни, и звѣзды его начали близиться къ закату. Бѣдствія ирландскаго населенія все увеличивались, вслѣдствіе цѣлаго ряда неурожайныхъ годовъ и повального выселенія фермеровъ, тысячи семействъ ирландскихъ крестьянъ остались не только безъ куска хлѣба, но и безъ крова, консервативное правительство своими мѣрами только раздувало ирландскую агитацію. При такихъ условіяхъ, вызывавшихъ сильное возбужденіе умовъ, былъ распущенъ парламентъ въ 1880 году, и начались общіе выборы, въ которыхъ Гладстонъ принялъ уже самое горячее участіе.

На выборахъ былъ поставленъ вопросъ о внѣшней политики Биконсфильда, а ирландскія дѣла отодвинуты на задній планъ. Биконсфильдъ, въ своемъ избирательномъ манифестѣ, обвинялъ либеральную партію въ томъ, что она придерживалась такой политики, которая должна была привести къ уничтоженію всемірнаго могущества и величія Англіи. Тѣмъ не менѣе, консерваторы потерпѣли поражение, вслѣдствіе того, что населеніе, рабочіе и крестьяне, не придавали такого значенія блеску внѣшней политики и были недовольны правительствомъ изъ-за того, что военные расходы ложились тяжелымъ бременемъ на страну и усиливали бѣдственное положеніе тѣхъ провинцій, и въ особенности Ирландіи, которыя пострадали отъ неурожая.

Гладстонъ поставилъ на выборахъ свою кандидатуру въ шотландскомъ округѣ Мидлотіанѣ. Эта мидлотіанская кампанія сдѣлалась знаменитой въ исторіи парламентскихъ выборовъ въ Англіи, такъ какъ ни одинъ кандидатъ не произнесъ такого количества рѣчей, не присутствовалъ на такомъ невѣроятномъ количествѣ митинговъ, какъ Гладстонъ, поѣздка котораго въ Мидлотіанъ была настоящимъ триумфомъ.

Какъ только большинство оказалось на сторонѣ либераловъ, Биконсфильдъ, конечно, тотчасъ же подалъ въ отставку. Королева пробовала, было, сначала обратиться къ лорду Гартингтону, потомъ къ лорду Гранвиллю, такъ какъ, очевидно, ей не хотѣлось, чтобы Гладстонъ занялъ мѣсто Биконсфильда, но такъ какъ ни Гартингтонъ, ни Гранвилль не могли образовать кабинета, то волей-неволей, пришлось послать за Гладстономъ. И Гладстонъ во второй разъ сдѣлался первымъ министромъ.

Новый кабинетъ очутился лицомъ къ лицу съ очень трудной задачей успокоенія Ирландіи. Гладстонъ, со свойственною ему добросовѣтностью принялся за дѣло, но роковая судьба его заключалась именно въ томъ, что своею прямою и честностью онъ ухитрился наживать враговъ съ обѣихъ сторонъ. Его попытки аграрной реформы въ Ирландіи возстановили противъ него общественное мнѣніе Англіи, а ирландскій народъ вознегодовалъ на него за мѣры строгости, при помощи которыхъ онъ пытался возстановить соціальный порядокъ въ Ирландіи и прекратить аграрныя преступленія. Однимъ словомъ, онъ не угодилъ ни тѣмъ ни другимъ.

При открытіи парламентской сессіи произошелъ одинъ эпизодъ, который вызвалъ довольно большой шумъ въ англійскомъ обществѣ. На выборахъ 1880 года депутатомъ радикальной партіи былъ избранъ одинъ изъ видныхъ политическихъ дѣятелей, нѣкто Чарльзъ Брэдло, президентъ свободомыслящаго общества, извѣстнаго подъ именемъ «Secular Society» (Общество мірянъ). Это былъ человѣкъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ среди низшихъ классовъ, но имѣвшій репутацію атеиста, которая была присвоена ему еще тогда, когда онъ, будучи совсѣмъ юношей, вздумалъ, было, сравнивать катихезисъ англиканской церкви съ евангельскимъ ученіемъ и, смутившись противорѣчіями, на которыя онъ натолкнулся въ ученіи церкви, обратился къ епископу съ весьма почтительнымъ вопросомъ, въ которомъ, указывая на эти противорѣчія, просилъ его разъяснить ему его недоумѣнія. Разумѣется, епископъ былъ возмущенъ такою дерзостью молодого человѣка, занимавшаго къ тому же мѣсто помощника учителя въ воскресной школѣ, и тотчасъ же написалъ отцу Брэдло письмо, въ которомъ называлъ его сына атеистомъ и отставлялъ его отъ должности.

Бѣдному Брэдло не стало житья дома послѣ этого, и онъ бѣжалъ къ одному своему пріятелю и вмѣстѣ съ нимъ принялъ участіе въ чартистскомъ движеніи. Вскорѣ онъ и самъ сдѣлался ораторомъ, и имя его приобрѣло огромную популярность среди рабочихъ.

Чувствуя огромные пробѣлы въ своемъ образованіи, Брэдло энергично старался пополнить ихъ, но такъ какъ ему нужно было, въ то же время, думать и о кускѣ хлѣба,

то онъ днемъ продавалъ уголь, а вечеромъ занимался языками и много читалъ; но нужда до такой степени угнетала его, что онъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, наняться въ военную службу и поступилъ въ драгунскій полкъ, стоявшій въ Ирландіи. Тамъ онъ пробылъ три года и вернувшись, пристроился, наконецъ, къ одному адвокату и началъ писать статьи, брошюры и говорить рѣчи на митингахъ. Подъ статьями онъ подписывался псевдонимомъ «Иконоборецъ». Кромѣ того, онъ устраивалъ публичные лекціи для рабочихъ и велъ богословскія пренія, которыя доставили ему громкую извѣстность. Во время Американской войны онъ выступилъ горячимъ защитникомъ сѣверянъ и принималъ самое дѣятельное и энергичное участіе въ агитаціи въ пользу билля о реформѣ. Вліяніе его на толпу было громадно. Когда онъ говорилъ, то въ залѣ или на открытомъ воздухѣ, гдѣ собиралась тысячная толпа, чтобы его слушать, царило гробовое молчаніе, а когда онъ умолкалъ, то энтузіазмъ толпы не зналъ границъ. Разсказываютъ слѣдующій случай: въ 1870 году Брэдло организовалъ рядъ публичныхъ митинговъ въ защиту Франціи и на первомъ митингѣ, на который собралась масса народа, зала вдругъ погрузилась въ темноту, такъ какъ вездѣ по какой-то неизвѣстной причинѣ погасли газовые рожки. Это конечно, перепугало публику, всѣ повскакали со своихъ мѣстъ и, вѣроятно, наступила бы паника со всѣми ея страшными послѣдствіями, еслибъ не вмѣшательство Брэдло. Онъ крикнулъ: «пропустите меня впередъ!» и пробравшись сквозь толпу къ эстрадѣ, взошелъ на нее и началъ говорить свою рѣчь. Толпа, узнавъ его голосъ, моментально успокоилась и тотчасъ же разразилась громкими аплодисментами. Брэдло просилъ всѣхъ оставаться на своихъ мѣстахъ, и толпа повиновалась, хотя зала освѣтилась лишь спустя четверть часа послѣ того, какъ онъ началъ свою рѣчь.

Таковъ былъ человекъ, который впервые попалъ въ парламентъ при второмъ министерствѣ Гладстона. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ сторонники добивались его побѣды на выборахъ и вели для этого упорную борьбу. Но насколько Брэдло пользовался популярностью среди бѣдняковъ, называвшихъ его «Our Charlie», и смотрѣвшихъ на него, какъ на своего защитника, настолько сильна была гражда

къ нему среди другихъ классовъ населенія и сторонниковъ консервативной партіи, въ особенности же среди приверженцевъ церкви. Когда, наконецъ, онъ былъ избранъ въ Нортгэмптонъ, то громадная толпа народа провожала его на станцію, и повсюду раздавались крики: «Нашъ Чарли! Нашъ Чарли! Мы добились тебя и теперь ужъ не выпустимъ». Однако, Брэдло хотя и былъ избранъ, но еще не засѣдалъ въ парламентъ и, чтобы попасть туда, ему надо было выполнить одну неизбѣжную формальность—принести присягу, которую онъ отвергалъ, какъ членъ свободомыслящаго общества. На это именно и рассчитывали его враги, предполагавшіе, что онъ откажется отъ присяги и будетъ исключенъ изъ парламента.

Брэдло, смотрѣвшій на присягу, какъ на простую обязательную формальность, даже готовъ былъ исполнить ее, но такъ какъ уже нѣсколько десятилѣтій парламентомъ была допущена, для депутатовъ, принадлежащихъ къ сектамъ, отвергающимъ присягу, замѣна присяги торжественнымъ общаніемъ (affirmation), то Брэдло потребовалъ для себя этой льготы. Произошли пренія въ палатѣ, и была выбрана особая комиссія для рѣшенія этого вопроса; она рѣшила его противъ Брэдло. Тогда онъ заявилъ, что готовъ принести присягу, такъ какъ его совѣсть разрѣшаетъ ему сдѣлать это, разъ неизбѣжна формальность, безъ которой онъ не могъ выполнить свои полномочія. Палата, выслушавъ такое откровенное заявленіе съ его стороны, отказала ему въ присягѣ, какъ отказала раньше въ правѣ воспользоваться льготою, разрѣшающею отъ присяги.

Дѣло грозило принять серьезный оборотъ. Брэдло однако, не хотѣлъ уступить и настаивалъ на своемъ правѣ. Опять избрана была комиссія и опять отказала ему. Тогда Брэдло произнесъ рѣчь, которая произвела такое сильное впечатлѣніе, что ее нѣсколько разъ прерывали аплодисментами, несмотря на враждебное настроеніе, господствовавшее въ парламентѣ.

Но краснорѣчіе Брэдло, все-таки, не помогло. Палата настаивала на исключеніи его изъ списка депутатовъ, а Брэдло наотрѣзъ отказался подчиниться ей и объявилъ, что только сила заставитъ его покинуть его законное мѣсто въ палатѣ. Тогда спикеръ (президентъ палаты) рѣшилъ, по

предложенію лидера консерваторовъ, примѣнить силу, и Брэдло былъ взятъ подъ стражу. Этотъ эпизодъ, однако, несмотря на свой драматическій характеръ, не лишенъ былъ все же нѣкотораго комическаго элемента. Представителемъ силы, которая должна была сломить Брэдло, былъ маленькій капитанъ, почти карликъ по росту, а Брэдло былъ гигантъ и обладалъ незаурядною физическою силой. Но Брэдло покорно послѣдовалъ за маленькимъ капитаномъ, когда тотъ объявилъ ему, что арестуетъ его.

На слѣдующій же день Брэдло былъ выпущенъ на свободу, потому что палатѣ было несовѣмъ удобно держать его долго подъ арестомъ, ибо, въ сущности, по закону онъ былъ правъ. Тогда начались волненія, устраивались митинги, проносились рѣчи, и въ движеніи приняли участіе разныя ассоціаціи. Между прочимъ къ движенію присоединились Джонъ Брайтъ и Гладстонъ, который, со свойственною ему честностью, поддержалъ принципъ свободы совѣсти, хотя, конечно, Брэдло, какъ врагъ англиканской церкви и атеистъ, не могъ быть ему симпатиченъ. Благодаря посредничеству Гладстона, палата уступила, и Брэдло получилъ разрѣшеніе воспользоваться льготою, освобождающею отъ присяги.

Между тѣмъ, положеніе Англійи становилось все болѣе и болѣе запутаннымъ. Репрессивныя мѣры противъ членовъ аграрной лиги не приводили ни къ чему и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ агитаціи, арестовъ, процессовъ и т. п., министерство рѣшило, наконецъ, заключить перемиріе и вступило въ сношенія съ вожаками ирландской партіи, которые были посажены въ тюрьму, въ Кальмангэмъ. Тамъ и состоялся такъ называемый «кальмангэмскій договоръ». Заключенные были выпущены на свободу, и министерство обѣщало провести законодательнымъ путемъ нѣкоторыя реформы въ Ирландіи. Однако, партія непримиримыхъ, добываясь вооруженнаго возстанія и полного разрыва съ Англійей, продолжала борьбу. Были совершены убійства, и Гладстонъ снова ввелъ въ Ирландіи исключительный режимъ. Но рядомъ съ этимъ онъ продолжалъ настаивать въ парламентѣ на мѣрахъ, которыя могли бы умиротворить Ирландію, хотя всякая его попытка въ этомъ направленіи разбивалась объ упорное сопротивленіе палаты лордовъ. Онъ хотѣлъ, напр., ограничить власть землевладѣльцевъ въ отношеніи высе-

денія фермеровъ за неплатежъ арендной платы, обыкновенно несоразмѣрно высокой, но это не удалось ему, благодаря сопротивленію палаты лордовъ. Онъ рѣшилъ, впрочемъ, непременно добиться принятія аграрнаго билля, который долженъ былъ улучшить положеніе ирландскихъ крестьянъ, но раньше хотѣлъ возстановить въ Ирландіи порядокъ и поэтому провелъ въ палатѣ спеціальнѣйшій законъ, надѣляющій ирландскую администрацію большою властью и понижающій свободу Ирландіи. Это было самою крупною ошибкой Гладстона, такъ какъ, разумѣется, исключительные законы никого не утрашили, а между тѣмъ Ирландія, гдѣ воцарился произволъ англійской власти, заволновалась еще сильнѣе.

Конечно, ирландскіе депутаты всѣми силами противились принятію билля, вводящаго исключительные законы въ Ирландіи, и примѣнили съ этою цѣлью обструкцію, которая затянула пренія, продолжавшіяся 42 часа подрядъ при первомъ чтеніи билля. Обструкція, однако, не помогла и, хотя она затянула пренія на цѣлыхъ 12 засѣданій, но билль, все-таки, былъ принятъ палатой, а затѣмъ приступлено къ обсужденію аграрнаго билля, который, послѣ упорной борьбы съ палатою лордовъ, вынудившей-таки Гладстона сдѣлать въ немъ нѣкоторые измѣненія, былъ окончательно вотированъ.

Положеніе Ирландіи, однако, было не таково, чтобы ее могли удовлетворить подобныя полумѣры. Броженіе продолжалось, и на этомъ основаніи палата лордовъ сочла нужнымъ назначить комиссію для изслѣдованія результатовъ аграрнаго закона въ Ирландіи. Тутъ-то и произошло серьезное столкновение между Гладстономъ и верхнею палатой. Гладстонъ находилъ дѣйствія верхней палаты незаконными и заявилъ, что подобная комиссія, назначенная землевладѣльцами и имѣющая въ виду лишь ихъ интересы, могла только сильнѣе раздражить ирландцевъ. Поэтому онъ предложилъ палатѣ общинъ выразить порицаніе верхней палатѣ, что и было принято большинствомъ 303 голосовъ противъ 265. Разумѣется, лорды не могли этого простить Гладстону и рѣшили игнорировать постановленіе палаты общинъ, избравъ, все-таки, комиссію.

Между тѣмъ, на мѣсто Форстера, министра по дѣламъ Ирландіи, вышедшаго въ отставку, былъ назначенъ лордъ

Кэвендишъ, близкій другъ Гладстона, такъ что общее мнѣніе было таково, что, собственно, Гладстонъ будетъ управлять Ирландіей. Но убійство лорда Кэвендиша, среди бѣлаго дня, въ Фениксъ-паркѣ, въ Дублинѣ, уничтожило примирительное настроеніе, которое начало было обнаруживаться, и вызвало новыя, сильнѣйшія репрессалии въ Ирландіи. Былъ внесенъ билль о предупрежденіи преступленій, который, въ видахъ охраненія общественной безопасности, заключалъ въ себѣ разрѣшеніе производить домовые обыски днемъ и ночью, вводилъ суды безъ присяжныхъ и устанавливалъ право запрещенія газетъ и сходовъ. Палата общинъ вотировала этотъ билль, и онъ немедленно былъ принятъ палатою лордовъ. Но вслѣдъ за этимъ Гладстонъ провель въ палатѣ другой билль, имѣвшій цѣлью нѣсколько облегчить положеніе бѣднѣйшихъ арендаторовъ въ Ирландіи посредствомъ скидки нѣкоторыхъ недоимокъ.

Конечно, такого рода ирландская политика, вся состоящая изъ полумѣръ, то карающая, то стремящаяся къ примиренію, не могла имѣть успѣха. Это понималъ и самъ Гладстонъ, сознававшій ея неудачу. Мало-по-малу у него также укрѣплялось убѣжденіе, что лучшимъ и наиболѣе практическимъ средствомъ для водворенія мира въ Ирландіи была бы коренная реформа, которая дала бы Ирландіи самую широкую независимость, не нарушая, въ то же время, единства имперіи. Такимъ образомъ, онъ перешелъ на сторону гомруля, какъ только проникся убѣжденіемъ въ справедливости этой мѣры.

Гораздо болѣе удачной была внутренняя политика Гладстона, имѣвшая въ виду реформу избирательнаго права. Опять-таки послѣ долгой борьбы съ палатою лордовъ, ему удалось провести билль о расширеніи избирательныхъ правъ и распространеніи ихъ на домохозяевъ и квартирантовъ не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, вслѣдствіе чего число избирателей возросло до двухъ миллионовъ. Это дало огромный перевѣсъ демократіи.

Внѣшняя политика Гладстона не отличалась удачами. Вовлеченный силою обстоятельствъ въ египетскія дѣла, онъ снаряжалъ экспедиціи, имѣвшія неудачный исходъ, что сильно повредило популярности министерства. Гладстона обвиняли также и за его южно-африканскую по-

литу. Когда онъ вступилъ въ управленіе министерствомъ, буры въ трансваальской республикѣ возстали противъ сюзеренитета Англіи и довольно успѣшно боролись съ англійскими силами.

Гладстону пришлось заняться этимъ кризисомъ, и онъ разрѣшилъ его далеко не по вкусу огромнаго большинства своихъ современниковъ. Всѣ были увѣрены, что если онъ пошлетъ въ южную Африку достаточной силы войска, то буры будутъ раздавлены, и республика ихъ превратится въ вассальную колонію британской имперіи. Но Гладстонъ былъ врагъ такихъ авантюръ. Если онъ и отправлялъ экспедиціи въ Суданъ, то только потому, что дѣйствовалъ подъ вліяніемъ принципа, заставляющаго его выступать защитникомъ народа противъ деспотизма его же вождей. Исходя изъ этого принципа, онъ и снарядилъ экспедиціи противъ Араби и Махди. Но къ Трансваалу этотъ принципъ нельзя было примѣнить, и онъ вообще находилъ несправедливымъ поведеніе Англіи по отношенію къ бурамъ и, дѣйствуя «честно» въ политикѣ, какъ всегда, отказался видѣть славу Англіи въ избіеніи бурскаго народа. Онъ не думалъ, чтобы честь британскаго знамени требовала такого акта мщенія, и поэтому вступилъ въ переговоры съ бурами и заключилъ съ ними миръ.

Такая вышняя политика не могла не усилить числа антагонистовъ Гладстона, которые, какъ всегда, нашлись и среди его партіи, поэтому при первомъ же удобномъ случаѣ въ палату была внесена резолюція, выразившая недовѣріе правительству. Гладстонъ и его министерство вышли въ отставку. Главнѣйшаго противника Гладстона, лорда Биконсфильда, тогда уже не было въ живыхъ, и поэтому составленіе новаго кабинета было поручено главѣ торіевъ, лорду Сольсбѣри. Это было въ іюнѣ 1885 года, а въ декабрѣ того же года должны были происходить общіе выборы на основаніи новаго избирательнаго закона. Либералы получили значительное большинство голосовъ, вслѣдствіе того, что сельскіе избиратели пожелали выразить Гладстону свою благодарность за дарованіе имъ правъ, такъ что можно было заранѣе предвидѣть, что министерство Сольсбѣри будетъ недолговѣчно, ибо оно могло держаться у власти только съ согласія либераловъ. Такъ и случилось. Въ ян-

варѣ 1886 года, просуществовавъ, значить, всего нѣсколько мѣсяцевъ, министерство вышло въ отставку, очутившись въ меньшинствѣ по вопросу объ адресѣ. Образовалось третье министерство Гладстона.

Гладстонъ, который всего ближе къ сердцу принималъ тогда ирландскій вопросъ, рѣшилъ произвести коренныя реформы въ Ирландіи, дать ей самоуправленіе и обратить, посредствомъ выкупной операціи, крупную земельную собственность, находившуюся исключительно въ рукахъ англичанъ, въ свободныя крестьянскія владѣнія. Его мучило сознаніе, что раньше онъ дѣйствовалъ въ Ирландіи неправильно, и какъ только онъ проникся убѣжденіемъ, что нельзя навязывать странѣ своихъ законовъ, и что надо предоставить ей право управляться собственными законами, которые созданы ею самой, то уже ничто не могло заставить его дѣйствовать вопреки своему убѣжденію. Поэтому-то онъ и не слушалъ совѣтовъ подождать съ гомрулемъ, и категорически заявилъ: или дайте Ирландіи гомруль, или откажитесь отъ всякой надежды успокоить страну!

Его ирландскій проектъ заключался въ слѣдующемъ: въ Ирландіи должно быть учреждено туземное правительство и народный парламентъ, который долженъ состоять на двѣ трети изъ выборныхъ членовъ и на одну треть изъ членовъ, назначенныхъ англійскимъ правительствомъ. Вѣдѣнію этого парламента должны были подлежать все дѣла, касающіяся Ирландіи, за исключеніемъ иностранной политики, таможенныхъ и военныхъ вопросовъ; вмѣстѣ съ этимъ ирландскіе депутаты лишались своихъ мѣстъ въ англійскомъ парламентѣ.

Это былъ черезъ-чуръ уже смѣлый шагъ, ошеломившій даже сторонниковъ Гладстона. Какъ только Гладстонъ сообщилъ свой законопроектъ министерству, то немедленно произошелъ разрывъ между нимъ и тѣми либералами, которые находили, что такой гомруль, который предложенъ Гладстономъ, долженъ будетъ повести къ полному отдѣленію Ирландіи отъ Англій. Эти либералы-диссиденты, стоявшіе за унію съ Ирландіей, получили названіе уніонистовъ. Противъ Гладстона возникла ожесточенная оппозиція и, наконецъ, послѣ чрезвычайно бурныхъ преній и при безпримѣрномъ возбужденіи парламента и публики, присут-

ествовавшей на галлеряхъ, гомруль былъ отвергнутъ большинствомъ 341 голоса противъ 31.

Это совершилось въ іюнѣ 1886 года. Гладстонъ, считая себя безусловно правымъ, распустилъ парламентъ и апеллировалъ къ странѣ, и послѣ необычайно жаркой избирательной борьбы, происходившей исключительно на почвѣ ирландскаго вопроса, долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Либералы-унионисты поддержали консерваторовъ, и Гладстонъ со своею партіей потерѣлъ поражение.

Министерство Сольсбѣри, смѣнившее министерство Гладстона, просуществовало довольно долго, и новые выборы состоялись только въ 1892 году, за годъ до истеченія законнаго семилѣтняго срока парламента. Гладстонъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, продолжалъ, однако, принимать дѣятельное участіе въ политикѣ и, конечно, не переставалъ заниматься гомрулемъ, такъ какъ въ Ирландіи не прекращались аграрные беспорядки, несмотря на мѣры строгости. Повидимому, Гладстонъ поставилъ цѣлью своей жизни осуществленіе гомруля. Однако, и тутъ онъ остался вѣренъ себѣ и, когда глава ирландской партіи, Парнелль, былъ обвиненъ въ томъ, что состоитъ въ любовной связи съ женой либеральнаго депутата О'Ши, и это было доказано на судѣ, во время бракоразводнаго процесса, то Гладстонъ открыто порвалъ съ Парнеллемъ. Въ его глазахъ это было большимъ преступленіемъ, и онъ ни за что не соглашался имѣть дѣло съ ирландскою партіей, если во главѣ ея будетъ стоять человекъ, виновный въ такомъ безнравственномъ поступкѣ. То, что Парнелль женился потомъ на г-жѣ О'Ши, получившей разводъ, ничего не измѣнило въ глазахъ Гладстона и ему даже не приходило въ голову, что это частное дѣло не слѣдуетъ примѣшивать къ политикѣ. Но эта нетерпимость Гладстона повредила дѣлу ирландской автономіи, произведя расколъ въ ирландской партіи. Часть ея потребовала отъ Парнелля, чтобы онъ отказался отъ предводительства ирландской партіей и вообще отъ парламентской дѣятельности, но Парнелль не хотѣлъ, и часть ирландцевъ осталась ему вѣрна, остальные же избрали другого вождя, чтобы не порвать съ Гладстономъ. Эти фракціи начали вести ожесточенную борьбу другъ съ другомъ,

и даже смерть Парнелля не прекратила этой борьбы, значительно ослабившей ирландскую партію.

На новыхъ выборахъ 1892 года либеральная партія снова одержала побѣду, и кабинетъ Сольсбѣри потерялъ поражение. Образовалось четвертое министерство Гладстона и, какъ и слѣдовало ожидать, Гладстонъ опять внесъ проектъ гомруля, въ нѣсколько измѣненной формѣ: полномочія ирландскаго парламента были нѣсколько ограничены, а число депутатовъ въ англійскомъ парламентѣ было уменьшено. Цѣлыхъ 82 дня продолжались пренія въ палатѣ общинъ по поводу этого проекта, сопровождавшіяся весьма бурными сценами, и, наконецъ, ирландскій билль былъ принятъ большинствомъ сорока голосовъ. Но праздновать побѣду Гладстону не удалось: палата лордовъ отвергла законопроектъ большинствомъ 419 голосовъ противъ 41. Утомленный такою безпримѣрною борьбой Гладстонъ удалился и предоставилъ свое мѣсто лорду Розбери.

Положеніе либеральной партіи, послѣ удаленія Гладстона, очень измѣнилось къ худшему. Такъ какъ Гладстонъ всецѣло отдался ирландской политикѣ, отодвинувъ другіе вопросы на задній планъ, то это сильно поколебало его престижъ въ глазахъ англичанъ, для которыхъ ирландская политика была, все-таки, второстепеннымъ дѣломъ. Либеральное министерство не могло провести ни одной существенной реформы, вслѣдствіе постояннаго и упорнаго сопротивленія палаты лордовъ, и въ іюнѣ 1895 года вышло въ отставку.

Политическая карьера Гладстона закончилась въ 1894 году, и онъ уже болѣе не принималъ активнаго участія въ политической жизни страны, но шестьдесятъ три года своей жизни, съ 1833 г. по 1895 годъ, онъ провелъ въ парламентѣ, постоянно находясь въ самомъ центрѣ политической борьбы и никогда не покидая ея арены. Въ англійской исторіи не найдется примѣра другой, столь же длинной и столь же разнообразной карьеры, какъ карьера Гладстона, начавшаго ее консерваторомъ, приверженцемъ торійской партіи и затѣмъ перешедшаго въ лагерь либераловъ и способствующаго усилению демократіи въ Англии. Характерною особенностью Гладстона было то, что въ немъ не прекращалась внутренняя эволюція, вызывавшая измѣненіе ста-

рыхъ политическихъ взглядовъ и выработку новыхъ. Пока совершалась эта эволюція, онъ могъ колебаться, молчать, но какъ только въ немъ слагалось какое-нибудь убѣжденіе, онъ немедленно начиналъ проводить его въ жизнь, не принимая во вниманіе ни взглядовъ своей партіи, ни политическихъ соображеній, ни собственной выгоды. Переставъ вѣрить въ правоту какого-нибудь дѣла, Гладстонъ уже не могъ защищать его и ни за что на свѣтѣ не согласился бы покривить душой въ этомъ отношеніи.

Всѣхъ знавшихъ Гладстона и его современниковъ поражала живость его ума и его необыкновенная способность работать даже въ преклонные годы. Въ 84 года Гладстонъ могъ также увлекаться какой-нибудь книгой, какъ и въ 17 лѣтъ. Онъ читалъ очень много и часто, утомившись парламентскою борьбой, погружался съ головою въ изученіе греческихъ классиковъ или въ богословскіе вопросы, но стоило только, чтобы на политическую сцену былъ выдвинутъ вопросъ, задѣвавшій его за живое, чтобы произошли событія, возмущавшія его совѣсть, какъ, напр., болгарскіе ужасы, какъ онъ немедленно забывалъ и Гомера, и Римъ, чтобы снова устремиться въ вихрь политической жизни. Немногіе изъ государственныхъ дѣятелей могли бы рѣшиться на такой смѣлый поступокъ, на какой рѣшился Гладстонъ въ 77 лѣтъ, круто измѣнивъ свою ирландскую политику, какъ только убѣдился въ ея неправотѣ, и выступивъ со своимъ проектомъ гомруля. Онъ ставилъ тутъ на карту не только свое вліяніе и политическую карьеру, но и всю свою политическую репутацію и свое прошлое. Онъ зналъ, что можетъ быть покинутъ партіей и очутится во главѣ лишь очень незначительной группы своихъ вѣрныхъ приверженцевъ, сдѣлавшись посмѣшищемъ всѣхъ своихъ современниковъ. Но такія соображенія никогда не имѣли значенія въ его глазахъ.

Какъ и всѣ сильные люди, онъ любилъ власть, но никогда, ради ея сохраненія, не поступилъ бы своими взглядами и не сдѣлалъ бы ни одного шага, противорѣчащаго его внутреннему убѣжденію. Никто не сомнѣвался въ томъ, что онъ обладалъ крайне горячимъ темпераментомъ, но онъ настолько умѣлъ сдерживать себя, что никогда не позволилъ себѣ ни одной злобной или оскорбительной вы-

ходки. Какъ ни были сильны подчасъ его выраженія, но они никогда не носили обиднаго характера для его болѣе молодыхъ противниковъ, и никому не приходилось опасаться услышать отъ него болѣе или менѣе рѣзкій отвѣтъ или нетерпѣливое замѣчаніе.

Гладстонъ всю свою жизнь провелъ на виду у всѣхъ. Онъ жилъ, точно въ хрустальномъ домѣ, и не было поступка, не было факта въ его жизни, который онъ счелъ бы нужнымъ скрывать. Точно также и его душа не представляла потемокъ, и всякій могъ судить по его поступкамъ и рѣчамъ о томъ, какая въ немъ совершалась эволюція. Религіозность составляла выдающуюся черту его характера, но въ немъ совершенно не было нетерпимости. Онъ признавалъ свободу совѣсти и въ своей государственной дѣятельности никогда не выказывалъ себя религіознымъ фанатикомъ и даже шелъ въ разрѣзъ съ духовенствомъ, въ которомъ нажилъ себѣ непримиримыхъ враговъ. Въ политикѣ для него имѣли больше значенія культурные вопросы, и такъ какъ онъ, по принципу, былъ врагъ войны и всякаго насилія, то естественно, что въ международной политикѣ онъ не имѣлъ такого успѣха, какъ его антагонистъ—Дизраели. Поэтому Гладстонъ, если и вмѣшивался въ чужія государственныя дѣла, то лишь тогда, когда совершались насилія, возмущавшія его гуманныя чувства.

Послѣдніе годы своей жизни—онъ умеръ въ 1898 г.—Гладстонъ провелъ въ спокойныхъ занятіяхъ, въ кругу семьи. Никогда никто не слышалъ отъ него какихъ-либо рѣзкихъ замѣчаній по адресу тѣхъ, кто такъ часто становился ему поперекъ дороги. Онъ безъ всякой горечи вспоминалъ объ этомъ. Такъ, напр., по поводу одной злобной выходки Сольсбѣри, позволявшаго себѣ подчасъ личные нападки на него, Гладстонъ сказалъ: «Я никогда не сердился на то, что Сольсбѣри говорилъ обо мнѣ. Его мать была очень добра ко мнѣ, и я помню Сольсбѣри маленькимъ мальчуганомъ, который, въ красной блузочкѣ, возился на оттоманкѣ».

Дѣйствительно многихъ изъ политическихъ дѣятелей, съ которыми онъ потомъ велъ борьбу или вступилъ въ союзъ, Гладстонъ зналъ дѣтми. Въ теченіе своей долгой парламентской карьеры онъ сначала былъ оппонентомъ

тѣхъ, кто годился ему въ дѣдушки, а затѣмъ тѣхъ, кто годился ему во внуки.

Живя въ Говарденѣ, онъ каждое утро отправлялся въ церковь, какова бы ни была погода, а по воскресеніямъ читалъ въ ней священное писаніе. Когда его политическая дѣятельность временно пріостанавливалась, онъ принимался за литературу. Его литературные труды были троякаго рода: политическіе, богословскіе и чисто литературные, послѣдніе преимущественно касались Гомера. Политическіе принадлежатъ къ случайной литературѣ; это памфлеты и статьи, вызванные какимъ-нибудь очереднымъ и жгучимъ политическимъ вопросомъ или споромъ. Богословскія произведенія состоятъ изъ ряда этюдовъ по философіи религіи, но Гластонъ писалъ статьи и по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, философскимъ, историческимъ, конституціоннымъ и даже по поводу нѣкоторыхъ литературныхъ явленій. Конечно, онъ написалъ не мало статей и по ирландскому вопросу.

Любопытную черту его характера составляло то, что онъ питалъ глубочайшее почтеніе къ великимъ поэтамъ и философамъ и ставилъ ихъ выше государственныхъ дѣятелей. Брайсъ, въ своей характеристикѣ Гладстона, рассказываетъ, что замѣтивъ, однажды, что Гладстонъ разстроенъ ирландскими дѣлами, онъ захотѣлъ отвлечь его вниманіе. Заговоривъ съ нимъ о Данте, Брайсъ сообщилъ ему, что недавно кто-то открылъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Данте назначенъ былъ читать лекціи въ Равеннѣ, что вывело его изъ бѣдственнаго положенія. Лицо Гладстона тотчасъ же просвѣтлѣло, и онъ сказалъ: «Какъ странно думать, что такія великія души, слова которыхъ служили свѣточемъ для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній, въ своей повседневной жизни должны были испытывать такія же душевныя тревоги и заботы, какъ и всѣ мы обыкновенные смертные».—Эта фраза напомнила мнѣ,—прибавляетъ Брайсъ,—что за нѣсколько дней передъ тѣмъ Дарвинъ, говоря объ удовольствіи, которое доставилъ ему визитъ Гладстона, сказалъ: И, вѣдь, онъ разговаривалъ со мною такъ, какъ будто бы онъ былъ такимъ же обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ и всѣ мы!» Эти два, несомнѣнно великихъ человѣка, какъ видно сами не сознавали своего величія!

Гладстонъ умеръ, окруженный своею семьею, въ Говарденѣ. «The great oldman» (великій старецъ), какъ его все называли въ Англіи, три раза отказывался отъ предложеннаго ему королевою титула пэра. Онъ не хотѣлъ засѣдать въ палатѣ лордовъ, съ которою велъ всю жизнь ожесточенную борьбу. Онъ остался просто «мистеромъ Гладстономъ», но на каждой страницѣ англійской исторіи, начиная съ 1843 по 1894 годъ, постоянно повторяется его имя, и ничье другое имя среди государственныхъ дѣятелей Англіи не окружено такимъ ореоломъ духовной чистоты и безупречной честности, какъ имя Гладстона.

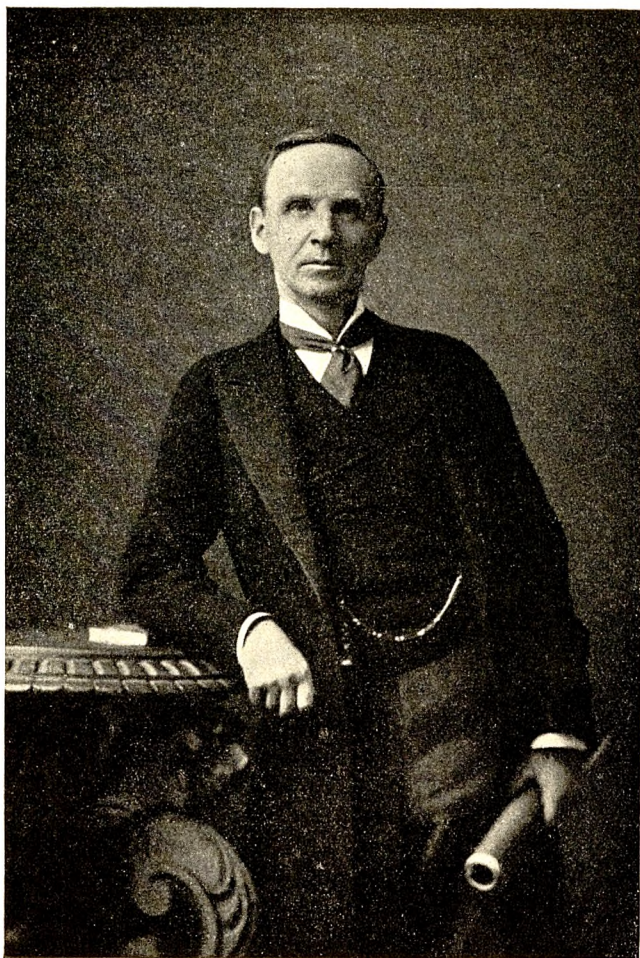
V.

Джонъ Морлей.

Журналистъ и государственный дѣятель.

Когда Джонъ Морлей объявилъ своимъ друзьямъ, что онъ намѣренъ поставить свою кандидатуру въ парламентъ, то многіе отговаривали его. Морлей уже стяжалъ себѣ тогда извѣстность, какъ выдающійся писатель и редакторъ журналовъ и газетъ, но, по мнѣнію его пріятелей, именно эта репутація писателя должна была повредить ему въ парламентской дѣятельности. «Было бы очень жаль, — говорили они, — еслибы такой способный человѣкъ, какъ Морлей, рисковалъ своею литературною карьерой ради политики, тѣмъ болѣе, что на аренѣ политической борьбы онъ можетъ не имѣть успѣха, а если даже будетъ имѣть его, то это все же послужитъ лишь очень слабымъ вознагражденіемъ за то, чѣмъ ему придется пожертвовать, отказываясь отъ литературной карьеры».

Однако, Морлей давно уже мечталъ попробовать свои шансы на парламентскихъ выборахъ, но въ первый и во второй разъ испыталъ поражение и только въ 1883 году онъ былъ, наконецъ, избранъ депутатомъ. Почему-то никто не возлагалъ на него большихъ надеждъ и не думалъ, чтобы онъ могъ имѣть, какъ парламентскій ораторъ, такой же успѣхъ, какимъ онъ пользовался, какъ журналистъ. Его первой рѣчи, такъ называемой «Maiden Speech», ожидали съ большимъ интересомъ, но заранее думали, что она будетъ неудачна. Между тѣмъ, случилось какъ разъ наоборотъ; это не были вовсе длинныя, философскія разсужденія, какъ всѣ предполагали, а сильная, парламентская рѣчь, вызвавшая даже — вопреки обычаю, такъ какъ «Maiden Speech» считается лишь простою формальностью — массу возра-

Морлей.

(Съ фотографіи).

женій и перерывовъ. Эти возраженія и перерывы явились настоящею данью парламентскому таланту новаго члена, и сразу все́мъ стало ясно, что Морлей—(M. P.) (Member of Parliament—членъ парламента) займетъ такое же выдающееся мѣсто, какъ и Морлей—журналистъ.

Джонъ Морлей родился въ 1838 году. Отецъ его былъ врачомъ, и Джонъ Морлей часто въ шутку говорилъ, что его не пугаетъ видъ разбитыхъ головъ, такъ какъ онъ былъ воспитанъ въ пріемной хирурга. Но самъ онъ не выбралъ медицинскои профессіи, а поступилъ въ Оксфордскій университетъ и затѣмъ сдѣлался адвокатомъ. Однако, и эта профессія не привлекала его. Его тянуло къ литературѣ, но онъ хотѣлъ быть независимымъ писателемъ и въ то же время сдѣлаться авторитетомъ. Ему еще не было двадцати пяти лѣтъ, когда онъ сталъ во главѣ «Litterary Gazette», которая была переименована имъ въ «Parthenon» и довольно успѣшно конкурировала съ извѣстнымъ библиографическимъ журналомъ «Athenaeum», а затѣмъ онъ вскорѣ сдѣлался редакторомъ «Fortnightly Review», недавно основаннаго и мало распространеннаго журнала, но быстро измѣнившагося подъ руководствомъ Морлея, который придалъ ему радикальное направленіе. Журналъ этотъ вскорѣ занялъ выдающееся мѣсто среди другихъ англійскихъ журналовъ. Его статьи и отдѣльно изданныя монографіи обращали на себя вниманіе. Особенно сильное впечатлѣніе вызвала книга Морлея «On compromise», въ которой онъ излагаетъ свои взгляды на различные вопросы этики и строго осуждаетъ господствующій въ Англійи духъ компромисса и боязнь открыто и свободно высказывать свои мнѣнія въ религіозныхъ вопросахъ, если только эти мнѣнія расходятся съ общепринятыми взглядами. Вообще Морлей доказываетъ, что свобода мнѣній, установленная англійскими законами должна войти, наконецъ, и въ нравы англійскаго общества. Онъ не скрываетъ своей враждебности англиканской церкви, но не отрицаетъ религіи, а только стремится свергнуть иго религіознаго догматизма и требуетъ, чтобы слова и поступки находились въ болшей гармоніи съ нашими внутренними убѣжденіями.

Разумѣется, такая книга не могла вызвать одобренія въ англійскомъ обществѣ, и взгляды Морлея показались черезъ-чуръ смѣлыми, но зато его политическія и истори-

чекія статьи встрѣчали въ обществѣ очень сочувственный пріемъ.

Вступленіе Морлея на арену активной политической дѣятельности относится къ 1880 году, когда онъ сдѣлался редакторомъ «Pall Mall Gazette». Онъ уже успѣлъ, впрочемъ, скандализовать чопорное англійское общество взглядами, которые высказывалъ въ «Fortnightly Review». Этотъ журналъ, подъ его руководствомъ, рѣзко отличался отъ обыкновеннаго типа всѣхъ англійскихъ ежемѣсячниковъ. Его тонъ, распредѣленіе матеріала, размѣры статей, — все это носило совершенно иной и гораздо болѣе современный характеръ, такъ что онъ какъ бы подчеркивалъ своимъ успѣхомъ устарѣлость и отсталость другихъ журналовъ. Въ разныхъ политическихъ, религіозныхъ и педагогическихъ вопросахъ журналъ высказывалъ подчасъ очень смѣлые передовые взгляды и не пугался никакихъ новшествъ. Точно также и въ 1870 году онъ не принялъ участія въ общемъ хорѣ, привѣтствовавшемъ возвышеніе Германіи, какъ побѣду ума и справедливости, и открыто высказывалъ свои симпатіи Франціи и ея новой формѣ правленія, чѣмъ даже навлекъ на себя подозрѣніе въ республиканскихъ тенденціяхъ.

Переходъ Морлея отъ періодической прессы къ прессѣ воинствующей, принимающей непосредственное участіе въ борьбѣ идей, политическихъ интересовъ и личностей, былъ вполне естественнымъ результатомъ давнишняго стремленія Морлея къ политической дѣятельности. Морлей былъ радикаломъ по убѣжденію, хотя въ то же время онъ былъ членомъ гладстоновской либеральной партіи, но гораздо раньше Гладстона призналъ справедливость ирландскихъ требованій и сталъ на ихъ сторону. «Pall Mall Gazette» была единственнымъ англійскимъ органомъ, отстаивавшимъ, въ этомъ отношеніи, интересы Ирландіи. Разумѣется, тонъ давалъ Морлей, котораго въ редакціи хотя и любили, но побаивались потому что онъ не допускалъ никакихъ вольностей. Но въ то же время онъ никогда самъ не позволялъ себѣ ни одной грубой выходки, ни одного нелюбезнаго слова и спокойно выслушивалъ всѣ возраженія, хотя порою онѣ и возмущали его. Но подъ этимъ спокойствіемъ и любезностью чувствовалась несокрушимая воля. Гладстонъ говорилъ про него: «Мы всѣ любимъ Морлея за его кро-

тость». Эпитетъ «кроткій», пожалуй, меньше всего подходит къ нему, такъ какъ въ своихъ статьяхъ онъ зачастую являлся высокоумнымъ и агрессивнымъ, но тѣ, кто служилъ подъ его начальствомъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, признаютъ, что даже въ его замѣчаніяхъ и упрекахъ всегда чувствовалась снисходительность и что онъ никогда не требовалъ отъ человѣка болѣе того, что онъ можетъ дать.

Морлей — врагъ всякихъ преувеличеній, излишняго пафоса, который такъ часто встрѣчается у авторовъ газетныхъ статей, и въ такихъ случаяхъ всегда обливалъ холодною водою своихъ черезъ-чуръ восторженныхъ сотрудниковъ. «Пожалуйста, только безъ диамантовъ», частенько говорилъ онъ и даже, когда бывалъ въ отсутствіи, то напоминалъ объ этомъ коротенькими письмами своимъ редакторамъ. Ничто такъ не приводило въ отчаяніе Морлея, какъ неумѣстные промахи черезъ-чуръ усердныхъ сотрудниковъ, которые уснащали свои статьи энтузіазмомъ, иногда совершенно неумѣстнымъ и по самому ничтожному поводу. Случалось, что Морлей писалъ такому автору: «Вы заставили меня посѣдѣть отъ ужаса, когда я прочелъ вашу статью...» Редактору, замѣнявшему его во время отсутствія, онъ написалъ однажды: «Я чуть не задохнулся, прочтя вашу вечернюю статью, завтра вернусь». — Одному изъ своихъ помощниковъ, который вообще отличался большою словоохотливостью и въ его отсутствіе написалъ двѣ статьи въ одномъ и томъ же номерѣ, Морлей прислалъ слѣдующую записку: «Не пишите двухъ статей въ одинъ и тотъ же день, иначе это будетъ простой наборъ словъ. Это замѣчаніе редактора и совѣтъ друга».

Въ своей газетѣ Морлей занимался, впрочемъ, только однимъ вопросомъ — ирландскимъ, изучая его каждый день съ большимъ вниманіемъ и все больше и больше проникаясь къ нему симпатіями. Чѣмъ глубже онъ вникалъ въ этотъ вопросъ, чѣмъ всестороннѣе изслѣдовалъ его, тѣмъ больше проникался убѣжденіемъ, что Англія обязана разрѣшить его и удовлетворить законныя требованія ирландцевъ, томящихся подъ игомъ несправедливыхъ притѣсненій.

Въ самомъ началѣ своей парламентской дѣятельности Морлей былъ очень близокъ съ Чэмберленомъ. Многимъ это кажется страннымъ теперь, до такой степени эти два человека стоятъ на разныхъ полюсахъ англійской политической

жизни. Но тогда между ними не было таких существенных разногласій, и во времена Биконсфильда часто можно было видѣть Морлея и Чэмберлена разгуливающихъ рука объ руку, какъ два самыхъ близкихъ пріятели. «Мы были словно два брата», говоритъ теперь Морлей съ отгѣнкомъ грусти, и Чэмберленъ подтверждаетъ это. Когда Чэмберленъ началъ участвовать въ морлеевскомъ журналѣ «Fortnightly Review», онъ еще не былъ извѣстенъ. Только впоследствии онъ сдѣлался тѣмъ великимъ человѣкомъ, — «Our Joe», — «божкомъ Бирмингэма», который былъ долгое время окруженъ революціоннымъ ореоломъ, какъ муниципальный трибунъ. Благодаря участию въ журналѣ «Fortnightly Review», Чэмберленъ обнаружилъ и свой истинный характеръ и свои дѣйствительныя способности. Онъ былъ ярымъ и непримиримымъ радикаломъ въ то время, открыто и неизмѣнно поддерживалъ гомруль, находился въ союзѣ съ Парнеллемъ и принималъ самое дѣятельное участіе въ Кальмангэймскихъ переговорахъ; не разъ онъ высказывалъ самые горячіе панегирики Парнеллю и его политикѣ, не взирая на негодующія восклицанія палаты общинъ. Въ то время, слѣдовательно, не было ничего удивительнаго, что Морлей и Чэмберленъ были такими близкими друзьями и даже союзниками въ политическихъ дѣлахъ. Вѣдь, никому въ голову не могло прійти тогда, что съ Чэмберленомъ можетъ произойти столь внезапное и чудесное превращеніе, и что онъ усвоитъ самые ультра-торійскіе принципы.

Мнѣніе Морлея объ англійской политикѣ въ Ирландіи установилось давно и притомъ на основаніи изученія исторіи. Семь вѣковъ всяческихъ насилій, грабежа, нерадѣнія, чередующагося съ жестокостью, — вотъ какимъ представлялось поведеніе его соотечественниковъ въ Ирландіи! Онъ находилъ, что въ этомъ поведеніи не было замѣтно даже и слѣда политическаго здраваго смысла и гуманности. Только за послѣднее время Англія начала обнаруживать желаніе исправить до нѣкоторой степени содѣянное зло и сдѣлала попытки реформъ, но Ирландія отвѣтила ей феніанскимъ движеніемъ и обструкціей. Однако, Морлей долго держался взгляда, раздѣляемаго всѣми англійскими государственными дѣятелями, что «Ирландія слишкомъ близка къ Англіи, чтобы быть независимой и должна, ради собственнаго бла-

гополучія и своего будущаго какъ націи, раздѣлять съ метрополіей какъ ея тягости, такъ и ея барыши»).

Такимъ образомъ, до 1880 года, Морлей не включалъ ирландской проблемы въ программу либеральной партіи, но взгляды его совершенно измѣнились, когда онъ познакомился съ ирландскою депутаціей, тою самой, которую общественное мнѣніе Англій изображало какою-то шайкой авантюристовъ, не блещущихъ ни умомъ, ни положеніемъ, ни талантами. Къ своему удивленію, Морлей нашелъ въ этой депутаціи талантливыхъ журналистовъ, писателей и ораторовъ, и это такъ поразило его, что онъ отправился въ Ирландію, чтобы самому, воочію, убѣдиться въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя порождаетъ господствующая тамъ территоріальная система, обрекающая на тяжелую нужду какъ земледѣльца, такъ и самого владѣльца земли. Онъ увидалъ номинальныхъ властителей разоренной земли, не имѣющихъ ни кредита, ни власти, и убѣдился что власть эта совершенно перешла въ руки католическаго духовенства и народной партіи. Онъ понялъ, что нація, доведенная до отчаянія, рѣшилась, во что бы то ни стало, добиться автономіи и будетъ отчаянно бороться до тѣхъ поръ, пока у нея хватитъ силъ. Онъ сознавалъ, что темныя, зловѣщія, разрушительныя силы работаютъ въ тишинѣ, и что встаетъ грозный призракъ возстанія. Это заставило его прійти къ убѣжденію, что какъ нравственный долгъ, такъ и политическая необходимость повелѣваютъ Англій удовлетворить требованія Ирландіи. Надо было освободить Ирландію отъ Англій, но въ то же время и — Англію отъ Ирландіи.

Вернувшись въ Лондонъ, Морлей началъ громко говорить о необходимости уступокъ, но его никто не хотѣлъ слушать. Какъ только онъ вступилъ въ палату общинъ, онъ немедленно предложилъ отмѣну «Crimes Act», вводившаго въ Ирландіи нѣчто въ родѣ осаднаго положенія. Но предложеніе его не было принято. На всѣ возраженія Морлея ему выставляли одинъ и тотъ же аргументъ: народныя насилія, хотя онъ и доказывалъ, что эти, именно, насилія и подтверждаютъ полную несостоятельность принудительныхъ мѣропріятій въ Ирландіи. Въ это время Морлей уже началъ замѣчать нѣкоторую перемѣну въ Чэмберленѣ, который сталъ охладѣвать къ Ирландіи и относился скептически и

почти индифферентно къ тому, что такъ сильно волновало его друга Морлея.

Все это очень озабочивало послѣдняго. Онъ вернулся изъ одной изъ своихъ поѣздокъ въ Ирландію крайне огорченный всѣмъ тѣмъ, что ему пришлось видѣть въ этой несчастной странѣ. Онъ думалъ о скопленіи ненависти и озлобленія и о массѣ предразсудковъ, рутинѣ и жестокости, которые соединились вмѣстѣ, чтобы помѣшать торжеству истины. Все это онъ высказалъ одному изъ своихъ пріятелей, спросившему его, вернется ли онъ въ Ирландію? Онъ прибавилъ, что не хочетъ больше переступать порога дома вице-короля въ Дублинѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему пришлось вернуться туда уже въ качествѣ официального лица, главнаго секретаря по ирландскимъ дѣламъ, и вплотную заняться ирландскимъ вопросомъ.

Существуетъ мнѣніе, что Гладстонъ измѣнилъ свой взглядъ на ирландскія дѣла, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Морлея. Молодому писателю, вступившему въ парламентъ, удалось, какъ увѣряютъ, заставить главу англійскихъ либераловъ отказаться отъ своей прежней точки зрѣнія. Такъ это было или нѣтъ, но несомнѣнно одно, что всѣ сочувствующіе и интересующіеся ирландскимъ вопросомъ, поспѣшили окружить Морлея. Раньше онъ былъ до нѣкоторой степени изолированнымъ въ парламентѣ, что объяснялось его взглядами, характеромъ, рѣчами и репутаціей философа и публициста. Но выступивъ защитникомъ гомруля, онъ сразу перешелъ въ первые ряды практическихъ политиковъ и вскорѣ занялъ въ либеральной партіи второе по своему значенію мѣсто, послѣ Гладстона. Онъ выдвинулся, главнымъ образомъ, благодаря своей искренности, убѣжденію и тому, что зналъ куда идетъ и зачѣмъ. Къ нему стали приходить за совѣтами и у него заимствовали убѣжденія. Во всякомъ случаѣ, если Морлей и не былъ вдохновителемъ Гладстона, когда составлялъ свой ирландскій билль, то все же онъ оправдывалъ и одобрялъ всѣ его ирландскія мѣропріятія, и его вліяніе, несомнѣнно, сыграло нѣкоторую роль въ томъ переворотѣ, который произошелъ съ Гладстономъ.

На долю Морлея выпала, однако, трудная задача, когда ему пришлось защищать и билль о гомрулѣ и земельный

законъ. Ему не надо было излагать никакихъ принциповъ этихъ мѣропріятій, такъ какъ все это уже было сдѣлано Гладстономъ, со свойственною ему убѣдительною и краснорѣчіемъ. Не нужно было также Морлею и входить въ разныя мелкія подробности обоихъ законопроектовъ, но онъ долженъ былъ все же отыскивать пункты, забытые или оставленные въ пренебреженіи Гладстономъ, и освѣтить тѣ стороны вопроса, которыя остались въ тѣни, или обсудить тѣ уступки, которыя могутъ быть сдѣланы, въ видахъ предупрежденія схизмы въ либеральной партіи, признаки которой становились уже очень замѣтными. Всѣ знали заранее, что эти законопроекты не пройдутъ въ палатѣ, но Морлей добивался лишь одного: чтобы былъ произнесенъ хотя бы только условной вердиктъ, т. е. чтобы былъ вотированъ принципъ законодательной автономіи Ирландіи. Но какъ онъ ни старался, ему не удалось провести законопроекты во второмъ чтеніи, такъ какъ огромное большинство высказалось противъ нихъ. Но Морлей былъ не такой человѣкъ, чтобы сложить оружіе. Дружба съ Гладстономъ, вполне раздѣлявшимъ его взгляды въ ирландскомъ вопросѣ, поддерживала его. Морлей рѣшилъ заняться народною агитаціею и сталъ появляться на публичныхъ митингахъ. Никто не ожидалъ, что онъ сумѣетъ говорить толпѣ, и его противники были поражены его успѣхами. Толпа слушала его со вниманіемъ, громко выражая свое одобреніе по поводу нѣкоторыхъ его удачныхъ выраженій и однажды, на одномъ изъ такихъ чудовищныхъ митинговъ, одинъ изъ слушателей крикнулъ: «You are the man for Ireland!» (Вы—человѣкъ для Ирландіи). Этотъ возгласъ подхватили другіе и толпа загудѣла, выражая свое одобреніе краснорѣчію Морлея. Репутація Морлея, какъ народнаго оратора, была такимъ образомъ установлена.

Но и въ парламентѣ рѣчи Морлея всегда имѣли заслуженный успѣхъ, хотя онъ и не считается выдающимся ораторомъ. Его рѣчи всегда богаты фактическимъ матеріаломъ, строго логичны, и возражать на нихъ бываетъ трудно. Онъ всегда отлично понимаетъ аудиторію, передъ которою ему приходится говорить, и знаетъ, какъ съ нею надо разговаривать. Однажды университетскій оксфордскій клубъ пригласилъ его дебатировать вмѣстѣ съ лордомъ Рондольфомъ Чѣрчиллемъ вопросъ о гомрулѣ. Лордъ Чѣрчилль, ораторъ торій-

ской партіи, говорилъ первый и, конечно, постарался представить всѣ аргументы противъ ирландской реформы. Послѣ него Морлей сказалъ блестящую рѣчь и закончилъ ее проническимъ предложеніемъ, подчеркивающимъ всѣ противорѣчія уніонистской политики: «Я предлагаю вамъ слѣдующую резолюцію, — сказалъ онъ. Во-первыхъ, принимая во вниманіе, что политика репрессалій, примѣняемая въ Ирландіи въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, не возстановила мира и благосостоянія въ этой странѣ, — мы выражаемъ желаніе, чтобы такая политика стала постояннымъ закономъ въ Ирландіи. Во-вторыхъ, принимая во вниманіе, что законодательство для Англіи и Ирландіи должно быть одинаково и что это должно служить исходною точкою всякаго серьезнаго правительства, — мы предлагаемъ, чтобы произволь сдѣлался закономъ въ Ирландіи, но только не въ Англіи! Въ-третьихъ, принимая во вниманіе, что децентрализація и распространеніе мѣстныхъ совѣтовъ администраціи были признаны уже давно полезною реформой, необходимою для прогресса Ирландіи, — мы заявляемъ, что теперь наступилъ моментъ, когда всякая реформа мѣстнаго управленія въ этой странѣ должна быть оставлена. Въ-четвертыхъ, принимая во вниманіе, что положеніе Ирландіи и настоятельная нужда, господствующая въ этой странѣ, требуютъ самаго исключительнаго вниманія со стороны правительства, — мы выражаемъ желаніе, чтобы парламентъ занимался только англійскими, шотландскими и валлійскими дѣлами. Въ-пятыхъ, принимая во вниманіе, что представительныя учрежденія составляютъ честь и силу нашего королевства, — мы объявляемъ, что требованія, заявленныя представителями ирландскаго большинства на основаніи конституціи, должны считаться недѣйствительными, и эти представители не должны участвовать въ правительствѣ страны и не должны имѣть голоса въ совѣтахъ! Въ-шестыхъ, принимая во вниманіе заявленіе Питта, что главною цѣлью уніи должно быть обезпеченіе національной безопасности путемъ увеличенія свободы и благосостоянія Ирландіи, — мы будемъ стараться всѣми средствами сдѣлать ее какъ можно болѣе несчастной и какъ можно болѣе рабой!».

Само собою разумѣется, что такія остроумныя сопоставленія и злая иронія, которою дышала вся рѣчь Морлея,

произвели должный эффектъ. Хотя аристократическая аудитория и не сочувствовала его взглядамъ, но не могла отрицать, что онъ чрезвычайно ловко подчеркнул несостоятельность аргументаціи противниковъ ирландской реформы. Въ парламентѣ Морлей съ такою же неотразимой логикой доказывалъ полную несостоятельность англійской политики въ Ирландіи, вооружаясь для этого фактами, заимствованными изъ официальныхъ отчетовъ и документовъ.

Такимъ образомъ Морлей съ самаго начала выступилъ защитникомъ гомруля, и въ парламентѣ и въ народныхъ собраніяхъ всегда доказывалъ безусловную необходимость этой мѣры. Въ Ирландіи были ему благодарны за это, и тамъ онъ пользовался большою популярностью. Когда онъ пріѣхалъ въ Дублинъ вмѣстѣ съ лордомъ Ропономъ въ 1888 году, то ему устроенъ былъ самый восторженный пріемъ. Въ манифестаціи участвовало 20,000 человекъ: хоровыя, гимнастическія, торговыя общества шли съ музыкой и знаменами, а 2,000 факеловъ освѣщали процессію. Съ балконовъ произносились рѣчи, а статуя О'Коннеля была освѣщена бенгальскимъ огнемъ. Вообще энтузіазмъ былъ всеобщій. Множество городовъ и селеній поднесло Морлею почетное гражданство, и онъ могъ на опытъ убѣдиться, какъ цѣнятъ ирландцы даже просто человѣческое и внимательное отношеніе къ ихъ нуждамъ.

Въ Англій, конечно, очень много говорили объ этомъ пріемѣ, и Морлеемъ были очень недовольны. Но еще болѣе толковъ вызвала его поѣздка въ Тоннерари, въ сентябрѣ 1890 года, куда онъ попалъ въ самый разгаръ возмущенія, вызваннаго грубостью и неумѣльными поступками полиціи. Морлей видѣлъ, какъ били людей безъ всякаго повода, какъ ихъ выгоняли изъ такого мѣста, гдѣ они могли находиться по праву, и какъ стрѣляли въ мирную и безопасную толпу, гдѣ находились женщины и дѣти. Онъ видѣлъ, какъ текла кровь вокругъ него, и даже съ него самого шапка была сбита полицейскимъ во время свалки.

Разумѣется, на другой день послѣ этого, всѣ въ Англій заговорили, о происшедшемъ, обсуждая его на всѣ лады. Но англійскія власти только пожимали плечами; то, что такъ сильно взволновало Морлея, въ сущности, было самымъ обыденнымъ фактомъ въ Ирландіи. Бальфуръ, другой се-

кретарь по ирландскимъ дѣламъ, коллега Морлея, посмѣялся надъ нимъ въ парламентѣ. «Мнѣ больше нравится, когда Морлей пишетъ исторію, нежели, когда онъ ее дѣлаетъ» — сказалъ онъ. Морлей не остался въ долгу и съ отгѣнкомъ презрѣнія замѣтилъ: — «Я давно знаю, что, для того чтобы участвовать въ политической жизни, надо обладать тремя качествами: горячимъ сердцемъ, холодною головою и толстою кожей!»

Въ бытность свою секретаремъ по ирландскимъ дѣламъ въ кабинетѣ Гладстона и при либеральномъ правительствѣ Гладстона и Розберри, Морлей дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы облегчить положеніе ирландцевъ и примирить ихъ съ англичанами. Задача была трудная въ то время, когда Ирландія находилась подъ властью репрессивныхъ законовъ, благодаря которымъ каждому народному движенію, каждой попыткѣ вступить за какого-нибудь несчастнаго арендатора, притѣняемаго лэндлордомъ, каждому протесту противъ деспотическаго законодательства, немедленно придавали характеръ бунта, требующаго вмѣшательства полиціи. Джонъ Морлей едѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы смягчить суровость этой системы и управлять Ирландіей, все-таки, на основаніи принциповъ цивилизаціи и свободы. Макъ-Карти рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай, указывающій, какъ трудно было представителямъ англійской власти въ Ирландіи, съ одной стороны, и защитникамъ національнаго дѣла — съ другой, поддерживать между собою даже просто дружескія отношенія. Когда Морлей былъ въ первый разъ назначенъ секретаремъ по ирландскимъ дѣламъ, то Макъ-Карти нѣсколько разъ имѣлъ дѣловыя свиданія съ нимъ въ Дублинѣ, и однажды Морлей пригласилъ его пообѣдать съ нимъ. Но тогда среди ирландскихъ націоналистовъ существовало строгое правило никогда не пользоваться гостепримствомъ тѣхъ, кто является представителемъ англійской власти въ Дублинѣ, и не поддерживать съ ними никакихъ отношеній, кромѣ официальныхъ. Ни одинъ истинный ирландскій націоналистъ не долженъ былъ появляться въ качествѣ гостя въ резиденціи вице-короля или главнаго секретаря по ирландскимъ дѣламъ, и на этомъ основаніи Макъ-Карти не могъ принять приглашенія Морлея, хотя и зналъ, что Морлей дру-

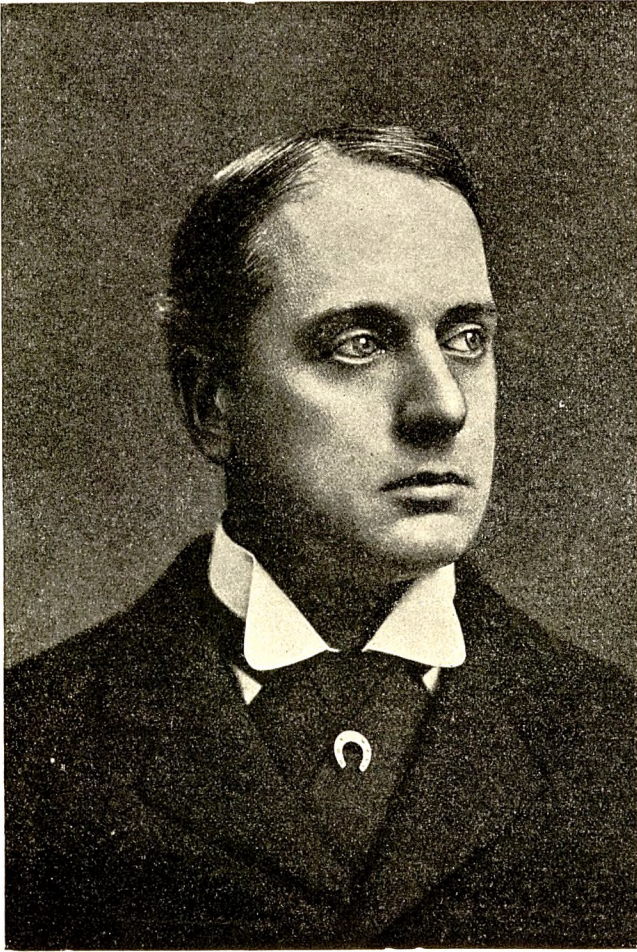
жески относится къ ирландскому народу, и народъ понималъ это. Морлей и Макъ-Карти давно знали другъ друга въ Лондонѣ, и когда они встрѣтились въ Дублинѣ, то Морлей, не зная новыхъ условий, пригласилъ его къ себѣ. Макъ-Карти долженъ былъ объяснить ему, что, хотя ему и было бы очень пріятно пообѣдать со своимъ другомъ Морлеемъ, но онъ не можетъ обѣдать съ «главнымъ секретаремъ по ирландскимъ дѣламъ въ его резиденціи». «Увѣряю васъ, — сказала онъ, — что еслибы я принялъ ваше приглашеніе, то торійскія газеты въ Дублинѣ немедленно вывели бы изъ этого собственныя заключенія и пустились бы въ комментаріи насчетъ того, что я, вице-предсѣдатель ирландской парламентской партіи, и вы — главный секретарь, обѣдали вмѣстѣ. Мы вызвали бы этимъ нѣчто въ родѣ публичнаго скандала».

Морлей сначала былъ очень удивленъ, но потомъ согласился, что дѣйствительно Макъ-Карти было бы неудобно принимать его приглашеніе. Они разстались самыми лучшими друзьями. Послѣ того они много разъ встрѣчались и бесѣдовали о различныхъ вопросахъ, относящихся къ ирландской администраціи. Макъ-Карти не жилъ въ Дублинѣ, а только пріѣзжалъ туда. Однажды Морлей зашелъ къ нему по какому-то дѣлу и долго засидѣлся. Становилось поздно и тогда Макъ-Карти предложилъ ему пообѣдать съ нимъ, забывъ о предшествовавшемъ случаѣ, но Морлей съ тонкимъ юморомъ торжественно поблагодарилъ его за приглашеніе и сказалъ, что если принципы націоналистовъ не позволяютъ ему обѣдать съ главнымъ секретаремъ, то и принципы главнаго секретаря не могутъ ему позволить обѣдать съ членомъ ирландской партіи. Съ тѣхъ поръ уже никогда между ними не было больше и рѣчи о совмѣстныхъ обѣдахъ, хотя дружескія отношенія никогда не прерывались.

Къ характеристикѣ Джона Морлея Макъ-Карти, хорошо знающій его, прибавляетъ слѣдующее: «Тѣ, кто знаетъ Морлея только по его писаніямъ, непременно должны составить себѣ о немъ ложное представленіе, какъ о серьезномъ и даже суровомъ человѣкѣ, который погруженъ въ созерцаніе жизни и исторіи съ самой серьезной стороны. Если у него и есть юморъ, то это юморъ тяжелый, и проявляется онъ

только въ суровой и мрачной формѣ. Но такое представленіе о Джонѣ Морлеѣ, которое обыкновенно составляется о немъ у людей, не знающихъ его лично, совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности. Джонъ Морлей чрезвычайно остроуменъ и можетъ говорить о чемъ угодно, какъ о самыхъ веселыхъ, такъ и о самыхъ серьезныхъ вещахъ. Онъ занимательный и пріятный собесѣдникъ, любимецъ женщинъ, даже такихъ, которыя не принимаютъ слишкомъ близкаго участія въ вопросахъ касающихся женской политической эмансипаціи. Въ его манерѣ держать себя въ обществѣ, въ соціальной жизни, нѣтъ и тѣни угрюмой серьезности; онъ простъ и привѣтливъ и поэтому имѣетъ много друзей».

Джонъ Морлей совмѣщаетъ въ себѣ качества философа-мыслителя, писателя, парламентскаго оратора и практическаго администратора. Всѣ прогрессивныя реформы и мѣропріятія неизмѣнно встрѣчаютъ въ немъ самаго горячаго защитника. Главное свое вниманіе онъ всегда посвящалъ ирландскому вопросу, но, все-таки, не относился безусловно и къ другимъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ. Онъ особенно энергично высказывался за реформу палаты лордовъ, за эвакуацію Египта и отвергалъ вмѣшательство государства въ рабочій вопросъ. Въ литературѣ и въ политической жизни своей страны онъ занимаетъ одинаково выдающееся мѣсто.

Розберри.

(Съ фотографин).

VI.

Лордъ Розберри.

Либераль-империалистъ.

Изъ числа англійскихъ современныхъ политическихъ дѣятелей, лордъ Розберри былъ однимъ изъ тѣхъ, на которыхъ возлагались наибольшія ожиданія. Онъ рано вступилъ на поприще государственной дѣятельности, такъ какъ 21 года, вслѣдствіе смерти своего дѣда, занялъ мѣсто въ палатѣ лордовъ и, слѣдовательно, превратился въ пожизненнаго и наследственнаго законодателя. Получивъ традиціонное для отпрысковъ всѣхъ англійскихъ аристократическихъ семействъ воспитаніе въ Итонскомъ колледжѣ, Розберри поступилъ потомъ въ оксфордскій университетъ, но вышелъ изъ него, обидѣвшись за неполученіе приза на скачкахъ, устраиваемыхъ студентами. Такимъ образомъ, онъ не получилъ никакой ученой степени, но это не помѣшало ему впослѣдствіи занимать высшіе политическіе посты. Онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и первымъ министромъ, а послѣ Гладстона—лидеромъ либеральной партіи. Въ настоящее время онъ считается однимъ изъ лучшихъ и блестящихъ политическихъ ораторовъ, и поэтому многіе изъ поклонниковъ его ораторскаго таланта находятъ, что судьба сыграла съ нимъ злую шутку, сдѣлавъ его перомъ отъ рожденія и лишивъ его возможности получить политическое воспитаніе въ палатѣ общинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, палата лордовъ не можетъ служить подготовительною ареною для государственныхъ и политическихъ дѣятелей. Этому мѣшаетъ самый характеръ верхней палаты, состоящей изъ наследственныхъ и пожизненныхъ членовъ, что сознавалъ и лордъ Розберри, такъ отзывав-

шійся о своей собственной подготовкѣ и подготовкѣ своихъ товарищей къ важной роли законодателей: «У насъ нѣтъ ни врачей, ни юристовъ, ни солдатъ, ни священниковъ, званіе которыхъ было бы наслѣдственнымъ, но у насъ есть наслѣдственные законодатели. И о спеціальномъ воспитаніи этихъ законодателей никто не заботится и даже не думаетъ объ этомъ. Замѣчательно, что мы не требуемъ никакой спеціальной подготовки отъ тѣхъ, кому ввѣряемъ судьбу своей страны и свою собственную, но находимъ нужнымъ, чтобы каждый ремесленникъ спеціально обучался своему дѣлу. Очевидно, мы предполагаемъ, что способность заниматься политикой также присуща пэру, какъ уткѣ присуща способность плавать».

Палата лордовъ, дѣйствительно, не представляетъ такого мѣста, гдѣ бы молодой человѣкъ, вступающій впервые на поприще политической жизни, могъ развить свои таланты и выказать свои политическія способности. Ничто въ этомъ собраніи не можетъ служить стимуломъ, поощряющимъ къ политическимъ дебатамъ, и всѣ засѣданія отличаются удивительною монотонностью и скукой. Обыкновенное засѣданіе палаты лордовъ никогда не продолжается больше часа, и въ рѣдкихъ случаяхъ на немъ присутствуетъ больше дюжины пэровъ. Сколько бы ни высказывали они порицаній дѣйствіямъ министерства, оно отъ этого не будетъ чувствовать себя хуже, и положеніе его не поколеблется, лондонская же публика даже не интересуется мнѣніемъ палаты лордовъ на этотъ счетъ и не обращаетъ на него ровно никакого вниманія. Правда, бываютъ такіе случаи, что, когда на очереди стоитъ какой-нибудь особо важный вопросъ, пэры собираются въ полномъ составѣ на торжественное засѣданіе и, во всякомъ случаѣ, считаютъ нужнымъ показать, что они очень интересуются даннымъ вопросомъ. Тогда который нибудь изъ благородныхъ лордовъ, пользующійся репутаціей краснорѣчиваго оратора, вноситъ формальное предложеніе и возникаютъ болѣе или менѣе продолжительныя пренія, оканчивающіяся порою даже голосованіемъ. Большею частью тѣ изъ пэровъ, которые славятся своимъ ораторскимъ талантомъ, получили раньше подготовку въ палатѣ общинъ и тамъ упражнялись въ краснорѣчій; изъ тѣхъ же, кто не прошелъ черезъ палату общинъ,

а прямо вступили въ палату лордовъ, лишь очень немногіе выдавались какъ политическіе дѣятели и ораторы. Лордъ Розберри—одинъ изъ этихъ немногихъ. Ему удалось даже въ палатѣ лордовъ пробудить интересъ къ своимъ ораторскимъ способностямъ, и пэры признали въ немъ блестящаго и мощнаго парламентскаго оратора, не прошедшаго, однако, никакой предварительной школы и являющагося вполне самобытнымъ.

Молодой Розберри, понавъ въ палату лордовъ, и самъ понялъ, что тутъ онъ не можетъ получить надлежащей подготовки, а потому сталъ искать другихъ мѣстъ, гдѣ бы можно было развить свои прирожденныя способности политическаго вождя. Онъ самъ позаботился пополнить пробѣлы своего политическаго воспитанія, много читалъ, много путешествовалъ и наблюдалъ и поэтому, 27 лѣтъ отъ роду (въ 1874 году), могъ участвовать въ конгрессѣ социальныхъ наукъ въ Глазго, и даже былъ избранъ его предсѣдателемъ. Это было большимъ скачкомъ впередъ. Рѣчь, сказанная имъ на этомъ конгрессѣ, обратила на него всеобщее вниманіе, и о немъ заговорили какъ о будущемъ свѣтилѣ на политическомъ горизонтѣ. Онъ говорилъ о важной роли, которую играетъ образованіе въ конкуренціи націй, о значеніи эмиграціи, содѣйствующей распространенію англосаксонской расы по всему земному шару, и о томъ, что Англія должна быть «матерью великихъ республикъ и мирныхъ имперій». Онъ касался въ своей рѣчи и социальной реформы рабочаго вопроса, но это было только вскользь, и уже тогда въ немъ можно было замѣтить, хотя и не вполне опредѣлившуюся, но уже достаточно ясно выраженную склонность къ имперіализму, которая проходитъ красною нитью черезъ всю его послѣдующую политическую дѣятельность.

Но прежде чѣмъ сдѣлаться вполне опредѣленнымъ имперіалистомъ, молодой Розберри сталъ въ ряды противниковъ Биконсфильда, отца британскаго имперіализма, и громилъ его политику, возмущаясь захватомъ острова Кипра и называя это политическимъ грабежомъ. «Развѣ мало намъ Канады, Австраліи, большей части Африки и Индіи?»—говорилъ онъ съ молодою горячностью, доказывая, что Англія, пріобрѣтая новыя земли, должна также брать на себя

«отвѣтственность и трудъ введенія необходимыхъ реформъ въ своихъ новыхъ владѣнiяхъ».

Такимъ образомъ, въ началѣ своей политической карьеры, Розберри, несмотря на свои имперіалистскія тенденціи, былъ, все-таки, послѣдователемъ гладстоновскихъ идей и гладстоновской политики. Онъ высказывался за гомруль еще раньше, чѣмъ тотъ былъ включенъ въ программу либеральной партіи, а въ рѣчи о патріотизмѣ, сказанной въ Эдинбургѣ, вполне опредѣленно изложилъ свою точку зрѣнiя, весьма характерную для его тогдашняго политическаго *specto*. Онъ возмущался тѣмъ, какъ злоупотребляютъ словомъ патріотизмъ всѣ люди, прикрывая имъ самыя противорѣчивыя дѣянiя. Патріотизмъ выдвигается на сцену при принятіи и при оставленіи какого-нибудь государственнаго поста. Подъ прикрытіемъ патріотизма вступаютъ на общественное поприще и патріотизмомъ же объясняютъ свой уходъ. «И все это дѣлается съ одинаковою стремительностью,—говорилъ лордъ Розберри.—Патріотизмъ заставляетъ совершать геройскіе подвиги, подвигаетъ на самопожертвованіе, но и на убійство—и на поджоги. Патріотизмъ заново отстроилъ Иерусалимъ и сжегъ Москву, изъ патріотизма былъ убитъ Маратъ, но патріотизмъ также помѣстилъ и его кости въ Пантеонъ. Патріотизмъ воздвигнулъ гильотину, былъ лозунгомъ для царства террора и онъ же воздвигаетъ потомъ статуи тѣмъ, которыхъ самъ же засаживалъ въ темницы. Нѣтъ такой добродѣтели и нѣтъ такого преступленія въ исторіи, которое бы не опиралось на патріотизмъ и не оправдывалось имъ!»

Подобныя рѣчи молодого члена либеральной партіи конечно порождали много ожиданій, и Гладстонъ первый обратилъ на него серьезное вниманіе. Розберри женился на дочери одного изъ Ротшильдовъ, принесшей ему многомилліонное приданое, и поэтому могъ устроить у себя самый блестящій либеральный салонъ, а когда Гладстонъ, принявшій его приглашеніе, пріѣхалъ къ нему въ замокъ съ женой, то Розберри устроилъ ему пріемъ, отличавшійся истинно царскою пышностью.

Среди либеральной партіи Розберри пользовался большою любовью. Про него говорили, что онъ очень пріятный и веселый собесѣдникъ, обладающій широкими умственными

интересами, и такъ какъ онъ самъ искалъ сближенія съ партіей, то и приобрѣлъ въ ней большую популярность.

Къ этому времени, когда произошло его тѣсное сближеніе съ либералами, относится и его дѣятельность въ лондонскомъ муниципальномъ управленіи, тѣмъ болѣе ему необходимая, чѣмъ болѣе онъ понималъ, что въ своей палатѣ ему не къ чему тратить краснорѣчіе на то, чтобы убѣждать разныхъ свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ, которыхъ все-равно убѣдить невозможно. Поэтому лордъ Розберри и предпочиталъ говорить на банкетахъ, въ либеральныхъ клубахъ, на частныхъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ совѣта лондонскаго графства, гдѣ онъ былъ выбранъ предсѣдателемъ—вездѣ, гдѣ только можно и умѣстно было высказывать свои мысли молодому либеральному пэру.

Окончательный поворотъ въ сторону идей имперіализма совершился у лорда Розберри послѣ его возвращенія изъ поѣздки въ колоніи. Онъ отправился туда со спеціальною цѣлью изучить бытъ колоній и ихъ отношенія къ метрополи. Въ англійскомъ обществѣ тогда уже назрѣвали идеи имперіализма, такъ какъ миновали тѣ времена, когда доктринеры экономического либерализма могли основывать всѣ свои мирныя надежды на промышленной эволюціи современныхъ націй и съ восторгомъ привѣтствовать высокія трубы и унылые фасады новыхъ фабричныхъ зданій, уповая въ глубинѣ души на то, что эти дворцы промышленности замѣнятъ собою съ теченіемъ времени крѣпости и казармы. Никто изъ нихъ не предвидѣлъ нарушенія равновѣсія, одновременно экономического, соціальнаго и психологическаго, которое должно было повлечь за собою все увеличивающееся преобладаніе фабричной промышленности надъ сельскохозяйственной. Никто не предвидѣлъ воинственныхъ послѣдствій и необходимости, въ которой могутъ очутиться промышленныя общества, обезпечивать себѣ угрозами, а иногда и военною силой сбытъ своихъ произведеній и постоянный заработокъ для своихъ рабочихъ.

Молодой Розберри, вступившій на политическое поприще въ то время, когда уже начала совершаться эта эволюція, былъ захваченъ этимъ новымъ теченіемъ, хотя всѣ его симпатіи находились на сторонѣ членовъ гладстоновскаго либерализма. Но путешествіе въ колоніи укрѣпило въ немъ

и послужило толчкомъ къ развитію имперіалистскихъ тенденцій. Съ идеей имперіи у него соединялось представленіе о сплоченномъ, тѣсномъ союзѣ колоній съ Англійей. Вѣдь, англійская имперія, со своими колоніями, обнимаетъ пространство въ нѣсколько милліоновъ квадратныхъ миль! Ея торговля составляетъ почти половину морской торговли всего міра, и владѣющая территоріями во всѣхъ широтахъ имперія производитъ все, что нужно для жизни и торговли и можетъ противостоять всему міру. Канада со своими гигантскими рѣками и озерами, Антильскіе острова со своими богатѣйшими сахарными плантаціями, Африка со своими минеральными богатствами, Индія, Австралія, Новая Зеландія, тропическія страны съ ихъ роскошною растительностью, покрывающею горы и долины, съ величественными снѣжными вершинами горныхъ хребтовъ—все это сливалось въ одномъ словѣ имперія, и наполняло душу молодого англичанина гордостью при мысли о той борьбѣ и тѣхъ побѣдахъ, которыя одержали здѣсь англійскіе изслѣдователи, колонисты, администраторы и солдаты! Розберри, подобно всякому англичанину, былъ проникнутъ традиціонною вѣрой въ миссію своей расы. Это направленіе мыслей Розберри выразилось уже въ его рѣчахъ въ Австраліи. «Я думаю,—сказалъ онъ, въ одной изъ этихъ рѣчей,—что наша связь съ колоніями должна упрочиваться съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ днемъ должно у обѣихъ сторонъ укрѣпляться желаніе, чтобы мы оставались связанными и не только ради нашихъ эгоистическихъ интересовъ, но и ради интересовъ человѣчества вообще. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ, кто стремится проникнуть въ тайны будущаго или старается найти средство возвысить и улучшить массы человѣчества, непременно возлагаютъ всѣ свои надежды на британскую расу, будь то въ Соединенныхъ Штатахъ, или въ колоніяхъ, или гдѣнибудь въ другомъ мѣстѣ. Мнѣ кажется, что могущество и привилегіи этой расы увеличиваются съ каждымъ годомъ. Съ каждымъ годомъ она все больше и больше наполняетъ собою міръ. И я думаю, что единство британской имперіи удержится по той простой причинѣ, что оно желательно для цивилизаціи. Я думаю,—сознаюсь въ этомъ—что, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше мы можемъ желать, чтобы эта старинная имперія—наша имперія, созданная съ такими усиліями,

колонизованная съ такою энергіей, вдругъ бы исчезла въ одинъ прекрасный день или раздробилась бы на множество мелкихъ, изолированныхъ общинъ, раздираемыхъ завистью и спорами о границахъ, соперничающихъ между собой и низведенныхъ до степени полного политическаго ничтожества, какъ это было съ итальянскими государствами въ средніе вѣка!»

Въ другой своей рѣчи Розберри сказалъ: «Имперія держится одною красною нитью и эта нить есть единство расы. Подъ единствомъ расы я понимаю общность воспоминаній, труда, цѣлей и стремленій, которая и обусловливается общностью расы. И я надѣялся и надѣюсь, что эта общность расы будетъ существовать всегда».

Такія рѣчи Розберри указывали, что онъ иначе смотритъ на колониальную политику, нежели Гладстонъ, и тогда уже можно было предугадать ту эволюцію, которая должна была съ нимъ совершиться въ смыслѣ имперіализма. Однако, когда Розберри вернулся изъ своего полугодового отсутствія, то онъ долженъ былъ на время отодвинуть на задній планъ свои имперіалистскія тенденціи и заняться избирательною реформой, надъ которою тогда (въ 1884 году) трудился Гладстонъ. Надо было сломить сопротивление лордовъ, которые самымъ рѣшительнымъ образомъ возставали противъ увеличенія числа избирателей. Розберри явился какъ разъ кстати, чтобы защищать билль Гладстона въ палатѣ лордовъ и поддерживать Гладстона, когда онъ, послѣ провала билля въ палатѣ лордовъ, апеллировалъ къ странѣ. Популяриность Розберри сильно возросла во время этой агитаціи, когда онъ сталъ на сторону расширенія правъ низшихъ народныхъ классовъ и всюду сопровождалъ Гладстона на митингахъ и въ поѣздкахъ съ цѣлями агитаціи. Явная дружба, которую выказывалъ «великій старецъ» своему молодому коллегѣ, содѣйствовала поднятію фондовъ Розберри въ англійскомъ обществѣ и въ парламентѣ, но зато съ палатою лордовъ отношенія Розберри совершенно испортились, особенно послѣ того, какъ ему удалось восторжествовать надъ упорствомъ лордовъ и заставить ихъ принять гладстоновскій билль о реформѣ, пугая ихъ народнымъ негодованіемъ и даже уничтоженіемъ палаты лордовъ, если они, изъ партійной вражды и преданности рутинѣ, не захотятъ исполнить того, что требуетъ народъ.

И въ другихъ случаяхъ Розберри также оказывалъ сильную поддержку Гладстону и либеральной партіи. Особенно это выразилось въ 1885 году, въ одну изъ трудныхъ эпохъ, выпавшихъ на долю либеральной партіи, когда кабинетъ Гладстона подвергся яростнымъ нападкамъ своихъ политическихъ противниковъ, очутившись въ трудномъ положеніи вслѣдствіе суданскихъ затрудненій и англо-русскаго конфликта въ Афганистанѣ.

Въ третьемъ кабинетѣ Гладстона, въ 1866 г., Розберри занялъ уже постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Внѣшняя политика вообще привлекала его, и онъ стремился своимъ энергичнымъ образомъ дѣйствій доказать несправедливость обвиненій либеральнаго правительства въ томъ, что оно относится слишкомъ вяло и апатично къ вопросамъ, связаннымъ съ англійскимъ политическимъ престижемъ. Гладстонъ, поглощенный внутренними, главнымъ образомъ, ирландскими дѣлами, даже совершенно не мѣшался въ область внѣшней политики и предоставилъ ее совершенно лорду Розберри, а тотъ, въ свою очередь, держался въ сторонѣ отъ гомрулерской агитаціи и ничѣмъ не выразилъ своего отношенія къ расколу, который происходилъ въ то время въ средѣ либеральной партіи. Онъ, попрежнему, былъ поглощенъ внѣшнею политикой и въ одной изъ своихъ рѣчей довольно ясно высказалъ, что его интересуютъ, главнымъ образомъ, отношенія Англійи къ ея колоніямъ. Сближеніе метрополіи съ колоніями—вотъ то дѣло, которому онъ готовъ былъ служить всѣми своими силами и энергіей. Онъ мечталъ о федераціи, но мало-по-малу его мечты принимали болѣе рѣзко выраженный имперіалистскій характеръ. Онъ говорилъ: «намъ ставятъ на видъ, что наша имперія уже и такъ достаточно велика и не нуждается въ расширеніи. Да, это было бы вѣрно при другихъ условіяхъ, но мы должны сообразоваться не только съ тѣмъ, въ чемъ нуждаемся теперь, но и съ тѣмъ, въ чемъ будемъ нуждаться впослѣдствіи. Англичане должны позаботиться о томъ, чтобы міръ сдѣлался англосаксонскимъ, а не какимъ-нибудь инымъ!»

Въ этомъ пунктѣ между Гладстономъ и Розберри лежитъ коренное разногласіе. Гладстонъ былъ противникомъ колониальнаго расширенія; онъ жаловался, что у него нѣтъ достаточно людей для управленія всѣми британскими коло-

ніями, а Розберри, получавшій все болѣе и болѣе рѣзко выраженную имперіалистскую окраску, мечталъ уже не объ одномъ только сближеніи съ колоніями, а также о колониальномъ расширеніи. Такимъ образомъ, несмотря на то, что Розберри былъ членомъ кабинета Гладстона, онъ уже расходился во взглядахъ со своимъ премьеромъ, перейдя совершенно на сторону имперіалистовъ, и это выразилось особенно ярко въ вопросѣ объ Угандѣ. Гладстонъ хотѣлъ покинуть эту колонію, но Розберри настаивалъ на ея сохраненіи во власти англичанъ, и онъ восторжествовалъ, такъ что потомъ, дѣйствительно, можно было говорить, что если Уганда и сдѣлалась англійскою колоніей, то лишь благодаря энергичному настоянію лорду Розберри. Во всѣхъ колониальныхъ вопросахъ онъ выказывалъ себя имперіалистомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ опредѣленнѣе выражались его взгляды въ этомъ отношеніи.

Гладстонъ всегда относился не только дружески и покровительственно къ своему молодому коллегѣ, но старался выдвинуть его, высоко цѣняя способности, какъ государственнаго дѣятеля, хотя и не раздѣлялъ его имперіалистскихъ взглядовъ. Правда, это расхожденіе взглядовъ никогда не носило характера рѣзкаго несходства, и Розберри обыкновенно велъ себя очень сдержанно во всѣхъ вопросахъ, гдѣ это несходство могло бы привести къ конфликту. Это всего рѣзче выразилось въ отношеніяхъ Розберри къ Японіи и къ армянскому вопросу. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ европейскихъ министровъ, обратившихъ вниманіе на Японію, и въ 1895 году наотрѣзъ отказался присоединиться къ Россіи, Франціи и Германіи, требовавшимъ измѣненія Симоносекскаго трактата; онъ соблюдалъ полнѣйшій нейтралитетъ въ этомъ вопросѣ. Также точно онъ поступилъ и въ армянскомъ вопросѣ, несмотря на то, что Гладстонъ называлъ султана «великимъ убійцей», и его партія настаивала на рѣшительныхъ мѣрахъ противъ Турціи, безнаказанно расправлявшейя со своими армянскими подданными въ Малой Азіи.

Когда Гладстонъ, утомленный непрерывною политическою борьбою и сильно нуждавшійся въ отдыхѣ, удалился отъ дѣлъ, то преемникомъ его сдѣлался лордъ Розберри. Несмотря на то, что многіе уже раньше, видя, какъ отличаетъ

Гладстонъ своего молодого пріятеля въ министерствѣ, привыкли смотрѣть на Розберри, какъ на будущаго премьера, въ либеральной партіи не всѣ были довольны тѣмъ, что королева обратилась къ Розберри и поручила ему сформированіе кабинета. Нѣкоторые изъ очень вліятельныхъ либераловъ находили неудобнымъ имѣть первымъ министромъ пэра и притомъ такого, который никогда не засѣдалъ въ палатѣ общинъ. Именно палата общинъ служить полемъ для всякаго рода рѣшительныхъ политическихъ сраженій, и конечно, главнокомандующему, т.-е. первому министру, слѣдовало бы тутъ находиться, такъ какъ планъ парламентской кампаніи можетъ измѣниться въ какіе нибудь четверть часа, а между тѣмъ Розберри, какъ членъ палаты лордовъ, не могъ присутствовать въ палатѣ общинъ въ то время, когда его партія давала рѣшительное сраженіе, и это многими считалось крайне неудобнымъ и невыгоднымъ для министерства.

Лордъ Розберри, принимая постъ перваго министра, конечно зналъ, что нѣкоторые изъ его коллегъ не совсѣмъ довольны этимъ. Извѣстно было также, еще до ухода Гладстона, что по нѣкоторымъ вопросамъ внѣшней политики старый вождь либеральной партіи далеко не одного мнѣнія съ новымъ. Но для Розберри новый постъ нуженъ былъ не какъ увѣнчаніе его карьеры и не для упроченія положенія въ партіи, а для проведенія имперіалистскихъ принциповъ въ либеральную политику. Въ англійской политической жизни, какъ это, вѣроятно, бываетъ во всякой странѣ, имѣющей самоуправленіе, можно наблюдать періоды реакціи, которые кажутся неизбежными. Такой періодъ, по видимому, наступилъ, когда Гладстонъ сошелъ съ политической сцены. Въ началѣ его политической карьеры такая же точно реакція, вызванная агрессивною политикой Пальмерстона, помогла торжеству его взглядовъ и содѣйствовала могуществу и значенію либеральной партіи. Но къ концу парламентской карьеры Гладстона наступила такая же неизбежная реакція противъ его мирной и умѣренной политики. Эта реакція и должна была выдвинуть изъ рядовъ либеральной партіи лорда Розберри, проникнутаго болѣе другихъ имперіалистскими стремленіями. Но она же усилила расколъ либеральной партіи, начавшійся еще при Гладстонѣ, вслѣдствіе его ирландской политики, и лишила ее того

выдающагося значенія, которое она имѣла въ политической жизни страны.

Министерство Розберри было кратковременнымъ, но тенденціи его выразились вполне опредѣленно. Розберри искалъ сближенія съ тройственнымъ союзомъ и противо-дѣйствовалъ Россіи на Балканахъ, и хотя такая политика была популярна въ Англіи, но тѣмъ не менѣе кризисъ, переживаемый либеральною партіей, отразился и на положеніи кабинета. Розберри самъ чувствовалъ непрочность своего положенія, и это стѣсняло его дѣйствія противъ палаты лордовъ, которая своимъ постояннымъ сопротивленіемъ мѣшала кабинету и обрекала его на бездѣйствіе. Либеральная партія представляла довольно смѣшанную и разнородную коалицію либераловъ стараго закала, радикаловъ съ социалистскимъ оттѣнкомъ, ирландцевъ-католиковъ и диссидентовъ. Чтобы удовлетворить всѣ эти разнородные элементы, пришлось принять очень сложную программу реформъ, которыхъ требовала каждая фракція либеральной партіи, и каждая настаивала при этомъ, чтобы именно требуемая ею реформа была поставлена въ первую очередь; ирландцы настаивали на гомрулѣ и вознагражденіи выселенныхъ арендаторовъ, радикалы — на восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и парламентскомъ вознагражденіи; сельскіе избиратели требовали аграрной реформы, одни изъ диссидентовъ — отдѣленія церкви отъ государства въ Уэльсѣ, другіе — билля, дарующаго право каждому муниципалитету воспрещать продажу спиртныхъ напитковъ (local option bill) и т. д., и т. д. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ и совершенной невозможности угодить всѣмъ, министерство Розберри не могло продержаться долго. Къ тому же и самъ Розберри, заболѣвшій упорною бессонницей, причинявшей разстройство нервовъ, держалъ себя очень апатично и не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій. Раньше онъ категорически высказывался противъ палаты лордовъ, хотя былъ ея наслѣдственнымъ членомъ, и настаивалъ на необходимости отмѣны дискреціонной власти верхней палаты. Онъ даже руководилъ агитаціей противъ палаты лордовъ и въ своихъ публичныхъ рѣчахъ довольно рѣзко и не безъ остроумія, нападалъ на это устарѣвшее учрежденіе. Но сдѣлавшись первымъ министромъ, онъ, точно, опустилъ крылья и вяло

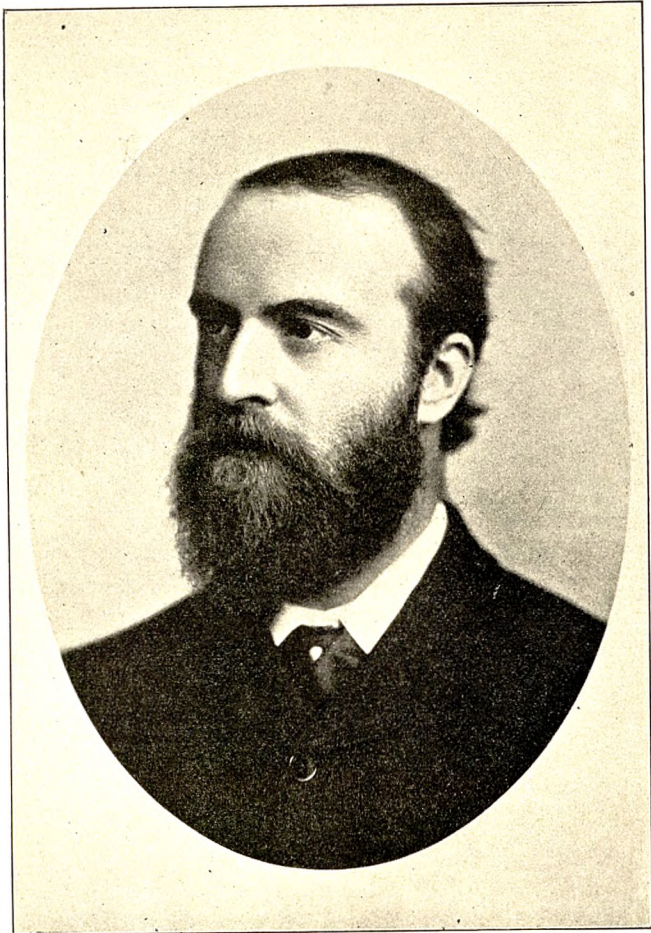
защищалъ свои взгляды. Ирландскій гомруль, ради котораго собственно и нужно было вести борьбу съ палатою лордовъ, не затрогивалъ его слишкомъ глубоко, и поэтому онъ отстранялся отъ борьбы; министерское же большинство все таяло и, наконецъ, сократилось до пятнадцати, такъ что случайно, вслѣдствіе отсутствія нѣсколькихъ членовъ, кабинетъ очутился въ меньшинствѣ, и лордъ Розберри тотчасъ же вышелъ въ отставку. Послѣдовало распущеніе палаты и общіе выборы, уже окончательно подтвердившіе реакцію противъ гладстоновской политики. Консерваторы въ союзѣ съ уніонистами дѣйствовали очень дружно во время избирательной кампаніи, тогда какъ либеральная коалиція совѣмъ распалась. Въ результатѣ консерваторы вернулись къ власти, опираясь на огромное большинство, а лордъ Розберри сдѣлался лидеромъ либеральной партіи въ оппозиціи. Но онъ недолго сохранялъ и это положеніе. Консервативное министерство Сольсбѣри, въ которомъ главнымъ руководящимъ лицомъ былъ Чэмберленъ, всецѣло было проникнуто имперіалистскими идеями и энергично продолжало имперіалистскую политику Биконсфильда. Это былъ періодъ расцвѣта имперіализма, охватившаго все круги англійскаго общества и выдвинувшаго на сцену націоналистическія стремленія и страсти. Розберри, — убѣжденный имперіалистъ, но по традиціямъ либеральной партіи, къ которой онъ принадлежитъ, не долженъ былъ одобрять имперіалистской политики. Получилось удивительное разногласіе, которое, очевидно, и заставило Розберри сложить съ себя званіе лидера оппозиціи, т. е. перестать быть главнокомандующимъ либеральною арміею въ парламентѣ.

Непосредственнымъ поводомъ къ такому поступку лорда Розберри послужило его разногласіе съ Гладстономъ въ вопросѣ о турецкихъ дѣлахъ. Розберри былъ противъ вмѣшательства Англій въ дѣйствія оттоманскаго правительства относительно его христіанскихъ подданныхъ. Но были и другія соображенія, побуждавшія его отказаться отъ лидерства въ либеральной партіи. Ни Джонъ Морлей, ни Уильямъ Гаркуръ—эти столпы либеральной партіи, не раздѣляли его имперіалистскихъ воззрѣній, и такъ какъ на политическомъ горизонтѣ уже вырисовывался призракъ южноафриканскаго вопроса, то Розберри, предвидя усиленіе раз-

ногласій между собою и своими коллегами въ либеральной партіи, предпочелъ удалиться. Онъ пересталъ руководить партіей и остался только членомъ палаты лордовъ. Но съ этого момента расколъ въ либеральной партіи началъ обнаруживаться все рѣзче и глубже. Война въ южной Африкѣ еще усилила разногласія въ ея средѣ и углубила пропасть, раздѣлявшую ея членовъ. Вѣрные традиціямъ либеральной политики, Морлей и другіе осуждали дѣйствія правительства и въ парламентѣ и внѣ его, но настроеніе общества было противъ нихъ. Лишь очень немногіе изъ либераловъ уцѣлѣли отъ этого напора имперіалистскихъ тенденцій; большинство начало склоняться въ пользу тѣснѣйшаго сближенія съ колоніями, и хотя не одобряло, по прежнему, южно-африканской войны, но уже не съ такою рѣзкостью возставало противъ нея и больше распространялось о негуманномъ и нераціональномъ способѣ ея веденія. Но лордъ Розберри никогда и не былъ ея противникомъ. Онъ настолько раздѣлялъ взгляды Чэмберлена и другихъ уніонистовъ, что невольно возникалъ вопросъ, почему это онъ считается либераломъ? Ирландскій гомруль, отмѣна прерогативъ палаты лордовъ,—все это давно уже было вычеркнуто Розберри изъ своей программы и замѣнено символомъ вѣры имперіалистовъ, заключающимся въ томъ, что долгъ Англій и ея право — разносить цивилизацію и утверждать свое господство вездѣ, въ такихъ частяхъ міра, гдѣ еще царствуетъ тьма и полная дезорганизация. Какъ далеко это отъ Gladstonovskago либеральнаго принципа, возлагающаго на Англію благородную обязанность сохраненія мира, распространенія просвѣщенія и благосостоянія среди народовъ, уже находящихся подъ ея верховнымъ покровительствомъ и владычествомъ! Либералы и имперіалисты, по традиціи Gladstonovskago, должны бы представлять двѣ, совершенно разныя политическія школы, но увлекаемые теченіемъ либералы становятся имперіалистами, и поэтому-то и могло появиться на свѣтъ такое странное учрежденіе, какъ «имперіалистская либеральная лига», президентомъ которой съ 1902 года состоитъ лордъ Розберри, въ послѣднее время особенно подчеркивающій свою принадлежность къ либеральной партіи. Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что Розберри не входитъ въ составъ консервативно-уніонистской ассоціи,

съ которою у него гораздо больше общаго, нежели съ либералами. Но онъ знаетъ, что либеральная партія раскололась на нѣсколько группъ, что она не составляетъ уже мощной и единой политической коалиціи, что она уже отреклась отъ многихъ принциповъ своего великаго вождя и теперь должна найти какой-нибудь новый, объединяющій принципъ, вокругъ котораго могла бы сплотиться, чтобы вернуть свое прежнее могущество. Станнымъ образомъ именно на лорда Розберри, одного изъ убѣжденныхъ имперіалистовъ, возлагаются надежды, какъ на человѣка, который въ состояніи объединить разрозненную партію и вдохнуть въ нее новыя силы. Признаки наступающей реакціи противъ чэмберленовской политики и его протекціонистскихъ увлеченій, негодованіе, вызванное разоблаченіями дѣйствій администраціи во время послѣдней войны, двойственное поведеніе Бальфура и его вліяніе въ вопросахъ экономической политики—все это заставляетъ ждать поворота общественнаго мнѣнія. Но врядъ ли возможно возвращеніе либеральной партіи къ ея прежнимъ традиціямъ, и вѣрнѣе, что лордъ Розберри, начавшій очень часто выступать публично въ послѣднее время, имѣетъ намѣреніе создать изъ остатковъ прежней великой либеральной партіи новую партію либераловъ-имперіалистовъ, болѣе отвѣчающихъ духу времени, нежели тѣ либералы, которые остались вѣрны завѣтамъ того, котораго всѣ англичане, безъ исключенія, не только друзья, но и враги, называли «The Great Old Man».

Розберри былъ два раза министромъ иностранныхъ дѣлъ, два раза былъ избранъ предсѣдателемъ совѣта лондонскаго графства. Онъ былъ первымъ министромъ, лидеромъ либеральной партіи, президентомъ всевозможныхъ важныхъ учрежденій, президентомъ конгресса соціальныхъ наукъ, лордомъ-ректоромъ двухъ главныхъ университетовъ, и наконецъ... онъ два раза выигралъ призъ на скачкахъ Дерби! Чего же еще можетъ желать честолюбіе современнаго англичанина? Но лордъ Розберри явно не удовлетворяется этимъ. У него есть идея и эта идея—возрожденіе либеральной партіи на обломкахъ старой, съ новыми традиціями, новыми завѣтами. Удастся ли ему это—покажетъ будущее.

Парнелль.

(Съ фотографии).

VII.

Чарльзъ Стюартъ Парнелль.

Некоронованный король Ирландіи.

Ирландскіе избиратели, собравшіеся лѣтомъ 1874 года на митингъ въ Дублинѣ, чтобы послушать новаго кандидата ирландской партіи гомруля, Чарльза Парнелля, конечно должны были испытать и большое удивленіе и большое разочарованіе, такъ какъ молодой ораторъ, рекомендованный комитетомъ, оказался ниже всякой критики. Никто не могъ понять, что такое онъ хотѣлъ сказать въ своей рѣчи; онъ что-то невнятно бормоталъ, останавливался посрединѣ фразы, отыскивая подходящее выраженіе и, не находя его, вдругъ умолкалъ. Слушатели не знали, смѣяться имъ или негодовать, и съ удивленіемъ переглядывались и пожимали плечами, спрашивая другъ друга, что за фантазія пришла комитету выставять подобнаго кандидата.

Таковъ былъ первый и неудачный дебютъ того, кто въ очень короткое время послѣ этого пораженія заставилъ о себѣ говорить не только Англію, но и Европу, и показалъ, какихъ результатовъ можетъ достигнуть вождь партіи, обладающій желѣзною волей и рѣшительностью. Чарльзъ Парнелль очень быстро сдѣлался признаннымъ вождемъ ирландской партіи, несмотря на свою первую неудачу на парламентскихъ выборахъ, и былъ прозванъ впоследствии «некоронованнымъ королемъ Ирландіи». Онъ не обладалъ тѣмъ блестящимъ ораторскимъ краснорѣчіемъ, при помощи котораго обыкновенно достигаютъ власти и руководства въ демократическомъ движеніи, но благодаря энергіи и желѣзной волѣ, онъ не только добился, что его стали слушать и ему стали повиноваться, но черезъ нѣсколько лѣтъ

послѣ своего перваго дебюта, онъ пріобрѣлъ репутацію одного изъ лучшихъ ораторовъ англійскаго парламента.

Когда Парнелль выступилъ на общественномъ поприщѣ, то во главѣ новаго ирландскаго движенія, такъ называемой партіи гомруля, т. е. самоуправленія Ирландіи (автономнаго правительства съ ирландскимъ парламентомъ во главѣ), стоялъ Исаакъ Бьютъ. Это былъ сынъ протестантскаго священника въ сѣверной Ирландіи, наслѣдовавшій воззрѣнія господствующей касты, но, добрый, отзывчивый, онъ не могъ относиться индифферентно къ страданіямъ своей родины и поэтому былъ увлеченъ общимъ теченіемъ, которое и превратило его изъ консерватора въ либеральнаго ирландца. Несмотря на свои консервативные инстинкты, онъ примкнулъ, все-таки, къ движенію, носившему въ сущности революціонный характеръ, и всегда очень ревниво и заботливо оберегалъ права и свободу Ирландіи, стоя въ то же время на сторонѣ законности и порядка. Слабый и мягкій, онъ совершенно не могъ имѣть вліянія и не способенъ былъ быть вождемъ, не умѣя подчинять себѣ людей и внушать довѣріе, несмотря на весь свой умъ, талантъ и обширную образованность и познанія. Ирландская политическая партія подъ его руководствомъ не имѣла ровно никакого значенія въ парламентѣ. Ирландскихъ депутатовъ даже никто не слушалъ, а если и поднимались иногда пренія по ирландскому вопросу, то они не производили особеннаго впечатлѣнія, даже въ Ирландіи, тѣмъ болѣе, что большинство ирландцевъ, все-таки, оставалось убѣжденнымъ, что конституціонными пріемами Ирландія ничего не добьется отъ Англии. Но Бьютъ былъ врагъ крайнихъ мѣръ и дѣйствовалъ такъ, какъ будто бы онъ былъ увѣренъ, что съ теченіемъ времени сама Англія сознаетъ необходимость дать Ирландіи самоуправленіе и что если англійскій парламентъ не соглашается на это, то лишь вслѣдствіе какого то недоразумѣнія, которое должно разсѣяться само собой, между тѣмъ какъ крайнія средства, которыя проповѣдовали нѣкоторыя фракціи, только могутъ повредить дѣлу. Этой увѣренности, повидимому, не могло поколебать даже то, что всѣ, предлагаемыя Бьютомъ схемы ирландскихъ реформъ, неизмѣнно отвергались палатою общинъ, и человекъ, менѣе уступчивый и болѣе раздражительный, чѣмъ Исаакъ Бьютъ, могъ бы,

наконецъ, потерять терпѣніе и прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ. Онъ же ограничивался только тѣмъ, что при каждомъ удобномъ случаѣ напоминалъ объ Ирландіи въ палатѣ общинъ, но въ лучшемъ случаѣ добивался только полумѣръ, направленныхъ къ нѣкоторому облегченію состоянія страны.

Таково было положеніе ирландскаго вопроса, когда къ Бьюту, въ Дублинѣ, явился молодой человѣкъ, безукоризненно одѣтый и по наружности и манерамъ настоящій англійскій лэндлордъ. Это былъ Чарльзъ Парнелль, явившійся, чтобы предложить Бьюту свои услуги въ качествѣ кандидата на предстоящихъ парламентскихъ выборахъ. Бьютъ никогда раньше не видалъ его и ничего о немъ не слышалъ, такъ какъ молодой Парнелль, повидимому, мало интересовался политикой и со страстью занимался всякаго рода спортомъ. Но семья Парнелля была извѣстна Бьюту, и самъ Парнелль ему понравился, такъ что Бьютъ потомъ говорилъ своимъ друзьямъ, что онъ — находка для партіи, такъ какъ носить историческое имя. Семья Парнелля принадлежала къ старинному, богатому, англійскому дворянскому роду, давно уже переселившемуся въ Ирландію, но, несмотря на англійское происхожденіе и принадлежность къ господствующей церкви, всегда отличалась любовью и преданностью къ Ирландіи и такою же горячею ненавистью къ Англій. Такимъ образомъ семейная обстановка Парнелля и, главное, его средства, такъ какъ касса ирландской партіи въ то время была очень бѣдна, говорили въ его пользу и заставили Бьюта согласиться выставить его кандидатомъ партіи. Какъ мы уже знаемъ, эта первая попытка была неудачна, но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ Парнелль уже засѣдалъ въ парламентѣ; онъ былъ избранъ на дополнительныхъ выборахъ, когда оказалось вакантное мѣсто, вслѣдствіе смерти одного изъ депутатовъ.

Его первая рѣчь, произнесенная въ парламентѣ въ апрѣлѣ 1875 года, произвела впечатлѣніе. Онъ доказывалъ, что въ пренебреженіи принципами самоуправленія лежитъ корень всѣхъ ирландскихъ затрудненій. Англія должна помнить, сказалъ онъ, что Ирландія вовсе не географическій фрагментъ, а нація, («That Ireland was not a geographical fragment but a nation»). Холодный, очень сдержанный, съ безукоризненными манерами англійскаго джентльмена, съ

умомъ строго логическимъ и необычайно трезвымъ, Парнелль импонировалъ своимъ противникамъ, рѣзко отличаясь отъ своихъ пылкихъ и увлекающихся товарищей. Въ его краснорѣчїи не было и слѣда паѳоса, но логика у него была бичующая, онъ не отвлекался въ сторону, не дѣлалъ поэтическихъ сравненій, но все, что онъ говорилъ, было строго обдуманно и подкрѣплялось фактами; притомъ онъ никогда не терялъ самообладанія, и никакія вспышки негодованія и выходки его противниковъ не могли заставить его нарушить сдержанность. Въ этомъ изумительномъ хладнокровїи и самообладанїи крылась причина успѣха Парнелля. Онъ заставлялъ себя слушать, и послѣ первой же его рѣчи англійскіе депутаты поняли, что въ немъ они имѣютъ серьезнаго противника и настоящаго вождя партїи.»

«Мы все только слышимъ о правахъ собственниковъ въ Ирландїи, — сказалъ онъ, — здѣсь объ этомъ постоянно говорится, но никто еще ни слова не вымолвилъ объ ихъ обязанностяхъ». Парнелль говорилъ сдержанно и спокойно, но въ его словахъ чувствовалась такая сила, что всѣ ораторы противоположной партїи стали только къ нему обращать свои возраженія и прямо на него направляли стрѣлы своего краснорѣчїя, оставляя въ сторонѣ всѣхъ прочихъ членовъ ирландской партїи. Эти послѣдніе съ удивленіемъ приглядывались къ своему новому товарищу, такъ же, какъ и онъ къ нимъ. Въ ирландской партїи не было никакого единенія; члены ея постоянно между собою ссорились, дѣйствовали въ разбродъ, и злые шутники даже говорили про нихъ, что они не разговариваютъ другъ съ другомъ и взаимныя сношенія поддерживаютъ лишь при посредствѣ своихъ же враговъ — англичанъ. Словомъ: члены ирландской партїи были посмѣшищемъ въ палатѣ общинъ, и Парнелль очень остро чувствовалъ унижительность такого положенія. Онъ отлично сознавалъ, что при такихъ условїяхъ нельзя ничего добиться отъ англійскаго парламента, и задумалъ поэтому реорганизовать ирландскую партїю, усилить ея значеніе въ политикѣ и сдѣлать ее болѣе могущественной. Англійскія партїи въ палатѣ общинъ игнорировали представителей Ирландїи, и Парнелль твердо рѣшилъ доказать имъ, что они неправы. Онъ сказалъ: «Моя политика будетъ не политикою примиренія, а политикою возмездія!»

и дѣйствительно сдержалъ свое слово, начавъ ожесточенную борьбу со всѣми англійскими партіями и палатою общинъ. Но прежде чѣмъ выступить на арену политической борьбы, онъ изучилъ до тонкости всѣ правила парламентской процедуры, на что посвятилъ цѣлый годъ. Ему не трудно было открыть слабые пункты парламентской системы, на которые онъ могъ направить свои удары. Онъ рѣшилъ воспользоваться своимъ знаніемъ и совершенно приостановить дѣятельность парламента, посредствомъ примѣненія obstructiоn, заставивъ, такимъ образомъ, волей неволей обратить вниманіе на ирландскія дѣла. Согласно парламентскимъ традиціямъ, каждый членъ палаты имѣлъ право говорить по поводу какого-нибудь вопроса столько времени, сколько онъ захочетъ, т. е. неопредѣленное время. Кромѣ того, депутатъ имѣлъ право вносить поправки къ каждому слову обсуждавшагося законопроекта и требовать голосованія посредствомъ «division», т. е. дѣленія депутатовъ на двѣ части, и выхода и входа ихъ по одиночкѣ черезъ опредѣленные проходы, спеціально устроенные для голосованія, что, разумѣется, сильно замедляло ходъ преній. Но были еще и другіе способы затянуть пренія до безконечности: внесеніе предложеній объ отсрочкѣ, заявленіе о недостаточномъ числѣ присутствующихъ депутатовъ, что влекло за собою немедленную провѣрку и т. п. Такими средствами группа рѣшительныхъ депутатовъ въ палатѣ могла постоянно задерживать окончательное голосованіе какого-нибудь законопроекта и сводить къ нулю всю парламентскую дѣятельность. Къ такой именно тактикѣ и прибѣгнулъ Парнелль, и начиная съ 1877 года неуклонно придерживался ея въ палатѣ, весьма быстро достигнувъ своей цѣли и затормозивъ государственную жизнь Англій, сосредоточилъ всѣ взоры на ирландскомъ вопросѣ.

Для того, чтобы привести въ исполненіе свои парламентскіе планы, Парнелль долженъ былъ имѣть въ своемъ распоряженіи хотя и небольшую, но сплоченную и хорошо дисциплинированную группу. Члены ирландской партіи, однако, не сразу послѣдовали за нимъ, они сильно колебались сначала, и большинство, все-таки, группировалось около Бьюта. Энергія и твердость Парнелля, впрочемъ, сдѣлали свое дѣло, и мало-по-малу около него сконцентрировалась

небольшая группа, готовая признать его своимъ вождемъ и идти за нимъ куда угодно. Это и была «ирландская дружина», такъ много потомъ заставившая говорить о себѣ. Члены этой дружины слѣпо повиновались своему вождю. Онъ импонировалъ имъ своимъ хладнокровіемъ, своею выдержкою и преданностью дѣлу Ирландіи. Въ искренности Парнелля никто не сомнѣвался, припоминали, что съ отцовской стороны онъ происходилъ отъ семьи, имѣвшей своихъ представителей въ ирландскомъ парламентѣ, и одинъ изъ его родственниковъ былъ ярымъ противникомъ уніи. Съ материнской же стороны Парнелль былъ внукомъ одного американца, стяжавшаго себѣ громкое имя въ войнѣ за независимость и извѣстнаго своею ненавистью къ Англіи. Эту наслѣдственную ненависть Парнелля къ доминирующей націи не могло, повидимому, уничтожить и воспитаніе, полученное Парнеллемъ въ Англіи, въ Кэмбриджскомъ университетѣ. Впрочемъ, онъ съ ранняго дѣтства уже знакомъ былъ съ ирландскими бѣдами и научился сочувствовать ирландскимъ мятежникамъ, которые находили убожище въ домѣ его родителей. Онъ прислушивался къ словамъ старыхъ ветерановъ ирландскаго движенія и дрожалъ отъ негодованія, когда они рассказывали про звѣрскія расправы англичанъ во время усмиренія бунта 1798 года. Въ домѣ же своихъ родителей онъ познакомился и съ феніями, которые укрывались тамъ, послѣ неудачной попытки къ возмущенію въ 1867 году. Одна изъ сестеръ Парнелля была даже постоянною сотрудницею феніанскихъ органовъ печати. По ея словамъ казнь трехъ феніевъ, повѣшенныхъ въ 1867 году, по обвиненію въ недоказанномъ убійствѣ одного полисмена въ Манчестерѣ, во время попытки освободить арестованныхъ заговорщиковъ, произвела сильное впечатлѣніе на ея брата, которому былъ тогда 21 годъ. Это произвело въ немъ большую перемену и заставило задуматься о судьбахъ родины. Неудивительно, что выросшій въ такой домашней атмосферѣ, Парнелль, не могъ примириться съ тактикою Бьюта и не замедлилъ показать это, когда сдѣлался парламентскимъ дѣятелемъ. Несмотря на свою холодную внѣшность, сдержанныя манеры, онъ могъ чувствовать сильно и глубоко. Притомъ онъ былъ честолюбивъ и, конечно, мечталъ сдѣлаться настоящимъ

вождемъ ирландскаго народа, освобожденнаго отъ англійскаго ига.

Свои симпатіи къ феніанскому движенію Парнелль никогда не скрывалъ и не замедлилъ обнаружить ихъ и въ палатѣ общинъ, когда въ 1876 году канцлеръ казначейства Гиксъ Бичъ случайно упомянулъ объ арестѣ феніевъ въ Манчестерѣ и назвалъ ихъ убійцами. При этихъ словахъ съ ирландскихъ скамей раздалось восклицаніе: «Нѣтъ! Нѣтъ!» Тогда канцлеръ выразилъ сожалѣніе, что въ палатѣ общинъ нашелся членъ, оправдывающій убійство. Слова относились къ Парнеллю, потому что это онъ издалъ восклицаніе, и поэтому онъ отвѣчалъ: «Я желаю заявить, насколько возможно громко и публично, что я не вѣрю и никогда не повѣрю въ то, что въ Манчестерѣ было совершено намѣренное убійство!» Эта смѣлая защита, вызвавшая негодованіе англійскихъ депутатовъ, обратила на Парнелля вниманіе феніанскихъ организацій, потерявшихъ уже всякое довѣріе къ Бьюту и не ожидавшихъ отъ парламентской ирландской партіи никакой особенной пользы для страны. Появленіе Парнелля все это измѣнило, и когда онъ изложилъ товарищамъ свой планъ кампаніи, то у феніевъ воскресли надежды, что нашелся настоящій вождь ирландскаго народа. Какъ и слѣдовало ожидать, Исаакъ Бьютъ возсталъ противъ плана Парнелля. Онъ находилъ опаснымъ ссориться съ англійскимъ парламентомъ, что неминуемо должно было бы произойти, еслибы ирландцы стали немѣнно тормозить его дѣятельность. Бьютъ все надѣялся добиться уступокъ законными путями, но Парнелль настаивалъ на своемъ, доказывая, что никакихъ добровольныхъ уступокъ нельзя ожидать отъ англійскаго правительства, и что ихъ надо вырвать силой; необходимо заставить англійское правительство обратить вниманіе на ирландскій вопросъ. Слабый и не пользовавшійся вліяніемъ Бьютъ, конечно, не въ силахъ былъ бороться съ Парнеллемъ, въ которомъ ирландцы уже начинали видѣть своего истиннаго вождя. Съ 1877 года Бьютъ оставался только номинальнымъ вождемъ партіи, и Парнелль могъ осуществить свой планъ обструкціи, распредѣливъ роли между своими приверженцами. Первую пробу онъ сдѣлалъ лѣтомъ 1877 года, во время обсужденія какого-то неважнаго билля. Ничего

не подозрѣвавшіе англійскіе депутаты сначала были изумлены необычайною придирчивостью Парнелля, и тѣмъ, что онъ такими пустяками занимаетъ палату, сбивая съ толку докладчика своими непрерывными вопросами. Имъ и въ голову не приходило, что тутъ они имѣютъ дѣло съ вполне выработаннымъ планомъ дѣйствій, но имъ скоро пришлось въ этомъ убѣдиться. Во время обсужденія другого законопроекта повторилось то же самое, Парнелль вмѣшивался безъ конца и такъ затянулъ пренія, что засѣданіе продолжалось съ четырехъ часовъ пополудни до четверти восьмого утра другого дня, и, все-таки, голосованіе билля не могло состояться.

Англійскіе депутаты были взбѣшены, но Парнелль дѣйствовалъ такъ искусно, не выходя ни на шагъ за предѣлы законности, что придраться къ нему не было никакой возможности. Онъ такъ превосходно изучилъ парламентскій регламентъ, что могъ заткнуть за поясъ кого угодно изъ самыхъ опытныхъ парламентскихъ дѣятелей, и зачастую конфузиль лидера палаты общинъ, указывая ему на его промахи. А главное, онъ былъ спокоенъ, никогда не выходилъ изъ себя, не горячился, и это еще болѣе раздражало его оппонентовъ, которые рѣшительно не знали, какъ его уязвить. Само собою разумѣется, что скоро на Парнелля было обращено всеобщее вниманіе, въ лондонскомъ обществѣ имъ сильно заинтересовались, о немъ говорили во всѣхъ кругахъ и съ жгучимъ любопытствомъ слѣдили за ходомъ парламентскихъ дебатовъ, когда въ нихъ принималъ участіе Парнелль.

А онъ, доведя до изступленія своихъ противниковъ, оставался стоять, спокойно и непоколебимо, точно скала, которую невозможно сдвинуть съ мѣста, и всѣми своими дѣйствіями ясно давалъ понять, что онъ не уступитъ, и что если англійскій парламентъ не пойдетъ на компромиссъ, то и четверти законопроектовъ, признаваемыхъ безусловно необходимыми, въ предстоящую сессію не будетъ вотировано.

Борьба загорѣлась не на шутку. Съ одной стороны, Парнелль со своею небольшою, но хорошо дисциплинированную «дружиною», съ другой—всѣ остальные члены парламента, терпѣніе которыхъ Парнелль подвергалъ тяжелому испытанію. Своею тактикой Парнелль постоянно разстраивалъ планы правительства и, хотя онъ самъ и его привер-

женцы бывали, по временамъ, доведены до изнеможенія безконечно длинными, ночными засѣданіями, но, тѣмъ не менѣе его хладнокровіе, стойкость и ловкость, а также искусство говорить самыя обидныя вещи такимъ сдержаннымъ тономъ и такъ невозмутимо и спокойно, что къ нему невозможно было придратъся, выдвинули его на первый планъ въ парламентѣ, и его вліяніе и значеніе съ каждымъ днемъ усиливались. Мало-по-малу онъ окончательно вытѣснилъ номинальнаго лидера ирландской партіи, Бьюта, протестовавшаго противъ его парламентской политики, и сдѣлался признаннымъ вождемъ ирландской партіи въ парламентѣ, которая, съ этого момента, начала усиливаться послѣ каждой парламентской сессіи. Напрасно въ палатѣ общинъ были вотированы строгія резолюціи, имѣвшія въ виду препятствовать обструкціонистской политикѣ, напрасно Бьютъ взывалъ къ умѣреннымъ членамъ ирландской партіи и громилъ политику Парнелля, называя ее революціонной и говоря, что она только можетъ помѣшать дѣлу гомруля—Парнелль продолжалъ неуклонно итти избраннымъ путемъ, и число его послѣдователей съ каждымъ днемъ увеличивалось. Всѣ тѣ, кто стремился къ «активной политикѣ», тотчасъ же примкнули къ Парнеллю, а за ними и другіе, которые сначала колебались и боялись обостренія отношеній между парламентомъ и ирландцами. Слѣдующій случай, однако, уничтожилъ послѣднія колебанія и окружилъ Парнелля ореоломъ, окончательно укрѣпивъ его репутацію вождя. Въ палату былъ внесенъ для обсужденія билль о южно-африканскихъ колоніяхъ и отношеніяхъ Англій къ Трансваальской республикѣ, которую британское правительство уже тогда очень желало присоединить къ своимъ владѣніямъ. Парнелль опять-таки воспользовался этимъ биллемъ, какъ поводомъ къ обструкціи. Онъ приставалъ къ докладчику съ различными вопросами, выражалъ недоумѣніе, просилъ разъясненій, словомъ, придирался къ каждому слову и до того извелъ его, что онъ готовъ былъ просить пощады, тѣмъ болѣе, что и прочіе ирландскіе депутаты, слѣдуя примѣру вождя, буквально не давали покоя своими придирадками. Сначала англійскіе депутаты пробовали разговорами и шумомъ помѣшать Парнеллю, и всячески старались показать ему, что на него никто не обращаетъ вниманія, и никто его не слушаетъ,

но Парнелля это, разумѣется, смутить не могло. Онъ даже и это сумѣлъ обратить въ свою пользу и заявилъ, что постоянный шумъ мѣшаетъ ему какъ слѣдуетъ изложить свои взгляды, и поэтому-то онъ такъ путается и повторяется и т. п., такъ что невольно затягиваетъ пренія. Время между тѣмъ шло, и какъ ни старался канцлеръ подвинуть пренія, но ему это никакъ не удавалось. Онъ едва сдерживалъ нетерпѣніе, тогда какъ Парнелль продолжалъ все также спокойно и хладнокровно говорить о южно-африканскихъ дѣлахъ и, наконецъ, перешелъ къ Ирландіи. Всѣ встревожились, когда онъ, все съ тѣмъ же презрительнымъ спокойствіемъ, заявилъ, что англійскому парламенту слѣдовало бы раньше позаботиться о приведеніи въ порядокъ дѣлъ съ тѣми націями, которыя должны быть ему подчинены, а затѣмъ уже заниматься колоніями, въ родѣ Южной Африки. Высказавъ такой взглядъ, Парнелль началъ развивать его далѣе и доказывать, что, въ сущности, идея федераціи южно-африканскихъ земель служить Англійи лишь для прикрытія своей далеко не безкорыстной политики. Англійское правительство, на самомъ дѣлѣ, нисколько не принимаетъ во вниманіе интересовъ своихъ колоній, и ему нѣтъ никакого дѣла до ихъ желаній. «И вы хотите, чтобы мы и дальше помогали вамъ приводить въ исполненіе такую эгоистическую и своекорыстную политику?—сказалъ Парнелль. — Нѣтъ! Я пришелъ сюда изъ Ирландіи, изъ страны, которая больше всего страдаетъ отъ тиранніи и жестокости англичанъ, отъ ихъ вмѣшательства въ ирландскія дѣла; поэтому-то я и нахожу особенное наслажденіе въ томъ, чтобы тормозить дѣятельность британскаго правительства и мѣшать его намѣреніямъ относительно южной Африки!»

Взрывъ негодованія раздался въ палатѣ. Особенно разсердилъ англійскихъ депутатовъ тонъ Парнелля, презрительный и холодный, и тотчасъ же было заявлено требованіе, чтобы слова Парнелля были занесены въ протоколъ, а онъ самъ удаленъ изъ залы засѣданія. Какъ! Онъ въ теченіе цѣлой сессіи мѣшалъ парламенту спокойно заниматься дѣлами и теперь еще, въ довершеніе всего, осмѣливается оскорблять англійскую націю своими инсинуаціями. Нѣтъ, это было больше, чѣмъ могли вынести англійскіе депутаты! Взбѣшенный канцлеръ казначейства вскочилъ съ своего

мѣста и внесъ предложеніе о немедленномъ исключеніи Парнелля изъ палаты общинъ.

Однако, Парнелль ни на секунду не потерялъ своего самообладанія и хладнокровія, предоставляя депутатамъ изливать свое негодованіе сколько имъ угодно. Онъ, какъ будто, даже совершенно игнорировалъ ихъ яростныя нападки. Только когда канцлеръ казначейства потребовалъ его удаленія на три дня, онъ съ ледянымъ спокойствіемъ возразилъ, что въ сказанныхъ имъ словахъ не заключается ничего, выходящаго за предѣлы установленныхъ обычаевъ, тогда какъ канцлеръ казначейства поступаетъ неправильно и какъ разъ наперекоръ обычаямъ, потому что вноситъ второй билль объ изгнаніи депутата, не покончивъ сначала съ первымъ объ южной Африкѣ.

Разумѣется, это еще болѣе усилило раздраженіе англійскихъ депутатовъ, но они ровно ничего не могли сдѣлать. Съ конституціонной точки зрѣнія Парнелль былъ правъ; ему никто не могъ воспретить высказывать свои мысли, такъ какъ парламентскій уставъ не запрещалъ этого депутатамъ, а за презрительный тонъ нельзя же было его наказывать! Всѣ были возмущены, особенно потому, что сознавали свое безсиліе, и только одинъ Парнелль оставался попрежнему спокоенъ, какъ будто дѣло его не касалось. Но для всѣхъ было ясно, что тутъ онъ одержалъ свою первую побѣду надъ парламентомъ. Онъ отлично зналъ, что въ Англии, ни правительство, ни палата, ни канцлеръ никогда бы не рѣшились итти противъ закона, и поэтому Парнелль не только не подвергся исключенію за свои слова о своекорыстной политикѣ британскаго правительства, но даже повторилъ ихъ, нисколько не смягчивъ своихъ выраженій. Пренія возобновились, и Парнелль продолжалъ свою тактику настолько успѣшно, что засѣданіе затянулось до шести часовъ утра и, все-таки, окончилось ничѣмъ, т. е. палата разошлась, не принявъ никакого рѣшенія относительно билля о южной Африкѣ.

Послѣ этого инцидента имя Парнелля сдѣлалось извѣстно во всей Великобританіи. О немъ заговорила и европейская печать, такъ какъ обструкціонизмъ въ парламентской жизни, хотя и не былъ изобрѣтеніемъ Парнелля, но никѣмъ еще не былъ примѣненъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ и такъ систематически, какъ это дѣлалъ Пар-

нелль. Всѣхъ заинтересовала дуэль ирландскаго депутата съ англійскимъ парламентомъ, и многіе восхищались необычайнымъ хладнокровіемъ Парнелля и искусствомъ, съ которымъ онъ отражалъ всѣ направленные противъ него удары.

Когда, черезъ недѣлю, палата снова приступила къ обсужденію билля объ южной Африкѣ, то Парнелль ухитрился такъ затянуть пренія, что засѣданіе продолжалось весь день и всю ночь, и только спустя 26 часовъ злосчастный билль былъ, наконецъ, вотированъ. Депутаты совсѣмъ изнемогли, потому что засѣданіе продолжалось безъ перерыва, и одинъ только Парнелль, какъ ни въ чемъ не бывало, выглядѣлъ бодро, говорилъ все также логично, слушалъ все также внимательно и не давалъ покоя своими запросами. Остальные депутаты не въ состояніи были выдержать такого испытанія и поэтому рѣшили раздѣлиться на группы, такъ что одна группа слушала Парнелля и отвѣчала ему, а другія въ это время спали... Парнелль нисколько не смутился этимъ и тоже объявилъ, что онъ будетъ чередоваться съ другимъ ирландскимъ депутатомъ, Бинаромъ; одинъ изъ нихъ будетъ говорить и занимать палату, а другой въ это время будетъ спать.

Такимъ образомъ пренія продолжались всю ночь, и лондонскіе граждане, не подозрѣвавшіе, что творится въ парламентѣ, были очень удивлены, прочтя на другое утро въ газетахъ, что засѣданіе продолжается безъ перерыва цѣлыя сутки. Сенсація была огромная, и имя Парнелля было у всѣхъ на устахъ.

Конечно, наиболѣе сильное впечатлѣніе парламентскіе подвиги Парнелля произвели въ Ирландіи. Тамъ только и говорили, что о новой политикѣ, и торжествовали побѣду Парнелля надъ англійскимъ парламентомъ, дѣятельность котораго ему удалось совершенно затормозить. Слава Парнелля быстро возростала въ Ирландіи, и чѣмъ больше негодовали на него англичане, тѣмъ большимъ ореоломъ окружали его ирландцы, и только небольшая партія умѣренныхъ, группировавшихся около Бьюта, и не желавшихъ ссориться съ англичанами, рассчитывая добромъ добиться отъ нихъ уступокъ и желаннаго гомруля, негодовала на Парнелля и, не хуже англичанъ, бранила его, утверждая, что его такъ

тика только может повредить дѣлу Ирландіи, такъ какъ усиливаетъ лишь раздраженіе парламента противъ Ирландіи и мѣшаетъ проведенію такихъ мѣръ, которыя могли бы быть полезны странѣ.

Однако, такъ или иначе, но Парнелль выдвинулъ, все-таки, на сцену ирландскій вопросъ и сосредоточилъ на немъ всеобщее вниманіе. Всѣ заговорили о немъ, онъ сдѣлался злобою дня, и остальные вопросы отступили на задній планъ, такъ какъ результаты парламентской дѣятельности были сведены къ нулю, и для всѣхъ стало ясно, что никакими полумѣрами теперь уже нельзя будетъ отдѣлаться. Парнелль поставилъ вопросъ ребромъ и объявилъ войну парламенту. Въ Дублинѣ, куда онъ вернулся по окончаніи этой бурной парламентской сессіи, ему были устроены самыя восторженныя оваціи. Онъ сталъ народнымъ героемъ, въ честь его всюду устраивались грандіозные митинги, и популярность его росла не по днямъ, а по часамъ. Его особенно прославляли за то, что онъ сумѣлъ мирными и, такъ сказать, законными средствами такъ досадить англійскому правительству, что оно совершенно разстерялось, не зная, что предпринять. Ирландцы, разумѣется, торжествовали: нашелся-таки человекъ, который отмстилъ англичанамъ за всѣ ихъ обиды и притомъ сдѣлалъ это, не подвергая страну опасности. Парнелль очень быстро сталъ знаменитостью, и Бьютъ, волей-неволей, долженъ былъ уступить ему мѣсто. Бьютъ умеръ въ самый разгаръ парнеллизма, и англичане потеряли въ немъ такого ирландскаго вождя, который, хотя и стремился къ отмѣнѣ уніи (Repeal), но въ то же время искренно желалъ сохранить связь между Англіей и Ирландіей и питалъ серьезное уваженіе къ британскому порядку и законамъ, добиваясь лишь конституціонныхъ реформъ и посредствомъ конституціонныхъ методовъ. При немъ Ирландія, конечно, не испытала бы такого подъема и не почувствовала бы въ себѣ такой силы, какъ это случилось тогда, когда во главѣ партіи сталъ Парнелль и смѣло повелъ ее за собой... къ побѣдѣ или пораженію!

Однако, Парнелль не остановился на однихъ только парламентскихъ подвигахъ и прекращеніи теченія государственной жизни Англій; онъ рѣшилъ во чтобы то ни стало сплотить, укрѣпить и подчинить себѣ всѣ разрозненныя силы,

какъ въ самомъ парламентѣ, такъ и внѣ его, стремившіяся къ приобрѣтенію для Ирландіи законодательной независимости. Парнелль хотѣлъ соединить подъ однимъ знаменемъ всѣхъ ирландцевъ, которые сочувствовали этой цѣли и добивались ее, независимо отъ того, хотѣли ли они ее достигнуть конституціонными, или же революціонными способами. Вся эта «объединенная ирландская армія» должна была, по идеѣ Парнелля, прежде всего унижить Англію, чтобы отмстить ей за всѣ ирландскія обиды, а затѣмъ уже исторгнуть отъ нея гомруль, на который она должна будетъ согласиться волей-неволей.

Феніи, ободренные успѣхами Парнелля, встрепенулись. Феніанизмъ распался тогда на двѣ главныя партіи: «I.R. B». (Irish Republican Brotherhood) — ирландское республиканское братство, центръ котораго находился въ Ирландіи, а филиальное отдѣленіе — въ Парижѣ, и ассоціацію «Clan-na-Gaël», центръ которой находился въ Америкѣ. Братство было партией открытой войны. Къ нему примыкали старые феніи, и фонды его, главнымъ образомъ, служили для ввоза оружія въ Ирландію на случай возстанія. Ассоціація же Clan-na-Gaël ставила себѣ цѣлью нанесеніе ударовъ Англій гдѣ бы то ни было и какъ бы то ни было. До появленія Парнелля на политической сценѣ и та и другая ассоціація отказывались отъ всякаго союза съ исключительно только парламентскими агитаторами, но восхищеніе, вызванное въ Ирландіи дѣйствіями Парнелля, побудило ихъ измѣнить свое мнѣніе. На митингѣ крайнихъ ирландскихъ націоналистовъ въ Нью-Йоркѣ, Михаилъ Дэвиттъ, феній, вернувшійся въ 1887 году изъ ссылки, сказалъ: «Партію, во главѣ которой стоитъ Парнелль, нельзя смѣшивать съ партией Бьюта и его предшественниковъ, это люди другого калибра, молодые и талантливые ирландцы, у которыхъ нѣтъ недостатка въ мужествѣ и настойчивости и которые дѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы помочь Ирландіи».

Эти слова Дэвитта положили начало политикѣ, извѣстной подъ именемъ «новаго направленія» (The new departure), формулированнаго потомъ ирландскою націоналистскою газетою «Freeman's Journal». Парнеллю была обѣщана поддержка Clan-na-Gaël, но на опредѣленныхъ условіяхъ, въ число которыхъ былъ включенъ аграрный вопросъ и агита-

ція по этому поводу. Ирландскимъ же членамъ парламента было поставлено на видъ, что они должны всегда и неизмѣнно вотировать вмѣстѣ, но воздерживаться отъ агрессивной политики и противодѣйствовать всякимъ мѣрамъ насилія; затѣмъ ирландскимъ депутатамъ вмѣнялось въ обязанность поддерживать въ парламентѣ всѣ борющіяся народности британской имперіи и въ другихъ мѣстахъ.

Само собою разумѣется, что Парнелль нисколько не поколебался принять эти условія, тѣмъ болѣе, что союзъ съ феніями вполнѣ отвѣчалъ его стремленію объединить всѣхъ ирландцевъ, разбѣянныхъ по бѣлу свѣту, и всѣ организаціи, революціонныя или конституціонныя, чтобы направить ихъ на общаго врага.

Въ октябрѣ 1879 года Михаиломъ Дэвиттомъ основана была аграрная лига, вначалѣ бывшая только ассоціаціей обороны. Дэвиттъ былъ сыномъ крестьянина-фермера, выселеннаго самымъ жестокимъ образомъ послѣ голода въ Ирландіи, и вынужденнаго искать себѣ и семьѣ своей убѣжища въ Ланкашайрѣ. Вполнѣ понятно, что мальчикъ, выросшій въ такихъ условіяхъ, былъ вскормленъ ненавистью къ ирландскимъ лэндлордамъ, и поэтому онъ, какъ только достигъ совершеннолѣтія, немедленно же примкнулъ къ феніанскому движенію. Въ концѣ концовъ, онъ былъ обвиненъ въ преступленіи противъ государства и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Тюремное заключеніе и ссылка не могли, конечно, измѣнить его взглядовъ и охладить его ненависть къ англійскому правительству, поэтому онъ и вернулся изъ ссылки такимъ же яримъ ненавистникомъ англичанъ, какимъ отправился туда. Мысль о бѣдствіяхъ родины, о несправедливости англичанъ, не покидала его, и онъ постоянно размышлялъ о способахъ разрѣшенія національнаго вопроса. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ заключенію, что вопросъ этотъ надо объединить съ аграрнымъ вопросомъ, такъ какъ британское управленіе въ Ирландіи можно поколебать лишь въ томъ случаѣ, если направить удары на лэндлордовъ, пошатнувъ ихъ положеніе. Вернувшись въ Дублинъ, гдѣ его привѣтствовала депутація, въ организаціи которой участвовалъ между прочимъ и Парнелль, Дэвиттъ немедленно принялся за осуществленіе своей программы, въ основу которой были положены такъ назы-

заемные «три F»: «Free Sale», т. е. право продавать свое имѣніе, «Fair rent»—арендная плата, основанная на принципѣ справедливости, съ воспрещеніемъ землевладѣльцу повышать или назначать слишкомъ высокую арендную плату и, наконецъ, «Fisity of tenure», т. е. право арендатора сохранять за собою землю до тѣхъ поръ, пока онъ вноситъ арендную плату. Такимъ путемъ Дэвиттъ надѣялся постепенно закрѣпить положеніе ирландскихъ фермеровъ и владѣніе ими земельныхъ участковъ, которые они арендуютъ у лэндлордовъ.

Феніанская партія, съ которою Дэвиттъ поддерживалъ сношенія, была ослаблена внутренними несогласіями, и Дэвиттъ скоро убѣдился, что безъ поддержки парнеллитовъ онъ ничего, конечно, не достигнетъ. Тогда онъ обратился къ Парнеллю, который молча, но съ полнымъ вниманіемъ выслушалъ его, ни разу не прерывая и не вставивъ ни одного замѣчанія. Когда онъ кончилъ, то Парнелль сказалъ, что согласенъ вступить въ лигу и попробуетъ поладить съ ея членами. Вскорѣ послѣ того Парнелль былъ избранъ президентомъ лиги и со свойственною ему энергіей поддерживалъ новую организацію, примкнувъ къ ея программѣ, которая должна была превратить крестьянъ-арендаторовъ въ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, платящихъ только извѣстный и притомъ строго опредѣленный оброкъ. Парнелль даже совѣтовалъ ирландскимъ фермерамъ не повиноваться лэндлордамъ, когда они хотятъ ихъ выселить, и уступать только прямой силѣ. Онъ рассчитывалъ, что необходимость прибѣгать въ такомъ случаѣ къ помощи полиціи удержитъ многихъ лэндлордовъ, такъ какъ это влечетъ за собою большіе расходы. Аграрная лига должна была поддерживать такихъ фермеровъ, а члены лиги, кромѣ того, обязывались не брать въ аренду земли выселеннаго арендатора.

Обструкціонная политика Парнелля не прошла, все-таки, совершенно безслѣдно. Во-первыхъ, она объединила разрозненныя силы ирландскихъ крестьянъ, ирландскихъ депутатовъ и американскихъ ирландцевъ, и, кромѣ того, сдѣлала то, чего не могла сдѣлать примирительная политика Бьюта, т. е. заставила англійское правительство убѣдиться въ безусловной необходимости нѣкоторыхъ реформъ въ Ирландіи, такъ что даже министерство лорда Биконсфильда

сдѣлало первый шагъ и представило такой законъ о народномъ образованіи въ Ирландіи, который вполне соответствовалъ взглядамъ Парнелля.

Конечно, все это только способствовало усиленію престижа Парнелля въ глазахъ ирландцевъ, которые признали его своимъ представителемъ, своимъ «некоронованнымъ королемъ». Между тѣмъ въ Ирландіи опять наступилъ голодъ, вслѣдствіе неурожая картофеля, и смертность приняла ужасающіе размѣры. Но тогдашній глава ирландскаго управления, сэръ Джемсъ Лоутеръ, отрицалъ существованіе голода и увѣрялъ, что это агитаторы волнуютъ страну, распространяя слухи о голодѣ. Повидимому, онъ считалъ неудобнымъ затруднять министерство Биконсфильда ирландскими дѣлами и поэтому въ своихъ донесеніяхъ говорилъ только о неурожаѣ, а не о голодѣ, но Парнелль постарался раскрыть глаза англійскому обществу на то, что творилось въ Ирландіи, и это послужило еще однимъ лишнимъ доказательствомъ необходимости экономическихъ реформъ въ странѣ.

Для успѣха агитаціи и помощи голодающему населенію, нужны были деньги, и Парнелль рѣшилъ обратиться за поддержкою къ ирландскимъ патріотамъ въ Америкѣ, тѣмъ болѣе, что ему хотѣлось окончательно заключить союзъ съ ирландскими партіями въ Соединенныхъ Штатахъ. Имя его пользовалось уже достаточно громкою извѣстностью, и поэтому въ Америкѣ его встрѣтили восторженно. На грандіозномъ митингѣ, состоявшемся въ Нью-Йоркѣ, на которомъ присутствовало нѣсколько тысячъ человѣкъ, Парнелль произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ принципы новаго теченія и приглашалъ ирландскихъ революціонеровъ присоединиться къ нему и кооперировать въ пользу достиженія законодательной независимости Ирландіи. Рѣчь его имѣла успѣхъ. На слушателей особенно дѣйствовало то, что Парнелль говорилъ всегда спокойно, безъ всякаго искусственнаго, подогрѣтаго пафоса, но въ каждомъ его словѣ чувствовалась сила убѣжденія, глубокая искренность, и они-то и дѣйствовали подкупающимъ образомъ.

Парнелль произносилъ рѣчи въ разныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, въ Филадельфіи, Балтиморѣ, Индіанополисѣ, Пеоріи (Иллинойсѣ), Кэмбриджѣ (Массачусетсѣ), Альбани и др. и вездѣ, главнымъ образомъ, онъ разсуждалъ

о способахъ измѣнить систему аренды земли въ Ирландіи и объ экспроприаціи лэндлордовъ, разумѣется, послѣ того, какъ имъ будетъ уплачено должное вознагражденіе за потерю своихъ владѣній. «Никто изъ—насъ, сказалъ онъ на одномъ митингѣ,—ни въ Америкѣ, ни въ Ирландіи, не будетъ удовлетворенъ до тѣхъ поръ, пока не разрушится послѣднее звено, прикрѣпляющее Ирландію къ Англіи».—Однако, Парнелль, признанный какъ союзникъ Clan-na-Gaël, члены которой всюду организовали для него митинги, отклонялъ, въ то же время, отъ себя всякую отвѣтственность за какіе бы то ни было акты насилій, совершенные членами лиги, и вообще не вступалъ въ тѣсныя отношенія съ ея организаторами, но не щадилъ усилій на то, чтобы пріобрѣсти вліяніе надъ ея дѣятелями и убѣдить ихъ въ необходимости объединенія методовъ революціонной и конституціонной агитаціи. Но Парнелль не старался ни контролировать, ни изучать внутреннюю организацію клана, принимая только его кооперацію и больше ничего.

Получивъ извѣстіе, что Биконсфильдъ собирается распустить парламентъ (1880 г.), Парнелль поспѣшилъ вернуться въ Англію, гдѣ уже начались приготовленія къ выборамъ. Биконсфильдъ заявилъ, между прочимъ, что Парнелль организуетъ движеніе, которое угрожаетъ единству имперіи, и эта опасность, т.-е. разрывъ конституціонныхъ узъ, связывающихъ Ирландію и Великобританію, пожалуй, нисколько не менѣе грозна, чѣмъ голодъ и эпидеміи, отъ которыхъ страдаетъ Ирландія. Конечно, Биконсфильдъ надѣялся, что англійскіе избиратели поддержать его, но результаты выборовъ показали, что онъ жестоко ошибся. Въ самомъ дѣлѣ, консерваторы потерпѣли на выборахъ полное пораженіе, что объясняется отчасти неудовольствіемъ народа на министерство и слишкомъ большіе расходы на поддержаніе вѣншей политики лорда Биконсфильда, а также рядомъ плохихъ урожаевъ, отъ которыхъ страдало населеніе, но и агитація Парнелля, вліяніе котораго чрезвычайно возросло по возвращеніи изъ Соединенныхъ Штатовъ, оказала, конечно, свое дѣйствіе. Выборы дали неожиданное большинство либеральной партіи, и число гомрулеровъ въ палатѣ также увеличилось. Въ составъ этой партіи вошли новые люди и, главнымъ образомъ, парнеллиты. Теперь уже Парнелль могъ

смѣло положиться на своихъ послѣдователей, притомъ онъ держалъ ихъ въ такихъ желѣзныхъ рукахъ и въ такомъ повиновеніи, что они совсѣмъ не имѣли своей воли. Въ парламентской исторіи не найдется другого примѣра подобнаго подчиненія партіи своему вождю. Лишь съ очень немногими изъ членовъ своей партіи Парнелль поддерживалъ личныя сношенія, въ частной жизни онъ держался отъ нихъ поодаль, не допуская никакой интимности, а въ политическихъ дѣлахъ требовалъ безусловнаго довѣрія и абсолютнаго повиновенія. Но именно, только благодаря своей желѣзной волѣ и своему искусству, онъ могъ объединить великую ирландскую армію и удерживать вмѣстѣ всѣ ея элементы въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ.

Въ Ирландіи возвращеніе Парнелля чествовалось многочисленными митингами, на которыхъ были вотированы резолюціи, поздравляющія его съ результатами его дѣятельности. На одномъ изъ митинговъ, въ Эннисѣ, Парнелль произнесъ рѣчь, тотчасъ же по распущеніи парламента, которая, среди всеобщаго возбужденія, сначала не обратила на себя особеннаго вниманія въ Англіи, и только потомъ ее припомнили, когда дѣла въ Ирландіи приняли совсѣмъ новый оборотъ. Парнелль говорилъ о приѣмѣ, оказанномъ ему въ Америкѣ, о сочувствіи къ ирландцамъ и рассказалъ, что на одномъ митингѣ къ нему подошелъ какой то американецъ и сказалъ: «Вотъ вамъ пять долларовъ на хлѣбъ для ирландцевъ, и 25 на свинецъ», затѣмъ, коснувшись положенія фермеровъ и вопроса о выселеніяхъ арендаторовъ, Парнелль обратился къ своимъ слушателямъ и спросилъ, какъ надо поступить съ арендаторомъ, который соглашается платить высшую цѣну и беретъ въ аренду ферму послѣ другого, выселеннаго арендатора? «Застрѣлить его!» крикнулъ кто-то. «Нѣтъ!—возразилъ Парнелль,—есть болѣе христіанскій и болѣе гуманный способъ, а именно: «избѣгать этого субъекта всюду: на улицѣ, въ лавкѣ, на рынкѣ и даже въ церквахъ, какъ будто бы онъ былъ прокаженный!»

Такой совѣтъ уже не разъ раздавался изъ устъ Парнелля и его единомышленниковъ, но онъ, какъ-то, проскальзывалъ незамѣченнымъ. Никто не думалъ, что его слова могутъ имѣть какія-либо практическія послѣдствія, тѣмъ болѣе, что отъ ирландскаго народа трудно было ожидать такой

выдержки и упорства, какія нужны для приведенія въ исполненіе мѣры, рекомендованной Парнеллемъ и требующей широкой организаціи и самой строгой дисциплины. Необычайно быстрая и успѣшная реализація идеи, которую имѣлъ въ виду Парнелль, когда говорилъ о болѣе христіанскихъ способахъ борьбы, по всей вѣроятности, была сюрпризомъ не только для другихъ, но и для самихъ же агитаторовъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, англійская печать отнеслась очень строго къ этой рѣчи, называя ее скрытымъ подстрекательствомъ къ бунту. Парнелль, однако, не оставилъ этого обвиненія безъ отвѣта и возразилъ слѣдующее: «Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы проповѣдуемъ коммунистическія доктрины тогда, когда говоримъ народу, что онъ не долженъ платить лэндлордамъ несправедливую ренту. Между тѣмъ, англійское правительство должно было и само убѣдиться въ абсолютной необходимости радикальнаго измѣненія аграрныхъ законовъ. Если же оно намѣренно игнорируетъ это, то понравится ли ему, если мы, когда-нибудь, скажемъ народу, чтобы онъ совсѣмъ не платилъ ренты, пока не будетъ разрѣшенъ аграрный вопросъ. Мы еще этого не сказали и, я надѣюсь, намъ не придется говорить этого. Я надѣюсь, что аграрный вопросъ будетъ мирно разрѣшенъ, честно и справедливо для всѣхъ партій. Но, если этого не будетъ сдѣлано, то мы не можемъ, все-таки, допустить, чтобы такой камень висѣлъ и далѣе на шеѣ у нашей страны, задерживая ея промышленность и мѣшая ея прогрессу. Однако, пусть болѣе мудрыя головы, чѣмъ моя, рѣшатъ вопросъ, не слѣдуетъ ли намъ, въ случаѣ если лэндлорды будутъ упорствовать и не захотятъ дѣлать намъ никакихъ уступокъ, сказать ирландскому народу, чтобы онъ устроилъ стачку противъ ренты, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ. Если 500,000 ирландскихъ фермеровъ согласятся столь единодушно дѣйствовать противъ 10,000 лэндлордовъ, то я бы хотѣлъ знать, откуда англичане возьмутъ достаточное количество полицейскихъ и солдатъ, чтобы заставить фермеровъ платить?»

Такія рѣчи Парнелля, конечно, указывали, что онъ не пойдетъ ни на какія уступки. Въ самомъ дѣлѣ, хотя новый либеральный кабинетъ Гладстона и пытался умиротворить ирландцевъ посредствомъ аграрной реформы, но на Парнелля

это не дѣйствовало. Онъ явно намѣренъ былъ вести борьбу до конца и получить все или ничего. Никакія палліативныя мѣры не могли удовлетворить его, и когда правительство, по предложенію Гартингтона, назначило комиссію для изслѣдованія положенія ирландскаго народа, такъ какъ, въ сущности, парламентъ былъ мало освѣдомленъ въ ирландскихъ дѣлахъ, то Парнелль заявилъ, что фактическимъ матеріаломъ для изслѣдованій комиссіи должны служить тѣ десятки тысячъ труповъ ирландцевъ, которые погибли отъ голода. «Конечно, пока комиссія будетъ заниматься своими изслѣдованіями, матеріаль этотъ будетъ все накапливаться, — замѣтилъ Парнелль съ злобною насмѣшкой, — а для его подсчета и провѣрки потребуется вѣдь много труда!» Такъ онъ относился ко всякому мѣропріятію кабинета и въ концѣ концовъ объявилъ, что Гладстонъ такой же врагъ Ирландіи, какимъ былъ Биконсфильдъ, и на него полагаться нельзя, т.-е. не надо складывать оружія, а продолжать борьбу. Онъ даже грозилъ обструкціей, но угроза эта не испугала Гладстона, который, какъ увѣряютъ, будто бы даже сказалъ, что Парнеллю самому придется раскаяться, если онъ слишкомъ затянетъ свою игру. Однако, Парнелль былъ признаннымъ представителемъ цѣлой страны, и поэтому кабинетъ долженъ былъ готовиться къ упорной и ожесточенной борьбѣ съ нимъ.

Между тѣмъ послѣдствія рѣчи Парнелля въ Эннисѣ и его совѣтовъ не заставили себя ждать и показали англійскимъ властямъ, что они имѣютъ дѣло съ врагомъ, сильнымъ своимъ единеніемъ. Случай съ капитаномъ Бойкотъ явился наиболѣе характернымъ эпизодомъ аграрной агитаціи. Бойкотъ арендовалъ большую ферму у лорда Ирна и, кромѣ того, служилъ агентомъ лорда по сбору арендныхъ денегъ. Само собою разумѣется, что, стоя на сторонѣ интересовъ своего хозяина-землевладѣльца, Бойкотъ не пользовался расположеніемъ ирландскихъ фермеровъ. Аграрная лига, между прочимъ, совѣтовала фермерамъ самимъ опредѣлить, какую ренту они считаютъ справедливой, и коллективно сообщить объ этомъ агенту. Если агентъ не приметъ предложенной ренты, то фермеры не должны платить ничего, пока лэндлордъ не образумится. Этому совѣту послѣдовали и фермеры лорда Ирна, послѣ чего Бойкотъ приступилъ къ ихъ выселенію.

Но когда явились полицейскіе, то толпа народа бросилась на нихъ съ криками и гиканіемъ и заставила ихъ бѣжать. Они скрылись въ домѣ Бойкота, но на слѣдующій день всѣ работники и слуги Бойкота покинули его. Это было сдѣлано по требованію членовъ лиги, и Бойкотъ остался безъ еди-наго рабочаго на фермѣ, такъ что хлѣбъ стоялъ не убраннымъ на поляхъ. Однако, этимъ дѣло не ограничилось. Мѣстнымъ лавочникамъ не позволено было ничего продавать Бойкоту, даже кузнецъ и прачка отказались на него работать, почтальонъ пересталъ носить ему письма, а телеграфистъ—доставлять телеграммы. Бойкотъ и его семья очутились въ совершенно безвыходномъ положеніи, такъ какъ всякое общеніе было съ ними прекращено, и англійскія власти вынуждены были даже отрядить полицейскихъ для охраны его дома. Въ концѣ концовъ онъ, разумѣется, уѣхалъ въ Англію, потому что борьба оказалась не по силамъ.

Полнѣйшая изоляція, въ которой очутился Бойкотъ, послужила первымъ практическимъ указаніемъ на то, что подразумѣваль Парнелль въ своей рѣчи «подъ болѣе христіанскими способами борьбы». Съ тѣхъ поръ этотъ способъ, такъ и названный «бойкотированіемъ» и увѣковѣчившій имя англійскаго капитана, получилъ очень широкое примѣненіе въ Ирландіи и сдѣлался могущественнымъ орудіемъ борьбы. Надо сказать, впрочемъ, что случай съ капитаномъ Бойкотомъ врядъ ли получилъ бы такую широкую огласку, еслибъ не нашлись въ Ульстерѣ (протестантской провинціи сѣверной Ирландіи) приверженцы англичанъ, организовавшіе даже цѣлую экспедицію для освобожденія Бойкота изъ осаднаго положенія, въ которомъ онъ находился. Эта-то экспедиція и послужила гигантскою рекламою системѣ бойкотированія.

Но событія въ Ирландіи шли своимъ чередомъ. Отношенія между ирландскими фермерами и лэндлордами обострились до послѣдней степени. Насильственное выселеніе фермеровъ было страшнымъ бѣдствіемъ, и это призналъ Гладстонъ въ своей рѣчи, сказавъ, что «15,000 живыхъ существъ, только въ теченіе 1880 года, должны очутиться на улицѣ, рѣшительно безъ всякихъ средствъ и въ совершенно безпомощномъ положеніи». Однако, общественное мнѣніе Англій, ослѣпленное ненавистью и возмущенное поступками ирланд-

цевъ съ англійскими лэндлордами, ничего не хотѣло признавать и требовало карательныхъ мѣръ и усмиренія ирландцевъ, и когда къ пассивному сопротивленію выселеніямъ и бойкотированію присоединились убійства, то 105 ирландскихъ землевладѣльцевъ обратились къ министру по дѣламъ Ирландіи съ петиціей о покровительствѣ и защитѣ, прося, въ то же время, сохранить ихъ имена въ тайнѣ, такъ какъ они боялись мести аграрной лиги.

Убійство лорда Моунтморра послужило окончательнымъ толчкомъ, заставившимъ правительство Гладстона прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Это было въ сентябрѣ 1880 года. Моунтморръ, у котораго были большіе нелады съ фермерами, найденъ былъ убитымъ шестью револьверными пулями, на разстояніи мили отъ своего дома. Преступленіе это вызвало огромную сенсацію, которая еще усилилась, когда сдѣлалось извѣстно, что хозяинъ коттеджа, находящагося неподалеку отъ того мѣста, гдѣ найденъ былъ убитый, не позволилъ внести въ свой домъ его тѣло, для того чтобы врачъ могъ осмотрѣть его. Въ англійской печати забили тревогу. Правительство засыпало требованіями самаго противоположнаго свойства: одни совѣтовали немедленныя карательныя мѣры, а другіе — такъ называемую «remedial legislation», т. е. реформы. Разумѣется, англійское общественное мнѣніе особенно сильно негодовало на Парнелля, считая его главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ и подстрекателемъ ирландцевъ.

На митингѣ аграрной лиги Джонъ Диллонъ публично протестовалъ противъ убійства изъ-за угла. «Встрѣчайте своихъ враговъ и противниковъ лицомъ къ лицу, среди бѣлаго дня!» сказалъ Диллонъ, но этотъ протестъ англичане считали неискреннимъ и подозрѣвали всѣхъ членовъ лиги, и въ особенности Парнелля, въ тайномъ сочувствіи убійцамъ, тѣмъ болѣе, что Парнелль и не подумалъ прекратить своего похода противъ лэндлордовъ и громогласно заявлялъ: «Одна изъ сторонъ должна уйти: либо фермеры, либо лэндлорды, и легче уйти немногимъ, нежели многимъ!»

Убійцы не были открыты, несмотря на крупную награду, назначенную за ихъ поимку. Даже смерть лорда Моунтморра не примирила его фермеровъ. Тѣло его должны были сопровождать на кладбище полицейскіе, и никто не

хотѣлъ помочь имъ снять гробъ съ погребальной колесницы, семья убитаго постоянно получала угрожающія письма и вообще находилась въ вѣчномъ страхѣ; притомъ никто изъ членовъ его семьи не могъ добиться никакой услуги въ нуждѣ.

Между тѣмъ, не успѣло сгладиться впечатлѣніе, произведенное убійствомъ, какъ уже начали распространяться рассказы о новыхъ актахъ насилія въ Ирландіи. Судебные пристава и полицейскіе подвергались нападеніямъ на каждомъ шагу, въ ихъ дома стрѣляли или же къ нимъ врывались маскированные люди, и они подвергались побоямъ. Выселенные фермеры снова возстановлялись въ своихъ владѣніяхъ, а тѣ арендаторы, которые рѣшились брать ферму послѣ выселеннаго фермера, терпѣли всевозможныя притѣсненія, и скотъ ихъ, обыкновенно, бывалъ искалѣченъ неизвѣстными людьми. Агенты лэндлордовъ забрасывались угрожающими письмами и не разъ случалось, что они находили у дверей своего дома вырытую за ночь могилу. Новое аграрное убійство, происшедшее черезъ двѣ недѣли послѣ убійства Моунтморра, послужило еще лишнимъ доказательствомъ возрастающей смуты въ Ирландіи.

Англійское общественное мнѣніе сильно волновалось, и оппозиціонная печать требовала усмиренія Ирландіи. «Гдѣ же у насъ правительство?—воскликали газеты.—Какія мѣры думаютъ принять министры королевы, чтобы положить конецъ такимъ безпримѣрнымъ беспорядкамъ и открытому нарушенію законовъ имперіи?» Однако, правительство все еще колебалось, но послѣ нѣсколькихъ совѣщаній министровъ, Гладстонъ, повидимому, уступилъ давленію общественнаго мнѣнія, и одновременно съ отправкою добавочныхъ войскъ въ Ирландію было объявлено о преслѣдованіи четырнадцати вожаковъ аграрной лиги, въ томъ числѣ, конечно, Парнелля, которые обвинялись по 19-ти пунктамъ въ томъ, что «они организовали заговоры и старались посѣять вражду между различными классами подданныхъ Ея Величества».

Въ Ирландіи извѣстіе объ этихъ мѣрахъ вызвало сильнѣйшее негодованіе. Во всѣхъ, даже англійскихъ городахъ, гдѣ только было много ирландцевъ, устраивались митинги протеста. Судебное преслѣдованіе не испугало Парнелля и его товарищей и ничего не измѣнило въ Ирландіи. Ирланд-

ская партія продолжала борьбу, и съѣздъ народныхъ делегатовъ, 1200 человекъ, созванныхъ аграрною лигой, вотировалъ декларацію, заявляющую, что причиною всѣхъ политическихъ и соціальныхъ золъ въ Ирландіи является система чужеземнаго господства въ странѣ, и единственнымъ выходомъ можетъ быть только самоуправленіе.

Январьская сессія 1881 года была открыта тронною рѣчью, въ которой заявлялось, что надежды на хорошій урожай въ Ирландіи оправдались, и голодное бѣдствіе уменьшилось, но соціальныя условія страны не измѣнились къ лучшему. Число аграрныхъ преступленій продолжаетъ возрастать, и во многихъ частяхъ страны господствуетъ настоящій терроръ. Въ виду этого необходимо прибѣгнуть къ новымъ законодательнымъ мѣрамъ, которыя бы обезпечили безопасность и спокойствіе въ странѣ. Вслѣдъ за тронною рѣчью министръ по ирландскимъ дѣламъ, Форстеръ, внесъ свой законопроектъ о защитѣ личности и собственности въ Ирландіи. Для того, чтобы подкрѣпить свои требованія, онъ привелъ статистику аграрныхъ преступленій (убійствъ, поджоговъ, нападеній) за 1880 годъ — 2590, и изъ этихъ преступленій наибольшее число — 1700 — было совершено въ послѣдніе мѣсяцы и въ декабрѣ, напр., совершено было вдвое больше преступленій, нежели въ октябрѣ и ноябрѣ вмѣстѣ взятыхъ. Далѣе Форстеръ сказалъ, что эти преступленія, возрастающія въ ужасающей прогрессіи, являются лишь послѣдствіями совѣта, преподаннаго Парнеллемъ въ его рѣчи въ Эннисѣ, такъ что, въ дѣйствительности, Ирландія управляется «неписанными законами» (unwritten laws) земельной лиги и ея предсѣдателя — Парнелля. На этомъ основаніи Форстеръ и счелъ нужнымъ предложить расширить права намѣстника, для того чтобы онъ могъ удалять лицъ, внушающихъ подозрѣніе и арестовывать ихъ.

Само собою разумѣется, что Парнелль и его товарищи употребили всѣ усилія, чтобы помѣшать вотированію законопроекта, и затягивали пренія до безконечности. Страсти разгорались, и даже Гладстонъ не могъ сдержать своего волненія и бросилъ Парнеллю обвиненіе въ томъ, что онъ своею рѣчью въ Эннисѣ подстрекалъ народъ. Парнелль возразилъ ему на это, что онъ подтасовалъ его слова. Несмотря на замѣчаніе спикера, что прерывать чужую рѣчь нельзя и

на призывы къ порядку, Парнелль постоянно прерывалъ Гладстона и мѣшалъ ему говорить, а Гладстонъ все больше и больше волновался и сыпалъ обвиненія на аграрную лигу, съ образованіемъ которой возросло число преступленій, достигшихъ ужасающей цифры въ 1880 году.—«А развѣ мало было выселеній фермеровъ въ 1880 году!» послышался чей-то возгласъ.

Обструкція продолжалась и во время отсутствія Парнелля, который былъ отозванъ въ Дублинъ, въ судъ, гдѣ разбиралось его дѣло. Дисциплина ирландской дружины была такъ хороша, что она могла обходиться безъ своего вождя. Никакіе призывы къ порядку не дѣйствовали на ирландцевъ. Диллонъ, въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ, упрекнулъ Гладстона за то, что онъ «повернулся спиной», къ 15,000 фермерамъ, которые, по его же словамъ, должны были быть выселены въ одномъ только 1880 году.

Спикеръ нѣсколько разъ призывалъ Диллона къ порядку за его рѣзкія выраженія по адресу войскъ, отправляемыхъ въ Ирландію. Диллонъ возразилъ на это, что онъ очень опасается, какъ бы вмѣшательство вооруженной силы во время насильственныхъ выселеній не привело бы къ еще худшимъ вещамъ и къ кровопролитію.

Пренія велись исключительно ирландцами и такъ успѣшно, что, несмотря на всѣ старанія спикера и самого Гладстона, неудалось, все-таки, вотировать билль о «мѣрахъ принужденія» (coercion). Въ два часа ночи Гладстонъ, измученный до-нельзя, ушелъ изъ палаты общинъ, передавъ руководство преніями Форстеру, который, однако, скоро самъ заснулъ на своемъ мѣстѣ, и его примѣру послѣдовали другіе. Въ пять часовъ утра его смѣнили, а къ десяти въ палату вернулся Гладстонъ, встрѣченный съ большимъ восторгомъ. Почти одновременно съ нимъ явился и Парнелль, прямо съ поѣзда, на которомъ онъ пріѣхалъ изъ Дублина, изъ судебного засѣданія. Разумѣется ирландцы ему устроили овацію, когда онъ вошелъ въ залу. Наконецъ, послѣ 22-хъ-часового непрерывнаго засѣданія обсужденіе билля было отложено до слѣдующаго раза, и несчастные, утомленные депутаты могли отдохнуть.

Но Парнелль поражалъ всѣхъ своею неутомимостью и тотчасъ же принялся за организацію обструкціи для слѣ-

дующаго засѣданія. Оно было безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ парламентской исторіи, такъ какъ продлилась безъ перерыва 41½ часовъ и закончилось *coup d'état*, которое произвелъ спикеръ. Онъ объявилъ, что Парнелль съ товарищами нарочно затягиваетъ пренія, и такъ какъ этимъ наносится оскорбленіе парламенту, то онъ, спикеръ, предлагаетъ прекратить пренія и приступить къ голосованію.

Въ палатѣ раздался громъ рукоплесканій и предложеніе спикера закрывать пренія, если этого требуетъ не менѣе 200 депутатовъ, было принято. Никакъ неожиданныя этого ирландцы повскакали съ своихъ мѣстъ; нѣкоторые изъ нихъ даже сжали кулаки и потрясая ими, угрожали парламенту. Гладстонъ былъ необычайно взволнованъ и блѣденъ. Дѣйствительно, минута была критическая, и можно было ожидать какихъ-нибудь очень рѣзкихъ выходокъ со стороны ирландцевъ, еслибы не Парнелль, который рѣшилъ не доводить дѣла до крайности, и поэтому пошелъ на нѣкоторыя уступки. Билль Форстера былъ, наконецъ, вотированъ.

Въ англійскомъ обществѣ, гдѣ вообще традиціи очень сильны, парламентское *coup d'état* произвело смѣшанное впечатлѣніе. Многимъ не нравилось такое нарушеніе правъ и обычаевъ парламента, и хотя только этимъ было достигнуто, что билль Форстера былъ вотированъ, но многіе находили, что побѣда досталась слишкомъ дорогою цѣной, и что это слишкомъ опасный прецедентъ. Вообще англичане неохотно соглашались на измѣненіе традиціонныхъ обычаевъ и порядка, хотя бы это и вызывалось необходимостью. Въ Ирландіи же, конечно, *coup d'état*, произведенный спикеромъ, вызвалъ сильнѣйшее волненіе. Парнелля превозносили, какъ національнаго героя, и обвиняли правительство въ томъ, что оно само, своими произвольными поступками и насиліемъ надъ людьми, толкаетъ ихъ на путь нелегальной борьбы, такъ какъ лишаетъ ихъ возможности пользоваться легальными средствами. Борьба, дѣйствительно, сильно обострилась. Въ Ирландію отправлены были летучіе отряды, а около береговъ постоянно крейсировали канонерки; въ Англій, видимо, опасались открытаго возмущенія. Ирландскіе націоналисты, однако, не смирились и продолжали открыто громить дѣйствія правительства и подстрекать народъ къ

сопротивленію, къ неплатежу ренты. «No rent!» стало лозунгомъ въ Ирландіи. Но и министерство, съ своей стороны, рѣшило не давать врагамъ пощады и отдало приказъ арестовать Дэвигга послѣ его рѣчи, въ которой онъ горячо осуждалъ ренегатовъ, покинувшихъ Парнелля въ самый разгаръ борьбы.

Всѣ эти мѣры приводили только къ взаимному ожесточенію, такъ что, несмотря на арестъ Дэвигга и нѣкоторыхъ другихъ феніевъ, лига продолжала дѣйствовать съ прежнею энергіей. Бойкотированіе примѣнялось еще энергичнѣе, чѣмъ прежде, и ирландскія власти не на шутку встревожились, имѣя всѣ основанія недоувѣрять лояльности констеблей, которые вербовались изъ низшихъ классовъ фермерскаго населенія. Конечно, трудно было ожидать, чтобы ирландскіе констебли могли равнодушно и спокойно приступать къ исполненію своихъ обязанностей при выселеніи фермеровъ и подавленіи сопротивленія. Вѣдь, такой констебль неминуемо подвергался бойкотированію; ни одинъ изъ его согражданъ не сталъ бы съ нимъ разговаривать, ни одна ирландская дѣвушка не стала бы смотрѣть на него послѣ такого поступка, и всѣ отворачивались бы отъ него, какъ отъ прокаженнаго. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ мѣропріятія правительства, положеніе дѣлъ все обострялось, и горизонтъ все болѣе покрывался тучами.

Парнелль съѣздилъ въ это время во Францію и посѣтилъ Рошфора и Виктора Гюго. Послѣдній, разумѣется, высказалъ ему полное сочувствіе ирландскому движенію, но Парнелль былъ все же нѣсколько разочарованъ, такъ какъ его ожиданія не сбылись, и Викторъ Гюго не издалъ никакого воззванія въ защиту ирландцевъ и противъ Англіи. Во французскомъ обществѣ Парнелль видимо вызвалъ сильное волненіе и даже опасенія какихъ-либо дипломатическихъ осложненій.

Въ Ирландіи событія шли своимъ чередомъ. Ирландскія женщины также образовали лигу, подъ предсѣдательствомъ сестры Парнелля — Анны, которая поддерживала агитацію аграрной лиги. Дублинскій архіепископъ разослалъ пастырское посланіе, въ которомъ громилъ эту лигу, называя ее «нескромной» (immodest) и преступной. Но въ Ирландіи вообще привѣтствовали ея организацію, какъ знаменіе по-

явленія женщинъ на аренѣ политической борьбы. Даже ирландское духовенство оказывалось въ большинствѣ случаевъ не на сторонѣ правительства, а на сторонѣ Парнелля, и церковные проповѣдники высказывали съ каѳедры идеи, указывающія ихъ солидарность съ членами лиги. Въ одной изъ церквей даже произошелъ большой скандалъ, такъ какъ присутствовавшій въ церкви офицеръ вскочилъ во время проповѣди и, выразивъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ свое негодованіе, демонстративно вышелъ изъ церкви, потребовавъ, чтобы находившіеся въ церкви солдаты также ушли. Произошло смятеніе. Прихожане были также возмущены поведеніемъ офицера и увидѣли въ этомъ оскорбленіе, нанесенное духовному лицу. Но жалобы по начальству послѣдствій не имѣли, такъ какъ начальство оправдало поступокъ офицера, который не долженъ былъ позволять своимъ солдатамъ слушать политическую рѣчь вмѣсто проповѣди.

Второе чтеніе респрессивнаго билля Форстера, принятаго въ первомъ чтеніи, не взирая на обструкцію парнеллитовъ, вызвало крайне бурныя столкновенія съ ирландскими депутатами. Пренія начались при сильномъ возбужденіи палаты. Прежде чѣмъ приступлено было къ обсужденію билля, Парнелль потребовалъ у правительства объясненій относительно ареста Дэвитта. Но правительство отказалось мотивировать свои дѣйствія, и Парнеллю было заявлено только, что Дэвиттъ, какъ бывший каторжникъ, долженъ былъ сообразовать свое поведеніе съ поставленными ему условіями при его освобожденіи и такъ какъ онъ нарушилъ ихъ, то и былъ отданъ приказъ объ арестѣ.

Когда Гладстонъ всталъ, чтобы говорить, то одновременно съ нимъ поднялся Диллонъ и тоже потребовалъ слова. Произошелъ страшный шумъ, такъ какъ Диллонъ не хотѣлъ замолчать. Послышались крики: «Name him! Name him!»¹⁾ обращенные къ спикеру, и тотъ сначала громко прокричалъ Диллону, что слово принадлежит не ему и онъ не имѣетъ права прерывать чужой рѣчи, а когда тотъ продолжалъ упорствовать и во весь голосъ кричалъ: «Я имѣю право говорить!», то спикеръ, въ свою очередь, крикнулъ что было

1) Назвать депутата по имени значитъ выразить ему порицаніе.

силы: «Я называю васъ, мистеръ Диллонъ, какъ намѣренно выказывающаго пренебреженіе къ власти председателя», затѣмъ, согласно закону, надо было поставить на баллотировку вопросъ объ удаленіи Диллона изъ залы на остальное время засѣданія. Однако, послѣ голосованія Диллонъ объявилъ, что онъ «почтительнѣйше отказывается удалиться». Тогда былъ призванъ приставъ; онъ подошелъ къ Диллону и коснулся рукой его плеча, но Диллонъ не двинулся. Позвали сторожей, пять человекъ, но какъ только они подошли къ нему, Диллонъ повернулся и вышелъ изъ залы, при громкихъ крикахъ ирландцевъ: «Стыдъ!».

Но какъ только Диллонъ вышелъ, то повторилась прежняя сцена. Поднялся другой парнеллитъ, Сьюливанъ, и въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ протестовалъ противъ изгнанія Диллона, упрекая Гладстона въ томъ, что онъ вводитъ въ Англии наполеоновскій режимъ. Послѣ него Гладстонъ получилъ, наконецъ, возможность говорить, но не успѣлъ онъ открыть рта, какъ всталъ Парнелль и заявилъ: «я предлагаю не слушать болѣе Гладстона!» Въ первый моментъ всѣ были ошеломлены такою дерзостью, но затѣмъ раздались яростные крики, требовавшіе удаленія Парнелля, который оставался такимъ же невозмутимымъ, какъ прежде, какъ будто дѣло совершенно его не касалось. Когда волненіе нѣсколько улеглось, спикеръ замѣтилъ Парнеллю, что вынужденъ будетъ его удалить, если онъ будетъ мѣшать говорить рѣчи. Однако, какъ только Гладстонъ снова открылъ ротъ, Парнелль снова поднялся и спокойно повторилъ свою фразу, Гладстонъ замолчалъ и тогда спикеръ пустилъ на баллотировку вопросъ объ удаленіи Парнелля. Но Парнелль, какъ и Диллонъ, отказался уйти добровольно. Повторилась та же исторія. Позванъ былъ приставъ и когда онъ подошелъ къ Парнеллю и положилъ ему на плечо руку, Парнелль объявилъ, что уступаетъ только силѣ, и вышелъ, сопровождаемый громкими криками ирландцевъ, которые неистово махали шляпами и привѣтствовали его.

Когда спокойствіе нѣсколько возстановилось, Гладстонъ въ третій разъ попробовалъ говорить, но тотчасъ же поднялся ирландскій депутатъ и повторилъ фразу Парнелля: «M-r Gladstone be no longer heard!». Пришлось обычнымъ

порядкомъ удалить и этого депутата. Такимъ образомъ, поочереди, были удалены нѣсколько членовъ, которые неизмѣнно повторяли ту же самую фразу, какъ только Гладстонъ пробовалъ что-нибудь сказать. Выведенный изъ терпѣнія, Гладстонъ предложилъ тогда удалить «en masse» всѣхъ парнеллитовъ. Тутъ произошла любопытная сцена: спикеръ произносилъ поочереди имена 28 ирландскихъ членовъ и предлагалъ каждому изъ нихъ удалиться, но каждый изъ нихъ отказывался и призывался приставъ. Депутатъ уходилъ, объявляя, что уступаетъ силѣ, и произносилъ при этомъ небольшую рѣчь. Такая церемонія повторялась до тѣхъ поръ, пока всѣ наличные члены партіи Парнелля не были удалены изъ залы.

Билль Форстера былъ, наконецъ, вотированъ, и въ Ирландіи введенъ исключительный режимъ, но правительство должно было убѣдиться, что оно имѣетъ дѣло съ такимъ противникомъ, сопротивленіе котораго нельзя сломить подобными средствами. «Некоронованный король» стоялъ по-прежнему твердо на своемъ мѣстѣ и гордо бросалъ вызовъ англійскому правительству. На всякую репрессивную мѣру онъ отвѣчалъ усиленіемъ сопротивленія и поэтому, несмотря на непрекращающіеся аресты, возмущенія все учащались, и пристава, выселявшіе фермеровъ, съ опасностью жизни выполняли свои обязанности. Не разъ случались даже кровопролитныя столкновенія, и послѣ одного изъ такихъ столкновеній Диллонъ сказалъ: «Пусть кровь падетъ на головы Форстера и Гладстона, отказавшихся слушать наши предостереженія!» Но правительство не обращало на это вниманія и продолжало свои преслѣдованія. Ежедневно открывались двери тюрьмы, чтобы принять арестованныхъ («по подозрѣнію»), имена которыхъ были совершенно неизвѣстны за предѣлами ихъ родного округа, гдѣ они считались героями и мучениками. Каждый такой арестованный, однако, могъ быть увѣренъ, что въ его отсутствіе ферма не будетъ брошена на произволъ судьбы, что товарищи придутъ за него работать, пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ. Ирландскій народъ, возлагавшій всѣ свои упованія на Парнелля, не пересталъ смотрѣть на него съ такою же надеждой и вѣрой даже тогда, когда увидалъ, что надежды его не сбылись, и обструкція въ парламентѣ не принудила правительство къ

уступкамъ и къ прекращенію исключительнаго режима въ Ирландіи.

Но Парнелль не отчаявался; онъ твердо вѣрилъ, что единодушіе и настойчивость ирландской партіи въ концѣ концовъ восторжествуютъ. На колеблющихся и слабыхъ онъ дѣйствовалъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, силою убѣжденія. И всѣ, какъ одинъ человекъ, повиновались своему «некоронованному королю». Созванный въ Дублинѣ, въ сентябрѣ 1881 года, аграрною лигой съѣздъ делегатовъ выразилъ въ этомъ отношеніи чувства ирландскаго народа. Въ переполненной залѣ собрались представители фермеровъ со всѣхъ концовъ Ирландіи, и въ числѣ присутствующихъ находились также множество священниковъ, сѣдовласые, почтенные старики, которые вставали одинъ за другимъ и произносили рѣчи въ защиту лиги и ея дѣятелей и ирландскаго народа, такъ долго страдающаго и переносящаго всякія несправедливыя притѣсненія!

Съѣздъ прошелъ спокойно, и даже не произошло никакого столкновенія съ полиціей, которая, впрочемъ, не вмѣшивалась. Вотирована была декларация, объявляющая, что причиною всѣхъ политическихъ и соціальныхъ золъ Ирландіи является чужеземное господство и единственнымъ исходомъ можетъ быть только возстановленіе самоуправленія.

Черезъ нѣсколько дней по закрытіи съѣзда, въ Дублинѣ состоялась небывалая демонстрація въ честь Парнелля. Его пронесли на рукахъ по всѣмъ улицамъ города, въ сопровожденіи процессіи съ факелами и громадной толпы народа. Такая демонстрація, конечно, должна была указать правительству, какъ велика популярность Парнелля. Гладстонъ, хотѣвшій сначала ввести законный порядокъ въ Ирландіи и затѣмъ только приступить къ реформамъ, увидѣлъ, все-таки, необходимость сдѣлать уступку и поэтому внесъ въ палату общинъ новый земельный билль для Ирландіи, болѣе благоприятный для арендаторовъ, которымъ онъ давалъ право требовать установленія арендной платы черезъ особый трибуналъ на пятнадцатилѣтній срокъ; кромѣ того, имъ были обѣщаны пособія отъ государства на покупку и расчистку земель. При Бьютѣ ирландская партія привѣтствовала бы съ восторгомъ этотъ билль, который превосхо-

диль всё ея самыя смѣлыя ожиданія тогда, но теперь времена измѣнились; Парнелль находилъ эту уступку слишкомъ ничтожной, онъ не довѣрялъ англійскому правительству и объявилъ, что ирландцы будутъ продолжать борьбу, пока не получатъ полного удовлетворенія, а такое «половинное средство и жалкая милостыня (halfremedy and miserable dole), какія подносятъ имъ мистеръ Гладстонъ, не могутъ удовлетворить націю».

Опасаясь, что ирландцы, довольные и этимъ биллемъ, могутъ успокоиться окончательно, и агитація прекратится, Парнелль рѣшилъ объѣхать во время парламентскихъ ваканцій Ирландію и заняться усиленною пропагандой. Онъ отлично понималъ, что трудно будетъ добиться какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ въ смыслѣ законодательства, если движеніе остановится. Въ своихъ рѣчахъ онъ, главнымъ образомъ, совѣтовалъ фермерамъ избѣгать дѣйствій въ разбродъ и въ особенности настаивалъ на томъ, чтобы они сохраняли единодушіе во всемъ. «Пусть ни одинъ фермеръ не объявляетъ себя довольнымъ, пока не будутъ удовлетворены всё до единого!» говорилъ онъ. И рѣчи Парнелля, дѣйствительно, уничтожали то впечатлѣніе, которое вначалѣ было произведено земельнымъ биллемъ Гладстона. Населеніе Ирландіи внимало словамъ своего «некоронованнаго короля», какъ Евангелію, и хотя Гладстонъ взывалъ противъ «новаго евангелія насилій», проповѣдуемаго Парнеллемъ, и противъ его тиранніи, но его слова не производили никакого впечатлѣнія. Народъ шелъ за Парнеллемъ и слушалъ только его, а дѣйствія намѣстника Ирландіи Форстера и его помощника Борка, облеченныхъ огромными полномочіями въ силу исключительнаго закона, только разжигали ненависть ирландцевъ къ Англій и ея правительству.

Въ своихъ рѣчахъ Гладстонъ нѣсколько разъ высказывалъ предостереженія по адресу Парнелля, намекая на то, что у него имѣются еще въ запасѣ орудія противъ него, и что онъ можетъ и къ нему примѣнить репрессивныя мѣры. Но запугать этимъ Парнелля ему не удалось, и чѣмъ рѣзче дѣйствовало правительство, опираясь на силу, тѣмъ рѣзче говорилъ Парнелль и даже произнесъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, такую фразу, что «ирландцы ничего не достигнутъ

до тѣхъ поръ, пока не выгонять Гладстона съ компаніей изъ Ирландіи».

Гладстонъ рѣшилъ арестовать Парнелля, рассчитывая что его арестъ нанесетъ чувствительный ударъ движенію. Наканунѣ своего ареста Парнелль говорилъ на митингѣ въ Дублинѣ и сказалъ, между прочимъ: «не надо платить ренты, пока правительство не откажется отъ своихъ террористическихкихъ мѣръ и не вернетъ народу его конституціонныя права. Противъ пассивнаго сопротивленія цѣлаго народа у военной силы нѣтъ оружія!»

Парнелль былъ арестованъ и отвезенъ въ Кильмангэмскую тюрьму, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого правительство закрыло аграрную лигу и арестовало другихъ ея членовъ. Въ Лондонѣ состоялась довольно внушительная демонстрація, устроенная ирландцами, протестовавшими противъ ареста Парнелля, но въ самой Ирландіи арестъ Парнелля не вызвалъ никакихъ переменъ. Аграрныя престоупленія нисколько не уменьшились, убійства и поджоги не стали рѣже, оттого что Парнелль сидѣлъ въ тюрьмѣ, и народъ волновался все также сильно. Въ Лондонѣ уже стали раздаваться голоса, осуждающіе ирландскую политику правительства и указывающіе на то, что репрессіи ни къ чему не привели, и положеніе ухудшается съ каждымъ днемъ. Какъ ни старались Форстеръ и Боргъ подавлять возмущеніе и какъ ни наполняли они тюрьмы «подозрительными» лицами, волненіе въ странѣ не утихало.

Гладстонъ скоро почувствовалъ, что такъ продолжаться не можетъ, и что нельзя держать столько людей подъ замкомъ только потому, что они находятся подъ подозрѣніемъ. Со свойственною ему честностью, онъ, какъ только созналъ ошибочность своей политики, круто повернулъ въ другую сторону. Гладстонъ не былъ бы Гладстономъ, еслибъ не сдѣлалъ этого. Никогда въ теченіе всей своей политической карьеры онъ не колебался, когда нужно было признать свою ошибку, и не упорствовалъ изъ ложной гордости, продолжая держаться политики, которую пересталъ считать цѣлесообразной. Ему не было никакого дѣла до того, что скажутъ другіе, когда онъ рѣзко мѣнялъ свое поведеніе. Такъ и было на этотъ разъ, когда онъ, наконецъ, убѣдился, что съ репрессіями въ Ирландіи далеко не уйдешь. Онъ

рѣшили вступить въ переговоры съ «некоронованнымъ королемъ» и заключить съ нимъ соглашеніе относительно ирландскихъ дѣлъ. Поводомъ къ переговорамъ послужило письмо капитана О'ши, друга Парнелля, адресованное Гладстону и Чэмберлену, въ которомъ указывалось на то, что волненія въ Ирландіи вызваны исключительно только бѣдственнымъ положеніемъ фермеровъ и репрессивнымъ биллемъ. О'ши просилъ, чтобы правительство обратило вниманіе на его письмо.

Англійская публика сейчасъ же замѣтила переворотъ въ воззрѣніяхъ Гладстона на ирландскую политику. Консерваторы подняли шумъ, многіе изъ членовъ либеральной партіи также не были довольны такимъ поворотомъ политики министерства, особенно же негодовали Форстеръ и Боркъ. Новый курсъ былъ отмѣченъ, между прочимъ, принятіемъ предложенія, внесеннаго однимъ парнеллитомъ, объ отсрочкѣ уплаты аренды фермерамъ, не уплатившимъ ее въ срокъ.

Парнелль, съ которымъ велись переговоры черезъ О'ши, конечно, не преминулъ воспользоваться своею побѣдой и поставилъ свои условія. Онъ потребовалъ отпущенія на свободу Дэвитта и др. и на всѣ возраженія отвѣчалъ: «Если вы ихъ считаете вліятельными, то тѣмъ лучше. Какъ только вы проведете нужныя реформы въ Ирландіи, они употребятъ все свое вліяніе на дѣло мира». Конечно, Парнелль пожелалъ также отставки Форстера, которую онъ признавалъ безусловно необходимой для умиротворенія Ирландіи, и Гладстонъ согласился.

Парнелль арестованъ былъ въ октябрѣ 1881 г., а въ маѣ 1882 г. онъ, со своими товарищами, былъ выпущенъ на свободу. Горизонтъ прояснился, и казалось, что желанныя реформы являются лишь вопросомъ времени. Правительство убѣдилось, что нельзя управлять Ирландіей, игнорируя желанія и взгляды ея представителей, и казалось, что, наконецъ, найденъ путь къ соглашенію, такъ что ссору можно было считать законченной. Уже говорили о новой эрѣ, началомъ которой явилась отставка Форстера. Гладстонъ извѣстилъ объ этомъ палату въ тотъ день, когда Парнелль вышелъ изъ тюрьмы. На мѣсто Форстера былъ назначенъ лордъ Кэвендишъ, близкій другъ Гладстона и человѣкъ дружески расположенный къ Ирландіи.

Съ уходомъ Форстера репрессіи прекратились, и оставалось только ждать послѣдствій новаго курса. Между Парнеллемъ и Гладстономъ казалось наступило согласіе, и это было первымъ результатомъ «кильмангэмскаго договора», но тутъ произошла совершенно непредвидѣнная и неожиданная катастрофа, которая сразу измѣнила положеніе и уничтожила всѣ надежды на примиреніе обѣихъ сторонъ.

Лордъ Кэвендишъ пріѣхалъ въ маѣ въ Дублинъ и послѣ обычныхъ церемоній и народнаго обѣда отправился въ каретѣ домой, но, встрѣтивъ по дорогѣ Борка, вышелъ изъ экипажа и пошелъ съ нимъ пѣшкомъ черезъ Фениксъ-паркъ. Въ это время въ паркѣ было много гуляющихъ, и Кэвендишъ съ Боркомъ шли, не слѣша, по главной аллеѣ. Вдругъ, изъ-за кустовъ, выскочили какіе-то два человѣка и бросились на Борка и Кэвиндиша. Прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ опомниться, оба лежали на землѣ и истекали кровью. Когда къ нимъ пріѣзжали люди, чтобы оказать помощь, то оба они были уже мертвы, а всѣ слѣды убійцъ исчезли. Никто не могъ понять, какъ это случилось. Кое-кто изъ гуляющихъ видѣли борьбу, но никто не подозрѣвалъ, что тутъ разыгралась мрачная трагедія.

Страшное негодованіе разразилось въ Англіи. Конечно, всѣ тѣ, кто возмущался переменною режима въ Ирландіи и гладстоновской колеблющейся политикой, готовы были теперь торжествовать. На примиреніе съ Парнеллемъ указывали, какъ на грубѣйшую ошибку правительства, консервативная партія потребовала немедленной отставки либеральнаго кабинета, и вообще подняли такой шумъ, что теперь уже нечего было и думать о выполненіи какихъ бы то ни было обязательствъ кильмангэмскаго договора. Парнелль также понималъ это, но сдаваться не хотѣлъ. Друзья его, впрочемъ, совсѣмъ растерялись, но онъ не потерялъ своего обычнаго хладнокровія и немедленно издалъ манифестъ, горячо осуждающій «преступленіе, которое ложится позорнымъ пятномъ на Ирландію». По всей Ирландіи были организованы митинги, гдѣ вотировались резолюціи, выражающіе глубокое сожалѣніе и порицаніе убійству. Такое же негодованіе по поводу преступленія Парнелль выразилъ и въ парламентѣ, причемъ онъ, очень почтительно, выразилъ надежду, что убійство лорда Кэвиндиша не заставитъ мини-

стерство сойти съ того новаго пути, на который оно вступило.

Но, выражая свои надежды, Парнелль отлично сознавалъ, что Гладстонъ не можетъ итти наперекоръ общественному мнѣнію, и его министерство тотчасъ же падеть, если только онъ вздумаетъ итти на примиреніе съ Ирландіей и прекратить репрессалии. Однако, уступать онъ не хотѣлъ, это было не въ его характеръ, и поэтому, какъ только Гладстонъ сдѣлалъ шагъ назадъ, Парнелль тотчасъ же превратился въ прежняго ожесточеннаго врага Англійи и министерства. Когда послѣднее внесло законопроектъ о введеніи въ Ирландіи судовъ безъ присяжныхъ и исключительнаго режима, этотъ законопроектъ назывался «биллемъ о предупрежденіи преступленій». Парнелль обрушился на него съ прежнею энергіей, сознавая, однако, всю бесполезность своего сопротивленія теперь. Но онъ, все-таки, сказалъ правительству, что оно провалится съ этимъ биллемъ еще хуже, чѣмъ тогда съ биллемъ объ усмиреніи. «Все это только указываетъ, — сказалъ онъ, — что Англія еще не открыла секрета, какъ должна одна нація управлять другою».

Цѣлыхъ два мѣсяца Парнелль съ мужествомъ отчаянія боролся въ парламентѣ противъ правительства, затрудняя его дѣйствія, но, все-таки, не могъ помѣшать вотированію билля, и въ Ирландіи снова воцарился режимъ полицейскаго произвола, который господствовалъ въ странѣ цѣлыхъ три года. Но, какъ и слѣдовало ожидать, возобновились также и аграрныя преступленія. Смятеніе было полное, когда Парнелль, осенью 1882 г., снова отправился въ ирландскіе округа, и вездѣ его встрѣчали выраженіями энтузіазма и преданности. Его появленіе успокаивало волнуемое населеніе, попрежнему смотрѣвшее на него съ упованіемъ и надеждой. Ирландцы твердо вѣрили, что Парнелль одержитъ, въ концѣ концовъ, побѣду надъ англійскимъ правительствомъ. Его невозмутимое хладнокровіе, спокойная увѣренность, казалось, были залогомъ успѣха. Его поѣздка по Ирландіи была цѣлымъ рядомъ овацій, и англійская печать, съ плохо скрытымъ раздраженіемъ, иронизировала насчетъ «путешествія ирландскаго короля». Результатомъ этой поѣздки была организація ирландской національной лиги. Парнелль обратился съ воззваніемъ къ американскимъ ирландцамъ, и средства,

нужныя для агитаціи, были добыты. Напрасно новый на-мѣстникъ Ирландіи и его помощникъ, получившіе, благода-ря биллю о предупрежденіи преступленій, огромную власть въ свои руки, боролись съ этою агитаціей всѣми, имѣющи-мися у нихъ въ распоряженіи, средствами,—ирландцы, обод-ренные присутствіемъ и словомъ своего «некоронованнаго короля», не падали духомъ и не уступали ни въ чемъ англій-скимъ властямъ. Чѣмъ рѣзче выражалась репрессія, тѣмъ сильнѣе разгоралось сопротивленіе въ ирландскомъ народѣ. На аресты и казни народъ отвѣчалъ новыми убійствами и покушеніями. 1883 годъ особенно изобиловалъ всякаго рода карами, такъ что его даже назвали «годомъ наказаній», но лучше отъ этого не стало. Въ январѣ было арестовано множество лицъ, и разнеслись слухи, что правительство, наконецъ, напало на слѣдъ тайной организаціи, руководив-шей убійствами. Эти слухи вскорѣ подтвердились. Одинъ изъ арестованныхъ рабочихъ, Робертъ Фаррелль, принадлежавшій къ феніямъ, показалъ на допросѣ, что ему извѣстно о существованіи внутри партіи таинственной ассо-ціаціи, извѣстной подъ названіемъ «непобѣдимыхъ» (Invincibles). Эта-то ассоціація и организуетъ убійства разныхъ, намѣченныхъ заранѣе лицъ. Показаніе Фаррелля подтвер-диль убійца Кэвендиша, Карей, который, чтобы спасти свою шкуру, выдалъ всѣхъ товарищей. Онъ сказалъ, что въ 1881 году организованъ кружокъ «Invincibles», во главѣ котораго стоитъ таинственное лицо, которое онъ знаетъ лишь подъ именемъ «№ 1». Этотъ таинственный предводи-тель «непобѣдимыхъ» отдавалъ приказанія, которымъ всѣ члены должны были повиноваться безпрекословно, и снаб-жалъ деньгами. Лица, которыхъ оговорилъ Карей, были арестованы и преданы суду. Судъ продолжался недолго, и пятеро были приговорены къ смертной казни, но при этомъ, все-таки, суду удалось выяснитъ, что убійство Кэвен-диша было непосредственнымъ отвѣтомъ этой партіи на при-мирительную политику Гладстона и что намѣченною жерт-вой былъ не Кэвиндишъ, котораго убійцы даже не знали въ лицо и противъ котораго ассоціація феніевъ не питала ни-какой злобы, а Боркъ, извѣстный въ Ирландіи, какъ самый опасный и серьезный врагъ ирландскихъ тайныхъ обществъ, державшій въ своихъ рукахъ всѣ нити ихъ дѣятельности.

Борка надо было устранить во чтобы-то ни стало, но убійцы даже не знали, кто находился съ Боркомъ, когда онъ шелъ по парку.

Судьба Карей, помилованнаго въ награду за свои показанія, окончилась, все-таки, трагически. Карей былъ увѣренъ, что его освободятъ, и велъ себя поэтому необычайно дерзко, подчеркивая свое привилегированное положеніе по отношенію къ товарищамъ. Наконецъ, его увезли изъ Кильмангэймской тюрьмы, и нѣкоторое время о немъ не было никакихъ извѣстій. Вдругъ въ іюлѣ получена была телеграмма изъ Кана, сообщающая властямъ, что доносчикъ Карей былъ убитъ ирландцемъ О'Доннелемъ, выѣхавшимъ специально съ этою цѣлью изъ Англіи на одномъ кораблѣ съ Кареемъ и застрѣлившимъ его тотчасъ же, какъ только Карей съѣхалъ на берегъ въ Канѣ. О'Доннель былъ немедленно арестованъ, привезенъ въ Англію и казненъ.

Между прочимъ на судѣ, когда разбиралось дѣло объ убійствѣ Борка и Кэвендиша, выяснилось любопытное обстоятельство, доказавшее, по отзыву самихъ же англійскихъ газетъ, что управление Форстера было «самою мрачною изъ сатиръ» (*grimmiest of Satyres*) на англійское правительство, такъ какъ именно въ то время, когда всѣ тюрьмы Ирландіи были переполнены лицами («находившимися подъ подозрѣніемъ») и Форстеръ хвастался, что всѣ опасные люди сидятъ у него подъ замкомъ, его собственная жизнь постоянно была въ опасности, и лишь благодаря счастливой случайности Форстеръ избѣжалъ гибели отъ руки людей, о существованіи которыхъ онъ даже не подозрѣвалъ, не зная ничего объ организаціи, планы которой, дѣйствительно, угрожали ему опасностью.

Однако, Форстеръ и не думалъ считать ошибочной свою политику, что доказываетъ его стычка съ Парнеллемъ въ парламентѣ. Форстеръ высказалъ разные ѣдкіе намеки по адресу Гладстона и затѣмъ обрушился на ирландскую партію, которую онъ обвинялъ въ нарушеніи законовъ, причемъ онъ весьма злобно пронизировалъ насчетъ разныхъ «некоронованныхъ королей», разѣзжающихъ по странѣ и подстрекающихъ народъ къ возмущенію. Парнелль совершенно хладнокровно слушалъ всѣ эти инсинуаціи и злобныя выходки Форстера и только въ особенно выпуклыхъ

мѣстахъ подчеркивалъ его рѣчь тѣмъ, что восклицалъ: «Hear! Hear!» (Слушайте! Слушайте!). Форстеръ, однако, все запальчивѣе и запальчивѣе нападалъ на ирландскаго лидера, спокойствіе котораго выводило его изъ себя. Стараясь доказать соучастіе Парнелля въ аграрныхъ преступленіяхъ, какъ главнаго ихъ подстрекателя, Форстеръ началъ читать выдержки изъ газеты «United Ireland», руководителемъ которой былъ Парнелль, и особенно подчеркивалъ то, что во всѣхъ статьяхъ замѣтно было сочувственное или снисходительное отношеніе къ виновникамъ преступленій и крайне суровое—къ ихъ жертвамъ. Прочтя одну такую статью, онъ даже спросилъ Парнелля, читалъ ли тотъ ее? «Читалъ», отвѣчалъ Парнелль, совершенно спокойно. — «Чтожь, вы ее одобряете?» снова спросилъ Форстеръ, и Парнелль отвѣчалъ такимъ же презрительно равнодушнымъ тономъ: «Одобряю!» Тутъ Форстеръ далъ волю своему раздраженію и началъ говорить, что преступленія всегда учащались послѣ митинговъ аграрной лиги и что, хотя Парнелль не замышлялъ самъ ни насилій, ни убійствъ, но онъ склонялся въ ихъ пользу и т. д. Парнелль, однако, прервалъ его разглагольствованія восклицаніемъ: «Это ложь!» Этотъ возгласъ подхватили другіе парнеллиты и нѣсколько мгновеній въ палатѣ слышались только крики: «Ложь! ложь! ложь!» пока, наконецъ, одинъ изъ наиболее неистовыхъ нарушителей порядка не былъ удаленъ изъ залы засѣданія. Но Парнелль не прибавилъ больше ни слова въ свое оправданіе, ограничившись только однимъ восклицаніемъ, что очень разсердило его противниковъ, особенно Форстера, который увидѣлъ въ этомъ доказательство презрительнаго отношенія Парнелля къ нему. Парнелль не замедлилъ подтвердить это и тономъ, и содержаніемъ своей рѣчи на слѣдующій же день, когда онъ, съ презрительною ироніей, сталъ говорить о подвигахъ Форстера, который, по его словамъ, умѣлъ только пользоваться незнаніемъ парламента ирландскихъ дѣлъ, чѣмъ и ограничивалась вся его «плодотворная дѣятельность», направленная къ умиротворенію Ирландіи. Парнелль прибавилъ, что онъ лично не раздѣляетъ взглядовъ феніевъ на пригодность тѣхъ средствъ, къ которымъ они такъ часто стали прибѣгать, но полагаетъ также, что бороться съ этимъ опаснымъ направленіемъ ирландскаго движенія надо

отнюдь не тѣми способами, которые употребляютъ англійское правительство и его слуги въ Ирландіи.

Однако, феніи, поддерживавшіе сношенія съ ирландскими революціонными обществами въ Соединенныхъ Штатахъ, не прекращали своей дѣятельности. Они произвели рядъ динамитныхъ покушеній въ самой Англійи. Все это было отвѣтомъ на репрессіи англійскаго правительства, и одинъ изъ ирландскихъ революціонеровъ въ Соединенныхъ Штатахъ открыто заявилъ, что Англійю можетъ заставить уступить только терроръ.

Какъ велика была популярность Парнелля, доказываетъ, между прочимъ, то необычайное вниманіе, которое выказывало ему ирландское общество, даже въ мелочахъ. Политическая дѣятельность Парнелля, конечно, должна была отразиться на его личныхъ дѣлахъ. Ему некогда было ими заниматься, такъ какъ онъ былъ совершенно поглощенъ своею политическою дѣятельностью и много тратилъ на разъѣзды, поэтому его средства, въ концѣ концовъ, совершенно истощились, и состояніе, которое онъ наслѣдовалъ послѣ своего отца, пришло въ упадокъ. Онъ находился почти наканунѣ полного разоренія, когда ирландское общество рѣшило прійти къ нему на помощь, организовавъ широкую подписку въ его пользу. Эта подписка называлась «Tribute to Parnell». Парнелль принесъ въ жертву ирландскому дѣлу свои личныя дѣла, свое личное состояніе, говорилось въ воззваніи, и ирландцы должны отблагодарить его за это и помочь ему выпутаться изъ затрудненій. Подписка имѣла огромный успѣхъ и, что было особенно знаменательно, въ ней приняло большое участіе ирландское духовенство, несмотря на всѣ старанія римской власти удержать его отъ этого. Однимъ изъ первыхъ подписавшихся былъ архіепископъ Крукъ, и примѣру его послѣдовали всѣ остальные священники его прихода и другихъ. Разумѣется, въ Ватиканѣ забили по этому поводу тревогу, тѣмъ болѣе, что Парнелль, вѣдь, даже не былъ католикомъ. Архіепископъ былъ вызванъ въ Римъ, гдѣ, какъ говорятъ, ему задали порядочную головомойку. Папа приказалъ кардиналу Симеони опубликовать посланіе, въ которомъ ирландскому духовенству высказывалось порицаніе, но это не помогло. Католическіе ирландскіе священники, все-таки, молились въ церквахъ

за Парнелля, хотя папа отъ него и отворачивался, и вносили свою лепту на подписной листъ. Результатами этого внимательства папы было только паденіе его авторитета въ Ирландіи, да усиленіе — если только она могла увеличиться! — популярности Парнелля, отъ котораго папа отвернулся. Огромное вліяніе Парнелля блестяще подтвердилось на выборахъ въ Ульстеръ, округъ, который долго относился враждебно къ парнеллизму. Многие изумились дерзости Парнелля, когда онъ выставилъ кандидатомъ въ этомъ округѣ одного изъ своихъ самыхъ горячихъ приверженцевъ, ирландца Хили, только что выпущеннаго изъ тюрьмы. За полгода передъ этимъ никто бы не повѣрилъ, что парнеллитъ можетъ сдѣлаться представителемъ Ульстера. Но и невѣроятное случается, какъ доказало избраніе Хили. Стоило только Парнеллю поѣхать въ этотъ округъ, обратиться съ рѣчью къ избирателямъ — и выборы прошли такъ, какъ онъ этого желалъ.

Конечно, въ Англіи встревожились этою новою побѣдой Парнелля и даже «Times» объявилъ, что Парнелль всемогущъ въ Ирландіи, и ирландскій народъ послушно идетъ за нимъ всюду, повинуюсь мановенію его руки. Дѣйствительно, 1883-й годъ — годъ самой ожесточенной борьбы и всевозможныхъ репрессій и казней — былъ въ то же время годомъ непрерывныхъ триумфовъ Парнелля. Подписка дала больше чѣмъ ожидали, т. е. 38,000 фунтовъ, и этотъ денежный подарокъ ирландской націи былъ торжественно врученъ Парнеллю на созванномъ для этой цѣли грандіозномъ митингѣ въ Дублинѣ, а затѣмъ принята резолюція замѣнить тостъ въ честь королевы тостомъ въ честь Ирландіи, какъ націи.

Когда истекъ трехлѣтній срокъ билля о предупрежденіи преступленій, Гладстонъ объявилъ въ палатѣ, что нѣкоторые параграфы этого билля будутъ внесены вновь на разсмотрѣніе палаты, для того чтобы стать закономъ. Тогда Парнелль рѣшилъ вступить въ союзъ съ консерваторами, чтобы провалить министерство Гладстона. Онъ опубликовалъ въ 1885 году манифестъ къ своей партіи, приглашающій ее подавать голоса противъ человѣка, который «свелъ репрессіи въ Ирландіи, потопилъ Египетъ въ крови, а теперь угрожаетъ религіозной свободѣ въ школахъ и сво-

бодѣ рѣчи въ парламентѣ и вообще намѣревается повторить всѣ преступленія и заблужденія прежняго либеральнаго правительства».

Твердо рѣшивъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выразить недовѣріе министерству, Парнелль мобилизовалъ всѣхъ своихъ союзниковъ. Его партія всегда въ полномъ составѣ присутствовала на засѣданіяхъ парламента и ждала случая, который совершенно неожиданно представился, когда въ парламентѣ обсуждался министерскій законопроектъ о спиртныхъ напиткахъ. Никто не придавалъ значенія этому биллю, и поэтому члены либеральной партіи, не ожидая никакого сюрприза, блистали своимъ отсутствіемъ. И вдругъ, совершенно неожиданно для либераловъ, пренія приняли очень ожесточенный характеръ; ирландскіе члены начали нападать на проектъ, удивляя всѣхъ своею горячностью, а консерваторы поддерживали ихъ, такъ что была немедленно объявлена баллотировка и министерство осталось въ меньшинствѣ.

Гладстонъ подалъ въ отставку. Въ Англіи всѣ были поражены, такъ какъ никто не ожидалъ такого оборота. Консервативное правительство, очутившееся у власти, начало заискивать въ Парнелль, сознавая, насколько важно имѣть его своимъ союзникомъ. Сольсбѣри, смѣнившій Гладстона, даже прямо заявили, что исключительные законы въ Ирландіи не будутъ возобновлены, и всѣ понимали, что это было сдѣлано имъ только для того, чтобы задобрить ирландскую партію. Кромѣ того, палатою былъ вотированъ билль, облегчавшій ирландскимъ фермерамъ приобрѣтеніе земли.

Осенью парламентъ былъ распущенъ, и на выборахъ всѣ три партіи дѣйствовали очень энергично. Парнелль надѣялся на такое усиленіе своей партіи въ парламентѣ, что ему можно будетъ диктовать свои условія, какъ либераламъ, такъ и консерваторамъ. Выборная агитація велась очень горячо, но ни консерваторы, ни либералы навѣрное не знали на чьей сторонѣ будетъ Парнелль. Онъ утверждалъ потомъ, что консерваторы вступили даже съ нимъ въ переговоры по этому поводу, и что за поддержку консерваторовъ Сольсбѣри обѣщалъ Ирландіи и гомруль, и аграрныя реформы. Конечно, консервативное правительство отрицало это впоследствии, но существуютъ нѣкоторыя основанія предпола-

гать, что консерваторы дѣйствительно добивались тогда союза съ Парнеллемъ и готовы были идти на большія уступки, лишь бы онъ самъ умѣрилъ и смягчилъ свои требованія. Но Парнелль и не подумалъ этого сдѣлать. Онъ чувствовалъ себя побѣдителемъ и хотѣлъ имъ оставаться до конца, заставивъ покориться себѣ обѣ, заискивающія въ немъ партіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ Парнелль сдѣлался вождемъ ирландскаго народа, ирландскій вопросъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ англійской палатѣ, и поэтому на выборахъ онъ былъ выдвинутъ на первый планъ. Либеральная партія выступила съ широкою программой демократическихъ реформъ, въ число которыхъ была включена и ирландская реформа, причѣмъ Гладстонъ въ своей программѣ выражалъ готовность дать Ирландіи самую широкую независимость, лишь бы при этомъ не нарушилось единство имперіи. Ясно было, что Гладстонъ уже окончательно пришелъ къ убѣжденію, что не только бесполезно, но и вредно упорствовать и отказывать ирландскому народу въ его требованіяхъ. Это и заставило Гладстона, какъ всегда безъ колебаній, отказаться отъ прежней политики, какъ только онъ убѣдился, что эта политика идетъ наперекоръ желаніямъ ирландской націи, и смѣло объявить, что «гомруль отвѣчаетъ требованіямъ справедливости и является лучшею мѣрою для водворенія спокойствія въ Ирландіи». Какъ извѣстно, такой рѣшительный поступокъ Гладстона вызвалъ расколъ въ либеральной партіи, и часть ея отдѣлилась подъ именемъ уніонистовъ.

Такимъ образомъ всѣмъ стало ясно, что Гладстонъ перешелъ на сторону ирландцевъ, и Парнелль рѣшилъ оказать ему поддержку и при первомъ удобномъ случаѣ провалить кабинетъ Сольсбѣри. Его партія состояла тогда въ парламентѣ изъ 86 человекъ, и поэтому судьба министерства находилась въ рукахъ Парнелля. Послѣ первой же воты, когда министерство, по милости Парнелля, оказалось въ меньшинствѣ, Сольсбѣри подалъ въ отставку. Гладстонъ, снова занявшій его мѣсто, не замедлилъ привести въ исполненіе свое намѣреніе и внесъ въ палату билль объ ирландскомъ самоуправленіи. Ирландцы торжествовали и видѣли въ этомъ доказательство побѣды своего «некоронованнаго короля». Союзъ между Парнеллемъ и Гладстономъ былъ за-

ключень и держался настолько прочно, что парнеллиты постоянно поддерживали либеральный кабинетъ. Зато и Гладстонъ, не взирая на гнѣвные крики консерваторовъ, всегда стоялъ за Парнелля и защищалъ его отъ нападокъ министерства Сольсбѣри, чѣмъ сильно возмущалъ противъ себя своихъ прежнихъ сторонниковъ уніонистовъ. Когда въ 1887 году министерство Сольсбѣри снова подняло вопросъ о репрессивныхъ мѣрахъ въ Ирландіи, въ виду усиленія аграрныхъ преступленій, Гладстонъ самымъ энергичнымъ образомъ поддерживалъ оппозицію Парнелля, доказывавшаго полную несостоятельность такихъ мѣръ, направленныхъ къ усмиренію Ирландіи. Гладстону, конечно, напомнили о его собственныхъ репрессивныхъ билляхъ, но это напоминаніе не подѣйствовало на него; онъ вовсе не скрывалъ, что признаетъ ошибочной всю свою прежнюю политику и не хотѣлъ допустить ея повторенія министерствомъ Сольсбѣри.

Разумѣется, этотъ союзъ либераловъ съ Парнеллемъ сильно возмущалъ консерваторовъ. Ожесточеніе между двумя лагерями росло, и въ консервативной печати то и дѣло производились вылазки противъ Гладстона, котораго обвиняли въ дружбѣ съ покровителями убійць и т. д. Въ самый разгаръ распри, когда отношенія партій очень обострились, «Times» началъ печатать статьи, подъ заглавіемъ «Парнеллизмъ и преступленіе» (Parnellism and Crime), въ которыхъ Парнелль и многіе изъ его парламентскихъ коллегъ обвинялись въ потворствѣ преступленіямъ, совершеннымъ аграрною лигой въ Ирландіи. Но пока это были только голословныя обвиненія, и поэтому, хотя статьи «Times'a» и возбудили всеобщій интересъ, большого значенія имъ не придавали. Въ апрѣлѣ 1887 года «Times» выпустилъ свою послѣднюю отравленную стрѣлу противъ Парнелля и ирландцевъ, и она попала въ цѣль. Газета напечатала факсимиле письма, будто бы написаннаго Парнеллемъ какому-то неизвѣстному лицу, въ которомъ онъ оправдывался въ томъ, что долженъ былъ порицать убійство. Это порицаніе было единственнымъ выходомъ для ирландской партіи. «Хотя я и сожалею о смерти лорда Кэвендиша, — говорилось въ письмѣ, — но не могу не признать, что Боркъ получилъ лишь то, что заслужилъ». Появленіе этого письма въ такой распространенной и вліятельной газетѣ, какъ «Times», произвело громадное впечат-

тѣбніе. Еслибы Парнелль дѣйствительно написалъ такое письмо, то его связь съ убійцами въ Фениксъ-паркѣ не подлежала бы сомнѣнію, и Гладстонъ долженъ былъ бы очутиться въ крайне щекотливомъ положеніи. Никто, впрочемъ, не сомнѣвался, что онъ тотчасъ же порветъ съ Парнеллемъ, если подтвердится взведенное на него обвиненіе, такъ какъ никакія политическія соображенія, въ глазахъ Гладстона, не могли брать перевѣса надъ нравственными.

Парнелль, явившись въ парламентъ, энергично опровергнулъ подлинность письма, заявивъ, что оно подложное. Онъ прибавилъ, что еслибъ въ моментъ убійства онъ находился въ Фениксъ-паркѣ, то «защитилъ бы лорда Кэвендиша собственнымъ тѣломъ!»

Гладстонъ, къ которому присоединились и другіе члены его партіи, выразилъ въ палатѣ полную увѣренность, что Парнелль невиновенъ, но консерваторы продолжали свои инсинуаціи, и лордъ Сольсбери сказалъ, что Парнелль обязанъ возбудить преслѣдованіе противъ «Times'a», если онъ дѣйствительно невиновенъ. Другіе говорили, что если Парнелль самъ не совершалъ преступленій, то, во всякомъ случаѣ, онъ принадлежалъ къ партіи, крайнее крыло которой оправдывало политическія убійства.

Однако, Парнелль сначала, повидимому, не намѣревался начинать дѣла и только уступая требованіямъ членовъ своей партіи и партіи Гладстона, попросилъ о назначеніи парламентской слѣдственной комиссіи, и возбудилъ искъ противъ «Times'a» въ 100,000 ф. Въ Англии, также какъ и въ Ирландіи, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣми подробностями дѣла, такъ что Парнелль снова сдѣлался центромъ, приковывавшимъ общественное вниманіе. Судъ начался въ октябрѣ 1887 года, и, кромѣ Парнелля, еще 64 ирландца были привлечены къ отвѣтственности. Всѣ они обвинялись, вмѣстѣ съ Парнеллемъ, въ томъ, что были членами заговора, имѣющаго цѣлью абсолютную независимость Ирландіи и организовали аграрную агитацію, съ цѣлью изгнать лэндлордовъ, которыхъ они именовали «англійскимъ гарнизономъ» (The English Garrison). Своими рѣчами и деньгами они подстрекали и поддерживали возмущенія и преступленія, такъ что негодованіе, высказанное ими по поводу этихъ преступленій, — притворное, тѣмъ болѣе,

что они поддерживали сношенія съ американскими динамитчиками и получали отъ нихъ денежную помощь. Цѣлая масса свидѣтелей была вызвана въ судъ, но тѣмъ не менѣе никому изъ нихъ не удалось представить неопровержимыя улики, доказывающія виновность Парнелля. Парнелль былъ слишкомъ осторожнымъ политикомъ, и несмотря на то, что многимъ изъ сидѣвшихъ въ тюрьмахъ ирландцевъ правительство обѣщало свободу, если они дадутъ показанія противъ Парнелля, никто изъ нихъ не сказалъ противъ него ни единого слова. Самымъ драматическимъ эпизодомъ этого процесса было то, что нѣкто Пиготтъ, мелкій репортеръ дублинскихъ газетъ, продавшій письма Парнелля редакціи «Times'a», сознался въ подлогѣ. Защитникъ Парнелля, Чарльзъ Русселль, сбилъ Пиготта на перекрестномъ допросѣ, и тотъ на другой же день, рано утромъ, явился къ редактору газеты «Truth», Лабушеру и, потребовавъ, чтобы онъ тотчасъ же позвалъ свидѣтелей, въ страшномъ волненіи объявилъ, что онъ поддѣлывалъ письма, соблазненный обѣщаніями корреспондента «Times'a», предложившаго ему «достать» письма, которыя доказывали бы сношенія Парнелля съ убійцами Кэвендиша и Борка. Онъ обѣщаль ему за это такую награду, которая могла бы обезпечить семью Пиготта. Пиготтъ имѣлъ четырехъ дѣтей, которыхъ онъ очень любилъ, и его мучило сознаніе, что они терять страшную нужду; поэтому онъ и согласился на предложеніе корреспондента и «досталъ» письма, которыя были такъ нужны редакціи «Times'a».

Разсказавъ все это, Пиготтъ бѣжалъ въ Мадридъ, а оттуда отправилъ въ редакцію телеграмму съ просьбою о присылкѣ денегъ, которыхъ редакція ему не доплатила. Но редакція сочла за лучшее увѣдомить полицію о томъ, гдѣ онъ находился. Когда пришли арестовать его, Пиготтъ застрѣлился.

Судъ кончился триумфомъ для Парнелля, и «Times» былъ присужденъ къ уплатѣ 5,000 фунтовъ и судебныхъ издержекъ, но, главное для газеты, это былъ нравственный ущербъ и чувствительный ударъ ея вліянію, отъ котораго газета не такъ-то скоро могла оправиться. Либеральная партія засыпала Парнелля поздравленіями и устроила ему самый восторженный пріемъ въ «Eighty Club» (гладстоновской ассоціаціи), а Единбургскій городской совѣтъ предложилъ

ему почетное гражданство. Гладстонъ съ горячностью защищалъ Парнелля и предложилъ палатѣ выразить свое порицаніе «ложнымъ обвиненіямъ самого возмутительнаго свойства, основаннымъ на клеветѣ и мошенничествѣ» и свое глубочайшее сожалѣніе Парнеллю, что ему нанесено такое оскорбленіе.

Гладстонъ, конечно, совершенно искренно возмущался поведеніемъ газеты и клеветой на Парнелля, но большинство палаты думало иначе, и поэтому предложеніе Гладстона было отвергнуто. Враги Парнелля страшно негодовали на то, что онъ вышелъ сухъ изъ воды, и что не было никакой возможности изловить его и доказать его сношенія съ феніанскими обществами. Парнелль, какъ всегда, такъ искусно держалъ себя, что на судѣ ничего не удалось выяснитъ. Онъ не дѣлалъ никакихъ признаній, не старался никого и ни въ чемъ разувѣрить, такъ что феніи не могли упрекнуть его въ томъ, что онъ отрекся отъ нихъ, но зато и судъ, и всѣ остальные должны были оставаться въ полномъ недоумѣніи относительно того, въ какихъ отношеніяхъ Парнелль находился и находится къ различнымъ феніанскимъ ассоціаціямъ.

Въ Ирландіи, конечно, не скрывали восторга по случаю торжества своего вождя, но и либеральные и радикальные органы англійской печати поздравляли Парнелля съ побѣдой, говоря что «парнеллитское движеніе было подвергнуто микроскопическому изслѣдованію, какому никогда еще не подвергалось ни одно политическое движеніе въ Англии». Словомъ, Парнелль дѣйствительно могъ торжествовать, и враги его были, повидимому, совершенно раздавлены. Онъ могъ считать свой союзъ съ Гладстономъ очень прочнымъ, тѣмъ болѣе, что Гладстонъ даже пригласилъ его къ себѣ въ Говарденъ поговорить и побесѣдовать о гомрулѣ. Парнелль принялъ приглашеніе. Это было на Рождествѣ въ 1889 г., а въ 1890 г. надъ головою Парнелля разразился совершенно неожиданный ударъ, который не только разрушилъ его дружбу съ Гладстономъ и союзъ съ либеральной партіей, но и погубилъ его и вмѣстѣ съ нимъ ирландское дѣло.

Въ лондонскихъ кружкахъ и клубахъ давно уже сплетничали и говорили о связи Парнелля съ женою ирланд-

сакаго депутата О'Ши, того самаго, черезъ котораго велись переговоры, когда Парнелль сидѣлъ въ Кольмангэмской тюрьмѣ. Извѣстно было, что Парнелль находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ О'Ши и постоянно тамъ бываетъ, и что даже Гладстонъ и другіе члены его партіи зачѣстую, когда Парнелля не бывало въ Лондонѣ, передавали ему черезъ г-жу О'Ши все что было нужно, такъ какъ она всегда знала, гдѣ онъ находится, и вела съ нимъ переписку. Повидимому, и тогда уже никто не сомнѣвался, что Парнелль влюбленъ въ нее, и она отвѣчаетъ ему взаимностью, по крайней мѣрѣ, она не скрывала своего восторженнаго преклоненія передъ вождемъ, котораго считала героемъ. Въ послѣдніе годы, однако, между ея мужемъ и Парнеллемъ произошло замѣтное охлажденіе, которое привело даже къ полному разрыву, т. е. Парнелль пересталъ бывать у него въ домѣ. Говорили, конечно, что поводомъ къ разрыву послужила ревность О'Ши, замѣтившаго ухаживанія Парнелля и склонность къ нему своей жены, но никто, все-таки, не ожидалъ, что О'Ши рѣшится на такой крутой поступокъ и возбудить процессъ о разводѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ были увѣрены, что отношенія между Парнеллемъ и его женой давно не составляли для него тайны.

Друзья Парнелля были убѣждены, что Парнелль и тутъ отдѣляется также благополучно, какъ и въ процессѣ съ «Times'омъ», и враги его ни въ какомъ случаѣ не будутъ торжествовать. Но эти радужныя надежды и ожиданія были обмануты. Ни Парнелль, ни г-жа О'Ши не стали даже защищаться и не представили никакихъ доказательствъ, разрушающихъ обвиненіе, а только ограничились отрицаніемъ самаго факта супружеской измѣны. Зато свидѣтельскія показанія обрушились на нихъ всею своею тяжестью, такъ какъ Парнелль только гордо отмалчивался, считая ниже своего достоинства приводить какія-либо оправданія и отвѣчать на грязныя инсинуаціи и показанія подкупленной челяди. Въ этихъ показаніяхъ Парнелль былъ представленъ, какъ человѣкъ, лишенный чувства чести и вѣроломный, прибѣгающій къ самымъ низкимъ способамъ, чтобы обмануть довѣріе друга, на котораго онъ навлекъ безчестіе и т. д., и т. д. Въ виду того, что Парнелль, какъ и г-жа О'Ши, не опровергъ ни одного изъ этихъ обвиненій, она была

признана виновной въ нарушеніи супружеской вѣрности, и просьба ея мужа о разводѣ была удовлетворена, причемъ предсѣдатель суда заявилъ, что Парнелль пользовался гостеприимствомъ О'Ши для разврата!

Результатъ суда разразился, какъ ударъ грома, надъ всѣми сторонниками Парнелля, какъ англичанами, такъ и ирландцами, вбрызвшими до послѣдней минуты въ его торжество надъ врагами, «устроившими низкій заговоръ, чтобы стубить его и дѣло Ирландіи». Конечно, «Times» торжествовалъ и радовался возможности отплатить врагу и забросать его грязью. Газета ужасалась безнравственности Парнелля и изъ всѣхъ силъ старалась дать понять политическимъ союзникамъ Парнелля, что исходъ дѣла о разводѣ, выставившій въ такомъ непривлекательномъ свѣтѣ Парнелля, не можетъ остаться безъ вліянія на его положеніе въ общественной жизни. «Ни одинъ государственный дѣятель, говорилъ «Times», желающій управлять могущественною партіей и нести на себѣ отвѣтственность, сопряженную съ такимъ положеніемъ, не могъ бы устоять послѣ такого удара, который былъ нанесенъ Парнеллю приговоромъ суда. Гладстоновцы и парнеллиты могутъ, пожалуй, игнорировать судъ и обвиненіе, но они не могутъ помѣшать высказаться британскому общественному мнѣнію и вывести свои заключенія». Другія консервативныя газеты также доказывали, что Парнелль уже не можетъ болѣе оставаться лидеромъ ирландскихъ гомрулеровъ, и ставили на видъ гладстоновской партіи, что она подвергнетъ себя нравственной гибели, если будетъ поддерживать, хотя бы только политическую связь съ человѣкомъ, обвиненнымъ въ такомъ гнусномъ поступкѣ. Провинціальная печать также находила, что карьера Парнелля, какъ политическаго вождя, пришла къ концу, такъ какъ на немъ лежитъ неизгладимое пятно. Гладстоновскіе же органы сначала отказывались отождествлять дѣло гомруля съ личностью его вождя и заявляли, что принципъ не можетъ поколебаться отъ этого и что вообще, какъ сами политическіе принципы, такъ и партіи, образующіяся около нихъ и воодушевленные ими, не могутъ находиться въ зависимости отъ подобныхъ случайностей.

Ирландскія газеты сначала всѣ безъ исключенія были на сторонѣ Парнелля и съ негодованіемъ отказывались даже

входить въ обсужденіе вопроса о возможности его отказа отъ занимаемаго имъ поста. Всѣ отдѣлы національной лиги, ирландскіе городскіе совѣты и корпораціи постановили въ этомъ духѣ резолюціи, а въ парламентѣ Гладстонъ и Морлей первые признали право ирландцевъ выбирать собственныхъ вождей; Лабушеръ въ своей газетѣ «Truth» высказалъ взглядъ на это радикальной партіи: онъ сказалъ, что не англичанамъ рѣшать, кто долженъ быть ирландскимъ вождемъ, но принимая во вниманіе, что Парнелль самый способный изъ современныхъ парламентскихъ дѣятелей, было бы странно и нелѣпо ссориться съ такимъ искуснымъ вождемъ, когда еще битва не выиграна.

Ирландскіе депутаты также оставались вѣрны своему «Чарли» и на митингѣ въ Дублинѣ вотировали ему вѣрность и благодарность за его неоцѣнимыя услуги странѣ. Это обстоятельство, конечно, должно было укрѣпить увѣренность Парнелля, что онъ справится съ бурей и сохранить свое положеніе, но съ каждымъ днемъ все больше выяснялось, что нонконформисты и шотландскіе пресвитеріанцы, составлявшіе главные ряды гладстоновской партіи, не въ состояніи понять такихъ тонкостей, такъ что вождямъ партіи приходилось волей-неволей сообразоваться съ ихъ взглядами. Курсъ, которому намѣревались слѣдовать ирландскіе націоналисты, былъ ясно указанъ многолюднымъ митингомъ въ Дублинѣ, гдѣ была вотирована съ большимъ энтузіазмомъ резолюція, выражающая «полное и непоколебимое» довѣріе къ вождю. Дэвиттъ, въ своемъ органѣ «Labour League» начертилъ Парнеллю его линію поведенія: «Парнелль одинъ только можетъ рѣшить, какъ ему слѣдуетъ поступить для пользы гомруля въ Великобританіи,—сказалъ Дэвиттъ.— На этотъ счетъ, впрочемъ, не можетъ быть двухъ мнѣній. Высшія соображенія требуютъ, чтобы лидеръ сошелъ съ политической сцены на нѣкоторое время. для того, чтобы прошелъ установленный закономъ срокъ, и разведенная жена могла бы выйти за него замужъ и сдѣлала бы для него возможнымъ возвращеніе къ политической дѣятельности».

Такимъ образомъ, въ первое время послѣ процесса, ирландцы не считали возможнымъ отвернуться отъ своего признаннаго вождя, хотя и были ошеломлены всѣмъ происшедшимъ. Парнелль ничего не говорилъ въ свою защиту

и вообще не старался оправдать себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія, когда въ консервативныхъ, либеральныхъ и высшихъ кругахъ громили его поведеніе, выражая добродѣтельное негодованіе, и фарисейское общество, развратничающее изподтишка, съ ужасомъ и отвращеніемъ отворачивалось отъ Парнелля и съ содроганіемъ говорило о его глубокомъ нравственномъ паденіи. Всѣ другіе политическіе вопросы отступили на задній планъ, и дѣло Парнелля поглотило общественное мнѣніе. Газеты помѣщали длинные рассказы о томъ, какъ гнусно велъ себя Парнелль, какъ онъ обманывалъ своего пріятели, подкупалъ его прислугу, переодѣвался, чтобы итти на свиданіе съ его женой и т. д., и т. д. Исторія съ Парнеллемъ, во всякомъ случаѣ, характеризуетъ лицемѣріе англійскаго высшаго общества, представившагося оскорбленнымъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ и съ возмущеніемъ отворачивающагося отъ грѣшника, игнорируя въ то же время гораздо болѣе скандальныя факты, которые составляютъ самое обыденное явленіе въ его собственной средѣ. Парнелль, однако, не склонился передъ этою бурей и гордо и увѣренно смотрѣлъ въ будущее, отвѣчая презрительнымъ молчаніемъ на выходки своихъ враговъ. Онъ любилъ г-жу О'Ши и находилъ унижительнымъ для себя и для нея отказываться отъ этого, но это было его частное дѣло, которое, какъ онъ думалъ, не можетъ помѣшать его политической дѣятельности. Однако, въ этомъ отношеніи Парнелль высказалъ удивительное непониманіе характера англичанъ и того, что враги его владѣли теперь страшнымъ оружіемъ противъ него.

Гладстонъ, сначала признавшій право ирландцевъ выбирать собственнаго вождя, упорно молчалъ во все время этого ожесточеннаго похода печати противъ Парнелля и ни разу не возвысилъ своего голоса ни за, ни противъ него. Между тѣмъ, консерваторы и уніонисты требовали, чтобы онъ высказался рѣшительнымъ образомъ, тогда какъ англійскіе нонконформисты и шотландскіе пресвитеріанцы, въ своемъ добродѣтельномъ негодованіи, напрямикъ заявили, что они не согласны трудиться для гомруля въ компаніи съ Парнеллемъ. Наконецъ, и Гладстонъ сказалъ свое слово. Въ день открытія парламентской сессіи, передъ началомъ засѣданій палаты, члены ирландской партіи, согласно обы-

чаю, собрались для обсуждения текущихъ вопросовъ. Явился Парнелль, и какъ всегда былъ встрѣченъ самымъ сердечнымъ образомъ и избранъ предсѣдателемъ. Никто ничего не возразилъ противъ этого. Между тѣмъ, наканунѣ Морлей получилъ письмо отъ Гладстона и показалъ его Макъ-Карту, который передалъ его Парнеллю. Гладстонъ, въ этомъ письмѣ категорически заявлялъ о томъ, что Парнелль долженъ уйти, иначе пострадаетъ дѣло Ирландіи. Лучше всего будетъ, если Парнелль самъ сдѣлаетъ этотъ шагъ, такъ какъ, несмотря на всѣ его важныя заслуги, его дальнѣйшее пребываніе главою партіи можетъ только вредить ей.

Когда ирландскимъ членамъ сдѣлалось извѣстно содержаніе письма, поднялся страшный шумъ, и многіе члены партіи выразили Макъ-Карту свое негодованіе по поводу того, что онъ скрылъ это письмо. Всѣ понимали, что теперь, послѣ того какъ высказался Гладстонъ, положеніе дѣлъ приняло совсѣмъ иной оборотъ, и что ирландской партіи необходимо считаться съ новымъ фактомъ. Послѣ долгихъ и очень горячихъ преній, большинство подписало заявленіе, въ которомъ Парнеллю предложено было созвать митингъ для обсуждения новаго положенія вещей. Парнелль согласился, но отложилъ митингъ на нѣсколько дней и обратился съ манифестомъ къ ирландскому народу, въ которомъ говорилъ, что ирландцы должны хорошенько обдумать и взвѣсить то, какъ съ ними обращаются англичане и чего они требуютъ. Онъ говорилъ, что ирландскій народъ долженъ «спасти его отъ англійскихъ волковъ, теперь завывающихъ и жаждущихъ его гибели» (to save me from english wolves, now howling for my destruction). Онъ доказывалъ въ своемъ манифестѣ, что если Гладстонъ на самомъ дѣлѣ, а не лицемѣрно, желаетъ дать Ирландіи гомруль, сознавая его необходимость, то онъ долженъ поддерживать программу ирландской партіи, не взирая на то, кто остается ея лидеромъ. Ирландцы не должны уступать англичанамъ, не должны позволять имъ вмѣшиваться въ свои дѣла и помнить, что англичане уважаютъ только сильныхъ и презираютъ слабыхъ и уступчивыхъ!

Послѣ этого состоялся митингъ, на которомъ Парнелль еще разъ подтвердилъ свою точку зрѣнія, доказывая, что бракоразводный процессъ не имѣетъ никакого отношенія

къ ирландскому вопросу и къ его лидерству. Съ общечеловѣческой точки зрѣнія нельзя, конечно, не согласиться, что онъ былъ правъ, но съ одной стороны, англійская фарисейская мораль не допускала этого, а съ другой — Гладстонъ, со свойственною ему прямолинейностью, не могъ простить того, что совершенно искренно считалъ великимъ грѣхомъ и преступленіемъ. Парнелль, въ его глазахъ, былъ заклеянный человѣкъ, и онъ не считалъ возможнымъ идти съ нимъ рука объ руку и смотрѣть на него, какъ на вождя націи. Это понимали члены ирландской партіи, хорошо знавшіе Гладстона и убѣжденные въ томъ, что онъ ни за что не пойдетъ на компромиссъ въ этомъ вопросѣ, и потому рѣшили лучше пожертвовать своимъ вѣждемъ, нежели отказаться отъ полезнаго союза съ Гладстономъ, почти наканунѣ окончательнаго торжества. Дебаты длились цѣлыхъ пять дней и, наконецъ, не добившись отъ Парнелля отказа отъ лидерства, сорокъ пять членовъ вышли изъ собранія и, устроивъ другой митингъ, объявили, что выбираютъ своимъ лидеромъ Макъ-Карти.

Расколъ ирландской партіи сдѣлался свершившимся фактомъ. Въ англійскомъ парламентѣ, впрочемъ, не въ первый разъ существовали двѣ ирландскія партіи, и это явилось лишь возвращеніемъ къ старому порядку, но дѣло, конечно, должно было пострадать отъ такого нарушенія единства. Антипарнеллиты были многочисленнѣе, и надо сказать правду, что какъ только Гладстонъ нанесъ ударъ, пошатнувшій положеніе Парнелля, такъ немедленно обнаружилось, что въ партіи было гораздо больше людей, боявшихся его и повиновавшихся ему лишь вслѣдствіе суровой партійной дисциплины, которую онъ ввелъ, нежели искренно преданныхъ и любившихъ его. Онъ вообще держалъ себя слишкомъ далеко, и ни съ кѣмъ не сближался, и поэтому многіе въ душѣ злорадствовали, что «некоронованный король» свалился со своего пьедестала, и что теперь дѣло гомруля можетъ быть сдѣлано и безъ него.

Парнелль, однако, все еще оставался вождемъ ирландскаго народа, и въ началѣ дѣло о разводѣ, какъ будто, не повліяло на его положеніе, какъ политика. Но это было лишь до тѣхъ поръ, пока не высказалось католическое духовенство, бывшее прежде на сторонѣ Парнелля и даже

дѣйствовавшее, какъ мы видѣли, вопреки желаніямъ папы. Но тутъ духовенство было поставлено въ очень щекотливое положеніе. Вопросъ касался уже религіозныхъ догматовъ, и оно не могло одобрить поведенія Парнелля, не идя въ разрѣзъ съ ученіемъ церкви. Архіепископъ Уэльтъ сначала сказалъ, что въ выборѣ политическаго вождя политическая партія не должна руководствоваться вопросами нравственнаго характера. Но черезъ двѣ недѣли онъ долженъ былъ уже категорически заявить, что, покрывъ себя скандальной славой (*prominence in guilt and Shame*), Парнелль не можетъ уже разсчитывать на поддержку ирландскаго духовенства.

Это было чувствительнымъ ударомъ для Парнелля, еще болѣе чувствительнымъ, чѣмъ отреченіе отъ него Гладстона. Ирландское духовенство всегда играло первенствующую роль во всѣхъ политическихъ движеніяхъ, и не мало ирландскихъ священниковъ погибало на висѣлицахъ и въ тюрьмахъ. Парнелль зналъ, что народъ довѣряетъ своимъ священникамъ и пойдетъ за ними. Онъ долженъ былъ испытывать тревогу, но его гордый, непреклонный характеръ не позволялъ итти на уступки; онъ долженъ былъ бороться до конца, и онъ, дѣйствительно, повелъ отчаянную борьбу, которая была прервана только его смертию.

Онъ отіравился въ Ирландію и тамъ началъ, попрежнему, произносить рѣчи. Но хладнокровіе уже покинуло его, и вмѣсто прежняго презрительно ироническаго отношенія къ врагамъ и бичующей аргументаціи, его рѣчи были наполнены запальчивыми выходками противъ Гладстона и своихъ прежнихъ союзниковъ. Онъ обвинялъ его въ недобросовѣстности, въ томъ, что онъ хочетъ обмануть ирландцевъ и т. д., и т. д. Онъ говорилъ, что соглашается уйти и отказаться отъ лидерства, но не иначе, какъ на томъ условіи, чтобы либералы «представили точное и удовлетворительное объясненіе относительно всѣхъ подробностей своего билля о гомрулѣ». Онъ заявлялъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобы помѣшать Макъ-Карту и его коллегамъ соглашаться на тѣ условія, которыя имъ захотятъ навязать ихъ либеральныя союзники.

Истинные и немногіе друзья Парнелля съ огорченіемъ замѣчали въ немъ перемѣну. Онъ постоянно находился въ

волнении, развѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, произносилъ запальчивыя рѣчи и, видимо, лишился своего прежняго самообладанія. Здоровье его сильно пошатнулось, и это, въ особенности, беспокоило г-жу О'Ши, на которой онъ женился въ іюль 1891 года. Она говорила его близкимъ друзьямъ, что просто не узнаетъ мужа и страшно за него боится. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и точно таялъ на ея глазахъ. Но она не могла убѣдить его бросить агитацію, въ которую онъ вложилъ свою душу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ирландіи народъ, все-таки, оставался вѣренъ своему вождю, и Парнелль нѣсколько успокаивался, когда ему оказывали прежній горячій пріемъ. Но въ другихъ мѣстахъ его встрѣчали равнодушно, и онъ не могъ не замѣчать, что его время прошло, что его популярность исчезаетъ, и это несправедливое отношеніе къ нему еще болѣе разжигало его сопротивление, ожесточало его и толкало на отчаянную борьбу, въ которой онъ не могъ надѣяться на побѣду.

Онъ зналъ, что своимъ бракомъ съ г-жею О'Ши онъ нисколько не поправилъ дѣла, но отрицалъ право общества вмѣшиваться въ свою личную жизнь. Ирландскій архіепископъ, дѣйствительно, не замедлилъ заклеить его бракъ какъ «верхъ безстыдства и отвращенія» (climax of brazened horrors), а выборы въ Килькенни, на которыхъ антипарнеллитъ получилъ рѣшительное большинство, вѣрнѣе доказали Парнеллю, что его пѣсенка сѣта.

Еще болѣе чувствительный ударъ его самолюбію нанесло то, что вліятельная и самая распространенная въ Ирландіи газета—«Freeman's Journal» перешла на сторону его враговъ, именно въ виду его женитьбы, въ которой видѣли вызовъ, брошенный имъ обществу и мнѣнію и духовенству. Друзья Парнелля тотчасъ же основали для него другую газету—«Independent», но Парнелль сознавалъ, что ему уже не вернуть прежняго вліянія и прежняго положенія и боролся уже лишь какъ человекъ, доведенный до отчаянія, не желающій дешево продавать свою жизнь.

А враги, между тѣмъ, усиливали свои удары раненому лву. Долго скрываемая и подавляемая ненависть, зависть,— все это выплыло наружу, и чѣмъ больше оборонялся Парнелль, тѣмъ яростнѣе нападали на него англійская печать, консерваторы, уніонисты и его бывшіе союзники, либералы. Лордъ

Сольсбери въ публичной рѣчи называлъ паденіе Парнелля «торжествомъ британской нравственности», такъ что нападки на бывшаго ирландскаго вождя какъ бы предписывались кодексомъ нравственныхъ правилъ.

Парнелль жилъ въ это время въ Брайтонѣ съ женой, но несмотря на дурную осеннюю погоду, на распатанное здоровье и надорванные душевными волненіями силы, все-таки, продолжалъ совершать свои частыя поѣздки въ Ирландію. Въ послѣдній разъ онъ поѣхалъ туда въ сентябрѣ 1891 года и тамъ говорилъ на митингѣ. Видъ у него былъ совсѣмъ больной, но онъ говорилъ съ прежнимъ жаромъ и убѣждалъ своихъ слушателей не сдаваться, не принимать условій, предлагаемыхъ либеральною партіей и съ горечью отзывался о поведеніи Гладстона. Послѣ митинга онъ тотчасъ же почувствовалъ себя настолько дурно, что немедленно уѣхалъ въ Брайтонъ, слегъ въ постель и больше не вставалъ. Онъ чувствовалъ, что конецъ близокъ, и изумлялъ врача и близкихъ своею кротостью и терпѣніемъ, съ которыми переносилъ страданія. Этотъ человѣкъ, обладавшій желѣзною волей и энергіей, никогда и никому не хотѣвшій покориться, лежалъ надломленный борьбой, но также смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти. «Передайте моимъ коллегамъ и всему ирландскому народу мою любовь» (Let my love be conveyed to my colleagues and to the Irish people), сказалъ онъ незадолго до конца. Жена его, страстно любившая его, не хотѣла вѣрить, что онъ умираетъ, а онъ, глядя на нее съ благодарностью и любовью, сказалъ: «Еслибы за несчастною страдающею Ирландіей ухаживали съ такою преданностью, какъ за мной, и такъ бы старались облегчить ея страданія!»

Несмотря на то, что онъ былъ боленъ уже нѣсколько дней, вѣсть о его смерти, все таки, поразила всѣхъ страшною неожиданностью. Въ Ирландіи она подѣйствовала ошеломляющимъ образомъ. Забыты были всѣ споры послѣднихъ мѣсяцевъ, и всѣ поняли, что сошелъ со сцены крупный человѣкъ, и что Ирландія лишилась своего великаго борца и защитника.

Общественное мнѣніе сразу повернуло въ другую сторону. Всѣ почувствовали огромный пробѣлъ, образовавшійся въ политической жизни страны съ исчезновеніемъ Пар-

нелля. «Такого не было и уже не будетъ у насъ!» говорили ирландцы. Общественное мнѣніе вдругъ стало относиться такъ враждебно къ антипарнеллитамъ, что они даже не рѣшились устроить митинга.

Похороны Парнелля явились грандіозною народною манифестаціей. Двухсоттысячная толпа провожала его гробъ, и всюду слышались громкія рыданія, а на улицахъ, по которымъ проходила похоронная процессія, были расклеены громадныя афиши съ надписью: «Замученъ англичанами!» Ирландское духовенство, которое отвернулось отъ него послѣ процесса, теперь громко признавало его великія заслуги и заявляло, что память о немъ не умретъ въ ирландскомъ народѣ. Даже англійская печать воздавала должное его выдающемуся уму и талантамъ, и не безъ гордости напоминала о его англійскомъ происхожденіи, выражая при этомъ сожалѣніе, что онъ вступилъ на ложный путь, и вмѣсто того, чтобы служить своей родинѣ, сталъ въ ряды ея противниковъ. Однимъ словомъ, смерть принесла полную реабилитацію Парнеллю, и снова вокругъ его имени засіялъ ореолъ

Но ирландская партія уже больше не оправилась отъ удара, который былъ ей нанесенъ злосчастнымъ бракоразводнымъ процессомъ. Единство такъ и не возстановлялось въ ней, и это еще разъ указываетъ, какія иногда ничтожныя и второстепенныя причины могутъ сгубить великое и важное дѣло.

Парнелль всегда будетъ занимать выдающееся мѣсто въ англійской и ирландской исторіи XIX вѣка. Личными усилиями онъ выдвинулъ вопросъ о законодательной независимости Ирландіи изъ области академическихъ разсужденій на почву практической политики. Когда онъ только что вступилъ на арену политической борьбы, о гомрултъ говорили, какъ о «недостижимой мечтѣ». Но въ десятилѣтній промежутокъ времени онъ совершенно измѣнилъ отношеніе англійскихъ партій къ этому вопросу, и принудилъ большинство одной изъ главныхъ политическихъ партій Англии считать настоятельною необходимостью принятіе ирландской схемы въ парламентѣ. Онъ содѣйствовалъ улучшенію положенія Ирландіи, и ввелъ конституціонную агитацію, стараясь съ ея помощью достигнуть своихъ цѣлей. Но въ душѣ

онъ оставался непокорнымъ мятежникомъ. Еслибы онъ могъ снарядить 40.000-ую армию для рѣшенія ирландскаго вопроса, то, конечно, сдѣлалъ бы это, но другіе нелегальные способы борьбы не считалъ дѣйствительными. Ему было не много болѣе тридцати лѣтъ, когда онъ вступилъ въ парламентъ. У него не было ни опыта въ дѣлахъ, ни природнаго ораторскаго таланта, но онъ обладалъ великою способностью вести за собою и управлять людьми, «молить повелительно и повелѣвать сердцами толпы». Онъ былъ безстрашенъ и смѣлъ, и поэтому быстро выдвинулся на первое мѣсто. Это былъ природный вождь и въ этомъ отношеніи врядъ ли найдется ему равный въ длинной серіи именъ ирландскихъ и англійскихъ вождей.

VIII.

Джонъ Редмондъ.

Лидеръ ирландской партіи.

Когда надъ головою Парнелля, вождя ирландскаго народа, разразилась гроза, повергнувшая его и разсѣявшая много прекрасныхъ надеждъ, то въ числѣ немногихъ лицъ, оставшихся вѣрными павшему «некоронованному королю» Ирландіи, находился Джонъ Редмондъ, молодой ирландскій депутатъ, съ особеннымъ жаромъ защищавшій Парнелля во время памятнаго засѣданія, рѣшившаго судьбу ирландской партіи, расколовшейся послѣ этого на двое. Только незначительное меньшинство осталось около Парнелля, и Джонъ Редмондъ находился во главѣ этого меньшинства. Онъ съ жаромъ доказывалъ, что частная жизнь Парнелля не имѣетъ никакого отношенія къ его политической карьерѣ и что нельзя покидать вождя, оказавшаго такія неоцѣнимыя услуги Ирландіи, только потому, что его имя связывается съ бракоразводнымъ процессомъ. Какъ бы ни поступалъ Парнелль въ частной жизни, но ирландцы не должны забывать, чѣмъ они ему обязаны, говорилъ Джонъ Редмондъ, и до самаго конца оставался вѣренъ этой точкѣ зрѣнія.

Между тѣмъ, Редмондъ вовсе не принадлежалъ къ числу людей близкихъ Парнеллю. Онъ былъ однимъ изъ скромныхъ рядовыхъ партіи, и Парнелль, находящійся тогда въ апогеѣ своего могущества, почти не замѣчалъ его и не придавалъ никакого значенія его способностямъ. Когда же большинство ирландской партіи избрало себѣ новаго предсѣдателя для предстоящей парламентской сессіи, то маленькая, отдѣлившаяся отъ этого большинства, группа парнеллитовъ сплотилась около Джона Редмонда, и съ этого момента онъ

Редмондъ.

(Съ фотографин).

сдѣлался замѣтнымъ лицомъ въ парламентѣ. Неожиданная смерть Парнелля, положившая конецъ распрѣ между парнеллитами и антипарнеллитами и прекратившая упорную борьбу, которую велъ Парнелль со своими врагами, сдѣлала возможнымъ, если не полное примиреніе, то, во всякомъ случаѣ, соглашеніе между обѣими враждующими сторонами. Положеніе обѣихъ ирландскихъ партій въ парламентѣ было совершенно невыносимымъ. Каждый ирландскій патриотъ долженъ былъ прійти къ заключенію, что надо, такъ или иначе, прекратить распрю, которая можетъ отразиться самымъ роковымъ образомъ на общемъ дѣлѣ и затормозитъ рѣшеніе ирландскаго вопроса на многія поколѣнія. Преждевременная смерть Парнелля уничтожила главный поводъ къ разногласіямъ и съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы попытки къ сближенію. Вождь антипарнеллитовъ, Джонъ Диллонъ, отказался, вслѣдствіе слабости здоровья, отъ руководства своею группой, и когда, согласно обычаю, члены ирландской національной партіи сошлись передъ началомъ парламентской сессіи для избранія лидера, то въ первый разъ, со времени катастрофы съ Парнеллемъ, партія соединилась и предложила парнеллиту Джону Редмонду вакантное мѣсто лидера ирландскихъ націоналистовъ въ парламентѣ.

Такимъ образомъ Джонъ Редмондъ сдѣлался первымъ, послѣ Парнелля, лидеромъ объединенной ирландской партіи. Конечно, значеніе ирландской партіи теперь уже не то, какое было при Парнеллѣ, но тѣмъ не менѣе Редмондъ занимаетъ выдающееся положеніе, такъ какъ, въ сущности онъ является настоящимъ лидеромъ оппозиціи въ парламентѣ, а никакъ не лидеръ либеральной партіи, которая совершенно ослаблена внутренними раздорами и разногласіями между тѣми, кто еще остается вѣренъ прежнимъ традиціямъ мира, свободы и самоуправленія, и тѣми, кто уже приноситъ жертвы на алтарь пагубнаго империализма.

Джонъ Редмондъ, какъ лидеръ ирландской парламентской партіи, имѣетъ для Англіи гораздо больше значенія въ настоящее время, чѣмъ какой бы то ни было другой ирландскій лидеръ въ прежнія времена. Даже Парнелль, въ апогеѣ своего могущества, не имѣлъ такого значенія для имперіи. Онъ существовалъ только для Ирландіи, и въ его время антагонизмъ между ирландцами и англичанами былъ слишкомъ

силенъ, такъ что ни о какой коопераціи съ парнеллитами въ другихъ вопросахъ, кромѣ ирландскаго, и помышлять было нельзя. Правда, и до сихъ поръ еще во многихъ кругахъ англійскаго общества сохраниется враждебное чувство къ ирландцамъ, но англійское правительство, по крайней мѣрѣ, не старается больше объ усиленіи расовой вражды и не заставляетъ ирландцевъ просиживать долгіе мѣсяцы въ тюремномъ заключеніи, притомъ же въ нѣдрахъ британской демократіи все болѣе укрѣпляется убѣжденіе, что ирландскіе націоналисты—единственные союзники, на которыхъ можно рассчитывать, когда на сцену выдвигаются демократическія и соціалистическія тенденціи. Ни одно демократическое движеніе въ Англии не можетъ теперь обходиться безъ того, чтобы не внести въ свою программу реформу верхней палаты. А тутъ помощь ирландцевъ, съ Джономъ Редмондомъ во главѣ, безусловно необходима. Въ дѣйствительности ирландская партія представляетъ теперь единственную демократическую партію въ парламентѣ. Представители труда изъ большихъ промышленныхъ центровъ Великобританіи вынуждены искать союзниковъ въ ирландской партіи, такъ какъ именно эта партія представляетъ первый контингентъ тѣхъ новыхъ соціальныхъ слоевъ, откуда выходятъ теперь правители имперіи. Безъ помощи Редмонда и его партіи, англичане и шотландцы не въ состояніи добиться желательныхъ соціальныхъ реформъ при нынѣшнемъ британскомъ правительствѣ и составѣ парламента. Такимъ образомъ положеніе и значеніе ирландскѣй партіи въ британскомъ парламентѣ нѣсколько измѣнилось. Она не стоитъ особнякомъ, какъ во время Парнелля, и многіе изъ истинныхъ англійскихъ либераловъ признаютъ полезнымъ для англійской внѣшней, колониальной и индійской политики сообразоваться со взглядами ирландцевъ, которые лучше англичанъ понимаютъ чувства другихъ націй, уже находящихся въ зависимости отъ Англии или тѣхъ, которыхъ она желаетъ подчинить себѣ. Но принимая болѣе активное участіе въ общихъ дѣлахъ имперіи, ирландская партія все же остается вѣрна принципамъ своего прежняго вождя, и гомруль все еще написанъ на ея знамени.

Изъ двухъ вождей ирландской партіи Джонъ Диллонъ, стоявшій во главѣ антипарнеллитовъ, пользуется гораздо

большими симпатіями въ Англіи, нежели Джонъ Редмондъ. Этого послѣдняго обвиняють въ томъ, что онъ постоянно парализоваль усилія антипарнеллитовъ въ парламентѣ, и не желая вступать съ ними ни въ какія соглашенія, наносилъ этимъ серьезный ущербъ ирландскому дѣлу. Но такіе компромиссы были не въ характерѣ Редмонда; онъ съ энергіей и страстью защищаль павшаго вождя и осуждалъ тѣхъ, кто такъ быстро покинулъ его. Само собою разумѣется, что когда снова возникли усилія къ объединенію ирландской партіи подъ знаменемъ Редмонда, то у многихъ рождались сомнѣнія насчетъ цѣлесообразности его избранія общимъ ирландскимъ вождемъ. Макъ-Карти, находившійся въ числѣ антипарнеллитовъ, рассказываетъ, что многіе изъ его соотарищей колебались согласиться на такую комбинацію и откровенно высказывали, что не думаютъ, чтобы ирландская партія отъ этого выиграла. Но спустя нѣкоторое время эти же самые люди признавались Макъ-Карти, что выборъ Джона Редмонда слѣдуетъ назвать очень удачнымъ, и что воспоминанія о прежней ожесточенной распрѣ совсѣмъ уже успѣли изгладиться. Подъ руководствомъ Редмонда ирландская партія опять сдѣлалась вліятельнымъ факторомъ въ англійской политической жизни, а по отзывамъ англійскихъ газетъ, Редмондъ—одинъ изъ лучшихъ ораторовъ въ парламентѣ.

Обладая вполне обезпеченнымъ матеріальнымъ положеніемъ, Джонъ Редмондъ можетъ посвящать все свое время служенію національному дѣлу. Ему не надо зарабатывать себѣ средства къ жизни и расходовать свои силы въ тяжелой борьбѣ за существованіе, влѣдствіе этого онъ пользуется большею свободою дѣйствій, что очень полезно для дѣла, которому онъ служить. Отецъ его также былъ членомъ палаты общинъ и пользовался большимъ уваженіемъ парламентскихъ партій. Сынъ получилъ воспитаніе въ дублинской Trinity College и сдѣлался адвокатомъ, но не занимался своею профессіей. Онъ состоитъ членомъ палаты общинъ съ 1881 года и тотчасъ же перешелъ въ ирландскую національную партію, организованную Парнеллемъ, и довольно долго исполнялъ въ этой партіи обязанности «whip» (загонщика), т.-е. одного изъ тѣхъ лицъ, которые специально выбираются партіей для того, чтобы слѣдить за партійнымъ порядкомъ, за тѣмъ,

чтобы всѣ члены находились на своихъ мѣстахъ, когда предстоитъ какое-нибудь важное голосованіе и вступать въ сношенія, когда этого требуютъ интересы партіи, съ «whips» другихъ партій. Редмондъ съ большимъ тактомъ и умѣніемъ исполнялъ эту трудную обязанность и былъ въ этомъ отношеніи очень полезнымъ помощникомъ Парнелля. Особенно трудно ему приходилось во времена парламентской обструкціи, когда ирландская партія, сплотившаяся около Парнелля, была очень немногочисленна, а между тѣмъ надо было выдерживать натискъ во всякое время дня и ночи и въ теченіе долгихъ часовъ. Членамъ партіи иногда приходилось произносить отъ 12 до 15 рѣчей въ одно засѣданіе, и Джонъ Редмондъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы энергія его измученныхъ коллегъ не ослабѣвала и чтобы они до конца оставались на своемъ посту, покидая его не раньше чѣмъ спикеръ произнесетъ сакраментальныя слова, объявляющія засѣданіе закрытымъ. Какъ «whip», Редмондъ оказалъ неоцѣнимыя услуги партіи, но такъ какъ онъ, по своей скромности, никогда не старался выдвинуться, то Парнелль и не придавалъ ему большого значенія, смотря на него лишь какъ на одну изъ полезныхъ единицъ своей партіи, не болѣе того. «Whip» долженъ побуждать другихъ говорить когда нужно, а самъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣть возможность выказывать свое краснорѣчіе, такъ какъ все его время бываетъ поглощено его сложными обязанностями, — поэтому-то и Редмондъ не былъ раньше извѣстенъ какъ ораторъ, и только послѣ раскола ирландской партіи онъ обнаружилъ свой талантъ въ этомъ направленіи. Правда, ему случалось и раньше говорить на публичныхъ митингахъ, на открытомъ воздухѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ и Австраліи, но произносить рѣчи передъ толпою или говорить ихъ въ парламентѣ—далеко не одно и то же, и многіе изъ тѣхъ, которые славятся какъ ораторы на народныхъ митингахъ, оказываются впоследствии весьма посредственными парламентскими ораторами.

Джонъ Редмондъ нисколько не скрываетъ того, что онъ не возлагаетъ никакихъ упованій ни на одну изъ англійскихъ политическихъ партій и не вѣритъ въ англійскую благосклонность по отношенію къ Ирландіи. Никогда, говоритъ онъ, ни одинъ изъ классовъ населенія не добьется

справедливости даже въ мелочахъ путемъ убѣжденія и аргументовъ, а поэтому Редмондъ и находить, что политика ирландцевъ должна заключаться въ томъ, чтобы ставить англійское правительство въ Ирландіи въ очень трудное положеніе и сдѣлать дальнѣйшее управленіе этою страной опаснымъ для правительства. Если ирландскій народъ стремится къ восстановленію справедливости, то пусть онъ будетъ источникомъ постоянныхъ непріятностей и опасностей для англійскаго правительства, и тогда требованія его будутъ исполнены, говоритъ Редмондъ.

Такая точка зрѣнія подтверждается фактами ирландской исторіи. Только тогда, когда ирландцы начинали волноваться и причинять непріятности англичанамъ, эти послѣдніе соглашались выслушивать ихъ, и ирландцы могли чего-нибудь добиться отъ англійскаго правительства. Само собою разумѣется, что при такомъ взглядѣ на ирландскую политику, Джонъ Редмондъ не можетъ пользоваться расположеніемъ англичанъ, въ особенности членовъ консервативной партіи. Его уважаютъ въ парламентѣ, но считаютъ вреднымъ и опаснымъ, такъ какъ отъ него трудно ожидать, чтобы онъ пошелъ на компромиссъ. Онъ не хочетъ также вступать въ союзъ съ либералами. Либеральная партія самымъ безнадежнымъ образомъ ослаблена разногласіями, вызванными отношеніемъ къ южно-африканской войнѣ и расцвѣтомъ имперіалистскихъ идей и, по мнѣнію Редмонда, окончательный разрывъ между истинными либералами и либеральными джинго составляетъ лишь вопросъ времени. «Къ чему же ирландцамъ связывать себя союзомъ съ либералами?—говоритъ онъ. — Они вообще должны избѣгать союза съ какою бы то ни было англійскою партіей и во время выборовъ должны исключительно руководствоваться только интересами Ирландіи».

Передъ своимъ отъѣздомъ въ Америку, куда Джонъ Редмондъ отправился послѣ того, какъ былъ избранъ вождемъ объединенной ирландскѣй партіи, онъ сказалъ: «Я не надѣюсь, чтобы Ирландія могла получить гомруль изъ рукъ либеральнаго правительства, да и, вообще, долженъ сознаться, что не вижу никакихъ основаній предполагать, что въ ближайшемъ будущемъ во главѣ страны станетъ именно такое правительство. Пожалуй, Ирландія скорѣе добьется гомруля,

нежели Англія получить истинно-либеральное правительство. Я надѣюсь, что гомруль будетъ достигнуть путемъ соглашенія, совершенно также, какъ было достигнуто мѣстное самоуправленіе въ Англіи. Развѣ года за два передъ этимъ кто-нибудь считалъ возможной подобную реформу? Она казалась также невозможна и далека, какъ и гомруль въ данную минуту. Однако, это былъ уже шагъ по направленію къ гомрулю, и теперь никто не имѣетъ права говорить, что ирландцы неспособны къ самоуправленію».

Какъ и всякій ирландецъ, Джонъ Редмондъ былъ яркимъ противникомъ южно-африканской войны. Онъ смѣло выступалъ въ палатѣ общинъ въ защиту буровъ и подвергалъ беспощадной критикѣ дѣйствія и аргументы англійскаго правительства. «Дѣло національной независимости слишкомъ дорого сердцу каждаго ирландца, чтобы онъ могъ относиться равнодушно къ этому вопросу, — говорилъ онъ. — Истребительная война, предпринятая англійскимъ правительствомъ въ южной Африкѣ, настолько противна сердцу ирландцевъ, что вербовать ихъ въ британскую армію становится необыкновенно трудно. Ни одинъ ирландецъ не хочетъ прикладывать своихъ рукъ къ сожженію и разоренію бурскихъ ферм».

Когда, по окончаніи войны, начался періодъ скандальныхъ разоблаченій дѣйствій администраціи, и стали подводить итоги этой кампаніи, такъ дорого стоившей Англіи, то голосъ Редмонда очень часто раздавался въ парламентѣ и не разъ онъ ставилъ министерство въ очень неловкое положеніе своимъ подчеркиваніемъ его промаховъ и разоблаченіемъ истинныхъ мотивовъ войны и двигателей политики англійскаго правительства. Однако, во всѣхъ своихъ рѣчахъ онъ всегда умѣетъ держаться границъ и не даетъ своимъ врагамъ никакого оружія противъ себя. Ирландцы, оставшіеся непримиримыми, клеймятъ его именемъ имперіалиста, конечно не въ духѣ Дизраели или Чэмберлена, но въ томъ смыслѣ, что онъ не желаетъ разрыва съ имперіей. Джонъ Редмондъ прекрасно знаетъ имперію; онъ побывалъ во всѣхъ ея колоніяхъ, во время своего кругосвѣтнаго путешествія, его жена родомъ изъ Австраліи. Всѣ великія и свободныя общины: Канада, Австралія, Новая Зеландія и Соединенные Штаты, по его словамъ, въ значительной степени

созданы ирландцами. Ирландскій мозгъ и ирландская кровь помогли имъ достигнуть свободы и благосостоянія, и поэтому ирландская партія не можетъ и не должна отказываться отъ участія въ управленіи великою колониальною имперіей и не должна порывать связи съ нею.

Таковы взгляды новаго вождя ирландской партіи, и нѣтъ сомнѣнія, что при измѣнившемся положеніи вещей въ Англіи, ослабленіи либеральной партіи и распространеніи идей имперіализма, новое направленіе ирландской политики имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ.

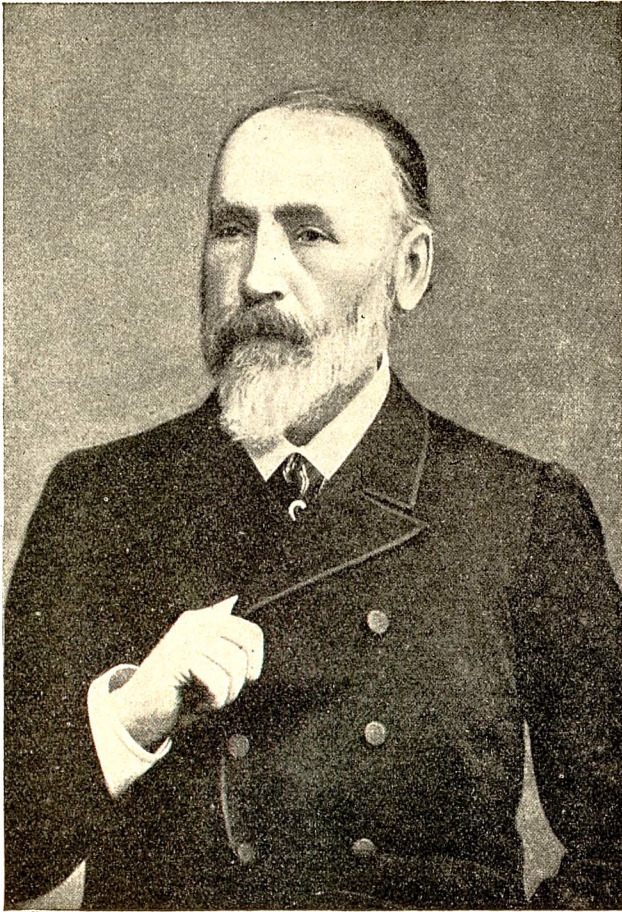
IX.

Генри Лабушеръ

Радикаль и публицистъ.

Лабушеръ считается однимъ изъ наиболѣе остроумныхъ и блестящихъ ораторовъ въ палатѣ общинъ. Когда онъ встаетъ, чтобы говорить, а онъ дѣлаетъ это довольно часто въ теченіе сессіи, то всѣ съ удовольствіемъ думаютъ о предстоящемъ фейерверкѣ остроумныхъ замѣчаній, тонкомъ юморѣ и блестящей аргументаціи, которыми всегда изобилуетъ рѣчь Лабушера. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ Лабушеръ соблюдаетъ серьезность, почти всегда предпочитая выставить свои аргументы въ шутливой формѣ, извергая цѣлые потоки сверкающаго остроумія, даже тогда, когда дебатруется очень серьезный вопросъ. Кажется, будто онъ вмѣшался въ пренія только для того, чтобы позабавиться, и какъ разъ въ такой моментъ, когда палата, повидимому, начинаетъ увлекаться его игрой, воображая, что онъ исключительно только для ея увеселенія выпускаетъ свой фейерверкъ остроумныхъ словъ и сравненій, Лабушеръ прекращаетъ игру и ставитъ вопросъ ребромъ, обыкновенно застигая палату врасплохъ. Онъ никогда не говоритъ длинныхъ рѣчей, но когда онъ кончаетъ, то его слушатели обыкновенно бываютъ недовольны и желали бы, чтобы онъ говорилъ дольше.

Но тотъ, кто, прослушавъ рѣчь Лабушера, счелъ бы его лишь за остроумнаго юмориста, не углубляющагося въ различные вопросы, о которыхъ онъ говоритъ въ легкой шутливой формѣ, очень бы ошибся въ своихъ выводахъ. Лабушеръ всегда очень серьезно относится ко всѣмъ вопросамъ, о которыхъ онъ считаетъ нужнымъ высказать свое

Лабушеръ.

(Съ фотографин).

мнѣніе. Онъ—воплощенная справедливость, и всякое правое дѣло непременно найдетъ въ немъ горячаго защитника. Это убѣжденіе въ справедливости дѣла, которое онъ защищаетъ, сквозитъ въ каждомъ его словѣ, во всѣхъ остроумныхъ шуткахъ, которыми онъ уснащаетъ свою рѣчь, и поэтому никого не слушаютъ съ такимъ удовольствіемъ и интересомъ, какъ Лабушера. Однажды онъ произнесъ одну изъ своихъ обычныхъ рѣчей въ защиту страдающихъ классовъ. Какъ всегда онъ увлекъ своихъ слушателей, готовыхъ и плакать и смѣяться вмѣстѣ съ нимъ и вдругъ подъ конецъ рѣчи сказалъ: «мнѣ могутъ замѣтить, что я рассматриваю этотъ вопросъ съ сентиментальной точки зрѣнія, но, мистеръ спикеръ, вѣдь я человѣкъ чувства!» Это заявленіе было такъ неожиданно, и понятіе о сентиментальности такъ мало вязалось съ представленіемъ о Лабушерѣ, что почтенные члены палаты общинъ разразились хохотомъ. Большинство, конечно, увидѣло въ этомъ лишь обычное проявленіе остроумія Лабушера и его любви къ парадоксамъ, но въ сущности Лабушеръ совершенно правильно охарактеризовалъ себя. Люди, хорошо знающіе Лабушера, говорятъ, что онъ дѣйствительно «человѣкъ чувства», но въ то же время онъ держится очень строгихъ взглядовъ, и особенность его заключается въ томъ, что онъ старается проводить и поддерживать эти взгляды посредствомъ сарказма, остроумія и блестящихъ парадоксовъ. Однако, и враги его признаютъ, что онъ всегда, во всякомъ дѣлѣ, которое брался защищать, доказывалъ свою полную и безусловную искренность и безкорыстіе. Онъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ журналистовъ, которые готовы жертвовать своими деньгами для того, чтобы поддержать газету, которая является выразительницею ихъ взглядовъ. Никогда и ни въ какихъ случаяхъ онъ не сталъ бы измѣнять направленія своей газеты, хотя бы это и было для нее болѣе выгодно, чѣмъ держаться упорно прежнихъ убѣжденій, не встрѣчающихъ сочувствія въ публикѣ. Лабушеръ издаетъ и редактируетъ газету «Truth» (Правда), въ которой онъ высказываетъ свои взгляды, не принимая во вниманіе никакихъ коммерческихъ соображеній или политическихъ интересовъ партіи, которую онъ обыкновенно поддерживаетъ въ палатѣ общинъ. Вообще, его газета служить лишь выразительницею его индивидуальныхъ взглядовъ и

нисколько не заботится о поддержаніи интересовъ политической партіи. Но она несомнѣнно приноситъ пользу въ борьбѣ съ разнаго рода зломъ, административнымъ и инымъ, со всякаго рода дурными системами, злоупотребленіями, пороками, шарлатанствомъ, притѣсненіями низшихъ и бѣднѣйшихъ классовъ и т. д., и т. д. Не разъ Лабушеръ навлекалъ на себя судебныя преслѣдованія за свои разоблаченія и обвиненія и, вслѣдствіе какого нибудь техническаго промаха, или по иной причинѣ, платилъ крупныя штрафы. Обыкновенно, послѣ этого Лабушеръ самъ посмѣивался надъ своею неудачей и затѣмъ немедленно отправлялся искать новыхъ лучшихъ уликъ и доказательствъ того, что онъ говорилъ правду, или же принимался за новыя разоблаченія, какъ будто ничего и не произошло. Къ счастью для него и для того дѣла, которому онъ служить, Лабушеръ очень богатый человѣкъ и можетъ переносить большія денежныя потери, не особенно чувствуя ихъ.

Лабушеръ происходитъ изъ семьи политическихъ дѣятелей. Его дядя, возведенный въ званіе пэра подъ именемъ лорда Таунтона, былъ министромъ колоній въ кабинетѣ Пальмерстона. Въ началѣ своей политической карьеры Генри Лабушеръ провелъ нѣсколько лѣтъ на дипломатической службѣ, но она его не удовлетворяла. Онъ жаждалъ активной политической дѣятельности и поэтому 34-хъ лѣтъ вступилъ уже въ палату общинъ. Тамъ онъ очень быстро занялъ видное положеніе, какъ одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ и блестящихъ представителей радикальной группы либеральной партіи. Его коллегой въ то время былъ извѣстный Чарльзъ Брэдло, такъ какъ они оба были представителями одного и того же округа. Но трудно было бы найти больший контрастъ по внѣшности, манерамъ, воспитанію, соціальной обстановкѣ, чѣмъ тотъ, который представляли оба эти депутата, сидящіе на одной скамьѣ. Лабушеръ — человѣкъ средняго роста, Брэдло же могъ назваться гигантомъ. Довольно поговорить съ Лабушеромъ пять минутъ, чтобы убѣдиться, что это человѣкъ, рожденный и воспитанный въ лучшемъ обществѣ; Брэдло же былъ человѣкомъ изъ народа, прошедшимъ суровую и тяжелую школу жизни, испытаннымъ всевозможныя лишенія, когда онъ вынужденъ былъ

снискивать себѣ пропитаніе посредствомъ какого-нибудь ремесла и упорнаго физическаго труда. Брэдло обладалъ мощнымъ краснорѣчіемъ народнаго оратора, привыкшаго обращаться къ толпѣ на открытомъ воздухѣ, въ Гайдъ-Паркѣ. Онъ обладалъ здоровенными легкими и удивительно мощнымъ, звучнымъ голосомъ и умѣлъ подчинять себѣ слушателей. Но атмосфера палаты общинъ для него не подходила, хотя онъ и представлялъ изъ себя крупную интеллектуальную силу. Ему негдѣ было развернуться, также какъ и его голосъ былъ слишкомъ громокъ и его манеры слишкомъ рѣзки для парламентарскаго собранія. Лабушеръ же обладаетъ изящными манерами свѣтскаго джентльмена и рѣчь его, даже когда онъ говоритъ на публичныхъ митингахъ, носитъ разговорный характеръ, и онъ никогда не увлекается декламаціей. Въ палатѣ общинъ онъ говоритъ шутливымъ тономъ, пересыпаетъ свою рѣчь юмористическими замѣчаніями, сравненіями и какъ будто шутя относится къ предмету, хотя на самомъ дѣлѣ онъ очень серьезно смотритъ на данный вопросъ. Брэдло же всегда бывалъ «ужасно серьезень», какъ говорили его друзья, и, казалось, готовъ былъ повергнуть въ прахъ и разгромить всю оппозицію не только силою своей аргументаціи, но и силою своего голоса. Несомнѣнно, въ Лабушерѣ всегда сказывается человѣкъ, привыкшій вращаться въ дипломатическихъ кружкахъ; Брэдло же былъ типичнымъ представителемъ и защитникомъ угнетенныхъ рабочихъ классовъ. Въ жилахъ Лабушера, какъ указываетъ его имя, есть капля французской крови, и онъ происходитъ изъ старинной гугенотской семьи, Брэдло же былъ чистокровнымъ британцемъ даже тогда, когда онъ защищалъ взгляды и мнѣнія, находящіеся въ самомъ рѣзкомъ противорѣчьи съ образомъ мыслей заурядныхъ бритовъ. Однако, палата общинъ, хотя и относилась враждебно ко многимъ взглядамъ Брэдло, тѣмъ не менѣе признавала въ немъ незаурядную силу и при этомъ любопытно, что въ рядахъ торіевъ болѣе благоволили къ Брэдло, нежели къ Лабушеру, и первому спускали многое такое, чего никогда не простили бы второму. Вѣроятно, они разсуждали такъ: Брэдло происходитъ изъ рабочаго класса и ни въ какихъ отношеніяхъ не принадлежитъ къ такъ называемому обществу. Все это должно быть принято во вниманіе. Тогда какъ Лабу-

шеръ вышелъ изъ рядовъ аристократіи, воспитывался въ Итонѣ, вращался въ иностранномъ дипломатическомъ кругу и, слѣдовательно, долженъ быть «настоящимъ англійскимъ джентльменомъ», а между тѣмъ онъ, не стѣсняясь, постоянно заявляетъ о своемъ враждебномъ отношеніи къ установленнымъ и освященнымъ традиціями учрежденіямъ своей родной страны! Естественно поэтому, что всѣ торіи землевладѣльцы, засѣдающіе въ палатѣ общинъ, съ нескрываемымъ озлобленіемъ относятся къ Лабушеру, какъ къ человѣку, измѣнившему традиціямъ своего класса, но тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ не можетъ устоять противъ силы его сарказма, и что бы ни говорилъ Лабушеръ, онъ всегда можетъ быть увѣренъ, что его будутъ слушать со вниманіемъ рѣшительно на всѣхъ скамьяхъ палаты общинъ.

Лабушеръ настоящій борець отъ природы. Онъ никогда не остается спокоенъ. Стоитъ ему провѣдать о какомъ-нибудь случаѣ, гдѣ страдаетъ справедливость, и первое его движеніе всегда бываетъ—выступить въ защиту угнетаемыхъ. Онъ никогда не принимаетъ въ расчетъ никакихъ другихъ соображеній и идетъ на проломъ, наперекоръ общепринятымъ взглядамъ и обычаямъ, и начинаетъ въ своемъ журналѣ походъ противъ несправедливости. Понятно, что въ палатѣ общинъ онъ далеко не всегда оказывался на сторонѣ сильной партіи. Во время самой жаркой борьбы ирландскихъ націоналистовъ противъ репрессивныхъ законовъ и ради освобожденія Ирландіи, Лабушеръ самымъ рѣшительнымъ образомъ сталъ на сторону ирландцевъ. Онъ пережилъ трудныя времена вмѣстѣ съ ними, когда Гладстонъ еще не былъ убѣжденнымъ сторонникомъ гомруля и еще не была введена новая система парламентскаго представительства, увеличившая число избирателей въ ирландскихъ округахъ. Тогда ирландцевъ было мало въ парламентѣ, но Лабушеръ неизмѣнно поддерживалъ ихъ, что, разумѣется, не могло снискать ему расположенія другихъ парламентскихъ партій. Какъ только введена была избирательная реформа въ Ирландіи, число ирландскихъ представителей, сплотившихся около Парнелля, настолько возрасло, что они явились уже внушительною силой, съ которою надо было считаться. Это обстоятельство и заставило Гладстона, какъ онъ самъ сознавался, впервые подумать, что требова-

нія ирландцевъ являются дѣйствительно національными требованіями и, по духу британской конституціи, они должны быть приняты во вниманіе британскими государственными дѣятелями. Но Лабушеръ выступалъ защитникомъ ирландскаго національнаго дѣла еще тогда, когда оно не находило никакой поддержки въ палатѣ общинъ, и когда почти всѣ возставали противъ притязаній ирландцевъ. Въ теченіе всей своей политической карьеры Лабушеръ оставался вѣренъ этому принципу справедливости и ни разу не измѣнилъ ему. Безъ сомнѣнія, его и тутъ, какъ всегда, увлекало стремленіе прійти на помощь угнетеннымъ, а ирландцы были угнетеннымъ народомъ въ эти тяжкія времена. И теперь еще они имѣютъ право жаловаться на притѣсненія англійскаго правительства, но нельзя и сравнивать ихъ теперешнее положеніе съ тѣмъ, въ которомъ они находились тогда, когда Парнеллъ сталъ во главѣ ирландскаго движенія. Въ Ирландіи не забываютъ, что Лабушеръ былъ другомъ въ годину испытаній, и онъ пользуется большою популярностью среди ирландскихъ членовъ палаты общинъ.

Одну изъ особенностей характера Лабушера составляетъ его любовь къ приключеніямъ. Про него ходитъ анекдотъ, будто онъ, однажды, изъ желанія испытать что-нибудь новое и необычное, присоединился къ странствующему цирку въ Соединенныхъ Штатахъ. Во всякомъ случаѣ такого рода поступокъ нисколько не противорѣчитъ характеру человѣка, и поэтому въ Англии никто не сомнѣвается, что рассказъ этотъ не вымыселъ, а истина. Извѣстно, напримѣръ, что во время осады Парижа, въ 1870 году, Лабушеру вдругъ пришло въ голову, что было бы необыкновенно интересно провести зиму въ осажденномъ городѣ. Задумано — сдѣлано. Лабушеръ былъ тогда однимъ изъ собственниковъ лондонской газеты «Daily News», и вотъ онъ объявилъ своимъ компаньонамъ, что намѣренъ быть представителемъ и корреспондентомъ этой газеты все время, пока будетъ длиться осада. Его планъ восхитилъ всѣхъ компаньоновъ. Лабушеръ поѣхалъ и съ большими затрудненіями пробрался въ осажденный городъ, къ великой радости находившагося тамъ постояннаго корреспондента газеты «Daily News», котораго онъ отправилъ на родину на воздушномъ шарѣ. Корреспондентъ высадился въ Турѣ, гдѣ

и оставался до конца войны, а Лабушеръ жилъ въ Парижѣ, раздѣляя всѣ лишенія осажденныхъ, питаясь лошадинымъ и ослинымъ мясомъ, а затѣмъ кошками и крысами, и сидя въ полной темнотѣ, когда заходило солнце, такъ какъ никакихъ освѣтительныхъ матеріаловъ нельзя было достать ни за какія деньги. Лабушеръ изо дня въ день велъ свои записки, которыя печатались въ «Daily News» подъ заглавіемъ «Diary of a Besieged Resident» (Дневникъ осажденнаго резидента) и производили очень сильное впечатлѣніе среди всей европейской читающей публики. Отправка этихъ писемъ изъ осажденнаго города, конечно, была сопряжена съ очень большими затрудненіями. Приходилось прибѣгать къ разнымъ способамъ пересылки, воздушнымъ шарамъ, почтовымъ голубямъ и т. п., и это отыскиваніе и придумываніе способа отправки корреспонденціи служило для Лабушера неистощимымъ источникомъ развлечения и поводомъ для изощренія его неизсякаемаго остроумія.

По рассказамъ друзей Лабушера, онъ занимается порою биржевою игрой, также единственно только ради опыта и развлечения. И тутъ сказывается въ немъ искатель приключеній. Однажды онъ потерялъ очень крупную сумму и одинъ изъ его пріятелей спросилъ его, что онъ испыталъ, когда впервые узналъ объ этомъ. «Я былъ нѣсколько пораженъ, но въ сущности вѣдь это такое же приключеніе, какъ и всякое другое», отвѣчалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ, въ которомъ сквозила легкая насмѣшка. Одно время Лабушеръ былъ основателемъ и собственникомъ одного новаго театра въ Лондонѣ, потомъ принималъ участіе въ разнаго рода газетныхъ предпріятіяхъ. Онъ сдѣлался собственникомъ «Daily News» въ то время, когда эта газета сильно упала въ мнѣніи капиталистическихъ круговъ, вслѣдствіе того, что самымъ рѣшительнымъ образомъ стала на сторону федеральныхъ штатовъ во время великой американской гражданской войны. Такой поступокъ вполне отвѣчалъ характеру Лабушера, который тотчасъ же оказалъ поддержку правому дѣлу, не взирая на то, что подобное предпріятіе съ финансовой точки зрѣнія представляло большія невыгоды. Затѣмъ Лабушеръ принялъ участіе въ основаніи журнала «The World», но скоро бросилъ это предпріятіе, такъ какъ издатель его, Эдмундъ Ятсъ, придалъ этому журналу исключительно великосвѣт-

скій характеръ и гораздо больше интересовался переменами моды, нежели какою-либо соціальною борьбой или политическимъ движеніемъ. Лабушеръ же, наоборотъ, былъ весь поглощенъ политическими вопросами и видя, что съ Ятсомъ ему трудно сговориться, онъ вышелъ изъ редакціи «World» и основалъ свою собственную еженедѣльную газету «Truth», которая занимаетъ теперь выдающееся положеніе и играетъ довольно важную роль во всѣхъ политическихъ, финансовыхъ и соціальныхъ вопросахъ. Особенно любитъ Лабушеръ разоблачать разнаго рода сомнительныя финансовыя предприятия, дѣянія разныхъ филантропическихъ учрежденій и выводитъ на чистую воду нѣкоторыхъ шарлатановъ, на дѣятельность которыхъ смотрятъ сквозь пальцы только потому, что они пользуются успѣхомъ и вліяніемъ. Лабушеръ бываетъ въ восторгѣ, когда ему удастся разоблачить какого-нибудь вліятельнаго мошенника. Его приемы въ такихъ случаяхъ очень просты: онъ печатаетъ въ своемъ журналѣ статью, разоблачающую дѣйствія «такого-то» господина и предлагаетъ этому господину подать на него въ судъ за клевету. Очень часто бываетъ, что лицо, къ которому обращается Лабушеръ, не принимаетъ его приглашенія, считая болѣе удобнымъ для себя игнорировать его обвиненія. Но бываетъ, что дѣло доходитъ до открытаго разбирательства въ судѣ, и публика съ величайшимъ интересомъ слѣдитъ за всѣми перипетіями процесса. Случается, что Лабушеръ не въ состояніи бываетъ привести достаточныхъ доказательствъ, подтверждающихъ всѣ пункты его обвиненія и присуждается къ уплатѣ штрафа, но это ничуть не огорчаетъ его. Онъ платитъ штрафъ, довольный, что ему удалось, все-таки, обратить вниманіе общества на то лицо, дѣятельность котораго ему кажется подозрительной, и пролить болѣе яркій свѣтъ, какъ на дѣйствія, такъ и на характеръ человѣка, поставивъ его, такимъ образомъ, въ невозможность обдѣлывать далѣе темныя дѣлишки, въ виду сосредоточенія на немъ общественнаго вниманія. Даже самые ярые политическіе антагонисты Лабушера признаютъ, что онъ оказалъ много услугъ обществу такого рода дѣятельностью, своими стараніями открывать неправду и бороться съ нею, не обращая вниманія на денежный рискъ, съ которымъ сопряжена для него эта борьба.

Несмотря на то, что своими ёдкими сарказмами, своимъ бичующимъ остроуміемъ, Лабушеръ постынно наживаетъ себѣ враговъ въ палатѣ общинъ, его, все-таки, приходится причислить къ разряду парламентскихъ любимцевъ. Парламентскія засѣданія во многомъ лишились бы своего интереса, еслибъ не Лабушеръ, который своими колкими, остроумными замѣчаніями необыкновенно оживляетъ пренія, но зато поддерживааетъ у многихъ членовъ палаты общинъ, такъ сказать, состояніе «хроническаго негодованія». Но нѣтъ человѣка въ парламентѣ, котораго бы всѣ слушали съ одинаковымъ любопытствомъ и вниманіемъ, хотя и съ разными чувствами, съ гнѣвомъ и возмущеніемъ или съ удовольствіемъ и злорадствомъ. Отсутствие Лабушера въ палатѣ общинъ было бы очень замѣтно.

Про Лабушера, когда онъ находился еще на дипломатической службѣ, рассказываютъ, между прочимъ, слѣдующій характерный анекдотъ. Однажды къ нему въ канцелярію, когда онъ занималъ должность аташе британскаго посольства въ Вашингтонѣ, ворвался какой-то негодующій англичанинъ, желавшій во что бы то ни стало видѣть посла, чтобы вручить ему какую-то жалобу. Посоль былъ въ отсутствіи и негодующему англичанину сказали, что онъ можетъ обратиться къ Лабушеру. Лабушеръ спокойно курилъ сигаретку, когда вошелъ англичанинъ и объявилъ, что онъ долженъ немедленно видѣть посла. «Къ сожалѣнію, его нѣтъ въ посольствѣ», отвѣчалъ Лабушеръ. — «Ну, такъ я буду ждать его возвращенія», заявилъ рѣшительнымъ тономъ англичанинъ. Лабушеръ поклонился и предложилъ посѣтителю кресло. Тотъ сѣлъ, а Лабушеръ, съ папироскою въ зубахъ, принялся читать и отмѣчать письма. Время шло. Англичанинъ сидѣлъ неподвижно и ждалъ, не обращаясь къ Лабушеру, ни съ однимъ словомъ, а тотъ продолжалъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ. Наконецъ, наступилъ часъ закрытія канцеляріи посольства. Лабушеръ всталъ, началъ складывать бумаги и надѣлъ пальто, приготовляясь уйти. Тогда только англичанинъ, раньше даже какъ будто не замѣчавшій присутствія Лабушера, обратился къ нему съ вопросомъ: «Можете вы мнѣ сказать, гдѣ находится въ данную минуту британскій посоль?» — «Этого я не могу вамъ сказать, но полагаю, что онъ теперь находится въ Атланти-

ческомъ океанѣ, на половинѣ пути между Англіей и Америкой, такъ какъ выѣхалъ отсюда въ субботу», отвѣчалъ невозмутимымъ тономъ Лабушеръ. Англичанинъ вскочилъ, весь красный отъ гнѣва. — «Отчего же вы мнѣ не сказали, что онъ уѣхалъ въ Англію?» вскричалъ онъ съ негодованіемъ. — «Вы меня не спрашивали», возразилъ Лабушеръ, спокойно направляясь къ выходу, и какъ ни бушевалъ англичанинъ, но ему не оставалось больше ничего, какъ послѣдовать его примѣру и тоже уйти.

Какъ политикъ, Лабушеръ держится радикальных взглядовъ, но въ то же время является убѣжденнымъ сторонникомъ инициативы государства въ дѣлѣ урегулированія рабочаго вопроса и демократическихъ реформъ. Въ иностранной политикѣ Лабушеръ всегда былъ горячимъ противникомъ тройственнаго союза и проповѣдывалъ сближеніе съ Франціей. По этому поводу у него выходили довольно частыя стычки съ Сольсбѣри, и Лабушеръ не разъ ставилъ консервативный кабинетъ въ затруднительное положеніе и заставлялъ лорда Сольсбѣри переживать довольно непріятныя минуты подъ градомъ своихъ саркастическихъ замѣчаній. Противъ остроумія Лабушера у Сольсбѣри не было оружія, и хотя нападки Лабушера и вызывали сильное негодованіе консерваторовъ, но они все же часто не могли удержаться отъ улыбки и иногда съ нетерпѣніемъ ожидали, когда, наконецъ, заговоритъ Лабушеръ, особенно въ такихъ случаяхъ, когда пренія становились скучными и вялыми. Но особенно сильное негодованіе въ консервативномъ лагерѣ возбудилъ Лабушеръ своими рѣчами, направленными противъ увеличенія содержанія принцамъ крови, а также противъ палаты лордовъ, которая, по его мнѣнію, настоятельно нуждается въ коренной реформѣ, такъ какъ совершенно непригодна, въ виду измѣнившихся общественныхъ и политическихъ условій, и не можетъ служить интересамъ страны.

Лабушеръ всегда бываетъ на сторонѣ тѣхъ, кто борется за право и справедливость. Онъ былъ на сторонѣ ирландцевъ и горячо поддерживалъ Парнелля въ его процессѣ съ «Times'омъ», помогая разоблачать подлогъ. Онъ поддерживалъ Брэдлю въ его столкновеніяхъ съ парламентомъ и поддерживалъ Гладстона на выборахъ, Гладстонъ даже хотѣлъ

сдѣлать его членомъ своего кабинета, но королева Викторія такъ возмутилась, что Гладстонъ долженъ былъ отказаться отъ своего плана. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что когда объ этомъ инцидентѣ заговорили въ газетахъ, Гладстонъ счелъ нужнымъ выгородить королеву и взялъ на себя всю отвѣтственность за то, что Лабушеръ не получилъ министерскаго портфеля. Но многіе изъ его пріятелей предпочитаютъ, чтобы Лабушеръ оставался просто Лабушеромъ «М. Р.» (Members of Parliament), нежели стоялъ бы во главѣ какого-нибудь министерства. Въ палатѣ общинъ онъ больше на своемъ мѣстѣ и какъ членъ, и какъ публицистъ, раскрывающій многія темныя стороны и бичующій злоупотребленія англійской общественной жизни.

Бёрнесъ.

(Съ фотографіи).

Х.

Джонъ Бёрнсъ.

Вождь рабочей партіи.

Въ 1892 году въ англійскомъ парламентѣ впервые появился депутатъ отъ рабочей партіи. До этого времени рабочіе не имѣли непосредственныхъ представителей въ палатѣ общинъ и защитѣ своихъ интересовъ предоставляли радикальной фракціи и отчасти либераламъ. Но съ 1889 г., съ образованіемъ движенія среди рабочихъ союзовъ, называемаго «New unionism», въ рабочихъ классахъ все болѣе укрѣплялось сознаніе необходимости принимать непосредственное участіе въ политической жизни страны. Результатомъ этого выросшаго сознанія и было образованіе въ 1892 г. рабочей партіи и избраніе на парламентскихъ выборахъ Джона Бёрнса, депутата лондонскаго предмѣстья Баттерси.

Джонъ Бёрнсъ истинный представитель рабочаго класса. Онъ самъ происходитъ изъ бѣдной семьи и на личномъ опытѣ испыталъ, что это значить. Въ его жилахъ, какъ и въ жилахъ Гладстона, течетъ шотландская кровь, но онъ лондонецъ по происхожденію и все свое дѣтство провелъ въ томъ самомъ округѣ, представителемъ котораго служить теперь въ парламентѣ. Онъ, подобно безчисленному множеству дѣтей рабочихъ, рано началъ свою трудовую жизнь. Вынужденный покинуть школу, едва достигнувъ десятилѣтняго возраста, Джонъ Бёрнсъ поступилъ сначала на свѣчную фабрику, гдѣ зарабатывалъ нѣсколько пенсовъ, а затѣмъ перешелъ въ механическую мастерскую къ одному инженеру, гдѣ научился ремеслу механика.

Не легка была жизнь мальчика, которому приходилось своимъ трудомъ содержать мать. Заработокъ его былъ слишкомъ ничтоженъ и поэтому, чтобы увеличить его сколько

нибудь, онъ, по воскресеньямъ, отправлялся служить въ пивную и разносилъ кружки посѣтителемъ. Отдыхать было некогда, да Джонъ и не думалъ объ отдыхѣ, такъ какъ страшный призракъ голода постоянно стоялъ у порога его дома. Но для него было большимъ лишеніемъ почти полное отсутствіе времени для самообразованія. Джонъ былъ очень любознательнымъ мальчикомъ, и если ему удавалось сэкономить какойнибудь пенсъ, то онъ его тратилъ на книги. Всякая книга привлекала его, и онъ читалъ все, что ему попадалось подъ руку, а такъ какъ онъ не могъ, ради чтенія, урѣзывать часы работы, то урѣзывалъ для этого часы отдыха и сна. Нѣкоторыя книги производили на него неизгладимое впечатлѣніе и вліяли на образованіе его характера и міровоззрѣнія. Первая книжка, которая произвела на него сильное впечатлѣніе еще въ дѣтствѣ, была біографія шведскаго короля Карла XII. — «Я обязанъ очень многимъ Карлу XII,—говорилъ потомъ Джонъ Бёрнсъ, вспоминая свои дѣтскіе годы,—многимъ, что поддерживало меня потомъ въ трудное время моей жизни. Мнѣ было десять лѣтъ, когда я купилъ за одинъ пенни біографію шведскаго короля и, придя домой, съ жадностью проглотилъ ее. Она произвела на меня большое впечатлѣніе, и притомъ не описаніемъ войнъ Карла XII, а героизмомъ его характера. Онъ мнѣ внушилъ мысль, что надо научиться преодолевать физическую слабость, утомленіе и боль, надо закалить свой организмъ такъ, чтобы онъ могъ переносить всевозможныя лишенія самымъ индифферентнымъ образомъ, чтобы ни ледяной холодъ, ни жгучіе лучи тропическаго солнца не значили бы для него ничего. Умѣть подчинять свое тѣло требованіямъ своего ума и сдѣлать его крѣпкимъ, какъ сталь — вотъ къ чему надо было стремиться, чтобы сдѣлаться героемъ. Такъ рассуждалъ я, когда былъ мальчуганомъ. Я пробовалъ подражать моему герою и успѣлъ въ этомъ настолько, что сдѣлался совершенно равнодушнымъ къ окружающей меня обстановкѣ».

Джонъ Бёрнсъ вообще придаетъ большое значеніе вліянію чтенія, особенно въ юные годы. Дешевенькая біографія Карла XII, купленная Бёрнсомъ, когда ему было едва десять лѣтъ, положила начало его бібліотекѣ, которую онъ собиралъ очень долго, тратя всѣ свои сбереженія на по-

кучку книгъ. Пэнъ, Оуэнъ, Коббеттъ, каждый изъ этихъ авторовъ положилъ свой отпечатокъ на впечатлительную душу мальчика; впоследствии къ нимъ присоединился еще и Джонъ Стюартъ Милль, который и внушилъ Джону Бёрнсу его главныя политическія воззрѣнія.—«Милль сдѣлалъ меня социалистомъ,—говорить по этому поводу Бёрнсъ.—Только послѣ прочтенія его книги я пришелъ къ заключенію, что я социалистъ. Если то, что говорилъ Милль о социализмѣ, было самое худшее, что только можно было сказать про это ученіе, то дѣло социалистовъ выиграно. У меня, впрочемъ, съ самаго начала существовала склонность къ социализму, но только я колебался. Я дрожа останавливался на порогѣ и опасался ступить дальше. Но, когда я читалъ все то, что ставилось въ упрекъ социализму, то чувствовалъ, что у меня нѣтъ больше никакихъ основаній колебаться, и я долженъ былъ рѣшиться сдѣлать прыжокъ и погрузиться въ воду. Такимъ образомъ я сдѣлался социалистомъ и остаюсь имъ до сихъ поръ».

При существовавшей въ то время политической системѣ въ Англіи, человѣкъ, принадлежащій къ тому классу, изъ котораго вышелъ Бёрнсъ, имѣлъ очень мало шансовъ попасть въ парламентъ. Для этого требовался слишкомъ высокій имущественный цензъ и еще другія условія, которымъ не могли удовлетворить рабочіе классы. Англійская система національнаго воспитанія также была весьма неудовлетворительна, и поэтому неудивительно, что такой умный и способный юноша, какимъ былъ Джонъ Бёрнсъ, развивавшій свой умственный кругозоръ чтеніемъ, очень рано проникся убѣжденіемъ, что такая политическая и социальная система, которая превращаетъ огромную часть населенія въ простыхъ и безсловесныя части сложной государственной машины и не допускаетъ его къ какому бы то ни было участию въ управленіи страной, не можетъ назваться справедливой и не можетъ быть полезна странѣ.

«Я знакомъ съ нищетою самого худшаго рода, и бѣдность была моимъ неразлучнымъ спутникомъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, когда только душа моя начала воспринимать внѣшнія впечатлѣнія», говоритъ Бёрнсъ. Но бѣдность и тяжелыя условія, въ которыхъ прошли его дѣтство и юность, не ожесточили его души. Онъ только все сильнѣе

проникался убѣжденіемъ въ необходимости измѣненія такого порядка вещей, который считалъ глубоко несправедливымъ, а чтеніе историческихъ и политикоэкономическихъ книгъ еще болѣе укрѣпляло въ немъ это убѣжденіе. Много повліяло на него въ этомъ отношеніи и знакомство съ Викторомъ Делагэ, однимъ изъ немногихъ парижскихъ коммунаровъ, искавшихъ убѣжища въ Лондонѣ. Джонъ Бёрнсъ очень сдружился съ нимъ, и Викторъ Делагэ, своими рассказами и бесѣдами объ ученіи парижской коммуны, помогъ ему окончательно выработать міровоззрѣніе, которому Бёрнсъ и оставался вѣренъ затѣмъ всю свою жизнь.

Вскорѣ послѣ того двадцатилѣтній Бёрнсъ уѣхалъ въ Африку. Онъ давно мечталъ о путешествіяхъ и потому воспользовался первымъ случаемъ, который ему представился, чтобы осуществить свою мечту. Проработавъ довольно долго въ механической мастерской, онъ уже приобрѣлъ настолько знанія и опытности, что могъ взять предложенное ему мѣсто механика въ западной Африкѣ, на Нигерѣ. Туда было мало охотниковъ ѣхать, такъ какъ дельта Нигера пользовалась самою скверною репутаціей въ отношеніи климата и тѣхъ опасностей, которыя окружали тамъ европейца. Но для Бёрнса не существовало такихъ соображеній; никакія опасности не могли напугать его, а организмъ свой онъ постарался такъ закалить, чтобы ни климатъ, ни лишенія не оказывали на него вліянія.

Бёрнсъ провелъ почти годъ подъ африканскимъ небомъ, въ совершенно другой обстановкѣ, чѣмъ та, которая окружала его въ родномъ округѣ. Опасности, дѣйствительно, окружали его на каждомъ шагу. Тропическіе лѣса кишѣли ядовитыми змѣями и хищными звѣрями, и Джонъ не разъ подвергался серьезному риску попасть къ нимъ въ лапы. Въ мутной, илистой водѣ рѣкъ водились крокодилы, и горе было неосторожному, рѣшавшемуся искупаться въ водѣ этихъ рѣкъ! Но и люди, жившіе по берегамъ, подъ сѣнью тропическихъ лѣсовъ, были не лучше четвероногихъ хищниковъ, скрывавшихся въ своихъ логовищахъ. Страна Нигера кишѣла каннибалами, и встрѣчи съ ними можно было опасаться, пожалуй, не меньше, чѣмъ встрѣчи съ хищными звѣрями. Бёрнсъ, впрочемъ, счастливо избѣжалъ всѣхъ этихъ опасностей. Его товарищъ, инженеръ Джонъ Паркенъ, въ

своихъ воспоминанійхъ о пребываніи въ Африкѣ, напечатанныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Engineer's Gazette», рассказываетъ о необыкновенномъ присутствіи духа Бёрнса въ минуты опасности. Однажды, благодаря своему присутствію духа и хладнокровію, Бёрнсъ спасъ Паркена отъ ядовитой змѣи, которая бросилась на него. Это было въ Акассѣ. Змѣя пріютилась на крышкѣ парового котла и когда подошелъ Паркенъ, то она, тотчасъ же пустилась его преслѣдовать. Паркенъ говоритъ, что онъ обратился въ постыдное бѣгство, когда вдругъ услыхалъ смѣхъ и, обернувшись, увидѣлъ, что змѣя, съ разбитою головою, лежитъ на землѣ; Джонъ Бёрнсъ раскрылъ ей башку лопатой; это было единственное оружіе, которое попало ему подъ руку, какъ только онъ увидалъ, что его товарищъ подвергается смертельной опасности.

Въ другой разъ Паркенъ возвращался вмѣстѣ съ Бёрнсомъ изъ одной экскурсіи. Они ѣхали на паровомъ катерѣ по рѣчкѣ, какъ вдругъ лопасти винта отдѣлились и упали въ воду. Положеніе было самое критическое; вблизи, на берегу, находилась деревня одного свирѣпаго племени каннибаловъ, и поэтому было бы опасно приставать къ берегу, оставаться на серединѣ рѣчки тоже было нельзя. Вода рѣчки кишѣла крокодилами, а дно состояло изъ вязкаго и дурнопахнущаго ила, изобилующаго остатками разложенія продуктовъ растительнаго царства, и поэтому очень трудно было рассчитывать найти въ этой кашѣ упавшія лопасти винта. Но тѣмъ не менѣе Паркенъ выразилъ намѣреніе нырнуть на дно и поискать лопасти, однако, Бёрнсъ не допустилъ этого: «нѣтъ, нѣтъ! — сказалъ онъ. — Я такой-же хорошій водолазъ, какъ и вы, но вы женаты, а я одинокъ, и поэтому, если кто-нибудь изъ насъ долженъ рисковать жизнью, то ужъ, конечно, я». И прежде чѣмъ Паркенъ успѣлъ опомниться, Бёрнсъ уже былъ за бортомъ лодки. Съ замираніемъ сердца Паркенъ ожидалъ его появленія на поверхности воды, и радость его была неописуема, когда онъ, наконецъ, увидалъ Бёрнса, вынырнушаго съ лопастями винта въ рукѣ. Тотчасъ же они принялись за исправленіе лодки и къ вечеру прибыли благополучно въ Акассу. Ни крокодилы, ни каннибалы не нанесли имъ никакого вреда.

Бёрнс не любитъ рассказывать ни о своихъ приключеніяхъ, ни о своихъ подвигахъ, но всѣ его товарищи говорятъ, что онъ всегда былъ готовъ на всякій подвигъ самоотверженія. Однажды онъ лежалъ больной на кораблѣ, какъ вдругъ раздался крикъ, что человѣкъ упалъ за бортъ. Бёрнс — отличный пловецъ и поэтому, не задумываясь ни на минуту, бросился въ воду и спасъ жизнь утопавшему, хотя самъ чуть-чуть не утонулъ при этомъ.

Пребываніе въ Акассѣ косвеннымъ образомъ оказало вліяніе на всю послѣдующую жизнь и дѣятельность Бёрнса. Тамъ, среди мусора, накопившагося въ старой механической мастерской, онъ нашель книгу. Это было «Богатство народовъ» Адама Смита. Книга эта, повліявшая рѣшительнымъ образомъ на карьеру Бёрнса, хранится какъ святыня въ его семьѣ. Обрадованный находкой, Бёрнсъ принялся изучать знаменитое сочиненіе шотландскаго политико-эконома и, среди болотъ и лѣсовъ тропической Африки и окружающихъ его ужасовъ рабства, въ немъ зрѣло сознаніе общественнаго дѣятеля, и мало-по-малу онъ установилъ себѣ программу своей будущей жизни.

Составивъ себѣ кое-какія сбереженія въ Африкѣ, Бёрнсъ вернулся на родину въ 1878 году, но на обратномъ пути провелъ, все-таки, нѣсколько мѣсяцевъ въ Европѣ. Онъ постарался изучить соціальныя условія и бытъ рабочихъ въ другихъ европейскихъ государствахъ и дополнилъ собственными наблюденіями теоретическія познанія, которыя приобрѣлъ изъ книгъ. Такимъ образомъ, истративъ въ этой поѣздкѣ свои сбереженія, Бёрнсъ пріѣхалъ въ Англію богатый опытомъ и наблюденіями. Какъ хорошій механикъ, онъ очень скоро нашель себѣ занятіе, но это не помѣшало ему тотчасъ же съ головою окунуться въ рабочее движеніе и выступить ораторомъ на рабочихъ собраніяхъ. Въ это время среди рабочихъ дѣйствовали двѣ лиги: соціаль-демократическая федерація и фабіанское общество, и результатомъ ихъ дѣятельности было то, что, наконецъ, было обращено вниманіе на положеніе рабочихъ и на условія ихъ жизни. При этомъ были открыты ужасающіе факты эксплуатаціи рабочихъ силъ (особенно же такъ называемой «Sweating System»), и очень дурныя гигиеническія условія, въ которыхъ приходилось жить рабочимъ. Для защиты своихъ интересовъ и

борьбы съ эксплуатаціей хозяевъ, рабочіе въ Англіи давно уже организовали союзы, трэдъ-юніоны, но эти союзы принимали въ свою среду только обученныхъ рабочихъ, огромная же масса чернорабочихъ, такъ называемая «unskilled», и сельскихъ рабочихъ оставалась внѣ этихъ организацій. Бёрнсъ очень близко принималъ къ сердцу положеніе именно этихъ послѣднихъ и задумалъ непременно организовать ихъ. Съ этою цѣлью онъ устраивалъ митинги и ораторствовалъ. Тутъ у Бёрнса произошло его первое столкновеніе съ лондонскою полиціей. Онъ, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Нортонъ, который впослѣдствіи сдѣлался такимъ виднымъ политическимъ дѣятелемъ въ Австраліи, присутствовалъ на одномъ митингѣ, какъ вдругъ явилась полиція и начала разгонять собравшихся рабочихъ, причемъ одинъ изъ полицейскихъ не далъ Бёрнсу даже договорить своей фразы и, грубо схвативъ его за воротникъ, увлекъ за собою въ полицейскій участокъ.

Нельзя сказать, чтобы Бёрнсъ чувствовалъ себя особенно пріятно въ эту минуту, и размышленія его въ эту первую ночь, проведенную въ камерѣ участка, были далеко не веселаго сорта. Но онъ и не подозрѣвалъ, что именно въ этотъ моментъ ему улыбнулось счастье. Въ толпѣ, видѣвшей, какъ грубо обошелся съ нимъ полицейскій, находилась дѣвушка, которую онъ зналъ съ дѣтства и давно любилъ, но, казалось, безъ взаимности. Страшно возмущенная, она не могла скрыть своихъ чувствъ, когда встрѣтилась съ Бёрнсомъ, и преграды, раздѣлявшія ихъ, рушились. Такимъ образомъ Бёрнсъ, потерявъ на нѣкоторое время свободу, нашелъ спутницу жизни, которая затѣмъ была его опорой и поддержкой во всѣ трудныя времена.

Вскорѣ послѣ свадьбы Бёрнсъ снова отправился путешествовать по Европѣ. Онъ посѣтилъ Францію, Германію и Австрію и вездѣ тщательно изучалъ положеніе труда и его отношеніе къ капиталу. Вернувшись домой съ большимъ запасомъ знаній, но пустымъ карманомъ, онъ поступилъ поденнымъ рабочимъ, механикомъ, продолжая, въ то же время, свои старанія относительно организаціи рабочихъ въ Баттерси. Его главною цѣлью было добиться, чтобы контроль надъ мѣстнымъ управленіемъ предмѣстья, главными обита-

телями котораго были рабочіе, находился въ рукахъ рабочихъ. Свою первую рѣчь объ этомъ онъ произнесъ на очень многолюдномъ митингѣ, гдѣ трибуной ему служилъ ящикъ изъ-подъ лимонада. Съ этой-то импровизированной эстрады онъ и изложилъ слушателямъ свою программу, которая пріобрѣла потомъ такую извѣстность въ цѣломъ мірѣ. Онъ призывалъ къ объединенію всѣхъ поденщиковъ рабочихъ, которые не по своей волѣ образуютъ вездѣ отдѣльный экономическій классъ, страдающій отъ конкуренціи. Чтобы имѣть возможность бороться съ условіями конкуренціи, рабочіе должны образовать и поддерживать соответствующіе рабочіе и профессиональные союзы. Когда они этого достигнутъ, то должны будутъ соединить вмѣстѣ свои усилія, чтобы добиться гражданскихъ и политическихъ правъ. Бёрнсъ доказывалъ имъ, что вслѣдствіе своей бѣдности и невозможности представить требуемый имущественный цензъ для участія въ выборахъ, рабочіе вынуждены выносить на себѣ всѣ невзгоды дурного муниципальнаго управленія, со всѣми его злоупотребленіями, полицейскимъ произволомъ, отвратительнымъ устройствомъ жилищъ и т. д., поэтому-то они и должны бороться, чтобы добиться лучшихъ условій и такихъ перемѣнъ, которыя обезпечили бы жизнь и будущность ихъ дѣтей и благоустройство ихъ жилищъ, въ чемъ они такъ настоятельно нуждаются теперь.

Искренность и краснорѣчіе Бёрнса, сила убѣжденія, которою дышали его слова, обращенныя къ рабочимъ, и тонкій юморъ, временами проскальзывавшій въ его рѣчахъ, привлекали къ нему сердца слушателей, и къ концу митинга собрано было тридцать два шиллинга для устройства настоящей удобной и передвижной трибуны для оратора, которая замѣнила бы лимонадный ящикъ. Это было уже неопровержимымъ доказательствомъ, какъ быстро возростала популярность Бёрнса среди рабочихъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно говорилъ на народныхъ митингахъ, устраиваемыхъ въ Лондонѣ и его окрестностяхъ, и число его приверженцевъ росло не по днямъ, а по часамъ.

Джонъ Бёрнсъ, кромѣ дара краснорѣчія, обладаетъ еще прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, который увеличиваетъ привлекательность его рѣчей. Когда онъ былъ мальчикомъ, то пѣлъ въ хорѣ своего прихода и выдавался голо-

сомъ. Теперь онъ пользуется этимъ природнымъ даромъ уже для иныхъ цѣлей, и каждый, кто первый разъ слышитъ его, непременно приходитъ къ заключенію, что онъ созданъ для того, чтобы быть народнымъ ораторомъ и политическимъ агитаторомъ, такъ сильно онъ умѣетъ увлечь за собою толпу своихъ слушателей.

Стремясь къ такимъ улучшеніямъ участи своихъ соотечественниковъ по труду, которыя могутъ быть достигнуты только законодательнымъ путемъ, Джонъ Бёрнсъ пропагандировалъ необходимость реформъ въ политической и промышленной системахъ, которыя онъ считалъ безусловно нужными для благосостоянія цѣлой общины. Разумѣется, такія проповѣди и такая дѣятельность Бёрнса не могли не обратить на него вниманіе консервативной партіи и мѣстныхъ властей, находившихъ его агитацію довольно опасной. Сывавшіяся обвиненія его не смущали. Онъ вѣдь не требовалъ ничего, кромѣ болѣе справедливаго отношенія къ огромной части населенія, трудомъ которой создается благосостояніе страны! Ему удалось организовать союзы необученныхъ (unskilled) рабочихъ, которые не были союзами взаимопомощи, какъ прежніе трэдъ-юніоны, а стремились приобрести политическое значеніе и оказать давленіе на общественное мнѣніе Англій. Рабочіе въ докахъ, въ портахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и газовыхъ заводахъ, матросы на коммерческихъ судахъ и сельскіе рабочіе образовали союзы по программѣ Бёрнса. Пропаганда Бёрнса оказала вліяніе и на старые трэдъ-юніоны, число членовъ которыхъ тоже возросло (57,000 въ 1888 году и 94,000 въ 1891 г.) и которые присоединились къ его программѣ, стремящейся, чтобы союзы не ограничивались только взаимопомощью и страхованиемъ, а добивались бы политическаго вліянія.

Довѣріе къ Джону Бёрнсу все возросло среди обитателей Баттерси и они, по одному его слову, готовы были идти за нимъ всюду. Когда уніонистское министерство, подъ давленіемъ радикаловъ, произвело важную административную реформу, учредивъ совѣты графствъ (County Councils), члены которыхъ выбирались на три года всѣми плательщиками податей, Джонъ Бёрнсъ тотчасъ же былъ выбранъ въ новый совѣтъ, въ числѣ членовъ котораго находились,

между прочимъ, лордъ Розберри и извѣстный писатель Фредерикъ Гаррисонъ. Эта административная реформа была вызвана тѣми злоупотребленіями и небрежностью управленія, которыя были открыты въ округахъ лондонскаго Вестъ-Энда, что создало публичный скандалъ, и произведенное этими разоблаченіями возбужденіе умовъ сдѣлало невозможнымъ дальнѣйшее существованіе прежней системы, которая сосредоточивала всю мѣстную власть въ рукахъ аристократіи.

Самъ Бёрнсъ, однако, ни разу не добивался своего избранія ни въ одно изъ мѣстныхъ учреждений въ Баттерси. Онъ основалъ тамъ рабочую лигу со специальною цѣлью вообще добиваться непосредственнаго представительства рабочихъ во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ и въ парламентѣ, но, разумѣется, онъ былъ первый, котораго рабочіе избрали своимъ представителемъ и въ совѣтъ графства, и въ парламентъ. Съ этого момента степень участія рабочихъ въ административномъ управленіи и въ политической жизни страны стала быстро возрастать, и лучшимъ доказательствомъ послужилъ списокъ новыхъ членовъ, избранныхъ въ 1894 году въ приходскій совѣтъ Баттерси, соотвѣтствующій городскому совѣту обыкновеннаго муниципалитета. Изъ общаго числа 120 членовъ, 66 были рабочіе, въ числѣ которыхъ можно было найти представителей всевозможныхъ профессій, простыхъ поденщиковъ, маляровъ, каменщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ, угольщиковъ, носильщиковъ, механиковъ и т. д. И результатъ дѣятельности такой администраціи, состоящей главнымъ образомъ изъ рабочихъ, представляющихъ значительное большинство обитателей Баттерси, оказался блестящимъ. Баттерси въ настоящее время считается наилучше администрируемымъ округомъ въ Лондонѣ. Смертность упала на 33 %, благодаря улучшенію санитарныхъ условій. Въ Баттерси находятся три публичныхъ библіотеки, устроены общественныя бани и прачешныя и при нихъ ясли для дѣтей, матери которыхъ заняты стиркой. Великолѣпныя новыя муниципальныя мастерскія могутъ служить образцомъ для всякихъ учреждений подобнаго рода. Паркъ въ Баттерси давно славится, какъ одинъ изъ лучшихъ въ Лондонѣ, а превосходный политехническій институтъ, со всѣми своими от-

дѣлами и 180,000 обитателей, самъ по себѣ уже представляеть отдѣльный и прекрасно устроенный городокъ.

Но прежде чѣмъ Джонъ Бёрнсъ получилъ возможность радоваться результатамъ своей дѣятельности, а его политическая жизнь получила болѣе или менѣе спокойное теченіе, ему пришлось вынести не малую борьбу и не мало невзгодъ. До 1884 года, однако, онъ совершенно не былъ извѣстенъ за предѣлами своего родного прихода. Въ первый разъ онъ обратилъ на себя вниманіе своею рѣчью на лондонской конференціи по вопросу о заработной платѣ. На этой конференціи сошлись два такихъ діаметрально противоположныхъ общественныхъ дѣятеля, какъ теперешній премьеръ Артуръ Бальфуръ и представитель труда Джонъ Бёрнсъ, который тогда былъ простымъ рабочимъ механикомъ. Бёрнсъ былъ молодъ: ему было всего двадцать шесть лѣтъ, и когда онъ началъ говорить, всѣ присутствующіе были заинтересованы, кто былъ молодой ораторъ, метавшій такіе громаы противъ капитализма. Онъ возражалъ предшествовавшему оратору, сказавшему, что «надо морализировать капиталъ». — «Морализировать капиталъ?—воскликнулъ Бёрнсъ съ жаромъ.—Вы также точно могли бы предложить морализировать удавовъ или укрощать тигровъ! Въ сущности это одно и то же».

Въ это время соціаль-демократическая федерація, основанная ученикомъ Маркса, Гайндманомъ, въ 1880 году, еще не успѣла приобрѣсти большого вліянія, тѣмъ не менѣе лигою рабочихъ было рѣшено, все-таки, добиваться представительства въ парламентѣ, и на выборахъ 1885 года Джону Бёрнсу было поручено выставить свою кандидатуру въ одномъ изъ рабочихъ округовъ. Шансовъ на успѣхъ было очень мало или, вѣрнѣе, не было никакихъ, потому что агитація среди рабочихъ въ пользу расширенія политическихъ правъ еще не приняла значительныхъ размѣровъ. И дѣйствительно, Бёрнсъ получилъ только 598 голосовъ изъ 11,064. Это было самое трудное для него время. Онъ уже семь недѣль былъ безъ всякой работы, такъ какъ бойкотировался всѣми предпринимателями за его взгляды, которые они находили вредными. Бёрнсу пришлось-таки претерпѣть лишенія за это время безработицы, но заставить его итти на уступки не могъ никто, никакія преслѣдованія, нужда и

отсутствіе работы. Еслибъ не это обстоятельство, ему не пришлось бы участвовать въ грандіозной манифестаціи безработныхъ (unemployed) въ 1886 году и на митингахъ въ Гайдъ-Паркъ, вызвавшихъ бурное столкновеніе съ полиціей. Выброшенный за бортъ вслѣдствіе несправедливости и эгоизма предпринимателей и вынужденный скитаться по улицамъ Лондона, Бёрнсъ примкнулъ къ безработнымъ. Его звучный голосъ разносился надъ толпой, собиравшейся въ докахъ, его слушали всѣ съ величайшимъ вниманіемъ, и скоро онъ сдѣлался самымъ популярнымъ и самымъ любимымъ изъ всѣхъ народныхъ ораторовъ.

Около этого времени партія, требовавшая замѣны свободы торговли (Free trade), такъ называемой «честной торговли» (Fair trade), основанной на взаимныхъ международныхъ уступкахъ, устраивала митинги въ разныхъ мѣстахъ, и этимъ воспользовались четверо «самыхъ отвратительныхъ негодяевъ, какіе только попираютъ ногами лондонскую мостовую», — какъ выразился про нихъ Бёрнсъ въ своей рѣчи, — чтобы созвать митингъ на Трафальгарской площади во имя «Fair trade», но въ сущности для совѣтъ другихъ цѣлей. Когда собралась толпа, Бёрнсъ и другіе члены соціалъ-демократической федераціи, въ свою очередь, рѣшили эксплуатировать это обстоятельство для цѣлей своей пропаганды. Само собою разумѣется, что Бёрнсъ увлекъ своимъ краснорѣчіемъ толпу, которая вслѣдъ затѣмъ двинулась шумной процессіей къ Гайдъ-Парку. Сначала всё шло хорошо и дѣло, можетъ быть, обошлось бы безъ большихъ безпорядковъ, еслибъ нѣсколько молодыхъ людей, членовъ консервативнаго Карльтонъ-клуба, смотрѣвшихъ въ окна зданія клуба на процессію, не вздумали бы осыпать насмѣшками толпу безработныхъ, когда она проходила мимо. На бѣду, по близости находилась куча камней, приготовленныхъ для исправленія мостовой; толпа мигомъ вооружилась этими камнями и отвѣтила на злобныя насмѣшки булыжнымъ градомъ, который перебилъ всѣ стекла въ зданіи клуба. Затѣмъ и другой консервативный клубъ подвергся такой же участи. Страсти разгорѣлись, и дѣло кончилось рукопашной схваткой и разгромомъ нѣсколькихъ лавокъ. Бёрнсъ, всячески старавшійся успокоить расходившуюся толпу, ничего не могъ съ нею сдѣлать, часть толпы онъ увлекъ за собою въ

Гайдъ-Паркъ и тамъ убѣдилъ ее спокойно разойтись, но другая часть осталась на улицахъ, и между нею и полиціей произошло чуть ли не настоящее сраженіе. Въ городѣ, конечно, распространился слухъ о грандіозномъ возмущеніи рабочихъ, и Вестъ-Эндъ обуяла настоящая паника. Ночью никто не спалъ, и всѣ патрули были увеличены, однако спокойствіе не было нарушено.

Къ утру по городу начали циркулировать самые нелѣпные слухи, хотя не было и намека на какое бы то ни было возмущеніе, и толпа нигдѣ не собиралась. Между тѣмъ, Джонъ Бёрнсъ, у котораго въ карманѣ оставались только два пенса, отправился въ механическія мастерскія, въ надеждѣ найти хоть какую-нибудь поденную работу. Пока онъ стоялъ у входа, ожидая отвѣта, который, какъ и слѣдовало ожидать, оказался отрицательнымъ, на улицѣ показались мальчишки, разносчики газетъ. Они несли огромные плакаты, на которыхъ громадными буквами было напечатано, что «Джонъ Бёрнсъ, во главѣ 60,000 человекъ, идетъ на Лондонъ изъ Дентфорда» и что «столицѣ грозитъ серьезная опасность, вслѣдствіе появленія этого агитатора во главѣ буйной толпы».

Конечно, этого было вполне достаточно, чтобы напугать жителей. А въ это время бѣдный Джонъ Бёрнсъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ, странствовалъ по Лондону въ поискахъ какого-нибудь заработка, который обезпечилъ бы ему существованіе хоть на одинъ день! Но распространение такихъ нелѣпныхъ слуховъ, разумѣется, не могло пройти для него даромъ. Правительство (тогда Гладстонъ былъ во главѣ кабинета), исходя изъ убѣжденія, что это былъ организованный бунтъ, рѣшило возбудить преслѣдованіе противъ зачинщиковъ. Такими зачинщиками считались, конечно, члены социаль-демократической федераціи, и между ними на первомъ мѣстѣ былъ Джонъ Бёрнсъ. Тутъ онъ впервые испыталъ на себѣ государственное преслѣдованіе. За нимъ по пятамъ ходили сыщики, и самый строгій надзоръ былъ учрежденъ за его домомъ. Это продолжалось нѣсколько дней, затѣмъ полиція получила приказъ арестовать его. Бёрнсъ возвращался пѣшкомъ изъ города, когда увидалъ полицейскаго инспектора, который ѣхалъ по направлению къ Баттерси. У Бёрнса тотчасъ же явилось подо-

зрѣніе, что полицейскій инспекторъ отправляется туда, чтобы арестовать его. Тогда Бёрнсъ бросился догонять кэбъ и закричалъ полицейскому, спрашивая его, не ѣдетъ ли онъ въ Лавендеръ Гилль, (мѣсто, гдѣ была квартира Бёрнса)? Полицейскій, никогда не видѣвшій въ глаза Бёрнса и нѣсколько удивленный безцеремонностью того, кого онъ принималъ за простаго рабочаго, отвѣчалъ утвердительно, но прибавилъ: «А вамъ что за дѣло до этого?» — «Мнѣ? — возразилъ Бёрнсъ. — Да я только хотѣлъ избавить васъ отъ лишняго труда, если вы, дѣйствительно, отправляетесь арестовать Бёрнса, я—Джонъ Бёрнсъ, и вы можете теперь же взять меня съ собою и не ѣздить дальше».—Еще болѣе пораженный такою неожиданностью, полицейскій инспекторъ слѣзъ и принялся доставать приказъ объ арестѣ. «Не стоитъ,—сказалъ ему Бёрнсъ.—Я и такъ знаю его содержаніе».

И вотъ оба, полицейскій и его арестантъ, разговаривая самымъ дружескимъ образомъ, отправились въ Скотландъ-Ярдъ, и никто изъ попадавшихся имъ навстрѣчу, не могъ и подозрѣвать того, что случилось. Какъ полицейскій, такъ и Бёрнсъ тщательно избѣгали во время своего разговора касаться вопроса объ арестѣ и поводахъ къ нему.

Но судебное преслѣдованіе, возбужденное противъ Бёрнса, окончилось полнѣйшимъ фіаско для правительства. Между прочимъ, на судѣ фигурировалъ въ числѣ добровольныхъ свидѣтелей Джонъ Рёскинъ, который видѣлъ все, происходившее на Трафальгарской площади и поэтому далъ показаніе въ пользу Бёрнса, сидѣвшаго на скамѣ подсудимыхъ. Бёрнсъ сказалъ въ свою защиту великолѣпную рѣчь, которая потомъ была напечатана и распространена повсюду. Присяжные вынесли приговоръ: «не виновень», и Джонъ Бёрнсъ оставилъ залу суда съ вполне уже составленною и громкою репутаціей народнаго вождя и оратора.

Спустя нѣсколько лѣтъ, когда онъ уже засѣдалъ въ совѣтѣ лондонскаго графства, въ числѣ вновь избранныхъ членовъ попалъ туда и одинъ изъ судей, нѣкогда преслѣдовавшій Бёрнса, какъ бунтовщика. Джонъ Бёрнсъ былъ однимъ изъ первыхъ, привѣтствовавшихъ новаго члена, и сказалъ ему, улыбаясь: «Мы имѣли удовольствіе встрѣчаться уже раньше»....

Однако, Джонъ Бёрнсъ оказался далеко не такимъ счастливымъ въ своемъ столкновеніи съ судебною властью во второй разъ, какъ въ первый. Никто изъ тѣхъ, кому пришлось быть случайнымъ свидѣтелемъ того, что вновь произошло 5 ноября 1886 года на Трафальгарской площади, никогда не забудетъ этого дня, который такъ и называется «bloody sunday» (кровоавое воскресенье). Въ этотъ день долженъ былъ происходить митингъ, созванный для выраженія сочувствія Уильяму О'Брайсну, но въ послѣднюю минуту власти вдругъ рѣшили воспретить митингъ. Между тѣмъ, толпа уже собралась, и полиціи было приказано разогнать ее. Произошло очень бурное столкновеніе, причемъ два человѣка были убиты полицейскими и множество было сильно помято и избито. Вообще это было одно изъ самыхъ бурныхъ столкновеній. Джонъ Бёрнсъ и Коннинггэмъ Грагамъ съ трудомъ проложили себѣ дорогу въ толпѣ и хотѣли попробовать подѣйствовать на нее убѣжденіемъ, но полиція захватила ихъ у самой колонны Нельсона и довольно грубо обошлась съ ними. Они были также избиты и вмѣстѣ съ другими арестованными, которые насчитывались сотнями, отведены въ тюрьму.

Бёрнесу снова пришлось сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ, но на этотъ разъ онъ былъ не одинъ, а въ очень большой компаніи, состоящей изъ лицъ, арестованныхъ въ тотъ памятный день. Конечно, онъ опять говорилъ большую и прекрасную рѣчь, энергично защищая право публичныхъ митинговъ. Но на присяжныхъ его рѣчь не подѣйствовала, и за свою защиту права публичныхъ митинговъ онъ былъ присужденъ къ тюремному заключенію на три мѣсяца въ Пентонвиллѣ, вмѣстѣ съ самыми обыкновенными преступниками. Пребываніе въ тюрьмѣ, однако, не прошло безслѣдно для Джона Бёрнса и многому научило его. Онъ на опытѣ познакомился съ пенитенціарною системою и тѣми отдѣлами государственнаго механизма, функція которыхъ состоитъ въ репрессіяхъ и предупрежденіи проступковъ и преступленій. Конечно, это были очень полезныя знанія для будущаго администратора. Кромѣ того, въ бытность свою въ тюрьмѣ онъ ближе познакомился съ отверженными, паріями общества и его отбросами и проникся къ нимъ глубокимъ состраданіемъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что нѣтъ лучшей

школы для образованія общественнаго дѣятеля, какъ Пен-тонвилль (тюрьма) и совѣтъ графства.

Три мѣсяца тюремнаго заключенія были тяжелы для энергичной и дѣятельной природы Джона Бёрнса. Даже книги ему не давали, и единственная книга, которая, какимъ-то образомъ, попала къ нему, была «Prince of the House of David». Развлеченіемъ для него служили бесѣды съ тюремнымъ капланомъ, который старался обратить его на путь истины и доказывалъ ему при помощи текстовъ изъ Св. Писанія «что духъ возмущенія такой же смертный грѣхъ, какъ и колдовство». Бёрнсъ съ удовольствіемъ пускался съ нимъ въ разсужденія на эту тѣму, такъ какъ это вносило разнообразіе въ его тюремную жизнь. Когда онъ вышелъ изъ тюрьмы, то народъ устроилъ ему овалцію, а онъ немедленно возобновилъ свою прежнюю дѣятельность и организовалъ союзъ газовыхъ рабочихъ. Конецъ 1888 года ознаменовался для него важнымъ событіемъ—избраніемъ въ совѣтъ графства, и съ этой поры начался новый періодъ его жизни. Джонъ Бёрнсъ съ восторгомъ вспоминаетъ объ этихъ «трехъ славныхъ годахъ своей жизни», которые онъ провелъ въ совѣтѣ, состоявшемъ изъ людей, объятыхъ духомъ реформъ. Между прочимъ тамъ находился и лордъ Розберри, бывший позднѣе первымъ министромъ. Джонъ Бёрнсъ былъ счастливъ встрѣтить сочувствіе своимъ планамъ социальнаго улучшенія и съ жаромъ принялся за работу. Время воздушныхъ замковъ миновало, и онъ чувствовалъ уже твердую почву подъ своими ногами въ совѣтѣ, гдѣ онъ былъ единственнымъ представителемъ труда и поэтому во всѣхъ вопросахъ, сюда относящихся, руководилъ дѣйствіями совѣта. Конечно, будь на его мѣстѣ менѣе благоразумный человѣкъ, пожалуй, онъ бы могъ сильно повредить и своему дѣлу, и совѣту. Но излишняя пылкость его темперамента была уже охлаждена годами суроваго опыта, онъ много читалъ и сталкивался съ людьми «всѣхъ родовъ и состояній», что въ значительной степени содѣйствовало расширенію его умственнаго кругозора и помогло ему не дѣлать грубыхъ и порою непоправимыхъ ошибокъ, когда ему пришлось формулировать свою программу въ совѣтѣ. Онъ представилъ нѣсколько предложеній, касающихся регулированія отношеній между рабочими и предпринимате-

лями и эти предложенія были приняты потомъ, съ нѣкоторыми поправками, совѣтомъ графства и сдѣлались «Великою хартіей труда» въ Англии. Принципы этой хартіи были затѣмъ приняты всѣми представительными собраніями, во всѣхъ трехъ королевствахъ.

Бёрнсъ, разумѣется, былъ главнымъ инициаторомъ всѣхъ этихъ рѣшеній совѣта и больше всѣхъ потрудился надъ выработкою резолюцій. Изъ двухсотъ резолюцій, принятыхъ на различныхъ публичныхъ собраніяхъ, по крайней мѣрѣ, сто были написаны имъ собственноручно. Но, тѣмъ не менѣе, онъ старался держаться въ тѣни, работая по преимуществу въ комиссіяхъ и никогда не стараясь выдвинуться на первое мѣсто. Несомнѣнно, что всѣ дѣйствія совѣта въ направленіи рабочей политики были имъ инспирированы, но онъ находилъ нужнымъ, до поры до времени, скромно держаться въ сторонѣ, пока не наступитъ такой моментъ, когда можно будетъ, безъ всякихъ опасеній повредить дѣлу, выступить впередъ и взять на себя инициативу въ политикѣ, которая ему, собственно, была обязана всѣми своими успѣхами и даже своимъ возникновеніемъ.

За девять лѣтъ своего пребыванія въ совѣтѣ Бёрнсъ участвовалъ ни болѣе ни менѣе, какъ въ семнадцати комиссіяхъ по разнымъ вопросамъ, а девять десятыхъ работы совѣта совершаются именно въ этихъ комиссіяхъ втихомолку, и совѣтъ только пользуется уже готовыми результатами.

Бёрнсъ былъ такъ заваленъ работой въ этихъ комиссіяхъ, что его друзья опасались даже, какъ бы онъ не превратился въ простаго эксперта по различнымъ муниципальнымъ вопросамъ. Какъ ни была полезна его административная дѣятельность, но люди, привыкшіе смотрѣть на него, какъ на своего вождя, не хотѣли, чтобы онъ ограничился только этимъ, и возставали противъ монополизациі его даже такимъ важнымъ учрежденіемъ, какъ совѣтъ лондонскаго графства. Но событія волей-неволей оторвали его отъ административной дѣятельности и вынудили принять активное участіе въ спорѣ, возникшемъ между рабочими на докахъ и кораблевладѣльцами. Доковые рабочіе принадлежали къ разряду «unskilled», и хотя Бёрнсъ не принадлежалъ къ ихъ союзу, но участъ ихъ принималъ такъ же близко къ сердцу,

какъ участь своихъ товарищей. Не щадя ни своихъ силъ, ни своего голоса, онъ усердно посѣщалъ митинги, произносилъ рѣчи и велъ переговоры. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ почти безвыходно жилъ въ докахъ, въ средѣ рабочихъ, устроившихъ стачку, а жена его въ это время организовала помощь рабочимъ. Никогда еще ни одна стачка не производила такого большого впечатлѣнія и не заставляла такъ много говорить о себѣ, не только въ Англіи, но и во всемъ мірѣ. Это былъ первый случай, доказавшій, что промышленную войну можно организовать и вести въ строгихъ границахъ, избѣгая всякихъ насилій и жестокостей, обыкновенно сопровождающихъ борьбу такого рода. Не одинъ разъ за это время опасность висѣла на волоскѣ, и можно было ожидать взрыва, кроваваго столкновенія и т. п., но, благодаря вождямъ и главнымъ образомъ Джону Бёрису, который всѣми силами боролся противъ этого, опасность миновала, и стачка прошла вполне благополучно. Рабочіе добились уступокъ, облегчившихъ ихъ положеніе. Кроме того, эта борьба содѣйствовала развитію ихъ самосознанія, и она - то и положила начало новому движенію, называемому «New unionism», о которомъ мы говорили выше.

Стачки и всякаго рода движенія, происходившія среди рабочихъ, никогда не обходились безъ помощи и участія Бёриса. Онъ всегда готовъ былъ откликнуться на призывъ своихъ товарищей, когда къ нему обращались, но никогда самъ не организовалъ ни одной стачки. Онъ говоритъ, что ни разу не предлагалъ рабочимъ бросать работу, но никогда не отказывался помогать имъ, когда они это дѣлали. Такимъ образомъ, онъ, въ общемъ, принималъ участіе болѣе чѣмъ въ 300 стачкахъ и во всѣхъ случаяхъ достигалъ гораздо большихъ уступокъ со стороны предпринимателей, чѣмъ это можно было ожидать, причемъ ни разу не возбудилъ противъ себя ни враждебныхъ чувствъ, ни нареканій среди хозяевъ. Вообще его личность всегда возбуждала къ себѣ только симпатіи, и даже его яростные противники воздавали должное его такту и умѣнью сдерживать народныя страсти.

Несмотря на свои первыя неудачи, Бёрисъ, по настоянію своихъ друзей и приверженцевъ, снова баллотировался въ парламентъ въ 1892 году, и на этотъ разъ съ успѣхомъ.

Въ палатѣ общинъ онъ быстро завоевалъ себѣ почетное мѣсто, и всѣ партіи и классы общества относятся къ нему съ одинаковымъ уваженіемъ. Въ особенности ему ставится въ заслугу то, что онъ никогда не говоритъ рѣчь только для того, чтобы сказать что-нибудь, чтобы потомъ это было напечатано въ парламентскихъ отчетахъ репортеровъ, во всѣхъ лондонскихъ газетахъ. Всѣ знаютъ, что если Джонъ Бёрнсъ всталъ, чтобы говорить, то значитъ у него есть дѣйствительно солидные аргументы, которые онъ считаетъ нужнымъ высказать, или въ видѣ возраженія своему противнику, или же для того, чтобы подкрѣпить свою точку зрѣнія. Его рѣчи поэтому слушаются съ интересомъ, такъ какъ всегда бываютъ содержательны и непремѣнно касаются какого-нибудь животрепещущаго вопроса.

Джонъ Бёрнсъ уже состоялъ членомъ парламента, когда рабочіе механическихъ мастерскихъ устроили стачку, которая длилась болѣе полугода. Стачка возникла изъ-за вопроса о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, но, главнымъ образомъ, все-таки, рабочіе не хотѣли допустить, чтобы предприниматели сами произвольно устанавливали условія труда, и не понижали бы заработной платы, вмѣстѣ съ введеніемъ машинъ, упрощавшихъ трудъ. Джонъ Бёрнсъ, конечно, былъ приглашенъ руководить стачкой, и тотчасъ же пришелъ на помощь рабочимъ. Но стачка, продолжавшаяся болѣе шести мѣсяцевъ и стоившая громадныя суммы «соединенному комитету» лиги машиностроительныхъ рабочихъ, раздававшему пособія стачникамъ, окончилась ничѣмъ, и рабочіе возобновили работу на прежнихъ условіяхъ.

Очень любопытно для характеристики Бёрнса то разочарованіе, которое онъ испыталъ, когда побывалъ въ Америкѣ. Онъ поѣхалъ туда, преисполненный великихъ ожиданій, въ качествѣ уполномоченнаго трэджюнионистовъ стараго свѣта («посылавшихъ свой привѣтъ своимъ братьямъ въ новомъ свѣтѣ»). Бёрнсу былъ оказанъ самый восторженный пріемъ въ Соединенныхъ Штатахъ вездѣ, гдѣ онъ проѣзжалъ. Онъ же воспользовался этимъ путешествіемъ, чтобы изучить мѣстныя условія труда, и какъ многіе другіе путешественники, впервые попадающіе изъ стараго міра въ новый, онъ нашелъ, что этотъ міръ совершенно не соответствуетъ тому представленію, которое онъ составилъ себѣ о немъ.

«Великая западная республика» такъ мало оказалась похожа на ту, которую онъ рисовалъ себѣ въ мечтахъ. Онъ резюмировалъ свои впечатлѣнія въ нѣсколькихъ словахъ, назвавъ Соединенные Штаты «Плутократическою республикой, основанной на концентраціи капиталовъ». Муниципальное управленіе большихъ городовъ: Чикаго, Нью-Йорка и т. д., приводило его въ ужасъ, и онъ говорилъ, что граждане этихъ городовъ съ полною безнадежностью смотрятъ на свои муниципалитеты, не ожидая въ этомъ отношеніи никакихъ переменъ къ лучшему. Чрезвычайно прямой и непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, Джонъ Бёрнсъ возмущенъ былъ дѣйствіями и хозяйничаньемъ Таммани въ Нью-Йоркѣ и, возвратясь изъ Америки, сказалъ, что еслибъ онъ думалъ, что трэдьюніонизмъ въ Англійи можетъ быть началомъ Таммани, то всеми силами боролся бы противъ него. «Лучше страдать отъ конкуренціи, — прибавилъ онъ, — нежели вводить въ муниципальную жизнь такіе безчестные, недостойные и недѣловые приемы, унижающіе ее, также какъ и всю общественную дѣятельность извѣстныхъ классовъ». Въ этихъ словахъ сказывается глубокая честность Джона Бёрнса, ставящаго принципъ справедливости въ основу всехъ своихъ поступковъ и своей политики.

Съ самаго начала южно-африканской войны Джонъ Бёрнсъ высказывался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ нея. Но Англійю охватила воинственная эпидемія, и когда въ серединѣ войны состоялись парламентскіе выборы, то многіе изъ самыхъ выдающихся парламентскихъ дѣятелей потеряли свои мѣста въ палатѣ общинъ, потому только, что отказались санкціонировать джингоистскую политику; ихъ замѣнили имперіалистскіе кандидаты. Не все изъ этихъ депутатовъ, лишившихся своихъ полномочій на выборахъ, принадлежали къ либеральной партіи; тутъ были и консерваторы и даже члены министерской партіи, отказывавшіеся считать южно-африканскую войну справедливой и не скрывавшіе своихъ взглядовъ. За эту смѣлость и искренность они и должны были поплатиться своими мѣстами и уступить ихъ рѣшительнымъ имперіалистамъ—торійской партіи. Но такъ велико было вліяніе воинственного пыла, что даже рабочіе были охвачены имперіалистскимъ теченіемъ, и во многихъ рабочихъ округахъ оно одержало верхъ надъ истин-

ными принципами свободы и демократіи. Избиратели Баттерси, впрочемъ, оставались вѣрны Джону Бёрнсу и его политическому средо, и на выборахъ доставили ему блестящую побѣду. Онъ вернулся въ палату общинъ, чтобы защищать правое дѣло. Онъ принималъ участіе во всѣхъ преніяхъ, относящихся къ войнѣ, и люди, совершенно не раздѣляющіе его образа мыслей, все-таки, слушали его съ величайшимъ интересомъ. Джонъ Бёрнсъ — врагъ громкихъ, но безсодержательныхъ фразъ и голословныхъ обвиненій, и поэтому, если онъ начиналъ говорить во время военныхъ дебатовъ, то не ограничивался только одними осужденіями войнъ вообще и южно-африканской войны въ частности, а всегда выдвигалъ на сцену какой-нибудь важный вопросъ, касающійся военной и колониальной администраціи, и заставлялъ палату общинъ обратить особенное вниманіе на затронутые имъ вопросы. Однажды одинъ изъ правительственныхъ ораторовъ сталъ съ большимъ жаромъ распространяться о несправедливомъ и жестокомъ отношеніи буровъ къ туземному населенію южной Африки, и подкрѣплялъ свои доводы примѣрами, которые должны были доказать, что водвореніе англійскаго владычества въ южной Африкѣ явится началомъ эры благоденствія для всѣхъ южно-африканскихъ туземцевъ. Тогда Джонъ Бёрнсъ всталъ, чтобы возражать ему, и изъ собственнаго опыта и наблюденія привелъ нѣсколько примѣровъ, указывающихъ, какъ обращаются подчасъ британскія власти съ африканскими народцами. «Я бы желалъ спросить,—прибавилъ онъ,—не могли ли бы подобныя поступки также оправдать вмѣшательство какого-нибудь европейскаго государства, если предположить, что поведеніе бурскаго правительства, дѣйствительно, можетъ служить оправданіемъ англійскаго нашествія на бурскую территорію?»

Въ своей рѣчи, обращенной къ избирателямъ Баттерси, въ самый разгаръ южно-африканской войны, Бёрнсъ смѣло выступилъ противъ тенденцій имперіализма. Тѣ же самыя взгляды онъ высказалъ, открывая рядъ мѣткихъ публичныхъ лекцій, которыя устраиваются ежегодно рабочею лигой въ Баттерси. Онъ говорилъ о перемѣнахъ, возникшихъ во взглядахъ британскаго народа на иностранную и колониальную политику. Въ прошломъ Англія удовлетворялась

«великолѣпнымъ одиночествомъ» (Splendid isolation), и это было ея самую разумною политикою. «Мы, какъ народъ, оставались свободными отъ всякихъ союзовъ,—сказалъ—Бёрнсъ, потому что союзъ свободной націи съ военною державою противорѣчитъ нашимъ свободнымъ учрежденіямъ. Благодаря своему островному положенію, мы не нуждались въ союзахъ, а наше превосходство на морѣ дѣлало ихъ совершенно излишнимъ. Мы оставались въ сторонѣ отъ всякихъ династическихъ ссоръ и могли отдавать торговлѣ, промышленности, ремесламъ и колонизаціи то, что другіе отдавали претендентамъ и тратили на конскрипціи и войны. Исторически, традиціонно, инстинктивно и на дѣлѣ—мы всегда помогали маленькимъ націямъ, поддерживали слабые народы противъ европейскихъ автократій, никогда не совершали лучшаго дѣла, какъ въ тѣ времена, когда мы помогали объединенной Италіи, поощряли возрожденіе Греціи, симпатизировали полякамъ, поддерживали Бельгію и помогали дѣйствіями, деньгами и сочувствіемъ дѣлу эмансипаціи негровъ въ нашихъ колоніяхъ, въ Америкѣ и въ другихъ мѣстахъ... Я помню, когда наше старинное дворянство соперничало съ рабочими въ выраженіяхъ своего энтузіазма такому республиканцу, какъ Гарибальди... Но эта почтенная любовь къ свободѣ испарилась; наши герцоги (dukes) уже больше не сочувствуютъ стремленіямъ къ человѣческой свободѣ. Они предпочитаютъ играть роль приманки для различныхъ промышленныхъ и привилегированныхъ компаній. Они защищаютъ теперь принудительный трудъ въ компондахъ Кимберлея и охотно соглашаются на набѣги и авантюристскія предпріятія, которыя доставляютъ имъ деньги, но дискредитируютъ страну. Въ прошломъ мы были свободнымъ, снисходительнымъ, не агрессивнымъ народомъ,—свободнымъ и насаждающимъ свободу! Фабричное производство, угольная промышленность и мореплаваніе составляли наше главное занятіе. Наши торговые суда, подъ управленіемъ нашихъ моряковъ и механиковъ, плавали по всѣмъ морямъ. Превосходство нашихъ товаровъ открыло всѣ порты нашей торговлѣ, ихъ дешевизна доставила имъ доступъ во всѣ страны, а качество и прочность поддерживали достигнутое положеніе. Въ результатѣ, безъ войны, безъ нападеній, исключительно только мирнымъ путемъ, наша страна достигла богатства и такого благо-

состоянія, которое не можетъ ей дать дикій, безпорядочный имперіализмъ, представляющій теперь модное теченіе. Политика торговли и невмѣшательства теперь отвергнута, и съ нашею страной, государственными дѣятелями и народомъ произошла большая перемѣна. Измѣнилось ихъ прежнее, спокойное, сдержанное и дипломатическое поведеніе, отвергнуты лучшія традиціи, и нашъ парламентъ почти совершенно пересталъ быть совѣщательнымъ собраніемъ. Нами руководитъ теперь толпа при посредствѣ робкаго и трусливаго правительства. Парламентъ теперь уже не имѣетъ контроля надъ миромъ или войной, такъ какъ обыкновенно онъ не засѣдаетъ тогда, когда грозитъ война или она уже объявлена!... Нашъ народъ сдѣлался нетерпимымъ, и улицы наполняются толпою обезумѣвшихъ людей, восхваляющихъ войну, которую они не могутъ защищать, и нападеніе, которое они не могутъ оправдывать. Мелкая пресса, которая должна была бы наставлять, руководить, возвышать и вдохновлять народъ, теперь измѣнила своей высокой миссіи. Война сдѣлалась популярной ради войны, воцарился культъ силы, и патріотизмъ на самомъ дѣлѣ является только удобнымъ прикрытіемъ и убѣжищемъ для разныхъ негодяевъ, драпирующихся въ его тогу. Наши поэты воспѣваютъ войну, наши журналисты, обязанностью которыхъ было до сихъ поръ скорѣе обуздывать, нежели возбуждать толпу, теперь присоединяются къ все увеличивающемуся хору, воспѣвающему расширеніе владѣній, агрессивную политику и имперіализмъ. Этотъ имперіализмъ, изобрѣтенный въ 1876 году евреемъ Биконсфильдомъ, былъ навязанъ намъ съ чисто восточнымъ жаромъ и фантазіей, особенно ярко выразившимися въ титулѣ императрицы, который, къ несчастью, былъ прибавленъ къ титулу нашей королевы!»...

Говоря о развращающемъ вліяніи этого новаго имперіализма, Бёрнсъ указалъ на либеральныхъ имперіалистовъ, которые теперь громче торіевъ требуютъ увеличенія арміи и флота. «Эти господа очень любятъ разговаривать о третейскомъ судѣ, но потакаютъ войнѣ, проповѣдуютъ миръ, но допускаютъ насильственную воинственную конфискацію территорій, если народъ, владѣющій ими, не въ состояніи ихъ защищать!» «Римскій имперіализмъ раздѣлилъ міръ на го-

сподина и раба, сказалъ Бёрнсъ, и съ той поры цезаризмъ сдѣлался синонимомъ автократіи, Бонапартъ — синонимомъ милитаризма, а джингоизмъ — синонимомъ господства бездушнѣйшей плутократіи. Перикль, нѣкогда, считалъ государство воплощеніемъ культуры, а германскій императоръ въ настоящее время смотритъ на государство, какъ на милитаризованную бюрократію, попеременно опирающуюся на силу и патронатъ. Старые либералы смотрѣли на государство, какъ на среду, въ которой создавались законы, и какъ на охрану жизни и собственности, имперіалистъ же считаетъ функціей государства отнятіе чужой собственности и земли у другихъ народовъ!»

Во всѣхъ своихъ рѣчахъ и вездѣ, гдѣ только представлялся случай, Бёрнсъ осуждалъ имперіализмъ и старался обратить вниманіе на тѣ опасности, которыя онъ представляетъ для страны. Конечно, онъ наживалъ себѣ этими рѣчами враговъ, и въ началѣ войны не разъ устраивались противъ него враждебныя демонстраціи. Джонъ Бёрнсъ, однако, не побоялся плыть противъ теченія и даже бороться съ нимъ, и теперь, когда опьяненіе начинается проходить, многіе изъ тѣхъ, кто клеймилъ Бёрнса чуть ли не врагомъ отечества, перешли на его сторону, и его предсказаніе, что возвращеніе арміи изъ южной Африки должно увеличить ряды противниковъ имперіалистской политики, повидимому, сбылось. «Эти 150,000 человекъ, носящихъ военную форму, вернутся изъ Африки «про-бурами», — сказалъ Бёрнсъ въ одной изъ своихъ рѣчей, — такъ какъ они на опытѣ должны будутъ убѣдиться, что они должны были сражаться не въ интересахъ патриотизма, а въ интересахъ безсовѣстной и бездушной плутократіи».

Разговоръ Бёрнса съ журналистомъ Стэдомъ подтверждаетъ его взглядъ на то, что должно составлять гордость англійской націи, и къ чему она должна стремиться.

«— Духъ англійскаго народа вовсе не военный, а гражданскій, — сказалъ онъ. Мы должны имѣть солдатъ, но постоянное вмѣшательство военнаго элемента въ гражданскую жизнь въ высшей степени для меня непріятно. Народъ говоритъ о солдатахъ, какъ будто они создали имперію. Ничего подобнаго! Британская имперія была создана не ими, а механиками и инженерами... Я говорю серьезно. Эти люди

пересѣкали океаны на пароходахъ, прокладывали туннели въ горахъ и прорывали перешейки. Вотъ они-то и создали имперію! Кто основалъ наши колоніи, кто населилъ пустыни и культивировалъ дикія мѣстности? Развѣ это сдѣлали солдаты? Никогда! Это дѣло мирнаго гражданскаго ума, и если какая-нибудь профессія заслуживаетъ наивысшей благодарности въ этомъ дѣлѣ, то именно механики и инженеры. Солдатъ на своемъ мѣстѣ вездѣ, гдѣ надо защищать, охранять и поддерживать благоустройство въ странѣ. Но пусть онъ и остается на этомъ мѣстѣ. Какъ только онъ покидаетъ его и внѣдряется въ гражданскую сферу, онъ вноситъ туда отраву...

— Напримѣръ?—поинтересовался Стэдъ.

— Примѣровъ достаточно на каждомъ шагѣ,—отвѣчалъ Бёрнсъ.— Эти военные люди испортили много отдѣловъ нашей администраціи, и та же язва проникла даже въ британскую промышленность. Военныя идеи преобладаютъ уже въ совѣтѣ графства, и онъ выражаетъ, напр., желаніе, чтобы въ мастерскихъ установленъ былъ такой же деспотическій режимъ, какъ и въ казармахъ. Не такимъ путемъ можемъ мы удержать за собою созданное предшествовавшими поколѣніями положеніе. Мы должны повернуть въ противоположную сторону и признавать умъ вездѣ, гдѣ только онъ намъ встрѣтится. Мы должны отказаться отъ классоваго критеріума въ нашихъ сужденіяхъ о достоинствахъ человека, такъ какъ то, что считается добродѣтелью у аристократа, не можетъ разсматриваться, какъ порокъ, у плебея. Не можемъ мы также допустить, чтобы талантъ и характеръ не получали у насъ должной оцѣнки... Я стою на демократической точкѣ зрѣнія. Я стою за избирательныя права мужчинъ и женщинъ. Женщины не должны быть далѣе Сандрильонами въ промышленной семьѣ».

Бёрнсъ развилъ свою политическую программу, въ которую входила реформа палаты общинъ, децентрализація власти и отмѣна палаты лордовъ, представляющей лишь ненужное раздвоеніе государственнаго механизма, излишнее и подчасъ опасное.

«— Скажите,—спросилъ Бёрнсъ Стэда, послѣ нѣкоторой паузы — вы оставались на аренѣ политической борьбы почти двадцать лѣтъ. Чувствуете ли вы, что ваша работа

не пропала даромъ, или же идеалы и надежды, съ которыми вы начинали свою карьеру, поблекли, и ихъ заволокло тучами? Находите ли вы, что стоило трудиться?

— Стоило ли? — воскликнулъ Стэдъ. Да, тысячу разъ да! Я считаю преимуществомъ, что мнѣ пришлось жить въ это время. А если я и потерялъ нѣкоторыя изъ иллюзій своей юности, то во всякомъ случаѣ я приобрѣлъ много другихъ.

— И я тоже чувствую это! — съ жаромъ подтвердилъ Бёрнсъ. Еслибъ мнѣ случилось начинать снова, то я сдѣлалъ бы тоже самое. Участвовать въ такомъ великомъ дѣлѣ — это большое счастье!

Бёрнсъ оптимистъ; онъ глубоко вѣритъ въ будущее своей страны и въ будущее трудящагося народа.

«Я вѣрю, что трудъ одолѣетъ всѣ препятствія, лежащія у него на пути, — говоритъ Бёрнсъ, — и, судя по количеству людей, становящихся подъ знамя трэдъюнионизма и поступающихъ въ кооперативныя и дружескія общества, я не вижу причинъ отчаяваться, а, напротивъ, всѣ причины надѣяться на лучшее будущее для нашего трудящагося народа».

Одинъ изъ современныхъ англійскихъ журналистовъ въ слѣдующихъ словахъ обрисовалъ интресную личность вождя рабочей партіи: «Джону Бёрнсу сорокъ пять лѣтъ, но онъ выглядитъ пятидесятипятилѣтнимъ человѣкомъ, хотя силы у него такія же, какъ у двадцатипятилѣтняго. Онъ обладаетъ мятежною душой, но это мятежникъ, умѣющій владѣть собой и обладающій громадною силою воли и самообладаніемъ. Онъ всегда былъ борцомъ, но не станетъ перепрыгивать черезъ загородку. Семнадцать лѣтъ тому назадъ, произнося въ докахъ свою краснорѣчивую и убѣдительную рѣчь, онъ сказалъ: «Съ самаго ранняго дѣтства мнѣ пришлось соприкасаться съ бѣдностью самаго худшаго рода». Отсюда его безграничное сочувствіе ко всѣмъ трудящимся классамъ, сочувствіе, всегда готовое выразиться въ дѣйствіяхъ. Но это только частью объясняетъ то вліяніе, которое онъ имѣетъ на людей, слушающихъ его рѣчь, будь то желѣзнодорожные рабочіе, рудокопы, доковые рабочіе, евреи портные, мастерицы, работницы на канатномъ заводѣ, на спичечной фабрикѣ или на грузчики. Тайна его вліянія, его силы заклю-

чается въ томъ, что онъ совершенно безкорыстенъ и лично не заинтересованъ ни въ какомъ дѣлѣ, поэтому онъ можетъ защищать съ одинаковою энергіей всякое дѣло, за которое возьмется. Онъ обладаетъ широкими знаніями, знакомъ съ лучшими произведеніями человѣческой мысли во всемъ мірѣ и можетъ говорить о современныхъ вопросахъ не только на основаніи практическаго опыта и фактовъ, а также на основаніи глубокаго изученія авторитетовъ, чьи имена украшаютъ его книжную полку. Его бібліотека—это его мастерская, и она хорошо снабжена всѣми нужными орудіями труда. Бёрнсъ можетъ воспроизвести въ памяти всю свою прошлую жизнь, глядя на свои книги. Многіе изъ этихъ томовъ были приобретены цѣною лишеній, отказа отъ обѣда, отъ пары новыхъ сапогъ... Часъ, проведенный на рѣкѣ или за игрою въ крокетъ, вполне возстановляетъ его физическія силы. Въ своихъ поѣздкахъ по Лондону для цѣлей агитаціи онъ пользуется велосипедомъ, а во время послѣднихъ парламентскихъ ваканцій онъ вздумалъ присоединиться къ солдатамъ во время маневровъ и промаршировалъ съ ними двѣсти миль. Его дѣятельность неистощима. Немного найдется въ Европѣ такихъ работниковъ, какъ онъ. «У меня нѣтъ времени хворать», сказалъ онъ однажды въ отвѣтъ на вопросъ относительно его здоровья. Достаточно только упомянуть о его работѣ въ Лондонѣ, его родномъ городѣ; вѣдь, тамъ существуютъ восемьдесятъ пожарныхъ станцій, сто парковъ и множество другихъ учреждений, за которыми долженъ присматривать членъ совѣта графства. Но что же побуждаетъ его къ такой дѣятельности? Онъ разъяснилъ это въ слѣдующихъ словахъ, раскрывающихъ тѣ идеалы, къ которымъ онъ стремится:

«Я вижу на поверхности нашего Лондона начинающую реализацію моихъ раннихъ грезъ и мечтаній, я вижу счастливыя семьи сильныхъ мужчинъ и здоровыхъ женщинъ, родящихъ здоровыхъ, крѣпкихъ и веселыхъ дѣтей, радующихся, потому что ихъ дѣтскимъ годамъ незнакомо горе, и они не имѣютъ недостатка въ здоровой пищѣ!» Передъ Джономъ Бёрнсомъ находится великая цѣль и стоитъ взглянуть на него, чтобы убѣдиться, что онъ не остановится на полдорогѣ. Когда онъ говоритъ, его взглядъ загорается и вы чувствуете, что онъ сдѣлаетъ все, что только

въ его силахъ, чтобы реализовать свои мечты. А дома, у себя, Джонъ Бёрнсъ спокойный, сѣдовласый человекъ, любящій свой семейный очагъ и свои книги и необыкновенно гордящійся своимъ маленькимъ сыномъ, въ которомъ онъ также видитъ будущаго дѣятеля на томъ поприщѣ, на которомъ онъ самъ теперь работаетъ».
